
Н О В А Я И С Т О Р И Я

ГЕОРГИЙ
ВЕРНАДСКИЙ

●
Русская
историография

///АГРАФ

Москва

1998

ББК 63.3 (2) 4
В 35

Составитель и научный консультант
кандидат исторических наук
В.Н. Козляков

Вернадский Г.В.

В 35 Русская историография. — М., «Аграф», 1998. — 448 с.

Последней большой работой, написанной историком Георгием Владимировичем Вернадским (1887–1973), стали «Очерки по русской историографии», опубликованные на русском языке в «Записках русской академической группы в США» (1971–1975 гг.) и отдельно на английском языке под названием «Русская историография», которое и стало названием предлагаемой читателям книги, где прослежено развитие историографии в России от XVIII века до «разгрома русской исторической науки» в 1920 году.

Это исследование Г.В. Вернадского до сих пор остается единственной работой, где даны рассказ профессионального историка об идеях, оказавших влияние на русскую историческую науку, и характеристика творчества ведущих русских историков, раскрыта история изучения всеобщей истории, археологии и истории искусства.

Текст книги дополнен комментариями и обзором архивного собрания ученого в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке.

В России публикуется впервые.

ББК 63.3 (2) 4



«ЭТО ТОЛЬКО ПЕРСОНИФИКАЦИЯ НЕ НАШЕГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА...»

**(Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973)
и его «Очерки по русской историографии»)**

Русский историк, сын академика В.И.Вернадского, Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973) был одним из «отцов-основателей» современной американской школы русской историографии. Рядом с ним могут быть названы имена его коллег, друзей и современников Михаила Михайловича Карповича из Гарвардского университета, Фрэнка Гольдера и Гарольда Фишера из Стэнфордского университета, Сэмюэла Харпера из Чикагского университета, Филиппа Мозли и Джеройда Робинсона из Колумбийского университета в Нью-Йорке. Когда Георгий Владимирович начинал в 1927 году свою преподавательскую и ученую деятельность в Йельском университете (с ним он останется связан на всю жизнь), то во всех американских университетах было два-три человека, включая его самого, читавших курсы по русской истории. К настоящему времени американская историография «догнала и перегнала» российскую и по числу выпускаемых книг и по количеству специальных журналов, посвященных русской истории и культуре. Результат такого научного разрыва еще не вполне осознан в отечественной науке, пока не ликвидировавшей последствия долголетнего существования в изолированном мире советской историографии, которая не нуждалась в «буржуазной» методологии, а отчаянно ее критиковала. И Георгию Владимировичу в этой идеологической борьбе с буржуазной историографией доставалось едва ли не больше всех. По свидетельству Н.Е.Андреева, описавшего свой разговор на научном конгрессе с «советским академиком» (как выясняется это был М.Н.Тихомиров), Георгия Вернадского выбрали в Советском Союзе как главную мишень для критики, «персонификацию не нашего понимания» истории¹.

Почему это происходило, понятно. Г.В.Вернадский, М.М.Карпович и другие историки-эмигранты олицетворяли собой преемственность с дореволюционными школами историков в

Москве и Петербурге. Именно эти традиции впитывала от них американская историография, сумев их не только воспринять, но и творчески переработать и добиться впечатляющего уровня исследований по российской истории. Если присмотреться к истории советской исторической науки, то мы увидим, что многие ее реальные достижения были связаны с теми воспитанниками школ В.О.Ключевского в Москве, С.Ф.Платонова и А.С.Лаппо-Данилевского в Петербурге, кто, оставаясь в Советской России, иногда переживая лагеря и ссылки, сумел передать свой опыт ученикам. Имена сверстников и знакомых Г.В.Вернадского историков А.И.Андреева, С.Н.Валка, С.Б.Веселовского, Б.А.Романова должны быть названы в числе первых в этом ряду. Рассказ об их научных биографиях читатель встретит на страницах данной книги. Конечной датой развития русской исторической науки Г.В.Вернадский обозначил 1920 год — последний год массового исхода русской эмиграции, в том числе и дата его собственного отъезда из России.

Катастрофичность произошедшего разрыва преемственности и традиций в науке Георгий Владимирович хорошо понимал и посвоему противостоял этому и своими трудами в эмиграции (не только в Америке), и педагогической деятельностью в составе Русского юридического факультета в Праге в 1922-1927 гг. и, позднее, в Йельском университете. Случилось так, что книга, посвященная развитию русской историографии стала последней в его поистине громадном научном творчестве, а, следовательно, может рассматриваться как своеобразное научное завещание этого выдающегося ученого.

Г. В. Вернадский — ученый и человек

Труды и университетская карьера Георгия Владимировича Вернадского в эмиграции были почти неизвестны на родине вплоть до самого последнего времени, когда стали издаваться в России переводы его главных книг. Хотя, написанные им много томная «A History of Russia», учебные пособия по истории России были, а отчасти и остаются настольными книгами не одного поколения американских студентов, специализирующихся по русской истории. Г.В.Вернадскому, одному из немногих историков России, посвящены сборник статей в его честь и специальное монографическое исследование Чарльза Гальперина². Правда ра-

бота Гальперина, опубликованная в 1985 году в одном из научных журналов, была воспринята неоднозначно. Были в академической среде и те, кто считал, что Вернадский не заслуживает такой «рекламы». Однако все это относится скорее к околонучным обстоятельствам.

Основная концепция Гальперина, в кратком изложении, такова. Он представил Вернадского, как отжившего свое время классика, с реликтовыми подходами к истории, малоинтересного по своим взглядам популяризатора, общие концепции которого перестали быть важными для ушедшей далеко вперед американской русистики. Вернадский, по мнению Чарльза Гальперина, неглубоко воспринял евразийские убеждения, несмотря на распространенное мнение о нем, как о евразийце. Под влиянием жизни в свободном американском обществе, у Джорджа Вернадского произошел возврат от евразийства к либеральным и демократическим ценностям, к кадетским взглядам и концепции русской истории Ключевского. Добрые слова, из всего сделанного Г.В.Вернадским, заслуживают, по мнению Гальперина, только его ранние исследования о масонах XVIII века и о Государственной уставной грамоте 1820 года (так называемой «конституции Николая Новосильцева»). Наверное, в 1985 году такой «приговор» звучал сенсационно и, боюсь, что такой портрет, в основном, закрепился в американской историографии. Однако хорошо известно, что разрушать репутации гораздо легче, чем создавать их. При несомненных научных достоинствах работы Чарльза Гальперина, впервые составившего полную, основанную на архивных разысканиях, биографию Георгия Владимировича, существенным образом поправившего библиографию трудов Г.В.Вернадского, опубликованную ранее Н.Е.Андреевым, у исследования Гальперина есть один недопустимый в историографическом анализе изъян. Он свысока судит о сделанном Г.В.Вернадским в науке, потому что знает, совсем другой уровень ее развития, забывая, что Вернадскому в свое время и при других обстоятельствах приходилось иначе формулировать и решать научные проблемы. Кроме того, Чарльз Гальперин совершенно не смог почувствовать личные побудительные мотивы тех или иных действий Вернадского, некоторые мысли из его работ, толкуя их совершенно превратно. Так, например, это было с настороженным восприятием некоторых пассажей книги Г.В.Вернадского о «Богдане Хмельницком», оценке выступлений Г.В.Вернадского в годы

мировой войны, как «военной пропаганды» или с историей неосуществившейся из-за смерти отца в начале 1945 года поездки в СССР. Гальперин не пощадил даже чувства друзей Г.В.Вернадского, назвав риторическим преувеличением цитировавшиеся в некрологах сказанные над гробом историка слова приходского священника о Георгии Владимировиче — «святая душа», хотя, на мой взгляд, вряд ли возможно спорить с таким пониманием Г.В.Вернадского, у тех, кто его близко знал. Совершенно определенно подтверждают высокие нравственные качества Георгия Владимировича материалы его личного архива (обзор этих документов дается в приложении к настоящей публикации). Достаточно вспомнить его многолетнюю помощь разным людям, когда при непосредственном участии Г.В.Вернадского были приглашены преподавать в американские университеты писатель Владимир Владимирович Набоков, философ Николай Онуфриевич Лосский, историк Сергей Германович Пушкирев. Даже будучи совсем небогатым по американским меркам человеком он всегда откликался на любой призыв о помощи. Его доверием люди иногда злоупотребляли, но и тогда он оставался человеком, умеющим по-христиански прощать и не только не делающим другим зла, но даже не отзывающимся дурно о таких людях.

Знакомство с документами Вернадского, те рассказы, которые мне удалось услышать от его ближайшего ученика Ральфа Фишера и других людей, знавших Георгия Владимировича, свидетельствуют о нем, как ученом кабинетного склада, проводившим время большею частью за письменным столом, органически нелюбившим publicity. Тем более интересно узнать, на чем же все-таки основывался его безусловный авторитет, как говорят в Америке, «в профессии»? Ведь примером его проявления было, в частности, пожизненное почетное председательство в American Association for Advancement Slavic Studies.

Оценивая все сделанное Вернадским, принимая во внимание его высокие академические титулы почетного доктора Колумбийского университета, получателя стипендии Американских ученых обществ «за выдающиеся научные достижения», нельзя не признать такую судьбу в высшей степени удачной и воплотившейся. Если бы не одно обстоятельство, также непрочувствованное и непонятое его первым историографом Чарльзом Гальпериным, — вынужденная эмигрантская доля Георгия Вернадского, наложившая свой тяжелый отпечаток на всю его жизнь в Америке, в том

числе и на научное творчество. Внешняя сторона видимого успеха не должна заслонять от нас внутренней трагедии одного из представителей эмигрантского поколения, жившего интересами и болью России и знавшего, что ему не дано в нее вернуться, чтобы что-то поправить или изменить.

В России Георгий Владимирович Вернадский прожил 33 года. Его отец, — выдающийся русский ученый, академик Владимир Иванович Вернадский, а также семейная атмосфера, так называемое «Приютинское братство», состоявшее из ближайших, еще со студенческих лет, друзей отца, оказали определяющее влияние на становление личных и научных устремлений Георгия Владимировича.

Его жизнь шла, как бы освященным семейными профессорскими традициями путем, в полном согласии с советами духовно очень близкого отца, величие личности которого сын хорошо осознавал (впоследствии, будучи уже зрелым историком, Георгий Владимирович мечтал как о лучшей доле — быть ассистентом Владимира Ивановича в его работе). Лишь одно житейское обстоятельство омрачило этот путь, женитьба, вопреки воле родителей, на двоюродной сестре Нине Владимировне Ильинской. Семья могла опасаться, что столь близкое родство приведет к тому, что род Вернадских пресечется, что в итоге и произошло. Но и Георгий Владимирович, несмотря на безусловный авторитет отца сумел отстоять свою любовь и прожил с женой вплоть до ее болезни и кончины в 1971 году.

Как и для страны, переломным для Г.В.Вернадского стал 1917 год. Это был год завершения, напечатания и защиты его магистерской диссертации о масонах XVIII века. Он успел защитить ее в Петербургском университете за несколько дней до Октябрьского переворота и, таким образом, формально может считаться последним представителем дореволюционной русской исторической науки. Тогда же начался его отход от участия в политической жизни, в которую он был вовлечен, опять-таки не без влияния отца, бывшего членом ЦК кадетской партии.

После недолгого профессорства в Перми, уже при большевиках, а также в Симферополе, где он преподавал в Таврическом университете, в августе 1920 года Георгий Вернадский принял предложение П.Н.Врангеля возглавить Отдел печати при Гражданском управлении в Крымском правительстве. Несколько месяцев спустя, в ноябре 1920 года, из-за этого обстоятельства

Георгий Владимирович вместе с женой Ниной Владимировной вынуждены были эмигрировать из России на одном из пароходов, увозившем из Севастополя членов правительства Врангеля и сумел, используя свое «служебное положение», помочь выбраться некоторым своим друзьям из города, обреченного на красный террор.

Еще находясь в России, Георгий Вернадский написал письмо своему другу, секретарю русского посольства в Вашингтоне Михаилу Карповичу, который после эмиграции Г.В.Вернадского стал деятельно помогать приехать ему в Америку. Деньги на билет удалось достать с помощью знакомого американского историка Фрэнка Гольдера, работавшего тогда в Гуверовской организации помощи России.

Однако в 1921 году Вернадские, уже находясь на корабле, шедшем в Америку, не доехали до этой страны, а остались в Европе. Как сказано об этом в воспоминаниях Нины Вернадской, хранящихся в библиотеке Стэнфордского университета, под влиянием сообщений о кронштадтском восстании, им с Георгием Владимировичем показалось, что не стоит далеко уезжать от России, в то время, когда большевики там были так слабы³. Так Вернадский остался в Греции, где в 1921-1922 годах служил библиотекарем и преподавал вместе с женой в русской православной школе. Впоследствии, он писал в своих автобиографических заметках, что там, живя в Афинах, он был отлучен от науки⁴.

Но в нем проснулся интерес к греческой культурной традиции, к истории Византийской империи, все это серьезно помогло ему позднее в освещении первых веков русской истории. Важным был и мировоззренческий перелом: произошел окончательный отказ от политики, в кадетском или любом другом виде, он завершил его приходом к православию и активному участию в церковных делах.

После почти целого года, прожитого в Афинах, в результате напряженных поисков Георгию Вернадскому удалось найти профессорское место в Праге, где тогда начиналась так называемая «Русская акция». Он принял участие в работе Русской Ученой Коллегии, состоявшей из бывших профессоров российских университетов.

Годы, проведенные в Праге, ставшей, как известно, центром русской эмиграции, были одним из самых плодотворных периодов в его жизни. Именно там, под влиянием лекций и общения с

выдающимся историком искусства Никодимом Павловичем Кондаковым, укрепился интерес Георгия Владимировича к изучению истории Византии и Востока, его исследовательская репутация в этой сфере.

В своих неопубликованных воспоминаниях о пражских годах Вернадский писал: «Я подпал под обаяние Кондакова с самого его приезда (уже при мне) из Софии в Прагу. Слушал замечательный курс его лекций по истории искусства в Карловом университете, много беседовал с ним на квартире». Именно Кондаков «ввел» Вернадского, по его словам, «в скифо-сарматский мир и пробудил... интерес к истории аланов», которыми он впоследствии много занимался⁵.

Другой важной пражской встречей оказалось знакомство, а потом и многолетняя дружба с Петром Николаевичем Савицким, одним из идеологов евразийского течения⁶.

Термин этот, сегодня снова вошедший в лексикон политиков и ученых, имеет свою историю⁷. Напомню, что «евразийство» берет свое начало от изданного в 1921 году в Софии сборника «Исход к Востоку». Основными авторами его были Н.С.Трубецкой и П.Н.Савицкий. Само евразийское движение переживало свой расцвет в 1920-1930-е годы. Оно было, как это видно сейчас, одной из многочисленных попыток интеллигентских осмыслений эмиграцией вопроса о причинах и характере переворота в России. Для науки евразийство кончилось тогда, когда оно стало претендовать на роль некоей идеологии для будущей России, а само имя «евразийства» использоваться для политических целей. Георгий Вернадский, оставаясь верным адептом евразийства всю свою жизнь, не имел никакого отношения к политическим спекуляциям вокруг этого явления. Прямо и определенно сказано об этом Вернадским в автобиографических заметках, хранящихся в его архиве.

Для Вернадского в евразийстве открылась новая возможность: в новых, вводимых Н.С.Трубецким, П.Н.Савицким идеях и терминах, таких, как, например, «месторазвитие», проявлялся оригинальный взгляд на историю России, преодолевавший узость общепринятой «соловьевской» концепции истории государства. Написанное Г.В.Вернадским «Начертание русской истории с евразийской точки зрения» вышло в свет в 1927 году, одновременно с общим трудом по «евразийской» географии, опубликованным П.Н.Савицким. В пражской эмигрантской среде по поводу этих

двух книг ходила такая шутка: «теперь у евразийцев есть своя история и география».

Чуть позднее, уже в Америке в 1937 г. Вернадский суммировал свои евразийские воззрения следующим образом:

«С точки зрения Г.В.Вернадского [заметки написаны от третьего лица]... не только «Европейская Россия», но вся Евразия как целое должна рассматриваться, как единое историческое месторазвитие...

...Процесс заселения и объединения русским народом обширной территории Евразии нельзя понять иначе, как на основе концепции Евразии, как особого историко-географического мира. В этом смысле и нужно видеть в Евразии, как в целом, историческое месторазвитие русского народа»⁸.

Переезд Георгия Вернадского в Америку состоялся в 1927 году, когда ему исполнилось уже сорок лет. Приглашен он был в Йельский университет на должность research associate in history только на один год. Дальнейшее уже зависело от самого Георгия Владимировича, не исключавшего возможности своего возвращения в Европу, по окончании этого года.

Наверное, приглашения в Америку не было бы вообще, если бы не большое желание известного историка античности Михаила Ивановича Ростовцева, в то время профессора в Йеле. Как выясняется из письма Михаила Карповича к Георгию Вернадскому, М.И.Ростовцев называл их имена в разговорах с гарвардским профессором Арчибалдом Кулиджем, интересовавшимся, кого из русских историков со «степенями и трудами» можно было бы пригласить читать курс русской истории⁹. Друзья (Карпович и Вернадский) и раньше надеялись получить подобное предложение, однако только в 1927 году давно желаемое стало действительным: Карпович и Вернадский встретились в Америке.

С этого времени профессиональная биография Г.В.Вернадского круто изменяется. Для него, в начале не очень уверенно владевшего английским языком, открывается единственно возможная перспектива: научиться не только читать лекции, но и писать свои работы по-английски. Альтернативы не было, если он хотел продолжать заниматься наукой. Этот побудительный мотив нужно иметь в виду, оценивая сделанное Георгием Вернадским, примерно, в первые даже не пять лет (после них он получил американское гражданство), а — десять лет в Америке. 10 лет

понадобились как ему, так и Михаилу Карповичу для того, чтобы стать «своими» в американской профессиональной среде.

И тот, и другой историки трудились для этого, не покладая рук, но все равно попадали иногда в очень сложные ситуации. Так было, например, с профессиональным выбором. Вернадский, уже в Америке написавший и издавший общий очерк истории России и книгу о Ленине, серьезно обсуждал в 1932-1933 гг. возможность получения им американской докторской степени (Ph.D.) по политическим наукам¹⁰.

В первые годы в Йеле Георгий Вернадский выпускает одну книгу за другой. После очерка истории России появились книги о Ленине (1931) и русской революции (1932). Еще один важный проект — написание дипломатической истории России (опубликована в 1936 г.). Правда, появление ее вызвало противоречивые отзывы в научной печати. Наибольшее возражение рецензентов вызвал анализ Вернадским современной политики, но в авторитетном «New York Times Book Review» книга была прорецензирована весьма сочувственно. Книгу защищал и Михаил Карпович, прекрасно знавший, что подобного общего очерка дипломатической истории России до тех пор в русской исторической науке не существовало.

Таким образом, за первые десять лет в Йельском университете Вернадский выпустил четыре книги на английском языке, освещавшие историю России с древнейших времен до современности. Кроме того, в евразийском книгоиздательстве им были опубликованы еще две: «Очерк истории Евразии» (1934) и «Звенья русской культуры» (1938). В архиве ученого, как оказалось, остались еще крупные работы тех лет, не появившиеся в печати: это книга по истории иконы, начало биографии Ф.И.Родичева, а также наброски книги по истории политических идей в Древней Руси¹¹. Одновременно Георгий Вернадский пытался осуществить, хотя и безуспешно, проекты по изданию сборника документов по современной истории России с 1917 года (совместно с архивом Гумбольдта в Стэнфорде)¹², по описанию документов по истории Аляски в Библиотеке Конгресса и издание принадлежавшей ему коллекции «столбцов Тамбовско-Пензенского края XVII века»¹³.

Авторитет Г.В.Вернадского в американской научной среде постепенно укреплялся. В 1933 году мы видим Георгия Вернадского участником круглого стола славистов на сессии Американской

исторической ассоциации в Урбане, где он выступал с докладом о реформах Петра Великого¹⁴. Вернадский также принял участие в «исторической» конференции американской исторической ассоциации в Чикаго в 1938 году, когда среди историков-славистов возникло стремление к объединению и созданию специального печатного органа, будущего «*Slavic Review*».

Теперь это малоизвестный факт, но архивные документы свидетельствуют: Георгий Вернадский был в числе тех, кому было поручено создание журнала. Решение было принято путем письменного опроса 300 членов ассоциации, профессионально занимавшихся славистикой. Поэтому избрание Вернадского — один из самых ярких показателей его укрепившейся научной репутации в то время.

Как показывают документы архива, с конца 1930-х годов начинается новый период жизни Георгия Вернадского в Америке. Его задача утвердиться в Йельском университете была, практически, решена. Оговорка «практически» в этом случае отнюдь не лишняя. Несмотря на очевидные профессиональные успехи (как до приезда в США, так и уже во время пребывания в Йеле), труды Вернадского не были вознаграждены по достоинству в своем университете. Он по-прежнему оставался в неопределенной позиции *Research Associate in History* и пробыл в этом звании еще целых десять лет, получив полное профессорство в Йеле только в 1946 году, почти в шестидесятилетнем возрасте, не будучи никогда даже в ранге *Assistant Professor*.

Это запоздалое признание от Йеля пришло, когда Вернадский уже выпустил в свет первый том своей известной истории России. Первоначальные обстоятельства создания будущей «*A History of Russia*» остались неизвестными для широкой публики. Между тем, архивные материалы показывают, что идея издания принадлежала бывшему русскому послу Борису Бахметеву. Она сводилась к тому, чтобы издать расширенный до трех томов... русский вариант дипломатической и политической истории России, изданный до этого Вернадским на английском языке¹⁵. Таким образом, эта работа могла быть обращена больше к европейскому читателю, чем к американскому.

Г.В.Вернадский, как это ясно теперь, вел переговоры с издателями и типографиями в Брюсселе и Праге, но осуществлению проекта помешали и общая политическая обстановка в предвоенной Европе и то, что по мере углубления Георгия Вернадского в

материал работа сильно увеличилась в объеме и уже никак не укладывалась в запланированные три тома. Переписка свидетельствует, что в 1941 году все тот же Б.А.Бахметев предложил Г.В.Вернадскому и М.М.Карповичу обдумать издание многотомной истории России, но уже на английском языке. В то время уже всем участникам проекта хорошо было известно, что Вернадский на протяжении нескольких лет вел большую подготовительную работу по проекту.

В 1943 году первый том «A History of Russia» из задуманных десяти вышел из печати, он был посвящен древней истории России. Каждый последующий том выходил с интервалом, примерно, в 5 лет.

В мою задачу не входит характеристика их содержания. Скажу только, что каждый том являлся не только общим трудом по истории того или иного периода, но и новаторской работой, содержащей новые концепции целых периодов древней русской истории. К числу научных заслуг Вернадского в этих книгах относится постановка проблемы о характере Киевского государства, о влиянии монголов на русскую государственность в следующие столетия, изучение объединительного процесса вокруг Москвы в XIV-XV веках в связи с историей Западной Руси. Вернадский снова отдал дань своей евразийской концепции в начале пятого тома, но это отнюдь не значит, что в дальнейшем изложении у него нет оригинальных суждений и мыслей. К числу безусловных достижений Г.В.Вернадского относится освещение смутного времени и истории России в середине XVII века, которые автор дает в широком контексте русско-польско-украинских отношений.

В позднейших воспоминаниях Георгий Владимирович назвал 40-е годы временем упрочения своего положения в Йеле¹⁶. Помимо заслуг самого Вернадского сказались и общие перемены в отношении к исследованиям о России. В годы второй мировой войны знания Вернадского оказались широко востребованными в Америке. Это прекрасно подтверждает переизданный им в 1944 году и дополненный новейшими данными однотомный общий очерк истории России, с которым он когда-то дебютировал в американской историографии. В аннотации этого издания на обложке читаем: «Профессор Вернадский проследил развитие русской истории на протяжении более тысячи лет от ее начала к триумфальному маршу назад от Сталинграда через израненную Россию»¹⁷.

Интерес к исследованиям по истории России, столь важный для развития славистики в Америке, тогда был очень большим. По свидетельству Филиппа Мозли, сообщенному на конференции, по поводу десятилетия Русского центра в Гарварде в 1958 году, с началом войны с Гитлером миновало то время, когда ученых, интересовавшихся историей России, нередко спрашивали: «Вы за Россию или против нее?» («Are you for it or against it?»)¹⁸. Если в два довоенных десятилетия едва набирался десяток человек, получивших образование в американских университетах и избравших своей специальностью русскую историю, то во время войны появилась нужда в сотнях специалистов со знанием России и русского языка для армии, дипломатического корпуса, журналов и газет.

Георгий Вернадский, судя по документам, в годы войны пристально следил за развитием событий на русском фронте, его несколько раз приглашали в качестве эксперта для участия в радиопередачах, транслировавшихся на Нью-Йорк и Вашингтон¹⁹. Он участвовал в специальной армейской программе в Йельском университете в 1943-1944 гг. и вел занятия в нью-йоркском Колумбийском университете в 1944-1945 гг. Вряд ли можно ошибиться, предположив, что те, кто слушал лекции Джорджа Вернадского о русской истории были среди американских солдат и офицеров, встретившихся с советскими войсками на Эльбе.

Таким образом, в годы войны Георгий Владимирович Вернадский имел возможность снова почувствовать себя нужным родине. В курсе лекций о современной России, сохранившемся в архиве и прочитанном в годы войны в Колумбийском университете, Вернадский спорил с тем, что до революции Россия была отсталая страна²⁰. Он считал, что успешное строительство советской промышленности в 1930-е годы было подготовлено в дореволюционный период. Было бы слишком прямолинейно трактовать эти воззрения, как пропагандистские. Г.В.Вернадский никогда не менял своего отрицательного отношения к большевикам и его интересовал исключительно научный анализ, в котором он стремился к объективности. И раньше, обращаясь к современной ему советской истории, он пытался рассматривать ее в более широком контексте истории России. Например, задолго до войны в выступлении на конференции в Урбане в 1933 году им было проведено сопоставление индустриализации петровской эпохи и советского времени. Объективистская трактовка, возможно,

имела своим источником переписку с остававшимся работать в России отцом, академиком В.И.Вернадским. Георгий Владимирович всегда учитывал советы отца в своих разысканиях²¹. Академик В.И.Вернадский, сделав совершенно нетипичный для его дружеского круга выбор — остаться в России, постоянно обменивался с сыном откровенными наблюдениями о происходящем в Советской России.

Позиция Георгия Вернадского не означала признания СССР, она была продолжением размышлений над главным вопросом для эмиграции, — что делать после того, как Красная Россия победила Россию Белую? Вопрос этот обсуждался в сохранившейся в архиве переписке Георгия Вернадского с Михаилом Карповичем еще в начале 1920-х годов, сразу же по окончании гражданской войны. Карпович сформулировал свой ответ следующим образом: «большевизм в России кончится только тогда, когда он будет изжит русским народом, это единственный путь, хотя бы для него нужны были десятилетия». Думаю, что со временем к той же формуле пришел и Георгий Вернадский. В этом давнем отказе от п с и х о л о г и и гражданской войны, в исключении политической оценки из своих исследований истории России и были истоки воззрений Вернадского, как во время последней мировой войны, так и после нее.

Не случайно в одной из радиопередач, уже в 1946 году, отвечая на бойкий журналистский вопрос: «Почему так плохо с Россией?» («What's wrong with Russia?»), Г.В.Вернадский ответил: «Вы не поверите, но я считаю, что ничего плохого с Россией, как и с другими великими державами не происходит». В атмосфере начинавшейся холодной войны, это звучало неожиданно, но цель Г.В.Вернадского была не оправдание коммунистического режима в России, а желание поделиться очевидным для него соображением, что после такой тяжелой войны русский народ не захочет снова воевать.

Документы архива Вернадского свидетельствуют о его активном участии в профессиональной жизни в послевоенное время. В частности, он работал в Русском институте при Колумбийском университете, читал там несколько лет подряд исторические курсы; участвовал в создании Американской организации славистов (American Association for Advancement Slavic Studies) в 1948 году. С 1950 года ему регулярно доверяли наблюдение за выборами главного редактора (Managing Editor) печатного органа этой ассо-

циации — «Славянское обозрение» («Slavic Review»)²². С 1950 г., когда Георгий Владимирович перенес острый сердечный приступ, его силы стали сдавать и, перенеся серьезную болезнь, он был вынужден ограничить преподавание и другие научные контакты.

В 1956 году он вышел в отставку, но продолжал работать над следующими томами своей истории России. Одновременно был занят разборкой своего научного архива и передачей его в Колумбийский университет. Йельский университет тогда не проявлял большого интереса к приобретению архива Георгия Владимировича. Между тем библиотека университета, комплектованию русского отдела которой Вернадский помогал с самого начала своей работы в Йеле, устроила выставку его работ в конце 1956 — начале 1957 года. Посетив ее, Вернадский написал в дневнике: «Тютчевское чувство: как души смотрят с высоты на ими брошенное тело»²³. Тогда же, по просьбе библиотекарей, Георгий Владимирович передал в Йельский университет рукописи некоторых своих книг²⁴.

Смерть Михаила Карповича в 1959 году была не только большой личной потерей. Она поставила перед Вернадским вопрос о сохранении всех сил для окончания многотомной «A History of Russia». И спустя десять лет, в 1969 году его труд был полностью окончен изданием 5-го тома «The Tsardom of Moscow. 1547-1682».

В двух частях этого тома, по сути в двух отдельных томах, Вернадский создал очерк сложного периода от Ивана Грозного до Петра Великого. До настоящего времени эта книга является самым полным трудом по истории названного периода России в современной исследовательской литературе. В дневниках Георгия Вернадского остались размышления по поводу построения своих томов, ему самому хотелось отказаться от сугубо хронологического изложения событий. Однако в итоге лишь одна глава написана тематически, он посвятил ее ритмам истории и аспектам культурного развития России, ее архитектуре, живописи, литературе, философии и науке²⁵.

Из множества полученных Вернадским и сохраненным им в архиве дружеских отзывов на завершение многотомной «A History of Russia», выделим один. Наверное, он должен был больше всего порадовать Георгия Владимировича, так как точно обозначил значение его работы для него самого. Это письмо дипломата и профессора Джорджа Кеннана, писавшего Георгию Вернадскому 28 мая 1969 года: «Ваша работа могла бы стать большим вкладом

в науку русской истории даже при условии нормального существования исторических исследований внутри России в эти последние десятилетия. По существующим обстоятельствам, она составит даже большую службу продолжению русской культурной традиции и за эту службу будущие поколения русских людей будут испытывать к Вам свою благодарность»²⁶.

В широком смысле можно сказать, что каждый американский специалист по истории России проходил школу Вернадского, кто-то по его книгам, кто-то через личное общение с ним. Его ученики, видевшие в Георгии Владимировиче не только выдающегося ученого, но и друга, издали в 1964 году сборник статей в его честь (*Festschrift*). В предисловии к книге говорилось, что его дом в Нью-Хэвене на Апельсиновой улице (*Orange Street*) был своеобразной Меккой для специалистов по русской истории. Это, кстати, великолепно подтверждают и документы архива. В дневниках Георгия Владимировича сохранились упоминания о таких встречах, консультациях и переписке с Джоном Александером, Джоан Аффрикой, Робертом Крамми, Ричардом Пайпсом, Дэвидом Ранселом и другими известными в Америке историками России.

Последние годы жизни Георгий Владимирович продолжал работать также методично, каждый день, так как он это делал много лет подряд до своей отставки. Он успел написать свои мемуары о жизни в России и за границей до переезда в Америку, а также воспоминания-исследование о братстве «Приютино» — об упоминавшемся выше студенческом кружке молодых либералов, в который входил его отец — академик Владимир Иванович Вернадский и его друзья видный землец и историк литературы кн. Дмитрий Иванович Шаховской, братья: историк, академик Сергей Федорович и педагог Федор Федорович Ольденбурги, историки Александр Александрович Корнилов и Иван Михайлович Гревс и другие²⁷. В сотрудничестве с С.Г.Пушкаревым Вернадский реализовал проект, занимавший его с момента приезда в Америку — комментированное издание русских исторических источников на английском языке — «*Source book on Russian History*», в котором Вернадский был редактором, автором ряда переводов и комментариев²⁸. Подобного рода хрестоматия полезна не только американским, но и русским студентам, будь она издана в России даже теперь.

Последней опубликованной при жизни Г.В.Вернадского работой стали «Очерки по русской историографии»²⁹, написанные, во многом, не как исследовательская работа, а воспоминания об учителях и историках своего поколения.

«Очерки по русской историографии»

Историческая наука отличается от многих других наук пристальным вниманием к собственной истории. Со временем история исторической науки выделилась в особое научное направление, называемое «историография». Если в XVIII веке слова «историограф» и «историк» были синонимами, то, начиная, примерно, с С.М.Соловьева, заложившего основы специального анализа истории русской исторической науки, «историограф» — это специалист, изучающий научное творчество своих предшественников.

Когда появились «Очерки по русской историографии» Г.В.Вернадского, (их 1-я часть опубликована в «Записках академической группы в США» в 1970 году), наука русской историографии насчитывала уже около ста лет. Основными работами в ней оставались книги М.О.Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884), П.Н.Милюкова «Главные течения русской исторической мысли» (1897) и монументальный труд В.С.Иконникова «Опыт русской историографии» (1908), который, собственно, шире своего названия и дает также представление об изучении главнейших источников, архивов, исторической библиографии и многом другом.

Новое осмысление пути развития русской исторической науки было предложено Н.Л.Рубинштейном «Русская историография» (1941) и в коллективных «Очерках истории исторической науки в СССР» (Т.1-3, 1955-1963). Полнота освещения основных историографических фактов в них соседствовала с чрезмерной идеологизацией изложения, а также классовой периодизацией на «дворянскую» и «буржуазную» историческую науку или историографию «эпохи капитализма», «империализма» и т.п. В контекст историографического анализа попали такие темы, как «Ленин и русская историческая наука», «Сталин» (названия завершающих глав учебника Н.Л.Рубинштейна). Достаточно сказать, что появившийся, одновременно с

историографическими очерками Г.В.Вернадского, советский учебник по историографии для студентов вузов рассматривал русскую историческую науку периода ее расцвета в конце XIX — начале XX веков в разделе под названием «Ленинский этап в марксистской исторической науке. Кризис буржуазно-дворянской историографии в период империализма». На этом фоне труд Г.В.Вернадского выгодно отличается полным отсутствием идеологического мусора, который, увы, по-прежнему приходится преодолевать, а местами и осваивать студентам-историкам, продолжающим использовать советские учебники и историографическую литературу.

Оценивая труд Г.В.Вернадского по русской историографии, надо помнить прежде всего об их просветительской направленности, в первую очередь, аудитории читателей «Записок Русской Академической группы в США», состоявшей из специалистов разных, не обязательно гуманитарных дисциплин, интересовавшихся русской историей и культурой и знавших русский язык. Совершенно справедливо В.П.Корзун, современный исследователь историографического творчества Г.В.Вернадского, отмечает «культурологический ракурс и интерес к личности историков, который четко выражен в самой структуре «Очерков», где каждый раздел обозначен той или иной персоналией, а портретные зарисовки содержат подробности жизни исследователей и многочисленные детали историографического быта и даже напоминают биографический словарь»³⁰. Многое из написанного Г.В.Вернадским в «Очерках» имеет источник в личных воспоминаниях (это оговаривается в ряде мест книги), но, что еще важнее, он пишет об исторической науке, как один из последних представителей дореволюционной школы исследования, воспроизводя существовавшие в ней общие критерии и принципы отношения к науке и жизни. Поэтому, внимание к подробностям частной жизни историков или обсуждение их отношения к вере, нравственные оценки вполне органичны для этой работы.

К написанию «Очерков истории исторической науки» Г.В.Вернадский шел долго и, увы, вынужден был соизмерять свои планы с тем почтенным возрастом, в котором он находился во время их создания. Как заметит читатель, книгу открывают «Очерки по истории науки в России XVIII века». Здесь отнюдь не случайно пропущено упоминание об исторической науке, так как первоначальный замысел Г.В.Вернадского заключал в себе исто-

рию русской науки в целом. Но первый, лучше всего ему известный, раздел об исторической науке, оказался единственным в задуманной работе. Хотя, широта замысла сказалась также в том, что в отличие от традиционных историографических работ, Г.В.Вернадский пишет вместе об изучении истории России и о науке «всеобщей», «новой» истории, приводит биографии археологов, античников, медиевистов, византинистов, историков искусства и церкви. Первоначально Г.В.Вернадский обозначил для «Очерков истории исторической науки в России», рамки 1801-1920 гг., но в результате включил в текст своей работы биографии коллег-историков своего поколения, как работавших в эмиграции, так и — в Советской России.

«Очерки» написаны Г.В.Вернадским с разной степенью полноты, некоторые из них, где историк мог положиться на свою память, получились много подробнее других, поданных лапидарно или лишь обозначенных. Приложенная Г.В.Вернадским библиография сегодня может быть многократно умножена, особенно за счет появившихся после публикации его «Очерков» исследований об отдельных историках и научных учреждениях, а также переизданий исторических трудов. Все это нужно иметь в виду, обращаясь к настоящей книге. Однако другой альтернативы «Русской историографии» Георгия Владимировича Вернадского, в той же степени соединившей бы научную добросовестность с просветительским интересом к непростым судьбам отечественной исторической науки не существует.

Время, прошедшее после 12 июня 1973 года, дня смерти Вернадского, доказало, что творчество этого историка продолжает оставаться по-прежнему интересным. Главные труды Вернадского, наконец-то, стали переиздаваться на родине. Как показатель интереса к его наследию в России можно отметить очерк о Георгии Вернадском, включенный в книгу «Историки России 18-20 веков»³¹. Жаль, конечно, что признание в России приходит так поздно, после десятилетий замалчивания трудов Георгия Вернадского, потом ругани в адрес «буржуазного историка» в советских научных журналах, монографиях и в выступлениях советских историков на международных конгрессах. Все теперь миновало, а правда научного поиска, поддержанная в изгнании Георгием Владимировичем Вернадским, возвращается...

Работы Джорджа Вернадского, жившего и трудившегося в Америке, равно остаются и частью русской культурной традиции. По обстоятельствам своей судьбы он был замкнут в профессиональном университетском мире, а мир эмиграции, особенно политической, оставался ему чужд, хотя он был по-дружески деятелен в реальной помощи многим знакомым и незнакомым эмигрантам. Поэтому вся жизнь Георгия Владимировича Вернадского — это служение простому и ясному делу, — изучению и преподаванию русской истории. Сделанное Вернадским, в итоге представляет достойный пример взаимного обогащения русской и американской исторической науки*.

Кандидат исторических наук В.Н.Козляков

¹ См.: Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке (далее — Бахметевский архив). Коллекция Г.В.Вернадского. Ящик 154. Ник.Андреев. Восьмидесятилетие Г.В.Вернадского // Русская мысль (Париж), 24 августа 1967, № 2649; Имя М.Н.Тихомирова было названо Н.Е.Андреевым не в печатном тексте, а в письме сестре историка Н.В.Толль, написанном после смерти Г.В.Вернадского.

² Alan D. Ferguson, Alfred Levin, eds. Essays in Russian History: A Collection Dedicated to George Vernadsky (Hamden, Conn., 1964); Charles J. Halperin. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism //

* Настоящее издание подготовлено при поддержке программы Фулбрайт. Составитель выражает благодарность за большую помощь в работе над этим проектом своим коллегам-архивистам Бахметевского архива, ученику Г.В.Вернадского Ральфу Фишеру (Иллинойский университет), Джоан Аффрике (Смит-колледж), Павлу Александровичу Бушковичу (Йельский университет), Роберту Валкениеру (Колумбийский университет), Елене Даниельсон (Гуверовский архив, Стэнфордский университет), Войсеху Залевскому (Стэнфордский университет), Даниэлу Кайзеру (Гринелл-колледж), Роберту Крамми (Калифорнийский университет, Дэвис), директору Института Кеннана Блэру Рублу (Вашингтон), куратору Бахметевского архива Элен Скаруфи (Колумбийский университет), Марине Юрьевне Сорокиной (Архив Российской Академии наук), Дэвиду Схиммельпеннику ван дер Ойе (Йельский университет), Надежде Николаевне Ульяновой (Нью-Хэвен), Ричарду Уортсману (Колумбийский университет), директору Гарримановского института Марку ван Хагену (Колумбийский университет), Алексу Шенкеру (Йельский университет).

Forshungen zur Osteuropäischen Geschichte, 1985, Vol.36, pp.55-194; см. также библиографию трудов Г.В.Вернадского и биографический очерк, составленный Н.Е.Андреевым в «Записках Русской академической группы в США» (1975. Т.9. С.168-193).

³ Архив Гуверовского института Войны, Революции и Мира Стэнфордского университета Нина Вернадская. Воспоминания. С.33: «Газеты, которые мы прочли, укрепили нас в решении не ехать дальше. В России в это время было Кронштадтское восстание и мы тогда очень верили, что в России вдруг все может измениться и мы, вместо того, чтобы таскаться по чужим странам, — вернемся к себе домой».

⁴ Бахметевский архив. Коллекция Г.В.Вернадского. Ящик 97. Папка 6. Афины, 1921-1922 (Воспоминания, ч.4). 85 лл.; см. также очень интересные, но носящие отрывочный характер, дневниковые записи Г.В.Вернадского. Ящик 103. Предшествующие, опубликованные части воспоминаний Г.В.Вернадского, см.: Г.В.Вернадский. Из воспоминаний (Годы учения. С.Ф.Платонов) // Новый журнал, 1969. Кн. 100. С.196-221. Этот очерк был переиздан в журнале «Вопросы истории» (1995. ы1); Пермь-Москва-Киев (Воспоминания) // Новый журнал, 1971. Кн. 104. С.177-188; Крым (Воспоминания) // Новый журнал, 1971. Кн. 105. С.203-224; Константинополь, 1920-1921 (Воспоминания, часть 3) // Новый журнал, 1972. Кн. 108. С.202-217.

⁵ Бахметевский архив. Коллекция Г.В.Вернадского. Ящик 97. Папка 7. Прага. Лл.1-16.

⁶ Бахметевский архив. Коллекция Г.В.Вернадского. Ящики 7-10. Переписка Г.В.Вернадского и П.Н.Савицкого. 1924-1968 гг. Г.В.Вернадский. П.Н.Савицкий // Новый журнал, 1968. Кн. 92. С.273-277; П.Н.Савицкий. Континент Евразия. / Сост. А.В.Дугин. М., 1997

⁷ См.: Евразийская перспектива. Второй международный конгресс «Культура и будущее России». М., 1994; Мир России — Евразия. Антология. Составители Л.И.Новикова, И.Н.Сиземская. М., 1995.

⁸ Бахметевский архив. Коллекция Г.В.Вернадского. Ящик 9 Бахметевский архив. Коллекция Г.В.Вернадского. Ящик 96. Г.В.Вернадский. Краткое изложение евразийской точки зрения на русскую историю. 3 лл. Рукопись (1937 г.).

⁹ Там же. Ящик 3. Письма М.М.Карповича, 1919-1927; см. также: Письма М.Карповича Г.Вернадскому. Публикация, предисловие и комментарии М. Раева // Новый журнал, 1992. Кн.188. С.259-296.

¹⁰ Там же. Ящик 4. Письмо М.Карповича от 5 января 1933 г.;

¹¹ Там же. Ящик 101. Г.В.Вернадский. Русская икона; Ящик 113. Г.В.Вернадский. Political thought in Medieval Russia (Политическая мысль в средневековой России). — Эта работа, вероятно, представляет собою набросок неосуществившегося проекта с написанием докторской диссертации по политическим наукам для представления в Гарвардский университет. Ящик 113. Г.В.Вернадский, М.М.Карпович Ф.И.Родичев.

Биография. — Написано только начало книги о роде Ф.И.Родичева и собраны некоторые подготовительные материалы.

¹² Архив Гумбольдтского Института... Коллекция Г.В.Вернадского. Ящик 1.

¹³ Бахметевский архив. Ящики 171-174.

¹⁴ Там же. Ящик 101. Г.В.Вернадский. Русская промышленность Петровской эпохи. 28 лл.

¹⁵ Там же. Ящик 2. Переписка с Б.А.Бахметевым 1936-1937 гг.

¹⁶ Там же. Ящик 98. Г.В.Вернадский. Из воспоминаний. 1944-1945. Л.1-2.

¹⁷ George Vernadsky. A History of Russia. New York, 1944.

¹⁸ American Research on Russia. Ed. by Harold H. Fisher. Indiana University Press, 1959.

¹⁹ Тексты этих передач сохранились в архиве ученого. См.: Бахметевский архив. Ящик 96.

²⁰ Там же. Ящик 101.

²¹ Обильный материал, подтверждающий это заключение содержится в переписке Г.В.Вернадского с отцом, где Георгий Владимирович рассказывал почти о всех своих научных и академических делах. Там же. Ящик 84.

²² Там же. Ящик 65.

²³ Там же. Ящик 103. Дневниковая запись за 2 января 1957 г.

²⁴ Архив Йельского университета. Бумаги Джорджа Вернадского. 18 ящиков. В составе этого архива хранятся рукописи книг «История России» (1929), «Ленин — красный диктатор» (1931), 1,2,4 и 5 томов многотомной «Истории России» (1943-1969), «Происхождение Руси» (1959) и ряда статей историка, а также копия «Хронологического очерка моей жизни, 1887-1917» (1969).

²⁵ См.: Г.В.Вернадский. История России. Московское царство. М., Тверь, 1997. Ч.2. Гл.7: Ритмы истории и аспекты культуры.

²⁶ Бахметевский архив. Ящик 5. Письма Дж. Кеннана. См. также: Ящик 69. Материалы для чествования Г.В.Вернадского по случаю завершения им многотомной «Истории России».

²⁷ Г.В.Вернадский. Братство Приютино // Новый журнал, 1969. Кн.93. С.147-171. Кн.95. С.202-215. Кн.96. С.153-171. Кн.97. С.218-237.

²⁸ George Vernadsky, Senior Editor. A Source Book for Russian History from Early Times to 1917. New Haven and London: Yale University Press, 1972. Vol.1.

²⁹ Рукопись этой работы под общим названием «Очерки по истории науки в России» см.: Бахметевский архив. Ящик 98.

Публикацию текста на русском языке, см.: Г.В.Вернадский. Очерки по истории науки в России. 1725-1920, часть 1. Восемнадцатый век // Записки русской академической группы в США. 1971. Т.5. С.195-233; Очерки по истории науки в России. Первый отдел. Историческая наука // Там же. 1972. Т.6. С.160-225; Очерки по истории науки в России, часть

3 // Там же. 1973. Т.7.С.17-112; Очерки по истории науки в России, часть 4
// Там же. 1974. Т.8.С.97-212; Очерки по истории науки в России, часть 5
// Там же. 1975. Т.9.С.133-164.

Английский перевод книги, см.: Russian Historiography — A History.
Tr. N.Lupinin, ed. S.Pushkarev. Belmont, Mass., 1978.

³⁰ Корзун В.П. Г.В.Вернадский — историк русской исторической науки (продолжающаяся традиция или новый взгляд?) // Вестник Омского университета, 1996. ь 1. С.56.

³¹ Н.Е.Соницева. Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973) // Историки России XVIII-XX веков. Вып.2 //Архивно-информационный бюллетень, 1995. ь 10. С.107-116.





ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НАУКИ В РОССИИ в 1725–1920 гг.

Часть I. Восемнадцатый век

I

Почва для произрастания русской науки подготовлена была еще во второй половине XVII века Киевской духовной академией. Эта академия давала своим питомцам солидное знание латинского языка и развивала их мыслительные способности лекциями по логике, физике и философии. Не следует забывать, что латинский язык все еще был тогда международным языком европейской науки. Многие выдающиеся киевские ученые приглашались в Москву и открывали школы там. Некоторые из них пользовались большим влиянием при царском дворе.

В 1687 г. учреждена была своя академия и в Москве — Славяно-греко-латинская. Некоторые из студентов ее позже, после учреждения Петербургской академии наук, были вызваны туда для окончания их образования и сделались выдающимися учеными.

Но только со времени Петра Великого в России создались возможности для развития науки в современном смысле этого слова. В 1701 году Петр основал в Москве школу математических и навигационных наук, возглавлять которую был приглашен шотландец Фаргварсон. В 1715 г. открыта была Морская академия под начальством Нарышкина, помощником которого был сделан тот же Фаргварсон. В ряде городов учреждены были школы для подготовки мастеров на казенные заводы. В 1706 г. в Москве основана была медицинская школа. Через три года подобная же школа была учреждена и в Петербурге. Все эти учебные заведения носили практический характер. Они были необходимы для обслуживания новой русской армии и флота в обстановке войны со Швецией.

Но Петр смотрел глубже и дальше вперед, чем большинство его сподвижников. Он сознавал, что Россия нуждается не только в технических и военных знаниях, но и в овладении теоретическими основами науки. В Европе к его времени выработалась форма

руководящего центра научных изысканий — Академия наук. Французская академия наук была основана в 1635 г. Британское королевское общество — в 1663 г. Берлинская академия наук открыта была в 1711 году по инициативе и по плану знаменитого философа и математика Лейбница (1646–1716). Он был назначен ее первым президентом.

В первые годы Шведской войны Петр был поглощен военными делами. Только после полтавской победы 1708 года и наступившего перелома в ходе войны можно было начать думать об учреждении Академии наук. Во время своих поездок в Германию в 1711, 1712 и 1716 годах Петр неоднократно виделся с Лейбницем и беседовал с ним о распространении наук и просвещения в России. Эти беседы послужили первым толчком к мысли об учреждении Академии наук в Петербурге. В 1717 г. Петр ездил в Париж, присутствовал на заседаниях Французской академии наук и был избран ее членом. Через четыре года после того кончилась, наконец, война России со Швецией и ее союзниками.

Мысль Петра об учреждении Академии наук теперь начала принимать конкретные формы. Главным советником Петра в этом деле был обрусевший немец лейб-медик Лаврентий Лаврентиевич Блументрост (1692–1755). Его отец Лаврентий Алферович, тоже известный доктор, выехал с семьей из Германии в Москву в 1668 году по приглашению царя Алексея Михайловича, был хорошо принят и ужился в Москве (умер там в 1705 г.). Советовался Петр и с известным немецким философом Христианом Вольфом. Петр звал его в Россию, чтобы основать Академию наук. Переписка между Петром и Вольфом (в которой участвовал и Блументрост) ни к чему не привела. Вольф отказался приехать в Россию. По его мнению, прежде чем основывать академию в Петербурге, надо было подготовить для этого почву и сначала открыть университет, для чего достаточно выпisać из Германии нескольких профессоров. В конце концов дело пришлось решать самому Петру в сотрудничестве с Блументростом. Решено было основать Академию наук как ученое учреждение, но при ней открыть университет, где академики в звании профессоров читали бы лекции студентам, и гимназию, где бы эти студенты предварительно обучались.

28 января 1724 г. Петр подписал основанный на этих принципах устав академии. Ровно через год он умер от простуды, которую подхватил, помогая стаскивать с мели бот с солдатами и

спасать их, причем ему пришлось стоять в воде по пояс. Академия наук начала свою деятельность при вдове Петра Екатерине I. Первое организационное заседание состоялось 12 ноября 1725 г., а торжественное открытие 27 декабря того же года. Президентом академии был назначен Блументрост. Воля Петра, таким образом, была исполнена. Не может быть, однако, сомнения, что, если бы Петр прожил еще несколько лет, деятельность академии развернулась бы сразу гораздо шире, чем это было в действительности.

После смерти Екатерины I, в кратковременное царствование Петра II, царский двор переехал в Москву. За ним последовал и Блументрост, передав фактическое заведование академией ее секретарю Ивану Даниловичу Шумахеру (1690–1761). Шумахер вызвал своим самоуправством сильное раздражение среди академиков, но тем не менее продолжал управлять академией до 1757 года, когда был заменен Таубертом.

В 1733 году по приказанию императрицы Анны Иоановны Блументрост был лишен должности и выслан в Москву. Положение его улучшилось после вступления на престол Елизаветы. В 1754 г. он был назначен куратором Московского университета (открытого в 1755 году), но через год умер.

Первый состав членов Академии наук был приглашен из-за границы по выбору Вольфа. Среди них были такие светила науки, как математики Даниил Бернулли и Леонард Эйлер (оба швейцарцы) и астроном Николай Делиль (француз). Из них особенно плодотворную роль в ученой жизни академии сыграл Эйлер (1707–1783). Бернулли вернулся в Базель в 1733 г., Делиль уехал обратно в Париж в 1747 г.

Эйлер приехал в Петербург в 1727 году двадцатилетним юношей, сразу занялся изучением русского языка, которым вскоре овладел. Время царствования императрицы Анны Иоановны, и особенно кратковременного регентства Анны Леопольдовны (1730–1741), тяжело отразилось на жизни Академии наук из-за вмешательства в ее дела Бирона и других временщиков. В конце концов Эйлер не выдержал и принял приглашение прусского короля Фридриха переехать в Берлин. Но связи с Россией он не прерывал. Ему было присвоено звание почетного члена Петербургской академии наук и назначена небольшая ежегодная пенсия. К Эйлеру в Берлин посылались студенты Академии наук для довершения образования. В числе их был будущий астроном Степан Яковлевич Румовский. Из Берлина же Эйлер завел науч-

ную переписку с М. В. Ломоносовым. Сношения между Берлином и Петербургом почти прервались во время русско-прусской войны 1756–1762 гг. По окончании этой войны Эйлер решил вернуться в Россию, но король Фридрих долго не хотел дать ему на это разрешение, и только летом 1766 года Эйлер смог вернуться в Петербург. Ломоносов к этому времени уже умер. Несмотря на почти полную потерю зрения, Эйлер продолжал научную работу с помощью своего старшего сына и учеников. Умер он от удара в 1783 году.

Согласно плану пополнения академии русскими студентами начались призывы подходящих кандидатов. В 1732 году было вызвано 12 лучших студентов московской Славяно-греко-латинской академии. В числе их был будущий географ Семен Петрович Крашенинников. Через три года была вызвана оттуда же вторая партия кандидатов. В ней был Михаил Васильевич Ломоносов. Подобные вызовы продолжались и в дальнейшем.

С. П. Крашенинников (1711–1755) был сыном солдата Преображенского полка. По прибытии Крашенинникова и его сотоварищей в Академию наук их подвергли экзаменам и лучших из них стали готовить к посылке в экспедицию для исследования Сибири. Во главе этой экспедиции стояли академики И. Г. Гмелин и Г. Ф. Миллер. Летом 1733 г. Крашенинников и его товарищи прослушали курс лекций этих профессоров по ботанике, зоологии и географии.

Крашенинников провел в Сибири десять лет (последние пять лет на Камчатке). Во время своих поездок он собирал не только географические и естественно-исторические сведения, но также этнографические и исторические. Все его наблюдения были необыкновенно точны. В 1745 году Крашенинников на основании отзывов Гмелина и Ломоносова был назначен адъюнктом Академии наук, а два года спустя директором ботанического сада. В 1750 году Крашенинников был сделан профессором ботаники в академическом университете. В конце этого года он начал писать главный свой научный труд: «Описание земли Камчатки». Закончил он его перед самой своей смертью (1755). Книга была напечатана посмертно и несколько раз переиздавалась. Последнее издание вышло в Москве в 1949 году. Труд Крашенинникова был переведен на английский, немецкий, голландский и французский языки.

Богатырская фигура Михаила Васильевича Ломоносова наложила свою печать на жизнь Академии наук 1740-х–1750-х годов и на дальнейшее развитие русского просвещения и русской науки. По его инициативе и плану учрежден был в 1755 г. Московский университет. Ломоносов родился 8 ноября 1711 г. на берегу Белого моря близ города Холмогоры. Отец его, помор Василий Дорофеевич, был судостроителем и мореплавателем — развозил грузы по портам Поморья, вплоть до норвежских и шведских портов. Мать Михаила — Елена Ивановна, урожденная Сивкова — была дочерью дьякона. Но она рано умерла, отец женился второй раз, мачеха невзлюбила пасынка и ругала его за его любовь к чтению. Михаил научился грамоте у своего соседа по деревне, а затем обучался у дьячка приходской церкви. Когда Михаилу исполнилось 10 лет, отец его начал брать с собой в морские поездки. На Михаила эти путешествия произвели неизгладимое впечатление, запомнившееся на всю жизнь. Тогда уже проявилась в нем пронырливая любовь к природе и пытливость ума.

В 1763 г., описывая условия мореплавания в Поморье в своем сочинении: «Краткое описание путешествий по северным морям», Ломоносов вспоминает: «Сие приметил я по всему берегу Норманского моря» (во время поездки его с отцом).

Четырнадцать лет Ломоносов изучил «Арифметику» Магницкого и «Славянскую грамматику» Смотрицкого. Это была вершина премудрости, доступной тогда в глухом краю. Чтобы учиться дальше, надо было поступить в Славяно-греко-латинскую академию в Москве. Туда зимой 1730 года и отправился Ломоносов — пешком, следуя за обозом рыбы, в стужу, почти без денег в кармане. Но цели своей он достиг — был принят в Духовную академию. Из Москвы, как было уже сказано, Ломоносов был вызван в 1735 году в Петербург в Академию наук для поступления в гимназию при ней. Удостоверившись в его знаниях и способностях, академическое начальство отправило Ломоносова в Германию для завершения подготовки к научной деятельности. Ломоносов поступил студентом в Марбургский университет, где учился философии, физике и механике у Христиана Вольфа. Ломоносов обучился также немецкому и французскому языкам (латынь и греческий он освоил еще в Славяно-греко-латинской академии в Москве).

Лекции Вольфа оказались чрезвычайно полезными для Ломоносова. Они помогли ему развить его философское и научное мировоззрение, логичность и ясность мысли, а также ознакомили с тогдашней научной терминологией, которую он потом приспособил к русскому языку. Под руководством Вольфа Ломоносов познакомился с трудами выдающихся философов, физиков и химиков XVII и начала XVIII столетия, в том числе и с сочинениями английского физика и химика Роберта Бойля (1627–1691). Бойль принимал существование в природе абсолютно пустого пространства, в котором находятся мельчайшие материальные частицы (атомы) определенной величины и формы. Атомы жидкостей находятся в постоянном движении, а твердых тел — в покое. Исследовать эти частички надо при помощи математики, физики и химии. Эти мысли Бойля произвели громадное впечатление на Ломоносова. По данной ему инструкции Ломоносов должен был после учения у Вольфа изучить металлургию и горное дело во Фрейберге под руководством Генкеля. Знание рудного дела много помогло Ломоносову в дальнейшем для его исследований в области химии и минералогии. Пробыл он во Фрейберге недолго и вернулся к Вольфу в Марбург. В 1740 году он женился на немке Елизавете Цильх. Брак этот он почему-то долгое время скрывал. В 1741 году он вернулся в Петербург. Через полгода по возвращении в Россию и представлении им предварительного отчета о своих занятиях в Германии Ломоносов был назначен адъюнктом академии.

После того он привел в порядок записи своих исследований в Германии и начал печатать основанные на них труды. Теперь встал вопрос о назначении его полноправным членом академии. Шумахер послал несколько «диссертаций» Ломоносова на отзыв Эйлера в Берлин. Эйлер высоко оценил их. «Все сии сочинения, — написал он в своем отзыве, — не только хороши, но превосходны, ибо он (Ломоносов) изъясняет физические и химические материи самые нужные и трудные, кои совсем неизвестны и невозможны были к истолкованию самыми остроумными учеными людьми, с таким основанием, что я совсем уверен в точности его доказательств».

В 1745 году Ломоносов был назначен полноправным членом Академии наук и профессором химии. Упрочив свое положение, Ломоносов выписал из Германии свою жену и для него настала более упорядоченная жизнь.

Дальнейшее научное творчество Ломоносова Б. Н. Меншуткин разделяет на три периода. Сперва он несколько лет занимался главным образом физикой, затем главным образом химией (1749–1756), а в последнее десятилетие его жизни разнообразными естественными науками — географией, метеорологией, астрономией, минералогией и геологией.

В физике первой половины XVIII века большое значение придавалось опытам. Но опыты эти не всегда давали ясные результаты. Для объяснения их нужно было строить гипотезы. В этих гипотезах фигурировали таинственные тонкие жидкостиматерии теплоты, света, тяжести и т. д. Материи эти были невидимыми и невыделяемыми. Сущность теплоты объяснялась «огненной материей» (теплород или «теплотвор»). «Химия находилась под властью гипотезы Флогистона, просуществовавшей до конца XVIII века» (Меншуткин). Флогистонем называли горючий принцип. Считалось, что все тела, способные гореть или изменяться от действия огня, содержат флогистон.

Непременным условием для своей научной работы Ломоносов считал постройку химической лаборатории. В течение нескольких лет он настойчиво добивался этого перед академическим начальством, но получал от Шумахера все тот же ответ: нет денег. Наконец Елизавета издала указ о постройке лаборатории на счет кабинета ее величества. В 1748 году лаборатория была построена по плану и под наблюдением Ломоносова. Стоимость постройки была 1344 рубля. Каменный дом был размером всего 6 $\frac{1}{2}$ сажени длины, 5 сажень ширины. Внутри было три помещения. Все оборудование разработано самим Ломоносовым. Так создана была первая в России химическая лаборатория. Позже Ломоносов устроил еще маленькую лабораторию у себя в доме.

В своих химических опытах Ломоносов одним из первых тогдашних ученых систематически применял весы. Количественное исследование химического состава различных веществ тогда только начиналось.

С помощью этого метода он отверг гипотезу теплорода, объявив все явления, происходящие при нагревании, вращательным («коловратным», как он писал) движением частичек тел и твердых, и жидких, и газообразных.

Термин «флогистон» Ломоносов иногда употреблял вскользь, не придавая ему особенного значения, но своими опытами он нанес сильный удар этой гипотезе.

Размышляя о процессах горения и окисления, Ломоносов обратил внимание на то, что при прокаливании металла вес его увеличивается, и предположил, что это зависит от присоединения к металлу частиц текущего над ним воздуха. Это предположение Ломоносова противоречило некоторым опытам и взглядам его любимого Бойля. Для проверки этого вопроса Ломоносов в 1756 году сделал несколько специальных опытов. На этот раз он с Бойлем не согласился. Описал он их так: «Делая опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах, чтобы исследовать, прибывает ли вес металлов от чистого жару. Оными опытами нашлось, что славного Роберта Бойля мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес отожженного металла остается в одной мере». «Этим было доказано: (1) что привес металла при обжигании обусловлен соединением его с воздухом; (2) что объяснение процесса обжигания металла при помощи флогистона невозможно: если бы флогистон уходил из металла, то заплавленная реторта с металлом должна была бы иметь иной вес после нагревания» (Меншуткин). Результаты своих опытов Ломоносов сообщил конференции Академии наук, но не опубликовал.

Через двадцать семь лет французский химик Лавуазье (не зная об опытах Ломоносова) сделал точно такой же эксперимент. При этом он сделал одно важное наблюдение: только часть воздуха запаянной реторты соединилась с металлом. Отсюда Лавуазье сделал вывод, что воздух состоит из двух газов, из которых один соединяется с металлом, а другой — нет (кислород и азот). До этого открытия Лавуазье воздух рассматривался как цельный элемент. Сторонники теории флогистона повели отчаянную борьбу против выводов Лавуазье, но в конце концов должны были сдаться.

В основе научных взглядов Ломоносова на природу лежала мысль о постоянстве материи и движения. В своем «Рассуждении о твердости и жидкости тел» (1760) он писал: «Все перемены в натуре случающиеся такого суть состояния, что, сколько у одного тела отнимается, столько присовокупится к другому...».

Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения; ибо тело, движущее своею силою другое, столько же оныя у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает».

Отправной точкой в занятиях физикой и химией послужили Ломоносову поразившие его в годы учения у Вольфа идеи Бойля.

Ломоносов говорил: «После того, что я прочел у Бойля, мною овладело страстное желание исследовать мельчайшие частички тел. О них я размышлял восемнадцать лет». На основании этих своих размышлений Ломоносов думал написать большое сочинение о значении «частиц», или «корпускул», для понимания законов физики и химии — «корпускулярную философию», как он говорит в одном из своих писем Эйлеру. Это «великое начинание» (по выражению Меншуткина) Ломоносов не успел осуществить. Но отдельные части этого плана он изложил в некоторых своих диссертациях, а также в его публичных речах, главным образом на заседаниях Академии наук.

Уже в одной из своих ранних работ: «Элементы математической химии» (1741) Ломоносов предложил свою теорию строения вещества — из «корпускул» и «элементов». «Корпускула есть собрание элементов, образующее одну массу... Корпускулы однородны, если состоят из одинакового числа одних и тех же элементов, соединенных одинаковым образом... Корпускулы разнородны когда элементы их различны и соединены различным образом или в различном числе; от этого зависит бесконечное разнообразие тел». На языке химии первой трети XX века то, что Ломоносов называл «элементом» — это атом, а «корпускула» — молекула. «Это различие лежит ныне в основании всего строения здания современной химии», — пишет Меншуткин (1937).

Большое значение имеют работы Ломоносова по геологии и минералогии. Геологическая жизнь Земли рассматривалась им в динамическом аспекте, как длительный и сложный физико-химический процесс. Ломоносов едва ли не первый оценил огромную роль организмов в образовании торфа, каменного угля и чернозема. Он собирался также написать «Российскую минералогию» и в 1763 г. через Академию наук обратился к рудникам и заводам с требованием прислать в академию образцы различных руд и минералов. Большинство образцов поступило в академию уже после его смерти. Так было положено начало минералогической коллекции Академии наук.

В числе физических проблем, которые изучал Ломоносов, был вопрос об атмосферном электричестве и воздушных явлениях, связанных, по его мнению, с электричеством, в том числе северных сияний. «С 1743 года, — писал он позже, — редко пропущено северное сияние, мною виденное, без записки». Эти его записи до сих пор не потеряли своего значения (см. В. И. Вернад-

ский, «Химическое строение биосферы земли и ее окружения», стр. 124 (1965).

Продолжая заниматься этими вопросами, Ломоносов наблюдал также грозовые явления, зарницы и хвосты комет. Ломоносов пришел к заключению, что все эти явления связаны с нисходящими и восходящими токами воздуха. С 1745 г. начал изучать грозовое электричество также и коллега Ломоносова по академии физик Георг-Вильгельм Рихман.

Приблизительно в это же время в Америке занялся свойствами электричества Бенджамин Франклин. Он поставил вопрос, наэлектризованы ли грозовые облака. Французский физик Далибар установил около Парижа высокий железный шест, изолированный деревянной подставкой. Во время грозы 10 мая 1752 года над шестом прошла гроза, шест наэлектризовался, из него пошли искры. В июне того же года, не зная об опытах Далибара, Франклин запустил под облака шелковый воздушный змей с прикрепленным к нему металлическим острием и пеньковой бечевой, за которую держали змей. На нижнем конце бечевы был привязан ключ, а к ключу шелковая веревочка, изолировавшая всю систему. Когда бечева намочла от дождя, то из ключа можно было извлекать искры (излагаю это по Меншуткину). В июле 1752 года Рихман построил у себя дома прибор, получивший название «громовой машины». Он продел железный прут длиной в 6 футов через бутылку с отбитым дном, к концу прута прикрепил железную проволоку и провел ее изолированно в комнату. К концу ее он подвесил железную линейку, а к линейке — шелковую нить. Когда электричество было в проволоке, нить отходила и «гонялась за пальцем». По примеру Рихмана сделал подобную машину у себя в квартире и Ломоносов.

26 июля 1753 года в первом часу дня в доме Ломоносова собиравшись сесть обедать. В это время поднялись громовые тучи. «Гром был нарочито силен, дождя ни капли». Ломоносов пошел к громовой машине посмотреть, что происходит. «Пока кушанье на стол ставили, — писал потом Ломоносов И.И. Шувалову, — дождался я нарочитых электрических из проволоки искор, и к тому пришла жена моя и другие... Внезапно гром чрезвычайно грянул в самое то время, как я руку держал у железа и искры трещали. Все от меня прочь побежали... Любопытство удержало меня еще две или три минуты, пока мне сказали, что щи простынут, а при том и электрическая сила почти перестала». Щи Ломоносову не

пришлось попробовать — прибежал человек Рихмана с докладом, что «профессора громом убило». (Рихман в то же время, что Ломоносов, сидел у своей громовой машины.) Ломоносов сейчас же побежал на квартиру Рихмана, но тот уже был бездыханным. «Итак, он (Рихман) плачевным опытом уверил, что электрическую громовую силу отвратить можно; однако на шест с железом, который должен стоять на пустом месте, в которое бы гром бил сколько хочет. Между тем умер господин Рихман прекрасною смертью, исполняя по своей профессии должность. Память его никогда не умолкнет». Ломоносов исходатайствовал перед Шуваловым, чтобы вдове Рихмана была назначена пенсия в размере его жалованья.

Ломоносов интересовался и астрономическими явлениями. 26 мая 1761 г. он наблюдал прохождение планеты Венеры по солнечному диску. Он заметил «тонкое, как волос» сияние, окружавшее часть диска Венеры, еще не вступившей на солнечный диск. Ломоносов объяснил это явление «преломлением лучей солнечных в венериной атмосфере». Существование атмосферы на Венере было тогда неизвестно астрономам. Свое открытие Ломоносов опубликовал в мемуарах Академии наук. Тридцать лет спустя английский астроном Гершель вновь открыл «венерину атмосферу».

В круг интересов Ломоносова входило и мореплавание. В своем «Рассуждении о большей точности морского пути» (1759) Ломоносов рассмотрел ряд теоретических вопросов мореплавания, указал лучшие способы определения широты и долготы на море и предложил ряд практических советов для мореходов. В 1763 году Ломоносов написал «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможности проходу Сибирским океаном в восточную Индию». В этом сочинении Ломоносов установил направление движения льдов в Северном океане и пришел к выводу, что лучший путь для достижения Северного полюса проходит между Шпицбергом и Новой Землей.

Между другими своими опытами в химической лаборатории Ломоносов в 1749 году с увлечением занялся новым для него делом — мозаикой. В этом деле искусство связалось с химией цветного стекла, оптикой и техникой. Ломоносову пришлось выполнить тысячи пробных плавок, прежде чем овладеть техникой изготовления и компоновки кусочков стекла в художественную мозаичную картину. Сохранилось двенадцать таких картин, вы-

полненных в лаборатории Ломоносова (в том числе «Полтавская баталия»). В знак признания работ Ломоносова по мозаике Болонская академия наук избрала его своим почетным членом.

В 1752/53 учебном году Ломоносов прочел в академическом университете курс лекций по физической химии для более подготовленных студентов. Записалось на курс несколько студентов, из которых Ломоносов особенно одобрял Степана Румовского, (о котором я дальше буду говорить особо). Лекции сопровождались показательными опытами.

В следующем году Ломоносов принял деятельное участие в учреждении Московского университета. Ломоносов был главным советником И. И. Шувалова в этом деле. Излюбленная мечта Шувалова, которую разделял и Ломоносов, была установить в России законченную систему народного образования, от низших школ до университетов. Академический университет сыграл большую роль в подготовке русских ученых, но это было замкнутое учреждение для специалистов, почти не связанное с общественной жизнью. Это не был «настоящий» университет.

Университет решено было открыть в Москве, находящейся в центре России. Туда всего легче можно было собрать достаточное количество учащихся. При университете постановлено открыть гимназию. Ломоносов всегда отстаивал принцип всеобщности обучения (чему и Шувалов сочувствовал). В студенты университета положено было принимать и дворян и разночинцев. Но в отношении гимназии Шувалову пришлось сделать уступку нравам московского дворянства. Открыто было две гимназии — одна для дворян, другая для разночинцев. Крепостным крестьянам доступ и в гимназию и в университет был закрыт. Окончившие одну из гимназий поступали в университет по особому вступительному экзамену. И Шувалов и Ломоносов понимали, что для начала придется удовлетворяться университетом скромного масштаба в смысле количества профессоров и студентов и оборудования учебной и ученой части. Но оба они работали для будущего с твердой верой в него. Дело было организовано на следующих началах: университет не подчинен никакому иному присутственному месту, кроме правительствующего сената, и ни от какого иного места не обязан принимать повелений.

Во главе университета стояло несколько кураторов. Главным из них был сам Шувалов. Университет делился на три факультета: юридический, медицинский и философский. На все факультеты

предназначено было десять профессорских кафедр. Химия, натуральная история и анатомия преподавались на медицинском факультете; физика — на философском.

Для начала вместо десяти профессоров было назначено всего пять: двое русских и трое иностранцев. Русские были рекомендованы Ломоносовым: профессор элоквенции Поповский и математик Барсов. Иностранцев выписали по указанию Г. Ф. Миллера. К 1762 году число профессоров наконец было доведено до десяти (один из них — третий русский — математик Аничков). Дальше дело стало развиваться немного быстрее. В 1767 году был назначен профессором юридического факультета Семен Ефимович Десницкий, закончивший свою подготовку в Глазго под руководством Юма и Блэкстона. Десницкий может считаться украшением Московского университета XVIII века (умер в 1789 году).

Ломоносов был универсальный гений. Его главной «утехой», как он иногда говорил, были физика и химия, но у него была и другая область творчества. Он явился создателем современного русского языка и в прозе и в поэзии. И именно в этой сфере он сразу заслужил признание и популярность в тогдашнем русском обществе.

До Ломоносова, с половины XVII века в славянорусской поэзии господствовало силлабическое стихосложение, возникшее под влиянием польского языка, совершенно русскому языку не свойственное. В своем письме «О правилах российского стихотворчества» (1739) Ломоносов убедительно показал, что русскому языку соответствует тоническое стихосложение. Его он и ввел в обиход русской поэзии.

Свое учение о литературных стилях Ломоносов основал на существовании в русском языке трех разрядов слов: (1) общеупотребительных в церковнославянском и русском; (2) книжных по преимуществу и (3) простонародных, исключая «презренные, подлые слова». Отсюда Ломоносов выводил три стиля: (1) высокий, из слов словено-российских — для героических поэм, од, прозаических речей о важных материях; (2) средний, но не надутый и не подлый, из словено-российских и русских — для стихотворных дружеских писем, сатир, эклог, элегий и описательной прозы; (3) низкий, из соединения среднего стиля с простонародными низкими словами, для комедий, эпиграмм, песен, прозаических дружеских писем и описаний обыкновенных дел.

Здесь следует заметить, что Ломоносов был создателем и современного русского научного языка, заложив правильные основания русской технической и научной терминологии. После петровских реформ русский технический и научный язык был совершенно засорен голландскими, немецкими и польскими словами. Ломоносов выработал следующие правила: (1) чужестранные научные термины надо переводить на русский язык; (2) оставлять непереуведенными слова лишь в случае невозможности подыскать вполне равнозначущее русское слово или когда иностранное слово получило уже всеобщее распространение; (3) в этом случае придавать иностранному слову форму наиболее свойственную русскому языку. Очень многие из научных терминов, составленные по этим правилам самим Ломоносовым, вошли во всеобщий обиход: «воздушный насос», «законы движения», «земная ось», «равновесие тел», «удельный вес» и т. д.

В 1748 году Ломоносов издал первую на русском языке «Риторику» с примерами, взятыми главным образом из своей собственной ораторской прозы. В 1755 году вышла в свет его «Российская грамматика», выдающийся научный труд по русскому языку. Грамматика выдержала 14 изданий и была переведена на немецкий, французский и новогреческий языки...

Едва ли не лучшая ода Ломоносова — «Вечернее размышление о Божьем величестве при случае великого северного сияния» (1743). Она проникнута глубоким чувством космоса.

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы сорна тень,
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном ветре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я в сей бездне углублен
Теряюсь, мыслями утомлен!
Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы Божества

Там равна сила естества
 Но где ж, натура, твой закон?
 С полных стран встает заря <...>
 Се в ночь на землю день вступил! *

В 1749 году Ломоносов в торжественном собрании Академии наук произнес «Слово похвальное императрице Елизавете Петровне», в котором, как и в некоторых одах, прославлял Петра Великого — насаждателя наук в России. Это «Слово» обратило внимание на Ломоносова при дворе, а в академии создало ему немало завистников, во главе которых стоял Шумахер. Но зато тогдашний фаворит Елизаветы, просвещенный вельможа Иван Иванович Шувалов (1727–1797), взял Ломоносова под свое покровительство и, более того, оценил мудрость Ломоносова и начал советоваться с ним по вопросам народного просвещения, а в 1755 году, как было уже сказано, привел в исполнение план Ломоносова о создании университета в Москве.

В «Похвальном слове» Елизавете Ломоносов упомянул о том, что одной из задач исторического департамента академии является написание русской истории. Елизавета и Шувалов возложили эту задачу на самого Ломоносова. Он охотно взялся за это дело, но не мог оторваться и от своих научных работ. Подготовка русской истории шла медленно. Шувалов торопил его и написал ему, что если другие занятия ему мешают, то их можно оставить. В начале 1755 года Ломоносов ответил Шувалову, что сам понимает необходимость сочинения русской истории, но что «оное великое дело... такого есть свойства, что требует времени... Что ж до моих в физике и химии упражнений касается, чтобы их вовсе покинуть, то нет в том ни нужды, ниже возможности. Всяк человек требует себе от трудов успокоения; для того, оставив настоящее дело, ищет себе с гостями или домашними препровождения времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом, от чего я уже давно отказался затем, что не нашел в них ничего, кроме скуки. И так уповаю, что и мне на успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение российской истории и на украшение российского слова полагаю, позволено будет в день несколько часов времени, чтобы их вместо бильярду упо-

* Д. Оболенский. D. Obolensky, editor. "The Penguin Book of Russian Verse." pgs. 52-54.

требить на физические и химические опыты, которые мне не только отменю материи вместо забавы, но и движением вместо лекарства служить имеют, а сверх сего пользу и честь отечеству конечно принести могут едва меньше ли первой».

Ломоносов отстоял себя и, к счастью для науки, продолжал свои опыты по физике и химии. Но он, поскольку мог, выполнил свое обещание и относительно русской истории. Его «Краткий российский летописец» вышел в 1760 году, а первый (и единственный) том «Древней российской истории» (до 1754 года) — в 1766 году, уже после смерти автора. (Ломоносов умер 4 апреля 1765 года.)

«Древняя российская история» была переведена на немецкий язык, а с него на французский; «Краткий летописец» появился в английском и немецком переводах.

По существу о Ломоносове как историке, я скажу ниже в связи с трудами Миллера и Шлецера.

Новейшее полное собрание сочинений Ломоносова было издано в Москве в десяти томах в 1950–1957 годах.

III

В 1748 году был вызван в академию Степан Яковлевич Румовский (1732–1815), сын священника, для поступления в академическую гимназию при Академии наук, а оттуда студентом в академический университет. Для завершения своей подготовки к наукам Румовский ездил к Эйлеру в Берлин. В 1752/53 году, как было уже упомянуто, он прослушал курс Ломоносова по физической химии. В 1760 г. Румовский был назначен преподавателем математики академическим студентам, а через несколько лет — профессором астрономии. В течение 30 лет он редактировал ежегодное издание астрономических календарей. В 1761 году он был командирован в Селенгинск для наблюдения прохождения Венеры через солнечный диск (того самого, которое Ломоносов наблюдал в Петербурге). Наблюдения над этим прохождением Венеры велись также и во Франции и в Англии. Получились разногласия в некоторых данных. Английский вычислитель определил солнечный параллакс (угол, составленный линиями, идущими от наблюдаемого светила к центру Земли и к наблюдателю) в 8.5", а французский — в 10.5". Эта разница ставила под

сомнение методы наблюдения и математический аппарат для обработки данных наблюдения.

В 1769 году Петербургская академия по совету Эйлера поставила себе задачей проверить и усовершенствовать методику наблюдения и приемы математического анализа. Была организована грандиозная экспедиция. Наблюдательные материалы должны были доставить несколько русских ученых, в числе которых был и Румовский. Все руководство математической обработкой данных наблюдений взял на себя Эйлер. Наблюдательные пункты были расположены в далеко отстоящих друг от друга местах. Румовский командирован был в Колу, П. Б. Иноходцев и Г. Ловиц — в крепость Гурьев в устье реки Урал (тогда еще называвшейся Яик).

По вычислениям Румовского, средний солнечный параллакс выражался величиною не более $8.62''$. По другому исчислению, — $8.67''$. Таким образом, французское вычисление было отвергнуто.

Во время своих путешествий Румовский определял географическое положение многих мест в России, а позже (1786) напечатал первый каталог астрономических пунктов в России. В 1800 г. он был назначен вице-президентом Академии наук. Помимо своих работ по математике и астрономии Румовский перевел с латинского на русский язык «Анналы» римского историка Тацита. Перевод этот в свое время считался классическим.

Когда в 1804 г. был учрежден Казанский университет, Румовский был назначен его попечителем. Сам математик и астроном, Румовский пригласил из Германии в новый университет выдающихся профессоров для этих предметов.

IV

Знаменательным рубежом в истории русской науки оказался 1768 год. В этом году Академия наук организовала ряд экспедиций для всестороннего исследования природы и населения России. Труды их составили эпоху в развитии географической науки. Экспедиции были хорошо задуманы и оборудованы и во главе их поставлены выдающиеся ученые. Экспедиции эти продолжались шесть лет (до 1774 года). Для руководства экспедицией Академия наук наметила талантливого немецкого натуралиста энциклопедических знаний Петра-Симона Палласа

(1741–1811). Его основной специальностью была зоология, но он постепенно расширил свой научный охват и включил в курс своих изучений ботанику, геологию, палеонтологию, минералогию, географию, этнографию и языкознание.

В 1767 году он был избран членом Академии наук и переселился из Берлина в Петербург. Академия наук предложила ему прежде всего разработать план экспедиции и составить инструкцию участникам, для чего ему разыскали в архиве академии инструкцию, составленную Г. Ф. Миллером для участников Сибирской экспедиции 1733–1742. Эта инструкция оказалась очень полезной для Палласа.

Важнейшие цели экспедиции изложены были Палласом в трех пунктах: (1) изучение народностей, населяющих Россию, их обычаев и обрядов; (2) исследование природы страны — сбор коллекции минералов, растений и животных; (3) изучение способов обработки и пользования естественными произведениями — работы в рудниках, горных заводах, соляных коях, изучение условий сельского и лесного хозяйства. Экспедиция была разделена на два главных отряда. Во главе одного стал сам Паллас; во главе другого — адъютант Академии наук Иван Иванович Лепехин (1740–1802).

Сын солдата, Лепехин был принят в академическую гимназию в 1751 году. К тому времени он уже был грамотен. В 1760 году он сделался студентом академического университета. В это время общее заведование учебной частью в академии принял Ломоносов, под влиянием которого и начали складываться научные интересы Лепехина. Через два года Лепехин был послан в Страсбург, где занимался главным образом медициной. Из Страсбурга Лепехин переписывался с Ломоносовым, который предназначал его для занятия кафедры ботаники в академии. Получив в Страсбурге ученую степень доктора медицины, Лепехин в 1767 году вернулся в Петербург и был назначен адъютантом академии.

К Палласу было прикомандировано двое русских ученых — В. Ф. Зуев и Н. П. Соколов (в то время Паллас еще не овладел русским языком). В помощь Лепехину придано было три академических студента — А. Лебедев, Т. Мальгин и Н. Озерецковский. Оба отряда были прекрасно оборудованы и снабжены всем необходимым. При каждом состояли рисовальщики, чучельщики и стрелки («для стрельяния птиц и животных»).

Маршруты обоих отрядов были так составлены, что они то сближались, то расходились. Оба отряда начали с Поволжья и

Прикаспия, а потом направились в Приуралье. За Урал Лепехин дошел только до Тюмени. Паллас пошел дальше — на восток через всю Сибирь до Монголии. Лепехин из Тюмени перевалил через Северный Урал и спустился по Северной Двине к Белому морю. Больше года он исследовал Белое море и Архангельский край. Отряд Лепехина вернулся в Петербург в декабре 1772 года. В 1773 году по предложению академии Лепехин совершил еще путешествие по Белоруссии. В 1771 году еще не возвратившийся из путешествия Лепехин был избран членом Академии наук.

В своем путевом дневнике Лепехин талантливо описал свои наблюдения не только над природой тех местностей, где проходил, но и над жизнью населения, промыслами, социальными отношениями. Лепехин собрал много ценных материалов по ботанике, экономической жизни, этнографии. Главный труд Лепехина — «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» в четырех томах (1771–1805).

Еще большее значение имели материалы и коллекции, привезенные Палласом, — ценные сведения по географии, зоологии, ботанике, геологии, этнографии и археологии. Говоря словами Л. С. Берга (1929), отчеты об экспедиции Палласа «до сих пор еще служат сокровищницей, из которой продолжают черпать последующие исследователи».

В 1793 и 1794 годах Паллас совершил два путешествия в Крым и подробно описал их. Палласу так понравился Крым, что ему захотелось там поселиться. Узнав об этом, Екатерина подарила ему дом в Симферополе и два имения. В 1810 году Паллас вернулся в Берлин и через год там умер.

Паллас был неутомимый писатель. Список его работ, составленный его биографом Ф. П. Кеппеном, занимает более тридцати убогих страниц (Журнал Министерства народного просвещения, 1895 г., апрель). Укажу здесь только русский перевод описания Палласом его экспедиции 1768–1774 годов — «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (три тома, 1773–1788).

V

Состояние и развитие русского естествознания в последней четверти XVIII века менее изучено, чем за предыдущий период.

Академия наук оставалась главным средоточием русских ученых. В Московском университете естествознание в это время было представлено слабо. Математику преподавал талантливый Аничков. Он написал и напечатал первый на русском языке «Курс чистой математики».

Медико-хирургическая академия была открыта в Петербурге только в самом конце XVIII века (1799).

Среди русских ученых в конце XVIII века людей калибра Эйлера и Ломоносова не было, но многие из них были очень способные люди. Важно, что семья ученых разрасталась и появилась ученая среда, в которой могли обсуждаться научные вопросы. Росла и научная литература. Знаменательно, что это ученое сообщество не было изолировано. Интерес к науке проявлялся и в других кругах русского общества.

Число образованных людей в России неуклонно росло.

В начале 1770-х годов историк князь М. М. Щербатов сделал любопытный подсчет по этому вопросу. Он считал, что «дворян, офицеров чужестранных и других чиновных людей» было тогда в России около 50 тысяч. В регулярной армии было около 5 тысяч офицеров. Получается более или менее образованных людей 63 тысячи человек. Т. И. Райнов к этому прибавляет от 5 до 10 тысяч человек, не учтенных Щербатовым, — духовенства, разночинцев, купцов и т. д. Получается от 70 до 75 тысяч читателей.

Цифры Райнова явно преуменьшенные. К ним надо прежде всего прибавить численность духовенства. Духовенство было самым грамотным сословием. Число духовных школ в XVIII веке неуклонно возрастало. В 1762 г. их было 26 с общим числом учащихся 6.000.* В 1783 году в духовных школах училось уже 11000 человек.**

Что касается купечества, по данным 4-й ревизии (переписи окладного населения) 1783 года, разработанным академиком Шторхом, купцов в России было 107 тысяч.*** К концу царствования Екатерины II число купцов достигло 240 тысяч.****

* Данные А. В. Карташева. Очерки по истории русской церкви, II, стр. 548. Я обязан К. Г. Белоусову за это указание.

** Милюков. Очерки по истории русской культуры, том II, часть 2, стр. 743.

*** А. А. Корнилов. Курс истории России XIX века (перепечатка второго издания, Москва, 1918), том 1, стр. 19 и 26.

**** Там же.

Из них, особенно из тех, которые жили в Петербурге и Москве, значительное число было грамотно. Таким образом, общее число образованных людей в России в конце царствования Екатерины надо считать не меньше как 100 — 150 тысяч человек.

И Щербатов и Райнов, очевидно, ведут счет только мужчинам. Между тем среди дворянства, духовенства и многих разночинцев были также и образованные женщины. Далее, данные Щербатова относятся к началу 1770-х годов, а к концу века число образованных должно было сильно увеличиться. Конечно, только небольшая часть интересовалась науками, но и то можно предполагать, что контингент читателей научных книг был для того времени немалый.

Среди дворянской знати появились люди, сами занимавшиеся наукой или собиравшие богатые научные коллекции — так называемые кабинеты натуральной истории.

П. Г. Демидов (1738–1821) получил образование в Геттингенском университете и Фрейбергской академии. Находился в переписке с Бюффеном и Линнеем. Занимался математикой, физикой, химией, минералогией, ботаникой и зоологией. Составил большую естественно-историческую коллекцию, которую в 1802 году подарил Московскому университету. Кн. А. А. Урусов издал в 1780 г. «Опыт естественной истории».

Дипломат кн. Д. А. Голицын (1734–1803) занимался опытами по электричеству и защищал вихревую теорию электричества и магнетизма. В 1768 г. он был назначен посланником в Гаагу и там оставался до конца жизни. Был избран председателем Иенского минералогического общества, которому завещал свой богатый минералогический кабинет. Был также членом петербургского «Вольного экономического общества», в «Трудах» которого напечатал несколько статей. Граф Г. К. Разумовский был известен своими работами по минералогии. Богатый физический кабинет Д. П. Бутурлина был куплен в 1802 году Медико-хирургической академией. Коллекции кн. Е. Р. Дашковой были пожертвованы в 1807 году Московскому университету.

К концу XVIII века русская продукция ученой литературы (на русском и иностранных языках) в области физико-математических наук заметно возросла. Согласно подсчетам Райнова, за десятилетие (1771–1780) была напечатана 41 книга в этой области (из них 16 переводных); за следующее десятилетие — 121 книга (из них 56 переводных); за десятилетие (1791–1799) — 112 книг.

Приблизительно в этой же пропорции возрастало и количество специальных научных статей в специальных журналах Академии наук.

В отношении методов исследования в последней трети XVIII века выявилось две тенденции: одна, шедшая от Ломоносова, другая — от Эйлера.

Для эйлеризма характерна тенденция ставить и решать некоторые вопросы естествознания средствами одного математического исследования. Эйлер готов был принять во внимание результаты интересного для него эксперимента как бы в абстрактном и идеализированном виде, изучая его с помощью средств математического анализа. Непосредственной экспериментальной ценности этот метод не имел, но впоследствии оказался полезен для анализа физической действительности.

От Ломоносова пошла другая традиция — неразрывной связи теории с экспериментальными данными. Математике он также придавал большое, но не исключительное значение.

Подведем итоги: труды русских и иностранных ученых в России XVIII века заложили незыблемое основание для дальнейшего развития русской науки.

VI

От естествознания обратимся теперь к наукам историческим.

Трое выдающихся ученых, выписанных из Германии, положили начало русской исторической науке в современном смысле этого слова — Готлиб-Зигфрид Байер (1694–1738), Герард-Фридрих (Федор Иванович) Миллер (1705–1783) и Август-Людвиг Шлецер (1735–1809).

Байер был в составе первого призыва иностранных ученых, приглашенных стать членами Петербургской академии наук. Он окончил Кенигсбергский университет и еще со студенческой поры начал изучать восточные языки — китайский и семитские. Русского языка он не знал и даже не старался ему научиться. Русскими летописями он пользовался в латинском переводе. Но он хорошо знал византийские и скандинавские источники. Байер занимался только древнейшим периодом русской истории — до IX века включительно. Он написал серьезное исследование о варягах и начале Руси и о первом походе руссов на Константино-

поль. С помощью В. К. Тредьяковского (1703–1769) ему удалось определить значение славянских названий Днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей». Этими трудами Байера потом пользовались и Шлецер, и русский историк Татищев.

Байер может считаться основателем скандинавской (норманнской) теории о происхождении русского государства.

Миллер, как и Байер, был выписан в Петербург в 1725 году, но не как профессор академического университета, а как студент (ему было в это время двадцать лет). В противоположность Байеру Миллер сразу начал учиться русскому языку. Первые годы по приезду Миллер преподавал латинский язык, историю и географию в академической гимназии. Не позже 1730 года он заинтересовался историей и географией Сибири. Он изучил знаменитую книгу голландского ученого Витзена «Северная и Восточная Татария» (первое издание 1692 г., второе — 1705 г.; Миллер пользовался обоими). В 1731 г. Миллер назначен был членом Академии наук и профессором академического университета. В 1732–1733 гг. были напечатаны первые работы его по истории Сибири.

В это время были уже в разгаре приготовления к большой Сибирской экспедиции — той, в которой участвовал и Крашенинников. Экспедиция была организована совместно сенатом и Академией наук. Участниками ее кроме Крашенинникова были назначены два академика — астроном Делиль и натуралист Гмелин.

Миллер также стремился ехать. Случай помог ему — Гмелин заболел. Обер-секретарь сената Иван Кириллович Кирилов, «великий рачитель и любитель наук», разрешил Миллеру ехать в Сибирь вместо Гмелина. Последний довольно скоро выздоровел. Сенат разрешил и ему ехать в экспедицию.

Миллера сопровождало несколько помощников-студентов. Главной задачей Миллера было описание архивов сибирских городов и снятие копий с возможно большего количества исторических материалов в каждом архиве. Но Миллер попутно собирал также сведения по языковедению, экономике, этнографии и археологии, а также составлял «ведомости» о городах и уездах Сибири.

При этом Миллер проявил не только свою необыкновенную трудоспособность, но также твердость и настойчивость в добывании нужных ему сведений от местной администрации. Миллер

начал свою поездку с Тобольска, тогда столицы Сибирской губернии, куда он прибыл в конце января 1734 года. Как он позже вспоминал, он сам еще не знал, что ему нужно требовать от сибирского губернатора и о чем спрашивать. Для этого у него не было опыта, который он приобрел уже практикой.

За немногими исключениями сибирские архивы находились в полном беспорядке. Существовавшие «реестры» дел были неполными. Миллеру пришлось составлять (или требовать составления) новых описей. Сам он проделал колоссальную работу, разбирая архивные книги и столбцы по годам и отмечая для своих помощников или местных писцов, с каких документов надо снять копии. К концу 1736 года Миллер добрался до Якутска, откуда вернулся в Иркутск. К этому времени он переутомился (заболел «ипохондрической болезнью») и на Камчатку с Крашенинниковым уже не мог ехать. На смену ему академия послала Иоганна-Эбергарда Фишера (1697–1771), о чем Миллер получил извещение в Енисейске летом 1739 г. С Фишером Миллер встретился в Сургуте (Тобольской губернии) в июне 1740 г. Миллер дал ему указания для собирания материалов, обещав прислать подробную инструкцию из Тобольска. Эту инструкцию Миллер послал Фишеру 13 декабря 1741 года. Другой экземпляр Миллер послал в сенат.

Эта тщательная и хорошо продуманная инструкция представляет собой, по выражению А. И. Андреева, «большую научную работу». Инструкция была рассчитана на ученого более крупного размаха, чем Фишер. Видимо, тот не обратил на нее никакого внимания. Позже ею, как руководством, воспользовался Паллас.

Миллер оставался еще два года в Сибири (главным образом в Тобольске) и осматривал архивы в нескольких городах, но в то же время начал уже писать свою «Историю Сибири». Что касается личной его жизни — в Верхотурье он женился (1742). Вернулся в Петербург 14 февраля 1743 года.

Миллер привез из Сибири громадное количество архивных и других материалов, составивших богатейший фонд для научного изучения русской истории.

В академии Миллер был встречен враждебно Шумахером и некоторыми другими недоброжелателями, в том числе Фишером, когда тот вернулся в Петербург в 1750 году.

Начались всякие дразги.

В 1748 году Миллер принял русское подданство и получил звание историографа с обязательством сочинить «генеральную российскую историю».

Дело об издании «Истории Сибири» затянулось. Миллер написал ее по-немецки. Переводчик, которого ему подыскивали, оказался плох. Нашли другого, перевод которого был приемлем. Перевод этот Шумахер разослал нескольким лицам, в частности русскому историку В. Н. Татищеву. Тот дал благоприятный отзыв: «С великим моим удовольствием, — писал он Шумахеру, — присланное от Вас начало Сибирской истории прочитал... Сие есть начало русских участных (областных) историй, и нельзя иного сказать, как хваления и благодарения достойное в ней».

Первый том «Истории Сибири» Миллера был наконец напечатан в 1750 году. Следующие два тома оставались еще в рукописи. Находя, что Миллер затягивает писание книги, академия поручила Фишеру писать продолжение ее. «Сибирская история» Фишера (напечатана по-немецки в 1768 году, в русском переводе в 1774 г.) есть не продолжение Миллера, а сокращенный пересказ сочинения Миллера (как напечатанного первого тома, так и части, оставшейся в рукописи).

Миллер перестал писать продолжение истории Сибири и занялся подготовкой писания русской истории. Он был одним из первых русских ученых, заинтересовавшихся более поздними этапами русской истории. Среди его трудов есть «Опыт новейшей истории России» и «Известие о дворянах российских».

В 1765 году указом Екатерины II Миллер был назначен главным надзирателем новоучрежденного в Москве воспитательного дома с оставлением за ним звания историографа. Как Миллер сам написал в своей автобиографии, принял он эту должность «в уповании, что при том возможно мне будет пользоваться московскими архивами для российской истории, о чем я и был обнадужен».

Ввиду переезда в Москву Миллер просил академию разрешения взять туда все привезенные им из Сибири архивные материалы. Просьба его была удовлетворена. Уже в 1766 г. он был уволен из воспитательного дома и назначен «членом государственной коллегии иностранных дел при московском архиве». Через год Миллер был назначен начальником архива.

Миллер поставил себе целью сделать из архива научное учреждение. Он создал целую школу ученых архивариусов:

Штриттер, Малиновский, Бантыш-Каменский. В этот архив Миллер положил и свои «портфели», среди которых было тридцать фолиантов актов, списанных из сибирских архивов.

Но заняться писанием «русской истории» Миллер был уже не в силах. В 1767 г. он написал Екатерине II, что рекомендует ей для этой задачи кн. М. М. Щербатова.

В 1772 г. Миллер был поражен параличом, но тем не менее продолжал неустанно работать до самой своей смерти (1783).

Миллер заложил прочный фундамент для занятий русской историей, собрав громадное количество актового архивного материала и показав необходимость на нем основывать исследование русской истории. Несколько поколений русских историков и издателей документов по русской истории пользовались сокровищами миллеровских «портфелей».

Шлецер положил начало критическому изучению текста русских летописей.

В Россию Шлецера забросил случай. Еще будучи студентом Геттингенского университета, Шлецер заинтересовался библейским Востоком, для чего хотел поехать в Палестину. На это у него, однако, не было денег. Он тогда решил отправиться в Петербург, надеясь там заработать денег и оттуда пробраться на Восток.

В 1760 г. Шлецер написал Миллеру о своем намерении приехать в Петербург и просил Миллера помочь ему устроиться при академии. Миллер предложил ему место домашнего учителя для своих детей и помощника по изданию серии трудов по русской истории (*Sammlung Russischer Geschichte*) с жалованием 100 рублей в год. Шлецер ухватился за это предложение и приехал в Петербург. Сразу по приезде Шлецер начал изучать церковнославянский и русский языки.

Довольствоваться скромным положением в доме Миллера и быть помощником в его научной работе Шлецер не намеревался.

Себя он считал уже сложившимся ученым, а Миллера невеждой. Шлецер сблизился с секретарем академии Таубертом — врагом Миллера — и через него получил должность адъюнкта академии.

Уйдя от Миллера, Шлецер занялся изучением русской истории. Актового материала русской истории Шлецер почти не касался. «Если мне только верно сообщили, — говорит он, — древнейший акт, до сих пор не найденный, принадлежит Андрею Боголюбскому, который умер в 1158 году». (Андрей был убит в 1174 году.) Шлецер сосредоточился на изучении русских летопи-

сей. Тауберт передал ему рукописный немецкий перевод начальной летописи, сделанный монахом Александром-Невской лавры Адамом Селлием, датчанином по происхождению.

Шлецер сделал себе конспект перевода, а затем научился читать «Повесть временных лет» в оригинале, сравнивая несколько списков (в числе их некоторые — в составе поздних летописных сводов). Шлецер сразу же заметил зависимость начальной летописи от византийских источников. Тут Шлецер создал свою гипотезу, что разночтения в летописных списках произошли главным образом из-за ошибок невежественных переписчиков. На этой гипотезе он и основал дальнейшую свою работу над критикой летописного текста. Цель, которую он себе поставил, — восстановить первоначальный текст «очищенного Нестора».

Неудовлетворенный своим положением в Петербурге, Шлецер решил в 1764 году вернуться в Геттинген. По личному повелению Екатерины II Шлецер был назначен ординарным академиком с жалованьем 860 рублей в год. Вместе с тем императрица разрешила выдать ему заграничный паспорт. Контракт был подписан до 1770 года. По возвращении в Геттинген Шлецер получил кафедру философии в тамошнем университете. В 1769 году он издал пробный лист летописи с латинским переводом и разноречиями (*Probe Russischer Annalen*). После этого Шлецер был назначен почетным академиком с пожизненной пенсией. К нему иногда посылали для занятий молодых русских ученых. Немаловажное влияние оказал Шлецер на Карамзина. Когда в 1804 г. было основано в Москве «Общество истории и древностей российских», Карамзин и Шлецер были избраны почетными членами.

Шлецер вернулся к русским летописям только в конце жизни, написав книгу, которую он озаглавил «Нестор». В ней он развил прежние свои взгляды на русское летописание и древний период русской истории. Книга была издана по-немецки в четырех томах в 1802–1805 гг. и посвящена Александру I. Русский перевод появился в трех томах в 1809–1810 годах.

Несмотря на то, что Шлецер шел по ложному пути, книга его имела громадное положительное влияние на дальнейшее развитие русской исторической науки. Важен был самый факт внесения каких бы то ни было критических приемов в изучение летописных текстов. На этой основе и процвела в дальнейшем эта отрасль русской исторической науки.

Четвертым академиком, занимавшимся русской историей, был Ломоносов. Его задачей было написать хорошим слогом популярную историю России, чтобы показать в противовес Байеру и Шлецеру, что русские уже на заре их истории сумели создать свое государство и что они не были дикари. Подход Ломоносова к его историческому труду был, таким образом, литературный и патриотический. При этом естественно, что Ломоносов выступил против норманнской теории.

Чтобы понять его взгляды, надо вспомнить, как описывал Шлецер культурный уровень Руси IX–X веков. «Конечно, — писал Шлецер, — люди тут были, Бог знает с каких пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса».

В противоположность такого рода взглядам немцев-норманистов Ломоносов заявил, во вступлении к своей «Древней российской истории»: «Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют внешние (т. е. иностранные) писатели». В этом вопросе, как показали дальнейшие исследования русской истории, особенно конца XIX и XX века, Ломоносов был прав.

Ценными чертами книги Ломоносова историк С. М. Соловьев считает умелое использование автором известий иностранных источников о славянах и Руси, а также вдумчивое сближение древнерусских языческих верований с современными Ломоносову простонародными обычаями, играми и песнями.

Другой труд Ломоносова — «Краткий российский летописец» представляет собой сжатый очерк русской истории от древнейших времен до Петра Великого включительно. Очерк начинается историей происхождения русского народа, затем сообщаются главные события каждого царствования. К этому приложена родословная таблица российских государей. В эпоху Екатерины II «Краткий российский летописец» служил школьным учебником русской истории.

VI

Перейдем теперь к трудам В. Н. Татищева, кн. М. М. Щербатова и И. Н. Болтина.

Ни один из них не был профессиональным ученым, и тем не менее вклад каждого в русскую историческую науку был очень значителен.

Василий Никитич Татищев (1686–1750), младший современник Петра Великого, был одним из талантливых дельцов, выдвинутых Петровской эпохой. Он занимал ответственные посты на государственной службе (последняя его должность — астраханский губернатор). Изъездил всю Россию и основательно ознакомился с ее экономикой, управлением, этнографией и условиями народной жизни.

Татищев был сыном псковского помещика. О ранних годах его жизни почти ничего не известно. В молодости он учился артиллерийскому и инженерному делу в Артиллерийской академии под руководством одного из самых просвещенных сподвижников Петра — Якова Вилимовича Брюса (1670–1735). Татищев деятельно участвовал в русско-шведской войне. Побывал в Германии (1713–1714) и вывез оттуда много книг, положивших начало его богатой библиотеке.

В 1717 году Татищев был командирован Петром в Гданьск для переговоров о выплате городом наложенной на него контрибуции.

В том же году Татищев участвовал в Аландском конгрессе представителей России и Швеции для переговоров о заключении мира. Татищев состоял при Брюсе, одном из двух русских уполномоченных. Сговориться о мире не удалось, и конгресс разъехался.

В 1719 году Петр хотел поручить Брюсу составление подробной географии России. Брюс был в это время по горло занят (он был сенатором и президентом берг- и мануфактур-коллегии) и вместо себя рекомендовал Петру Татищева.

Татищев представил Петру докладную записку о плане своей работы, которую Петр одобрил. Уже в это время Татищев увидел, что ввиду неразработанности истории России ему необходимо будет изучать совместно и географию и историю Русского государства. Петр выдал ему из своей библиотеки «Древнюю Нестерову летопись», которую Татищев скоро списал.

В начале 1720 года Брюс командировал Татищева на Урал для устройства горных заводов. Дело было ответственное и хлопотливое. Тем не менее Татищев сумел найти время для собирания исторических и географических материалов. Он нашел еще список «Нестеровой летописи» и, сверяя его со своей копией, обнаружил значительную «разность», что побудило его продол-

жать поиски. В это время он начал уже вырабатывать план своей «Истории Российской».

Прибыв в начале 1722 года в Петербург, Татищев показал Брюсу и архиепископу Феофану Прокоповичу план своей истории и просил их помочь нужными ему книгами, часть которых имелась в Петербурге, а часть была выписана для него из Германии.

В декабре того же года Татищев опять был послан на Урал и в Зауралье, как помощник главного директора «Сибирских заводов» В. И. Геннина. В конце 1723 года Татищев был вызван в Петербург с докладами Геннина и там остался.

В ноябре 1724 г. Петр послал Татищева в Швецию «для некоторых секретных дел». Он должен был ознакомиться с положением в Швеции горного и монетного дела и мануфактур, нанимать на русскую службу разных мастеров, «стараться о помещении русских в учение горному делу и «смотреть и уведомиться о политическом состоянии, явных поступках и скрытых намерениях оного государства».

Татищев не преминул воспользоваться поездкой в Стокгольм и для своих научных интересов и вошел в сношение со шведскими историками, указавшими ему на существование важных для русских историков скандинавских саг еще языческого периода. Ему помогло, что еще ранее в Сибири он познакомился с некоторыми сосланными туда военнопленными шведами, в том числе с полковником Табортом, который путешествовал по всей Сибири, собирая материалы для ее описания. Вернувшись в Швецию после окончания войны, он был возведен в дворянство под фамилией Страленберг. Когда Татищев встретил его опять в Стокгольме, Страленберг готовил к печати (по-немецки) свою книгу «Северная и восточная часть Европы и Азии». В марте 1734 г. Татищев был назначен главным начальником горных заводов Сибири и Пермского края. В данной ему инструкции был особый пункт об изучении всего обширного края, в котором находились заводы. По всей вероятности, этот пункт был внесен по совету самого Татищева. Вскоре после прибытия в Екатеринбург Татищев составил вопросник (анкету), которую по его просьбе сибирский губернатор из Тобольска разослал во все сибирские города. Поступление ответов шло медленно, некоторые ответы были слишком кратки, но все же у Татищева накопилось достаточно сведений, чтобы начать составлять «Общее географическое опи-

сание всея Сибири». Труд этот остался незаконченным. Вместо того Татищев приступил к составлению «Общего географического описания всея России». Работа шла медленно из-за недостатка известий, поступивших в ответ на его анкеты.

Татищев успел написать только общее введение. Многие из своих материалов и писаний Татищев посылал в Академию наук. Далеко не все это сохранилось (вероятно, не все еще найдено).

В своей совокупности эти труды Татищева имеют большое значение в развитии русской географической науки. В 1950 году А. И. Андреев опубликовал «Избранные труды Татищева по географии России» отдельным сборником.

Одновременно с собиранием географических сведений и своей административной службой Татищев продолжал и писание «Истории Российской». Закончил он ее в 1746 году. Через два года он составил вторую редакцию своего труда. В этой редакции она и была издана в пяти томах уже после смерти автора. Первые три тома были напечатаны Г. Ф. Миллером (1768–1774); четвертый том появился в 1784 г., а пятый — только в 1849 году.

Недавно Ленинградское отделение института истории Академии наук предприняло новое издание Татищева и после длительной подготовки выпустило его в свет в семи томах (1962–1968). В редакции этого издания и в ряде пояснительных статей в отдельных томах приняли участие такие видные историки и археографы, как А. И. Андреев, С. Н. Валк и М. Н. Тихомиров. В новом издании приняты во внимание обе редакции татищевского труда, что очень важно, особенно для второй части (от начала Руси до Батыева нашествия 1238 года). В этой части Татищев несколько «подновил», а в некоторых местах распространил изложение древнего текста летописей. Между тем для историков совершенно необходимо было ознакомиться с первой редакцией, сохранившей точную передачу Татищевым своих источников. Многие из этих источников не сохранились, так что вторая часть татищевской «Истории Российской» является для нас как бы первоисточником.

Теперь этот пробел восстановлен. В новом издании татищевского труда вторая редакция напечатана во II и III томах, а первая — в IV томе. В следующих томах даются, где надо, варианты и разночтения для дальнейших времен.

Основным источником Татищеву служили летописи, включая и поздние летописные своды, Хронограф, Степенная книга и со-

чинения князя А. М. Курбского и Авраамия Палицына. Кроме того, некоторые юридические источники, в особенности «Русская Правда» XI–XII веков и Судебник 1550 года, которые он сам открыл в 1730-х годах. Татищев переписал «Русскую Правду» (из списка Новгородской летописи конца XV века) и, снабдив переводом и примечаниями, представил в Академию наук. Издана была «Русская Правда» Шлецером (по рукописи Татищева) в 1767 г. Рукопись Судебника Татищев поднес императрице Анне Иоановне, а снятую им копию передал в Академию наук. С этой копии Судебник был издан Г. Ф. Миллером в 1768 году.

В предисловии к своему труду Татищев разделяет ход русской истории на четыре периода: (1) древнейший (до 860 г.), в котором действовали скифы, сарматы и славяне; (2) от 860 года до нашествия татар в 1238 г.; (3) от пришествия татар до свержения их власти «первым царем Иваном Великим» (Иван III); (4) от Ивана III до избрания на престол Михаила Федоровича Романова. Этого деления на периоды держались в общем все последующие русские историки.

В черновой рукописи остались у Татищева материалы о царствовании Федора Алексеевича и правлении царевны Софьи. Эти материалы напечатаны в VII томе нового издания.

У Татищева не было специальной подготовки к ученому труду, но у него была широта кругозора и глубокое чувство связи прошлого с настоящим. Он вносит в понимание прошлого свой личный жизненный опыт. Так, он объясняет смысл московского законодательства обычаями судебной практики его времени и воспоминаниями о нравах конца XVII века. Приобретенное им на государственной службе личное знание жизни инородцев (калмыков, башкир, татар) помогло ему уяснить древнюю этнографию России.

В своем общем мировоззрении Татищев может быть назван утилитаристом. Основой его взглядов была модная в то время теория естественного права и естественной морали. Свое мирозерцание Татищев изложил в сочинении «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ».

Этот «Разговор» написан под влиянием основателя теории естественного права Самуила Пуфендорфа и «Философского словаря» протестантского богослова Иоанна-Георга Вальха. «Естественный закон» не противоречит «закону Божественному», так как желание благополучия в человеке от Бога вкорено есть».

Разумное удовлетворение потребностей и есть добродетель. Для нашего благополучия нам нужна любовь и помощь других, потому мы «должны любовь к другим заимодательно изъавлять».

Природные силы ума надо развивать наукой. «Главная наука есть чтобы человек мог себя познать». Нужные для человека науки включают «телесное», «политическое» и «душевное» самопознание (медицина, экономика, законоучение, логика, богословие). Историю Татищев понимал как народное самопознание.

VIII

Преемником Миллера в звании российского историографа был князь Михаил Михайлович Щербатов. Князья Щербатовы происходили от Михаила Черниговского и были отраслью князей Оболенских. Михаил Михайлович был пропитан чувством достоинства своего аристократического происхождения.

Взгляды свои он развил в выступлениях на заседаниях Екатерининской комиссии для составления нового уложения (1767–1768), куда он был выбран депутатом от ярославского дворянства. Щербатов восстал там против законов Петра, согласно которым доступ в дворянство был открыт выслугой по государственной службе. Щербатов старался доказать, что дворянство пошло от предков, отличившихся доблестями на пользу отечества. Эти доблести сделались наследственными качествами дворянского сословия. Это исторически воспитанное сословие и должно стать во главе народа. Щербатов возражал также против приписки крестьян к горным заводам и требовал, чтобы только дворяне могли владеть крепостными крестьянами.

Речи Щербатова были восторженно встречены большинством депутатов от родовитого дворянства, но вызвали яростные возражения со стороны дворян, достигших дворянства службой, а также со стороны депутатов от купечества и крестьян.

Интерес Щербатова к истории своего рода и вообще знатных дворянских родов выразился, в собирании им сведений по истории дворянства в России — еще до того, как он начал писать свою «Историю Российскую». Это уже дало ему некоторые знания по русской истории.

В государственной службе Щербатов пошел по гражданскому ведомству. Был одно время герольдмейстером, потом президентом камер-коллегии и, наконец, сенатором.

К писанию русской истории Щербатов приступил не раньше 1767 года. Екатерина дала ему разрешение брать нужные для работы материалы из патриаршей и типографической библиотек, которые были главным хранилищем летописных списков, а также пользоваться документами московского архива Коллегии иностранных дел.

Несмотря на обязанности Щербатова по государственной службе, дело писания истории пошло быстро. К середине 1769 года он уже окончил два первых тома, дойдя до монгольского нашествия 1238 года (напечатаны в 1770–1771 годах). Дальнейшие тома следовали с небольшими промежутками. Последние два — XIV и XV — напечатаны уже после смерти автора. Изложение русской истории Щербатову удалось довести до свержения с престола царя Василия Шуйского (1610).

«История» Щербатова — первое в русской историографии подробное прагматическое изложение хода русской истории. Труд Щербатова некоторые современники подвергли строгой критике, указывали на ошибки, но это не разрушает его выдающегося положения в русской историографии XVIII века. Слабее всего были первые тома, основанные главным образом на летописях. Но по мере того, как изложение Щербатова основывается на все более обильном актовом материале, возрастает и ценность его труда.

Основная точка зрения Щербатова на историю может быть названа рационалистическим прагматизмом. Ход событий объясняется как результат сознательной деятельности правящих личностей, подчиняющих своей воле волю массы.

«Хотя, конечно, должность всякого государя есть — наиболее всего пользу и спокойствие своих народов наблюдать, но, к несчастью рода человеческого, история света нам часто показывает, что благо государства был только вид, прямая же причина деяний — или славолубие, или собственное какое пристрастие государей».

Третий выдающийся русский историк XVIII века Иван Никитич Болтин родился в 1735 г. и умер в 1792 г. Происходил из старинной дворянской семьи. Первоначальное образование получил дома. Служил в армии. В 1768 г. вышел в отставку с чином премьер-майора и одно время служил по гражданскому ведомст-

ву. Последняя его должность — член Военной коллегии с чином генерал-майора.

Болтин начал писать о русской истории только к концу своей жизни, но начал думать о ней и собирать сведения с раннего возраста. У него было не менее сильное, чем у Татищева, врожденное чувство исторического процесса, неразрывной связи настоящего с прошлым и невозможности осмыслить одно без другого.

Строгий в понимании обязанностей историка Болтин считал, что его дело прежде всего собирание и предварительная обработка материалов для писания истории.

Нужен был подходящий повод, чтобы он начал пользоваться собранными им знаниями. Этим поводом было появление на французском языке «Истории России» французского доктора Николая Леклерка. Леклерк несколько раз приезжал в Россию при Елизавете и при Екатерине. Одно время был врачом при президенте Академии наук графе Кирилле Разумовском, а затем лейб-медиком при цесаревиче Павле. Побывав в России, он счел себя специалистом по руссиеведению и написал шеститомную обширную компиляцию по русской истории. Первый том ее был напечатан в 1783 г. Леклеркова «История России» написана с большим самомнением и полна ошибок.

Болтина задело за живое, и он решил критически разобрать книгу Леклерка и попутно высказать свои взгляды на русскую историю. Ключевский думает, что Болтина на это выступление подвиг Г. А. Потемкин, его бывший однополчанин на военной службе.

Так появился на свет двухтомный труд Болтина «Примечания на историю древней и нынешней России г-на Леклерка» (1788). Так как Леклерк перед тем, как начать писать свое сочинение, получил резюме русской истории (от Рюрика до царя Федора Ивановича) и некоторые другие материалы от Щербатова, то Болтин в своей книге задел и Щербатова. Последний напечатал возражение Болтину (1789). Болтин немедленно написал резкую отповедь, а затем начал писать «Критические примечания на историю кн. Щербатова». Этот его труд в двух частях появился уже по смерти обоих писателей (1793–1794).

При изложении хода древней русской истории Болтин пользовался главным образом Татищевым. Болтин интересовался не столько событиями, сколько характером и условиями народной

жизни — законами, учреждениями, уровнем культуры, нравами и обычаями.

Сильная сторона Болтина — его вдумчивый комментарий к тексту древних памятников русского права. «Некоторые термины, учреждения, черты быта Древней Руси объяснены им так основательно, что с небольшими поправками его объяснения имеют силу и теперь (например, толкование терминов «Русской Правды») (Ключевский).

Болтин первый из русских историков поставил вопрос о происхождении крепостного права. «Первый источник этого состояния он видит в падении крестьянского права перехода. Он (Болтин) только смешивает ограничение этого перехода с полным его запрещением, которое он относит к концу XVI века, к царствованию Федора. Крестьяне, по мнению Болтина, сначала были прикреплены к землевладельцу по земле; потом владельцы присвоили себе право переселять крестьян, а наконец, присвоили и бесконтрольное пользование самой личностью крестьян, как холопством» (Ключевский).

IX

К концу XVIII века серьезный интерес к отечественной истории сильно возрос. К этому времени издано было значительное количество летописных списков и ценных памятников русского права. Возник довольно широкий круг любителей русской старины, искавших в истории аргументов для защиты самобытности русской культуры в противоположность повальному увлечению французскими модами и французским вольнодумством.

Одним из видных таких любителей был граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин (1741–1817). Он получил образование в артиллерийском училище и состоял одно время адъютантом при графе Г. Орлове. По выходе в отставку он предпринял трехлетнее путешествие по Европе. По возвращении он был церемониймейстером при дворе Екатерины, потом обер-прокурором синода и, наконец, президентом Академии художеств.

Главная его страсть была собирать письменные памятники отечественной старины. В провинции он имел комиссионеров для покупки старинных рукописей. Когда он был назначен обер-прокурором синода (1791), среди его подчиненных оказались

знающие дело помощники из духовенства. По его совету Екатерина издала указ об извлечении из монастырских архивов старинных документов и посылке их в распоряжение синода.

Таким образом, у Мусина-Пушкина образовалось громадное собрание драгоценных памятников старины, с которыми он сам только постепенно знакомился и самые интересные находки издавал. Так в 1795 году он нашел у себя сборник древнерусских повестей, составленный и записанный, по всем признакам, в Пскове в XVI веке. В конце этого сборника помещено знаменитое «Слово о полку Игореве». *

В 1800 году Мусин-Пушкин напечатал «Слово» по подлиннику с помощью ученых архивариусов Н. Бантыш-Каменского и А. Малиновского. Вероятно, по их совету незадолго до 1812 года Мусин-Пушкин обратился к Александру I с прошением о присоединении его рукописного собрания к Московскому архиву иностранных дел.

Прошению не был дан сразу ход, в 1812 году французы пришли в Москву, и дом Мусина-Пушкина сгорел дотла вместе с его библиотекой, в том числе и подлинником «Слова».

1770-е и 1780-е годы — время необыкновенного оживления умственной и литературной деятельности в России. Появилось множество литературных журналов и журнальчиков, полемизировавших между собой. На гребне этого подъема стоял Николай Иванович Новиков (1741–1818). Он интересовался и русской историей и издал ряд ценных исторических материалов («Древняя российская вивлиофика»).

В русском обществе появился интерес к обсуждению литературы и общественных вопросов — и в частных беседах, и в различных дружеских кружках. Это была эпоха зарождения в России общественного мнения.

Большинство этих кружков и содружеств принимало форму масонских лож. В царствование Екатерины II масонство широко распространилось среди русской аристократии и офицеров армии и флота. Цели масонства XVIII века — нравственно облагораживать своих адептов и объединять их на началах брат-

* См. вступительные замечания Р. О. Якобсона в книге «La Geste du Prince Igor» *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves*, VI (New York), 1948, pp. 5–11.

В 1795–1796 г. была сделана копия «Слова» для Екатерины II.

ства, равенства, взаимопомощи. Заседания лож облечены были в сложный символический ритуал, описанный Львом Толстым в «Войне и мире».

Масонами были и князь Щербатов, и Болтин, и Новиков. В 1785 г. вступил в масонство будущий историк Н. М. Карамзин. Пробыв в масонстве три года, он из него вышел.

В первую половину царствования Екатерины в русском масонстве господствовали рационалистические течения, а в конце 1770-х годов и в 1780-х годах возобладал мистицизм. К мистицизму склонен был и Новиков.

В мае 1779 года куратор Московского университета М. М. Херасков (масон) предложил Новикову взять в аренду на десять лет университетскую типографию и издание газеты «Московские ведомости». Новиков согласился и переехал из Петербурга в Москву. Там он развил свою издательскую и просветительную деятельность с необычайным размахом. Вместе с тем он вступил в московскую масонскую организацию, состоящую тогда из нескольких лож.

Из Москвы заправила масонских лож вошли в сношения с орденом розенкрейцеров, претендовавших на знание высших тайн (центр розенкрейцеров был в Германии). Новиков стал во главе московской ветви розенкрейцеров и даже занялся алхимией, которая была в почете у розенкрейцеров. Новиков использовал свои алхимические знания для составления лекарств, которыми он лечил своих знакомых.

1 мая 1789 года кончился десятилетний контракт Новикова с Московским университетом относительно аренды типографии и издания «Московских ведомостей». Новиков рассчитывал на продолжение контракта, но Екатерина запретила университету это сделать.

Екатерина уже перед тем стала относиться подозрительно к деятельности Новикова. Одной из причин ее беспокойства были связи ее сына Павла Петровича (с которым она была не в ладах) с Пруссией, в частности с Берлинскими розенкрейцерами. К тому же прежний союз России с Пруссией был в 1780 году заменен сближением с Австрией, а отношения с Пруссией у России испортились.

Затем началась французская революция. В 1792 году Новиков был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Екатерина умерла 6 ноября 1796 г.

В первый же день своего царствования Павел Петрович издал приказ об освобождении Новикова. Новиков был заключен в крепость еще в полном расцвете сил и энергии, а вышел оттуда «дряхл, стар, согбен». Он поселился в своем имении Авдотьино Московской губернии и прожил там почти безвыездно до смерти.

Значение Новикова в истории русского общества очень велико. Новиков пробуждал в окружающих самостоятельную мысль и заражал их горением своего духа. В частности, общение с Новиковым и его кружком было поворотным пунктом в нравственном и литературном образовании Н. М. Карамзина.

Карамзин (1766–1826) стоит на грани двух веков. Основы его, как писателя и историка, заложены были в XVIII веке, а главный труд «История государства Российского» открывает собою уже новую эпоху в русской историографии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Приводятся только самые необходимые для моей задачи труды. Во многих из них имеются дальнейшие библиографические указания. Главные труды самих ученых упоминаются в тексте статьи.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Выпуск 2, XVII век, первая половина. (Москва–Ленинград, 1965).

Андреев А. И. и Модзалевский Б. Л., редакторы. «Ломоносов, сборник статей и материалов». (Москва–Ленинград, 1940).

Берг Л. С. Очерк истории русской географической науки вплоть до 1923 года. (Ленинград, 1929).

Вернадский В. И. О значении трудов Ломоносова в минералогии и геологии. «Ломоносовский сборник». (Москва, 1901). (В этом сборнике каждая статья имеет отдельную пагинацию.)

Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II (Петроград, 1917).

Vernadsky, G. Rise of Science in Russia 1700–1917. Russian Review. Vol. 28, pg. 37–52 (1969).

Тейерманс Г. Л. Татищевские списки «Русской Правды», «Проблемы источниковедения» III, стр. 162–174 (Москва–Ленинград, 1940).

История естествознания в России, под редакцией Н. А. Фигуревско-го, В. П. Зубова и С. П. Микулинского. 3 тома (Москва, 1957–1962).

Кеппен Ф. П. Ученые труды П. С. Палласа, Журнал Министерства народного просвещения, 1895, апрель, стр. 386–437.

Кизеветтер А. А. Московский университет, исторический очерк, «Московский университет 1755–1930» (Париж, 1930), стр. 9–140.

5 Г. В. Вернадский

Ключевский В. О. Лекции по русской историографии, «Сочинения», VIII (Москва, 1959), стр. 396–488.

Кузнецов И. В. редактор. Люди русской науки, 2 тома (Москва, 1961–1962).

Меншуткин Б. Н. Жизнеописание М. В. Ломоносова. (Москва–Ленинград, 1937).

Миллер Г. Ф. Описание моих служб. (Автобиография). Миллер, История Сибири, 1 (Москва–Ленинград, 1937) стр. 147–155.

Пыпин А. Н. Русское масонство, XVIII и первая четверть XIX века. Редакция и примечания Г. В. Вернадского (Петроград, 1916).

Райнов Т. И. Русское естествознание второй половины XVIII века и Ломоносов. «Ломоносов» под редакцией А. И. Андреева и Б. Л. Модзалевского, стр. 318–388.

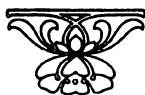
Рязановский В. А. Обзор русской культуры, часть II, выпуски 1–2 (Нью-Йорк, 1947–1948).

Рязановский В. А. Развитие русской научной мысли в XVIII–XIX столетиях (Науки о природе) (Нью-Йорк, 1949).

Соловьев С. М. История России с древнейших времен, тома XIII–XXIX (Москва 1962–66).

Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века. (Москва, 1957).

Vucinich. A. Science in Russian Culture. A History to 1860 (Stanford, 1963).





ОЧЕРКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1801–1920 гг.

Предисловие

Задача моя в написании этих «Очерков» была двоякая: проследить главные линии русской исторической мысли и дать характеристику творчества ведущих русских историков. Я не задавался целью дать отчет о всех деятелях русской исторической науки. Их было так много, что если упоминать всех, дело свелось бы к перечню имен. Я ограничился характеристикой только тех историков, которые, по моему разумению, оказали существенное влияние на развитие русской историографии, а потому не коснулся деятельности некоторых других, даже крупных ученых. В результате разгрома русской исторической науки в 1920 году значительное число русских историков эмигрировало за границу. Я описываю подробно судьбу тех эмигрантов-историков, которые были в момент эмиграции вполне сложившимися учеными и продолжали свою деятельность за рубежом (Миллюков, Кизеветтер). Я не описываю работы эмигрировавших молодых историков, которые в России только вступили на ученую дорогу и главные труды которых созданы были на чужбине (А. Б. Флоровский, В. Б. Ельяшевич, П. Е. Ковалевский, С. Г. Пушкикарев, М. М. Карпович, Г. В. Вернадский, М. В. Шахматов). Судьбу историков, оставшихся в России, я упоминаю вкратце и трудов их, написанных после 1920 года, почти не касаюсь. Их достижения принадлежат к русской историографии советской эпохи.



Часть II. XIX и начало XX века (1801–1920)

Первый отдел

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Введение

К началу XIX века русскими и обрусевшими естествоиспытателями и историками заложен был прочный фундамент для дальнейшего развития русской науки. Не все их достижения были сразу освоены и оценены современниками и потомством. Многие гениальные провидения Ломоносова, например, или не были опубликованы, или остались в рукописном виде и были обнаружены только в начале XX века. В подобных случаях научные открытия и гипотезы обыкновенно не находят себе места во внешней истории науки. Но, как указывает В. И. Вернадский, такие открытия и гипотезы имеют большое значение для понимания внутреннего развития научной мысли человечества. «Жизнь отдельного мыслителя или ученого, который в стороне от главного русла человеческой мысли достиг правильного взгляда или нашел верное решение в его время неизвестного, — проходит даром и является не без причины (В. И. Вернадский. «О значении трудов М. В. Ломоносова в минералогии и геологии», стр. 2). Эти мысли вполне приложимы и к развитию исторической науки. Нередки случаи в истории науки, когда несколько ученых в разных странах одновременно, но независимо друг от друга начинают заниматься одним и тем же вопросом. Так, в середине XVIII века грозное электричество одновременно стали исследовать Ломоносов и Рихман в России, Франклин в Америке и Далибор во Франции, это означает, что в этой области знания подымающийся уровень науки, создаваемый ведущими учеными разных стран, дал возможность поставить на разрешение данный вопрос. Обратимся теперь к предпосылкам и характеру развития исторической науки в России в XIX веке. В начале этого века открыто было несколько новых университетов — немецкий в Дерпте, 1802 г., Казанский, Харьковский, польский в Вильне (1804) и Петербургский (1819). Из питомцев Московского и этих

новых университетов стали понемногу появляться новые русские ученые. Начиная с 1840-х годов, число русских историков стало быстро возрастать. На дальнейшее развитие русской исторической мысли оказал большое влияние немецкий идеализм — Кант (1724–1804 гг.), Гегель (1770–1831) и Шеллинг (1775–1854). К концу XIX века в России начинают выступать представители марксистского материализма, философски основанного на гегельянстве. После большевистского переворота 1917 года марксизм становится обязательной и единственно дозволенной доктриной. Большой толчок к развитию русской исторической науки был дан освобождением крепостных крестьян и вообще эпохой реформ Александра II. Университетское преподавание стало более свободным и цензура печати более либеральной. Освобождение крестьян создало целую школу русских историков, сосредоточивших свое внимание на истории крестьян и крестьянского вопроса. Этой теме были посвящены книги В. И. Семевского и несколько статей В. О. Ключевского («Крестьяне в России»), труды Н. И. Кареева («Франция»), И. В. Лучицкого («Западная Европа»), П. Г. Виноградова («Италия и Англия»).

I

Н. М. Карамзин (1766–1826)

Николай Михайлович Карамзин происходил из старого дворянского рода, упоминаемого еще в XVI веке. Родился в Симбирской губернии в имении своего отца. Девятилетним мальчиком пристрастился к чтению старинных романов, развивших в нем природную чувствительность. На четырнадцатом году был привезен в Москву и отдан в пансион профессора Шадена, посещающий и университет. В 1784 году поселяется в Москве и сближается с масонским кружком Новикова. В масонстве Карамзин пробыл всего два года и потом отошел от него, но общение с новиковским кружком имело на него большое влияние. Он вырос нравственно и умственно, развил вкус к литературе и заинтересовался русской историей. В мае 1789 года он предпринял длительное путешествие, из которого вернулся в сентябре 1790 года. Объехал всю Западную Европу: Германию, Швейцарию, Францию, Англию. Дорогой он записывал свои впечатления и,

вернувшись в Россию, обработал их для печати и издал в шести частях («Письма русского путешественника», 1797–1801).

Эта поездка имела огромное значение для развития Карамзина как писателя.

Результатом ее была реформа русского литературного языка. Создателем русского литературного языка нового периода был Ломоносов. Карамзин задался целью устранить зависимость русского литературного языка от церковнославянского и латинского и заменить ломоносовский стиль более элегантным (по мнению Карамзина) французским литературным стилем.

Реформа эта не приблизила литературный русский язык к разговорному. Она «только заменила один иностранный образец другим... Можно сомневаться в пользе исключения многих церковнославянских синонимов русских слов: они придавали красочность и разнообразие... Карамзин увеличил брешь между языком образованного общества и народным языком... Оправдание карамзинского стиля в том, что он стал языком Пушкина».*

Обратимся теперь к развитию общего мировоззрения Карамзина и к начальной поре его занятий историей. Среди европейских мыслителей, оказавших влияние на Карамзина во время его путешествия, почетное место в «Письмах» Карамзин отвел Гердеру (1744–1803), автору замечательной книги: «Мысли о философии истории человечества» (*Ideen zur Philosophie der Menschengeschichte*). Гердер проповедовал, что между общечеловеческим и народным нет противоречия. Карамзин в своих «Письмах» выразил эту мысль несколько иначе: «Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно и для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек».

Карамзин начал думать о написании истории России с 1790 года. Более определенную форму приняли его мысли в 1793 году. Заявляя публике о прекращении в этом году издававшегося им «Московского журнала», Карамзин писал: «В тишине уединения я стану разбирать архивы древних литератур... буду учиться, буду пользоваться сокровищами древности, чтобы после приняться за такой труд, который бы мог остаться памятником души и сердца

*Prince D. S. Mirsky. A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoevsky (New York, pp. 79–80).

моего, если не для потомства (о чем и думать не смею), то, по крайней мере, для малочисленных моих друзей и приятелей». По первоначальному замыслу Карамзина, труд его жизни (История России) должен был носить литературный и патриотический характер.

«Тацит, Юм, Робертсон — вот образцы (писал Карамзин в 1790 году еще в Париже). — Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна. Не думаю, нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев. Родословная князей, их ссоры, междоусобия, набеги половцев не очень любопытны, соглашаюсь; но зачем наполнять ими целые томы? Что не важно, то сократить, но все черты, которые означают свойство народа русского, характер наших древних героев, отменных людей, происшествия действительно любопытные описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий — Владимир, свой Людовик XI — царь Иоанн, свой Кромвель — Годунов и еще такой государь, которому нигде не было подобного, — Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей истории и даже в истории человечества».

В 1797 году Карамзин уже много занимался русской историей. Он первый оповестил европейский ученый мир о находке «Слова о Полку Игореве». Его сообщение об этом было напечатано в гамбургском журнале *Spectateur du Nord* (октябрь 1797 года). В этом же году Карамзин женился на Елизавете Ивановне Протасьевой. Она умерла в 1802 году. Через два года Карамзин женился вторым браком на Екатерине Андреевне Колывановой из давно ему близкой семьи Вяземских. Она была одной из выдающихся женщин тогдашнего петербургского общества, была хорошо образована, интересовалась вопросами литературы и истории, помогала мужу править корректуры его «Истории». В 1803 Карамзин через посредство товарища министра народного просвещения Михаила Никитича Муравьева обратился к Александру I с просьбой о назначении его историографом с соответствующим жалованьем и правом на получение необходимых исторических источников. Просьба была удовлетворена. (Жалованье было назначено в размере двух тысяч рублей в год.)

С этих пор Карамзин погрузился в неустанную напряженную работу писания «Истории государства Российского». Он умер в разгаре работы, написав двенадцать томов и доведя изложение до 1610 года. Уже ко времени начала этой работы Карамзин увидел, что его первоначальный план труда — как литературно-патриотического — недостаточен, что ему необходимо дать научное основание его «Истории», то есть нужно изучить первоисточники. Он к этому и обратился, причем по мере хода работы он в нее втянулся и у него обнаружилось незаурядное критическое чутье.

Теперь Карамзин был поставлен перед дилеммой — как сочетать его два плана — литературный и документальный. Он вышел из этого затруднения, решив построить свою книгу, так сказать, в два яруса. Текст книги был им написан в литературном плане, а примечания выделены в отдельную серию томов, параллельную тексту. Таким образом, рядовой читатель мог читать текст книги, не заглядывая (или только изредка заглядывая) в примечания. Читатель же специалист по истории или серьезно интересующийся историей мог удобно пользоваться и примечаниями.

«Примечания» Карамзина представляют собой отдельный и чрезвычайно ценный труд, не потерявший своего значения для нашего времени, так как с тех пор некоторые из источников, использованных Карамзиным, были так или иначе утрачены или не разысканы.

Много материалов Карамзин нашел в Синодальной библиотеке.

До гибели собрания Мусина-Пушкина в московском пожаре Карамзин получил много ценнейших источников от него (Троицкую летопись Карамзин вернул Мусину по использованию, как оказалось, на погибель.)

Документы, хранившиеся в Московском архиве министерства, подыскивал для Карамзина директор архива Малиновский.

Основная идея, руководившая Карамзиным в сочинении «Истории государства Российского», — монархическая. Единство России, возглавленной монархом, которого поддерживает дворянство. Вся древняя русская история до Ивана III была, по Карамзину, длительным подготовительным процессом. С Ивана III начинается история единодержавия в России. В порядке своего изложения Карамзин шел по стопам «Истории Российской» кн. Щербатова (1733–1790). Но, не говоря о том, что в литературном отношении труд Карамзина гораздо талантливей, чем труд

Щербатова, Карамзин использовал гораздо большее количество источников, чем Щербатов, при том с гораздо более тонким пониманием и чутьем. Выход в свет «Истории государства Российского» явился событием в умственной жизни русского общества. Из восторженных откликов на труд Карамзина вспомним впечатления трех поэтов — Пушкина, князя Вяземского и Жуковского.

Пушкин в это время лежал в постели, оправляясь от гнилой горячки. «Это было в феврале 1818 года, — записал Пушкин, — первые восемь томов Русской истории Карамзина вышли в свет. Я прочел их в своей постели с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлось в один месяц — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Древняя Россия казалась найдена Карамзиным, как Америка Колумбом».

Вяземский выразил свои чувства так: «Карамзин — наш Кутузов 1812 года. Он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в 12-м году».

Отклик Жуковского: «Историю Карамзина можно назвать воскрешением прошедших веков нашего народа. По сию пору они были для нас только мертвыми мумиями... Теперь они все оживятся, подымутся, получат величественный привлекательный вид».

II

А. С. Пушкин (1799–1837)

Пушкин ценил труд Карамзина и как воскрешение прошлого русского народа и за литературный стиль и за ученость автора. Пушкин был многогранный гений. У него был живой интерес к истории и проникновенное историческое чутье. Более того — он не только много занимался историей, но выступил и как автор двух примечательных исторических трудов — «История Пугачевского бунта» и «История Петра Великого». «История Пугачевского бунта» вышла в свет в 1834 году. Это — первый по времени научный труд, посвященный Пугачевщине. «В нем со-

брано, — пишет Пушкин в предисловии, — все, что было обнаружено правительством касательно Пугачева и то, что мне показалось достоверным в иностранных писателях, говоривших о нем. Также имел я случай пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельством живых». Пушкин ходатайствовал, чтобы для него было распечатано дело о Пугачеве, хранившееся в Государственном архиве, но Николай I ему в этом отказал. В своем труде Пушкин в простой и ясной форме излагает причины Пугачевщины, ее быстрое развитие и наконец ее подавление правительственными войсками. Хотя в основном это рассказ о военных действиях, но на фоне их выявляется психология различных слоев населения (яицкие казаки, крепостные крестьяне, горнозаводские рабочие и т. д.)

Все это далеко от литературной манеры Карамзина, скорее в стиле Тацита. Но пока Пушкин писал этот труд, в голове его родились и художественные образы. Он их воплотил отдельно в «Капитанской дочке» (1834–1836). Пушкин интересовался с юности личностью и государственной деятельностью Петра. Отчасти тут был и семейный интерес — один из прародителей Пушкина был сподвижником Петра — абиссинский княжич Ганнибал. Пушкин дал яркий, слегка идеализированный образ Петра в своей повести «Арап Петра Великого» (1827). Кончив писать о Пугачевщине, Пушкин начал собирать исторические материалы о Петре и потом писать его историю. Труд этот был им не вполне закончен и отделан. Только сравнительно недавно разыскана была и затем напечатана его рукопись.

Пушкинская «История Петра Великого» написана в иной манере, чем «История Пугачевского бунта». В ней больше единства. Петру посвящено главное внимание автора. Личность Петра сливается с его государственной деятельностью.

По мере развертывания либеральной политики Александра I взгляды Карамзина становились все более консервативными.

В 1809 году Александр поручил М. М. Сперанскому разработать план государственных реформ, цель которых была придать русской монархии некоторую видимость правового государства. Осенью 1809 года план начал вводиться по частям. Был создан на новых основаниях Государственный совет для обсуждения новых законов. При разногласии императору предоставлялось утвердить мнение или большинства или меньшинства. В 1812 г. Сперанский был отставлен и выслан в Пермь.

План Сперанского, конечно, не был «конституцией», но открывал возможность введения конституционного режима в будущем. Карамзин был встревожен этой возможностью и написал возражение — «Записку о древней и новой России», в которой он стремился доказать, что единственное спасение России состоит в незыблемости самодержавия, опирающегося на дворянство. В этой «Записке» Карамзин резко критиковал либеральную политику Александра I и уверял, что вместо всех реформ достаточно было бы подыскать 50 хороших губернаторов и обеспечить стране хороших духовных пастырей.

В 1811 году Карамзин довел свою «Записку» до сведения Александра I при посредстве любимой сестры императора Екатерины Павловны. Она была замужем за принцем Георгом Ольденбургским. Дворец их был в Твери.

Карамзин прочел императору свою записку, но не получил одобрения.

III

Густав Эверс (1781–1830)

Младшим современником Карамзина был другой выдающийся историк — Густав Эверс. Сын лифляндского фермера Эверс учился в Германии, закончив свое образование в Геттингенском университете. По окончании университета в 1803 году Эверс вернулся в Эстонию, поселился около Дерпта, нашел себе место домашнего учителя в семье местного ландрата и начал заниматься русской историей. В 1808 году вышла его первая научная работа «Предварительные критические исследования для российской истории». Работа была написана по-немецки, как и все его дальнейшие труды, но в 1825 году был издан и русский перевод.

В противовес сторонникам норманнской теории происхождения русского государства (которую, по стопам Шлецера, принял и Карамзин) Эверс считал, что народ Русь — хазарского происхождения и первоначально жил на юге России (Черноморская Русь).

В год издания этой работы Эверс побывал в Петербурге для своих занятий и познакомился с Карамзиным. В это время Эверс начал уже подготавливать следующую книгу — «Русская история». Доведена она была до конца XVII века. Вышла в свет в 1816

году. В 1810 году Эверс был назначен профессором русской истории Дерптского университета.

Главный труд Эверса «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» появился в 1826 г. (по-немецки, потом было издано два русских перевода).

В этой монографии Эверс поставил себе целью изучение не событий русской истории, а внутреннего развития людского общества.

В предисловии к своему труду он писал: «Природа везде идет постепенно... Все является в строгой взаимосвязи». Все в истории «...проистекает из естественного хода развития рода человеческого...», «я намерен показать, на основании истории России, постепенный ход права, возникавшего из так называемого патриархального состояния гражданского общества».

Эверс считал, что «первоначально существует каждое семейство само по себе... Род объемлет собой многие семейства: в каждом из них отец есть господин... Из родов образуются племена, и главою племени становится тот же, кто был родоначальником. Начальник племени делается мало-помалу могущественным князем. Но первоначальное семейственное отношение, основанное на самой природе, долго еще сохраняет свою силу». Созданная Эверсом теория родового быта сыграла большую роль в дальнейшем ходе русской историографии. В несколько измененном виде она была позже развита Кавелиным и Соловьевым.

IV

Пособия исторической науки

Первая треть XIX века была периодом собирания исторических материалов и их публикации. Видную роль в этом движении сыграл дипломат граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826). В 1807 году он был назначен министром иностранных дел, а через два года возведен в звание канцлера. Румянцев интересовался политическими и историческими науками. Появление первых томов «Истории» Карамзина, как было уже сказано, повысило в русском обществе интерес к русской истории. Румянцев понял, что пришла пора подвести документальный фундамент под дальнейшее писа-

ние русской истории, и возглавил целое историко-археографическое движение. Вокруг него образовался кружок археографов — архивариусы московского архива Коллегии Иностранных дел — Н. Н. Бантыш-Каменский (1737–1814), А. Ф. Малиновский (1762–1840), К. Ф. Калайдович (1792–1832), П. М. Строев (1796–1876), археограф Я. И. Бередников (1793–1854), а также епископ (впоследствии митрополит Киевский) Евгений (Болховитинов), историк, автор исторического словаря российских духовных и светских писателей.

Главными помощниками Румянцева были Бантыш-Каменский (умер в 1814 году), Малиновский, Калайдович и Строев. В 1810 году Румянцев предложил Бантыш-Каменскому составить план издания собрания государственных грамот и договоров. План этот был скоро выполнен и утвержден Румянцевым. По ходатайству Румянцева Александр I учредил при Московском архиве комиссию для напечатания такого сборника. Все издержки Румянцев принял на свой счет. Первый том «Собрания Государственных грамот и договоров» вышел в 1813 году. Второй том появился в 1819 году, третий в 1822-м, а четвертый (уже после смерти Румянцева) в 1826 г. В 1894 году был напечатан дополнительный V том, куда вошли документы, в свое время отобранные для «Собрания», но оставшиеся неиспользованными.

Ценный вклад в собирание и печатание материалов по русской истории сделал Александр Иванович Тургенев (1785–1846), один из самых просвещенных русских интеллигентов первой половины XIX века с широким кругом интересов, включая русскую историю. Друг Карамзина и кн. Вяземского, он постоянно ездил в Европу и служил как бы посредником между умственной жизнью России и Европы.

Возвратимся к деятельности участников румянцевской комиссии для печатания государственных грамот и договоров. П. М. Строев в 1823 году был избран членом Общества истории и древностей при Московском университете (основано оно было в 1804 году). В первый год своего вступления Строев произнес вдохновенную речь, в которой предложил грандиозный план ряда археографических экспедиций для собирания в монастырских соборных хранилищах древних письменных памятников русской истории и словесности.

Большинство присутствующих членов общества сочло планы Строева за неосуществимые мечты. Ему дали средства для

обозрения одной только Новгородской Софийской библиотеки, которая и была им описана. Речь Строева даже не была напечатана в протоколах общества. Немного позже она появилась в петербургском журнале «Северный архив». По преданию, случилось так, что на напечатанную там речь Строева обратила внимание великая княгиня Мария Павловна, сестра Александра I, вышедшая в 1804 г. замуж за наследного принца Саксен-Веймарского Карла-Фридриха. По словам Шиллера, Мария Павловна обладала «большими способностями к живописи и музыке и действительной любовью к чтению». Обнадеженный заступничеством великой княгини Строев обратился к тогдашнему президенту Академии наук графу С. С. Уварову с изложением своего плана. Академия приняла план Строева и ассигновала десять тысяч рублей на его исполнение. Подобрал себе двух помощников, Строев 15 мая 1829 года выехал из Москвы к берегам Белого моря. Путешествие вышло чрезвычайно изнурительное. Плохие пути сообщения, убийственные гигиенические условия жизни, болезни, часто недоброжелательство невежественных хранителей архивов и библиотек — все это Строев перенес стоически, но оба его помощника через два месяца отказались следовать за ним. Строев заменил их Я. И. Бередниковым, который отнесся к делу так же горячо, как сам Строев. Экспедиция продолжалась пять с половиной лет. Строев и Бередников объездили всю северную и среднюю Россию, осмотрели больше 200 библиотек и архивов, списали до трех тысяч историко-юридических документов XIV–XVII веков, обследовали большое количество летописных списков. За путешествием Строева следила вся образованная Россия. Ученые обращались к нему, прося выписок, справок и советов. М. М. Сперанский, который тогда готовил к печати первые тома «Полного собрания законов Российской Империи», просил содействия Строева в собирании материалов. Отчеты о ходе работы экспедиции читались ежегодно 29 декабря в день годовичного заседания Академии наук. Когда экспедиция кончилась, при Министерстве народного просвещения для разбора и издания собранных Строевым и Бередниковым рукописей была учреждена постоянная Археографическая комиссия под председательством директора департамента народного просвещения князя Ширинского-Шихматова. Строев и Бередников были назначены членами комиссии (в 1838 году Бередников был назначен главным редактором издания комиссии).

Уже в 1836 году Археографическая комиссия издала четыре тома «Актов, собранных археографической экспедицией». За этим следовали «Акты юридические», «Акты исторические» (пять томов) и «Дополнения к актам историческим» (12 томов). Все это вместе представило громадный вклад в русскую историческую науку. С 1846 года комиссия принялась за систематическое издание «Полного собрания русских летописей». К этому надо прибавить правительственные издания. Второе отделение собственной его величества канцелярии не ограничилось публикацией «Полного собрания законов». Им были изданы также «Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными» (10 томов), «Дворцовые разряды» (5 томов) и «Книги разрядные» (2 тома).

V

Преемники Н. М. Карамзина

В 1830-х годах на смену Карамзину выступило несколько историков, придавших новое направление ходу русской исторической мысли. В противоположность Карамзину все они по своему происхождению были разночинцами. Старшим из них по возрасту был М. Т. Каченовский (1775–1842). Затем идут Н. А. Полевой (1796–1846), М. П. Погодин (1800–1875), Н. И. Надеждин (1804–1856) и Н. Г. Устрялов (1805–1870). К ним можно причислить и юриста К. А. Неволлина (1806–1855).

Михаил Трофимович Каченовский, основатель «скептической школы» в русской истории, происходил из обрусевшей греческой семьи. Тринадцати лет окончил Харьковский коллегиум, был на гражданской и военной службе. В 1790 году ему попались в руки сочинения Болтина, возбудившие в нем мысль о критической разработке источников русской истории. В 1801 году Каченовский получил место библиотекаря а потом начальника личной канцелярии графа Алексея Кирилловича Разумовского. С тех пор карьера Каченовского была обеспечена, тем более что в 1807 году Разумовский был назначен попечителем Московского университета.

Каченовский получил степень магистра философии в 1811 году и был назначен профессором Московского университета.

С 1821 по 1835 год он преподавал русскую историю. Несмотря на то, что Каченовский внешне был плохой лектор, он пользовался у своих слушателей громадным успехом.

Дух времени менялся, молодежь приветствовала развенчание прежних авторитетов. В своих критических примерах Каченовский сначала исходил от методов Шлецера, но потом в нем разочаровался. Его вдохновителем стал немецкий историк Нибуэр. Первый том «Римской истории» Нибуэра вышел в свет в Берлине в 1811 году и создал новую эпоху в историографии. Нибуэр отверг весь древнейший период римской истории как баснословный.

Идя по его стопам, Каченовский объявил баснословным весь киевский период. Источники этого периода — летописи, «Русскую правду», «Слово о полку Игореве» — Каченовский считал поддельными. Резко критиковал Каченовский и Карамзина.

Разница между Нибуэром и Каченовским была в том, что Нибуэр был тренированный ученый широкого кругозора и систематических знаний, а у Каченовского при всем его таланте не было достаточной подготовки к методической работе.

Тем не менее Каченовский и его «скептическая школа» (у него было несколько учеников и последователей) сыграли положительную роль в развитии русской исторической науки. Даже их противники стали относиться более вдумчиво и критически к своим изысканиям и к источникам. Одним из главных противников Каченовского был Михаил Петрович Погодин.

Погодин родился в Москве. Он был сын крепостного домоправителя одного из графов Строгановых. Обстановка барского двора развила в молодом Михаиле некоторый цинизм и вместе с тем житейскую практичность, умение приспособляться к людям и обстоятельствам. Он кончил первую московскую гимназию. Купил себе «Историю государства Российского», навсегда остался поклонником Карамзина и проникся духом патриотизма. В университете Погодин ознакомился с сочинениями Шлецера, который также имел на него большое влияние. Через год по окончании университета (в 1823 г.) Погодин успешно защитил магистерскую диссертацию «О начале Руси». В 1835 году он получил кафедру русской истории. В 1841 году Погодин был избран членом Академии наук по второму ее отделению (русского языка и словесности). Через три года после этого он вышел из состава профессоров Московского университета, но остался жить в Моск-

ве. Еще во время своего университетского преподавания он начал издавать свои «Исследования, замечания и лекции по русской истории» — самый ценный из его научных трудов. В нем он обнаружил большой критический талант. Погодин был страстным собирателем рукописей и всяких древностей и составил большое и очень ценное «Древлехранилище». Образовалась у него и большая библиотека. Рукописную часть «Древлехранилища» он в 1852 году продал в Публичную библиотеку в Петербурге.

Погодин следил за развитием европейской исторической науки. Несколько раз ездил за границу. В Париже посетил Гизо. Перед тем он ездил в Прагу и завязал близкие отношения с Шафариком, Ганкой и Палацким. С тех пор он заинтересовался славянским вопросом и начал отстаивать стремления западных и южных славян к национальному освобождению.

В политическом отношении Погодин был одним из видных представителей направления «официальной народности». Существование этого движения ярко выразил в 1832 году товарищ министра (позже министр) народного просвещения граф С. С. Уваров формулой «Православие, самодержавие и народность». После ухода из Московского университета Погодин занялся главным образом журналистикой. Вернулся он к научной деятельности только в конце жизни. В 1872 году он издал свою последнюю книгу «Древняя русская история до монгольского ига». Ничего нового он там уже не сказал.

Погодин не имел склонности к философскому мышлению. Тем более странным кажется его увлечение Шеллингом. Объясняется оно присущей ему сентиментальностью — тоже как будто противоречивая черта в его облике.

Подводя итоги, нельзя не признать, что Погодин представлял собою оригинальную и довольно крупную фигуру в развитии русской исторической науки.

К «скептической школе» иногда причисляют Николая Алексеевича Полевого, хотя он шел своим особым путем. Полевой был сыном небогатого курского купца (родился в Иркутске). У отца его была довольно большая библиотека, и еще мальчиком Полевой жадно набросился на беспорядочное чтение. В этом состояло его первоначальное образование. Позже упорным и настойчивым трудом он образовал себя сам. Отец готовил его к коммерческой деятельности и сделал своим приказчиком. С пятнадцатилетнего возраста отец начал посылать его по торговым поручениям, в

частности в Москву и Петербург. В Москве Полевой успел прослушать в университете несколько лекций Каченовского. Познакомился он и с некоторыми другими представителями тогдашней русской интеллигенции.

Вместе с тем служба приказчиком оставила на нем налет духа необходимой в торговом деле рекламы и даже саморекламы.

После смерти своего отца (1822) Полевой переселился в Москву и больше уже не занимался торговыми делами. Он с головой погрузился в журналистику, а потом обратился и к истории.

Как журналист Полевой проявил выдающийся талант. В 1825 году он основал лучший журнал этого времени — знаменитый «Московский телеграф». Полевой и сам писал в нем и сумел привлечь целую плеяду сотрудников — в том числе Пушкина и кн. Вяземского. Журнал этот имел небывалый успех среди читателей. Через четыре года после основания журнала в нем едва не произошел кризис. Полевой, который высоко ценил Карамзина как писателя и признавал его значение в создании нового литературного стиля, относился к нему резко отрицательно как к историку. В 1829 году Полевой выразил эти свои взгляды, поместив в «Московском телеграфе» рецензию на «Историю государства Российского». Рецензия вызвала возмущение со стороны Вяземского и Пушкина, которые ушли из журнала. Но другие сотрудники Полевого остались. Журнал распространял свое влияние все шире, но в 1834 году произошла катастрофа. Полевой напечатал неблагоприятный отзыв о шедшей в это время на сцене патриотической пьесе Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла». Между тем эта пьеса заслужила благоприятный отзыв Николая I. «Московский телеграф» был закрыт. Для Полевого это было трагедией и совершенно его надломило. Чтобы чем-нибудь заполнить образовавшуюся душевную пустоту, Полевой продолжал писать и печатать — выпустил «Историю Петра Великого», многочисленные исторические романы и драмы, но все это не могло сравниться с его прежними трудами. Он сам это чувствовал. Перед смертью, однако, он написал свою последнюю серьезную работу «Обозрение русской истории до единодержавия Петра Великого». В ней он высказал ряд интересных мыслей о сущности исторического процесса.

В своих философских взглядах Полевой был приверженцем шеллингизма. По-видимому, также на него оказали влияние и религиозно-мистические идеи Гердера.

«Жизнь есть не что иное, как борение двух начал: возрождения и разрушения, света и тьмы, стремление частей к самобытности и стремление целого совместить в себе самобытность частей. Окончание одной борьбы есть начало другой, могила прошедшего бытия — колыбель нового».

В противоположность Карамзину, который видел в азиатских народах злую силу русской истории, Полевой высказал новый взгляд — идею об особом месте России, сочетающей и примиряющей западное и восточное начало. Полевой видел коренную ошибку Карамзина уже в самом подходе его к своей задаче — написать «Историю государства Российского». Полевой считал, что теперь нужно написать историю русского народа. Он за это и взялся. Его главный труд в области истории так и называется (шесть томов, 1829–1833).

Полевой предполагал довести изложение до Петра Великого, но успел написать только до вступления на престол Бориса Годунова (1598). В своем изложении Полевой проводил параллель между историческими явлениями и общественными формами русской и европейской истории. Для Европы Полевой пользовался трудами Мишле, Гизо и Тьерри, но главным авторитетом для него, как и для Каченовского, был Нибуру. Ему Полевой и посвятил свой труд.

Появление «Истории русского народа» было большинством публики встречено крайне враждебно. В этом объединились почитатели Карамзина и писатели правительственного лагеря. К ним примкнули многие журналисты, обиженные политическими приемами Полевого. Особенно возмущались посвящением труда Полевого Нибуру.

С разбора этого посвящения начал свои замечания и Пушкин, который не мог простить Полевому его критического отношения к Карамзину. Как только вышел первый том «Истории русского народа», Пушкин решил написать рецензию и начал ее набрасывать. «Поневоле должны мы остановиться на первой строке посвящения: «Г-ну Нибуру, первому историку нашего века». Спрашивается: как и каким образом г. Полевой уполномочен назначать место писателям, заслужившим всемирную известность? Нет ли тут со стороны г. Полевого излишней самонадеянности?..» «Пусть приношение мое покажет вам, что в России столько же умеют ценить и почитать Вас, как и в других просвещенных стра-

нах мира». Опять! Как можно самого себя выдавать за представителя всей России?»

Первый том «Истории» Полевого Пушкин раскритиковал весь сплошь. Ко второму тому он, однако, отнесся милостивее и нашел в нем некоторые достоинства.

Первое время после смерти Полевого казалось, что его имя под своего рода бойкотом и что он забыт. Но это только казалось. Как выразился Милюков, «Историю русского народа» гораздо больше читали, чем цитировали», — потому что считалось как бы неприличным его упоминать. В действительности многие высказывания Полевого оказали влияние на дальнейшее развитие русской исторической мысли. Полевой является непосредственным предшественником органических взглядов Кавелина и Соловьева.

Талантливым журналистом был и Николай Иванович Надеждин.

Надеждин был сыном рязанского священника, учился в рязанской духовной семинарии, а потом в Духовной академии, где главным его руководителем был профессор Федор Александрович Голубинский (1797–1854), один из самых крупных русских мыслителей XIX века. Голубинский внимательно изучал Гегеля и Шеллинга, но построил свою собственную религиозную систему. Центральной идеей ее — основной интуицией Голубинского — была идея Бесконечного Бытия. Надеждин стал приверженцем шеллингизма. По окончании Духовной академии Надеждин занялся журналистикой и в 1831 году основал журнал «Телескоп». Вместе с тем он представил в Московский университет диссертацию о романтической поэзии и был назначен профессором. Читал теорию изящных искусств, археологию и логику. Надеждин был блестящим лектором, и лекции его производили глубокое впечатление на слушателей.

В своей диссертации и своих лекциях Надеждин знакомил слушателей и с мыслями Шеллинга. В числе тезисов диссертации Надеждин выставил положение «где жизнь, там и поэзия». Утверждал, что творческая сила есть не что иное, как «жизнь, воспроизводящая саму себя».

Считаю нужным подчеркнуть (так как об этом часто забывается), что Надеждин не был самоучкой, подобно Каченовскому и Полевому. В Московской духовной академии он получил солидную научную тренировку — гораздо более серьезную, чем подготовка, даваемая в тогдашнем Московском университете.

В 1836 году Надеждин напечатал в «Телескопе» «Философическое письмо» Чаадаева (первое из серии этих писем), в котором тот представил в мрачных красках прошлое и настоящее русского народа. «Телескоп» был закрыт по распоряжению правительства.

Надеждин на один год сослан в Усть-Сысольск.

Надеждин не пал духом. В ссылке он написал несколько статей для «Библиотеки для чтения» (в том числе «Об исторических трудах в России»). В 1843 году Надеждин был назначен редактором журнала Министерства внутренних дел. Напечатал там несколько ценных статей.

В 1847 году появилась в «Записках Русского географического общества» замечательная статья Надеждина «Об этнографическом изучении русского народа». В ней Надеждин как бы подвел итоги своим этнографическим исследованиям и широко наметил объем и задачи этнографической науки.

Академик А. Н. Пыпин в своей «Истории русской этнографии» характеризует метод Надеждина как этнографический прагматизм, исходящий из непосредственных точных фактов. Пыпин считает, что этим Надеждин оказал значительное влияние на дальнейшее развитие русской этнографической науки.

Особняком стоял младший из преемников Карамзина — профессор Петербургского университета Николай Герасимович Устрялов. Он учился в орловской гимназии, затем кончил курс в Петербургском университете и поступил на гражданскую службу. В 1829 году был приглашен лектором русского языка в Петербургский университет, но занялся, главным образом, русской историей.

Свою ученую деятельность он начал с издания некоторых важных источников русской истории XVI–XVII веков — «Сказания князя Курбского» и «Сказания современников о Дмитрие Самозванце».

С 1834 года начал читать лекции по русской истории. Получил степень доктора истории за рассуждение о системе прагматической русской истории и был затем избран членом Академии наук. В виде пособия к своим лекциям Устрялов издал книгу «Русская история» (пять томов).

В 1842 году Устрялов получил доступ в Государственный архив и занялся писанием «Истории царствования Петра Великого». Между 1858 и 1864 вышло в свет пять томов (из задуманных шести). Устрялов принес большую пользу развитию

русской исторической науки изданием ряда важных памятников русской истории, а также тем, что дал первое до Соловьева систематическое изложение хода русской истории.

Константин Алексеевич Неволин был сыном священника, воспитывался в вятской духовной семинарии, потом поступил студентом в Московскую духовную академию. Еще до окончания курса он в числе 20 студентов университетов и духовных академий был вызван в Петербург для подготовки на кафедру законоведения. С весны 1828 года все эти студенты начали свои занятия при Втором отделении собственной Его Императорского Величества канцелярии под руководством Балутянского по плану, выработанному Сперанским.

Через год им было произведено испытание, выдержав которое, они были командированы в Берлинский университет, где под главным руководством Савиньи изучали юридические науки. Неволин, кроме того, слушал лекции Гегеля (уже последний семестр его преподавания — Гегель умер 14 ноября 1831 года).

По возвращении из Германии Неволин защитил в Петербургском университете докторскую диссертацию и был назначен профессором Киевского университета по кафедре энциклопедии права и учреждений Российской Империи. В 1843 году он перешел в Петербургский университет на кафедру российских гражданских законов.

Первый труд Невוליной, создавший ему ученое имя, была «Энциклопедия законоведения» (1839–1840), первая в России система правоведения. В ней дано прозрачное и четкое изложение философии права Гегеля.

Важное научное значение имеют и исторические труды Невוליной, в особенности капитальная «История российских гражданских законов» (1851). По полноте и богатству материала, по старательности подбора фактов, по осторожности выводов этот труд Невוליной может считаться классическим.

VI

Шеллингизм. Общество любомудрия. П. Я. Чаадаев.

1830-е и 1840-е годы — время расцвета шеллингизма и гегельянства среди русской интеллигенции. Шеллингизм начало

распространяться в России еще в 1820-х годах. Славянофил И. В. Киреевский так вспоминает об этом времени: «Слухи о любознательности немцев, которые распространили повсюду известие о какой-то новооткрытой Америке и глубине человеческого разума, возбуждали если не общее сочувствие, то, по крайней мере, общее любопытство. Особенно молодое поколение с жадностью искало всякой возможности проникнуть в этот таинственный мир».

Мировоззрение Шеллинга (1775–1854) может быть названо философией романтизма. Мир понимается Шеллингом как продукт художественного творчества Бога. Всякое произведение искусства — своего рода микрокосм. Основным принципом натурфилософии Шеллинга является единство. Человек — высшая цель природы. Смысл исторического процесса — осуществление свободы. Бессознательным сторонам исторического процесса присуща необходимость, сознательным — свобода. Оба пути ведут к одной цели.

Другим немецким философом, наложившим свою печать на русскую историческую мысль, был Гегель.

«Гегель может быть назван философом по преимуществу, ибо из всех философов только для него одного философия была все. У других мыслителей она есть старание постигнуть сущее; у Гегеля, напротив, само сущее старается стать философией, превратиться в чистое мышление» (Владимир Соловьев).

По Гегелю само содержание знания, в форме логических понятий, диалектически развивается в полную и внутренне связанную систему. Наука есть самотворчество разума. Государство — высшее проявление объективного духа, воплощение разума в жизни человечества. Смысл истории — прогресс в сознании свободы. Только в государстве возможно осуществление свободы каждого в единстве всех.

«За Гегелем должна быть признана, — говорит Вл. Соловьев, — огромная заслуга решительного установления в науке и в общем сознании истинных и плодотворных понятий «процесс», «развитие» и «история» как последовательного осуществления идеального содержания».

«Мыслящее рассмотрение исторического процесса» Гегель дал в своей «Философии истории». «Всемирная история, — говорит он, — есть выражение Божественного, абсолютного процесса духа... благодаря которому он осуществляет свою истину... доходит до самосознания».

Философия Гегеля динамична и проникнута духом истории. Он называл государство организмом, строителем которого является история. По мнению Гегеля, нельзя народу навязать отвлеченную конституцию. «Каждый народ имеет ту конституцию, которую он заслуживает». Тем не менее Гегель формулировал общую идею конституционного государства как политический образец. «Истинное государство, как всякое явление абсолютной идеи, должно содержать в себе три момента: 1) момент общности, который выражается в законодательной власти; 2) момент подведения конкретного под общее — власть правительственная; 3) момент целостной личности — королевская власть» (Н. Н. Алексеев).

Практически Гегель считал прусскую конституцию своего времени лучшим выражением этих принципов. Но он допускал возможность того, что с течением времени другие народы могут выдвинуться на первое место, в частности славяне. В «Философии истории» он говорит: «Мы находим сверх того на востоке Европы великую славянскую нацию, местожительство которой простирается от Эльбы вплоть до Дуная... И все же эта вся масса исключена из нашего рассмотрения, так как она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду оформлений разума в мире. Случится ли это в будущем — не наше дело; ибо в истории мы должны заниматься прошедшим».

Характерным для 1820-х, 1830-х и 1840-х годов было образование целого ряда философских кружков для изучения Шеллинга и Гегеля. Первым в России таким кружком были «ученые беседы» студентов Московской духовной академии, секретарем который был Ф. А. Голубинский. Он же, по-видимому, был и инициатором этого кружка (поступил в студенты Московской духовной академии в 1814 году — ему было в это время семнадцать лет).

Следующим таким кружком было «Общество любомудров» в Москве, образовавшееся в 1833 году. Председателем его был князь Владимир Федорович Одоевский (1803–1869), секретарем — Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805–1827). В числе членов общества находились И. В. Киреевский и А. И. Кошелев (будущие славянофилы), С. П. Шевырев и М. П. Погодин (оба потом профессора Московского университета) и еще несколько человек. В 1824 году общество издавало альманах «Мнемозина» — первый философский журнал в России. Редакто-

рами его были Одоевский и В. К. Кюхельбекер, участник тайных политических обществ.

Одоевский был человек многосторонних дарований и интересов — писатель, музыкант и музыковед, философ, веривший в мессианскую миссию русского народа. Главный его дар был музыкальный. Музыка внутренне была ему ближе всего и нужнее всего.

В области философии Одоевский, исходя из шеллингова понятия Абсолюта, стремился к новому построению эстетики. В эстетике Одоевский высшее место отводил музыке.

В начале 1830-х годов Одоевский отходит от шеллингианства и погружается в изучение мистической литературы — Арндта, Эккартсгаузена, Сен-Мартена, Пордеджа, Баадера.

В своей историософии Одоевский приходит к разочарованию в западной культуре и подвергает ее резкой критике. Спасение Европы возможно, по его мнению, лишь в том случае, если на сцену истории выступит новый народ со свежими силами. Таким народом, по убеждению Одоевского, является русский народ. «Мы должны спасти душу Европы... Девятнадцатый век принадлежит России».

Душою «Общества любителей» был Д. В. Веневитинов. Он страстно увлекался философией и поэзией и своим вдохновением заражал других. У него, несомненно, было крупное философское дарование и поэтический талант. По его собственному выражению, «философия есть истинная поэзия... Истинные поэты были всегда глубокими мыслителями, были философами». Задача философии, по его взглядам, — «учение о познании». В эстетике Веневитинов видел связующее звено между искусством и философией. Источник идей — интуиция («чувство порождает мысль»). Он умер 22 лет.

«Общество любителей» прекратило свое существование после неудавшегося восстания декабристов на Сенатской площади (14 декабря 1825 г.). Соиздатель «Мнемозины» Кюхельбекер был арестован и признан одним из главных виновников бунта. Двоюродный брат Одоевского, Александр, также был одним из видных декабристов. Среди друзей Одоевского был и Рылеев.

Понятно, что «любомудры» опасались репрессий и решили закрыть свое общество. Одоевский созвал всех членов и в их присутствии сжег в камине устав и протоколы общества.

Личную дружбу и обмен мнениями любомудры сохранили на всю жизнь. Дружил с некоторыми из них и Чаадаев. Особенно

тесная дружба связывала его с Пушкиным. По существу же Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856), автор «Философских писем» и провозгласитель скептической оценки русской культуры, был одиноким мыслителем. Рано лишился родителей и остался на попечении тетки, княгини А. И. Щербатовой, которая дала ему превосходное образование. В 1809 г. он поступил в Московский университет, а в 1812-м — на военную службу. Офицером лейб-гусарского полка участвовал в войне с Наполеоном. В начале 1821 г. вышел в отставку и уехал за границу, где пробыл шесть лет. В 1825 году Чаадаев познакомился с Шеллингом и заинтересовался его философией. В 1832 году (уже из России) он писал Шеллингу (по-французски): «Изучение Ваших произведений открыло мне новый мир... Оно было для меня источником плодотворных и чарующих размышлений, но да будет мне позволено сказать и то, что, хотя и следуя за Вами по Вашим возвышенным путям, мне часто доводилось приходить не туда, куда приходили Вы».

За три года перед тем Чаадаев написал (по-французски) свои «Философические письма», но опубликованы они еще не были.

Как было уже раньше сказано, Н. И. Надеждин опубликовал первое из этих писем в журнале «Телескоп» в 1836 г. (в неуклюжем русском переводе Кетчера). Письмо произвело фурор. «Телескоп» был закрыт. Надеждин заплатился кратковременной ссылкой. Вся тяжесть удара пала на Чаадаева.

Он был официально объявлен сумасшедшим. Его не заключили в госпиталь, а оставили жить в его доме под домашним арестом (он имел право раз в день выходить на прогулку). Ежедневно к нему приходили доктор и полицейский чиновник и получали свою мзду за визит. Через полтора года эти стеснения были сняты.

Некоторые места в письме Чаадаева вызвали возмущение не только в правительственных сферах, но и в довольно широких кругах русского общества.

«Мы, — писал Чаадаев, — никогда не шли вместе с другими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человечества, ни к Западу, ни к Востоку, не имеем преданий ни того, ни другого».

«Мы существуем как бы вне времени, и всемирное образование человеческого рода не коснулось нас».

«В самом начале у нас было дикое варварство, потом грубое суеверие, затем жестокое, унижительное владычество, следы кото-

рого не изгладились совсем и до ныне — вот горестная история нашей юности».

«Мы явились в мир, как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, которые нам предшествовали, не усвоили себе ни одного из поучительных уроков минувшего».

По воспоминаниям современников, в течение месяца в Москве почти не было дома, в котором бы не говорили про чаадаевское письмо, — это был какой-то вопль проклятия и презрения к человеку, дерзнувшему, по их мнению, оскорбить Россию. Потом все утихло, и Чаадаева оставили в покое, перейдя к новым очередным сенсациям. Заостренно выраженная Чаадаевым скептическая оценка прошлого России обратила на себя главное внимание первых его читателей и последующих поколений русской интеллигенции. Между тем взгляд его на Россию совсем не стоит в центре его историософии.

«Я люблю мою страну по-своему, — писал Чаадаев в 1846 году, — и прослыть за ненавистника России мне тяжелее, чем я могу выразить», но как ни «прекрасна любовь к отечеству, есть нечто еще более прекрасное — любовь к истине. Не через родину, а через истину ведет путь на небо».

Чаадаев называл себя христианским философом. У него нет богословской системы, но он старается построить богословие культуры. Основная богословская идея Чаадаева есть идея Царствия Божия в историческом воплощении как Церковь. Христианство является не только нравственной системой, но вечной божественной силой, действующей в духовном мире. Он верит в таинственную силу Промысла, но вместе с тем признает и свободу человека, а поэтому и долю ответственности за его историю.

Из исторических христианских церквей Чаадаев отрицательно относился к протестантству и высоко ценил католичество. Тем не менее он остался православным и не перешел в католицизм.

VII

Русское гегельянство 1820-х годов

«Общество Любомудров» было проникнуто душевным и философским идеализмом, но оно не имело такого широкого

общественного значения, как гегельянские кружки 1830-х и 1840-х годов, главный из которых возник в Москве. Многие из членов этих кружков заинтересовались сначала шеллингианством, а потом уже подпали под влияние Гегеля.

Первоначальная ячейка московского гегельянского кружка образовалась в 1831 году из студентов Московского университета вокруг замечательной личности Николая Владимировича Станкевича (1813–1840). Станкевич родился в богатой помещичьей семье Острогожского уезда Воронежской губернии. В кружок Станкевича вошли между прочими Константин Аксаков и Белинский. В 1834 году с кружком Станкевича сблизился Михаил Бакунин, а два года спустя — Грановский. Кружок начал с чтения и обсуждения философии Шеллинга, а потом погрузился в изучение Гегеля.

Станкевич будил в своих товарищах лучшие силы ума и чувства. Всякому спору он умел сообщать высокое направление. Все мелкое и недостойное как-то само собою отпадало в его присутствии.

В конце 1820-х годов в Берлине появилось значительное число студентов из России, приехавших для обучения в Берлинском университете. Большинство были стипендиаты, подготовлявшиеся к профессуре. Многие из них, в том числе юристы П. Г. Редкин и К. А. Неволин, слушали лекции Гегеля. Слушал лекции Гегеля и лично познакомился с ним И. В. Киреевский.

Первым слушателем Гегеля, приехавшим из России, был эстляндский барон Борис фон Икскуль. Гегель к нему благоволил, между ними завязалась переписка. Письма Икскуля до сих пор не разысканы. Письма Гегеля сгорели в имении Икскуля во время аграрных беспорядков, но одно было напечатано в 1843 году (до пожара). В этом письме Гегель более определенно, чем в своей «Философии истории», допускает возможность великого будущего для России.

«Вы счастливы, — писал Гегель, — что Вы имеете отечество, занимающее такое значительное пространство в области мировой истории и имеющее, вне сомнения, еще большее значение в будущем. Другие современные государства, как кажется, уже более или менее достигли цели своего развития: возможно, что оставили кульминационный пункт развития за собой, и их состояние стало стационарным. Россия же, возможно, уже самое могущественное государство среди остальных, несет в своих недрах

огромные возможности развития своей интенсивной природы» (перевод Д. И. Чижевского).

Станкевич был создателем и душой первоначального Московского гегельянского кружка. Положение переменялось, когда в кружок вступил Михаил Бакунин. Бакунин занял центральное место среди русских гегельянцев. По удачному выражению Д. И. Чижевского, Бакунин был «не влюблен в идеи, как Станкевич, а одержим ими». По натуре Бакунин был диктатором, требовавшим от людей полного повиновения себе. Грановский говорил, что для Бакунина не было субъектов, а только объекты.

На собраниях кружка обсуждались мысли и слова Гегеля со страстью.

Гегель — трудный писатель, стиль его часто темен. О некоторых мыслях Гегеля в кружке спорили часами. Одним из камней преткновения послужила знаменитая фраза Гегеля в предисловии к его «Философии права»: «Все действительное разумно, все разумное действительно». Это было понято как оправдание всякого государственного режима, как призыв к аполитизму.

Сам Гегель вкладывал в эту фразу совсем иной смысл. «Действительным» он считал все то, что имеет силу действия, что может влиять. «Разумным» он называл основу всех вещей. В каждом государстве имеется отражение вечной идеи государства, в этом смысле оно разумно» (комментарий Н. Н. Алексеева).

Гегель считал, что идея должна дойти до совершенного своего выявления, достигнуть высшей точки своего развития и тогда прекратить свое движение. В религиозном плане высший предел развития идеи — Бог. В политическом масштабе — совершенное государство.

Бакунин вначале, не вникнув как следует в смысл формулы «все действительное разумно», понял ее как призыв к аполитизму (позже он переменял свое объяснение). Белинский не знал немецкого языка и последовал за ним.

Как человек склонный к крайностям, Белинский выступил с апологией тогда существовавшего социального и политического строя России. Это было понято как принятие им теории «официальной народности». Очень скоро, однако, он увидел, что зашел в тупик, и резко повернул обратно.

Фурьеризм

Многие русские гегельянцы, став профессорами русских университетов, не сделались ни «левыми», ни «правыми», а остались последователями философии истории Гегеля в ее существе. Самыми известными из них были Т. Н. Грановский (1813–1857) и Б. Н. Чичерин (1828–1903).

Прежде чем говорить о них, я считаю нужным сказать о тех русских интеллигентах 1840-х годов, которые увлеклись не столько философией, сколько политикой, но в противоположность Бакунину, не левогегельянским революционным социализмом и анархизмом, а одним из видов так называемого утопического социализма — фурьеризмом. Основателем этого течения был француз Шарль Фурье (1772–1837), поглощенный своими планами преобразования человечества не революционными, а мирными путями, человек недисциплинированной мысли и необузданной фантазии.

Основная идея Фурье состояла в убеждении, что государство со всеми его формами принуждения — зло и что оно должно быть заменено свободным союзом общественных организаций. Такие организации, или ячейки, Фурье называет фалангами. В каждой такой ячейке должно быть от 1600 до 1800 человек. Таким образом, исключив детей и стариков, в каждой фаланге будет около 810 способных работать мужчин и женщин. Каждая фаланга устроится на своей площади земли в размере приблизительно одной квадратной мили.

В отношении друг к другу фаланги находятся в состоянии взаимного притяжения — на подобие как бы планетной системы, двигающейся по законам Ньютона.

Постепенно Фурье удалось образовать кружок учеников, достать небольшую сумму денег и купить небольшой кусок земли. Но Фурье, со своим утопическим полетом мысли, был совершенно беспомощен в практических делах. Спас положение бывший военный инженер Виктор Консидеран (1805–1893), человек сильной воли, всецело преданный идее мирового коммунизма. Он и стал вождем фурьеризма.

По плану Консидерана, должно быть организовано некое центральное мировое правительство, в распоряжении которого будут

бесчисленные армии индустриальных рабочих. Созданы будут огромные предприятия, заселены горные хребты, пустыни превращены в сельскохозяйственные плантации, построены пути сообщения. Вокруг этого правительства устанавливается ряд местных администраций для управления отдельными частями земного шара и отдельными областями. Для дальнейшей планировки и обсуждения текущих дел собираются советы сведущих лиц для консультации. При таком устройстве не будет больше войны и раздоров.

Консидеран мечтал, что такая всемирная общественная организация может быть введена мирным путем с согласия существующих национальных правительств, так как фуриеисты не требуют насильственного разрушения существующих государств. Он приветствовал поэтому французскую революцию 1848 года, был избран депутатом в национальное собрание и предложил на усмотрение его свой план нового общественного строя. План был отвергнут. 2 декабря 1852 года президент Франции принц Луи Наполеон был провозглашен императором французов под именем Наполеона III. После этого события Консидеран потерял всякую надежду на осуществление своего плана и эмигрировал в Англию (вернулся только после франко-прусской войны 1870 года и падения Наполеона III).

Около 1845 года в Петербурге образовалось несколько фуриеистических кружков. Во главе основного из них стоял литератор Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский (1819–1867), отчего все участники этого движения получили название петрашевцев. Петрашевцы не составляли строго организованного сообщества. Главным проявлением их деятельности были еженедельные беседы у самого Петрашевского. На этих беседах обсуждались идеи Фурье и Консидерана и их планы нового устройства человечества, а также говорилось о необходимости реформ в России — освобождения крестьян, свободы печати и судебной реформы. В числе посетителей этих собраний были беллетрист и критик Н. Д. Ахшарумов, Ф. М. Достоевский (уже тогда известный писатель); Н. Я. Данилевский; И. И. Введенский (преподаватель русской словесности и талантливый писатель, непревзойденный переводчик романов Диккенса на русский язык); поэт Аполлон Майков; писатель М. Е. Салтыков-Щедрин; Н. Г. Чернышевский.

Через некоторое время о фурьеристских кружках стало известно правительству. Министр внутренних дел Л. А. Перовский поручил состоявшему при нем чиновнику Ивану Петровичу Липранди (впоследствии известному генералу и военному писателю) «иметь наблюдение» над кружками. 20 апреля 1849 года Липранди представил управляющему III Отделением собственного Его Величества канцелярии четыре списка лиц, прикосновенных к «тайному обществу».

Больше ста человек было привлечено к следственному делу. Из них более пятидесяти были арестованы, но большинство их вскоре отпущено. Суду было предано 23 человека, из них 21 (в том числе сам Петрашевский и Ф. М. Достоевский) приговорены к смертной казни. В последнюю минуту, когда их уже привезли на эшафот, казнь была заменена разными видами тяжелых наказаний. Кроме того, более 200 человек были заподозрены и взяты на замечание.

Четверть века позже, в своем «Дневнике писателя» за 1873 год Достоевский так вспоминал о деле петрашевцев:

«Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма... Но тогда понималось дело еще в самом розовом и райско-нравственном смысле. Действительно, правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации. Все эти тогдашние идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества».

IX

Славянофилы и западники

Два течения русской общественной мысли — славянофильство и западничество — проходят через всю первую половину XIX века, то сближаясь, то отталкиваясь друг от друга.

В основе их лежит различное отношение интеллигентских кружков к России и к Европе — стремление к самобытности у одних, тяга к западной культуре у других.

В 1840 г. вернулся в Москву из ссылки Александр Иванович Герцен (Станкевич умер перед тем в Италии от чахотки) и примкнул к кружку, основанному Станкевичем. Герцен принялся за чтение Гегеля и вынес заключение совершенно обратное пониманию Белинского. Начались жаркие споры, и произошел раскол между западниками (Герцен и Огарев) и славянофилами.

Разошлись «со слезами на глазах». У спорящих было общее «чувство безграничной, обхватывающей все существо, любви к русскому народу, к русскому складу ума. Противники, как двуликий Янус, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно» (Герцен).

Герцен, Огарев и Бакунин перешли в лагерь «левых гегельянцев», к которому принадлежал и Карл Маркс. Бакунин сделался проповедником революционного анархизма.

Главарь славянофилов принадлежали к кругу богатых и родовитых русских семей, сохранивших основу старой русской культуры — православие. Первенствовал среди них старший по возрасту Алексей Степанович Хомяков (1804–1860), человек блестящих дарований, кипучей энергии и разнообразных интересов.

Отец его (умер в 1836 году) был слабовольный человек, член английского клуба и игрок. Он проиграл более миллиона рублей и расшатал свое состояние. Мать тогда отстранила мужа от распоряжения имуществом и понемногу восстановила и даже увеличила средства семьи. У них было трое детей — старший сын Федор (умер в 1828 году), Алексей и дочь Анна.

Мать, Мария Алексеевна, рожденная Киреевская, воспитывала детей в строгой преданности основам православной церкви и национальным началам жизни. Детям она дала довольно хорошее, хотя и не систематическое образование. В 1812 году, во время нашествия Наполеона на Россию, семья Хомяковых переехала в свое рязанское имение. Дом их в Москве сгорел. Как большинство русских людей, Хомяковы тяжело переживали нашествие французов, но затем радовались их изгнанию. Мальчики Федор и Алексей мечтали о времени, когда они подрастут и сами смогут воевать.

В 1820 г., закончив свое домашнее образование, Алексей выдержал при Московском университете экзамен на степень кандидата математических наук.

В 1822 году Хомяков поступил в Кирасирский полк, стоявший тогда в Херсонской губернии, а через год перевелся в

конно-гвардейский полк в Петербург. В 1825 году вышел в отставку и уехал на полтора года в Европу.

В 1827 году произошел новый кризис на Ближнем Востоке в связи с греческим восстанием против турецкой власти. Великобритания, Россия и Франция предъявили ультиматум султану, требуя признания независимости Греции. Султан отказался. Началась война. Хомяков поступил на службу в гусарский полк, принимал участие в нескольких сражениях и получил орден св. Анны за храбрость.

Последующая жизнь Хомякова была небогата внешними событиями. Он успешно занимался сельским хозяйством. В своих имениях в Рязанской и Тульской губерниях он проводил летние месяцы, а по зимам обыкновенно жил в Москве. В 1836 году он женился за Екатерине Михайловне Языковой, сестре поэта. Брак был счастливым. В 1847 году Хомяков ездил за границу, побывал в Германии, Англии и Праге. Умер он от холеры в 1860 году.

Все эти годы Хомяков провел в напряженной умственной и литературной деятельности. Он писал на самые разнообразные темы. Основная его задача была разработка религиозной философии — учения о Церкви (Церковью Хомяков называл только православную церковь). Примечательны также его историософские размышления. Главным источником богословия Хомякова были творения Святых Отцов, в которые Хомяков вчитался и проникся их духом. Внимательно изучил Хомяков и историю церкви. Хомяков может быть по справедливости назван христианским философом. При этом в самой вере своей, просветленной разумом, Хомяков был исключительно свободен.

По его мнению, личность, чтобы вполне раскрыть себя, должна быть связана с Церковью. Общее согласие в Церкви Хомяков называл «Соборностью».

Хомяков считал, что благодаря рационализму западной культуры и латинство (как он называл католицизм), и протестантизм оттолкнулись от общецерковного согласия. Но он верил, что запад может еще вернуться к православию. Когда англиканский богослов Вильям Пальмер в 1840-х годах выразил интерес к православию и готовность перейти в православие, Хомяков вступил с ним в переписку. Из планов Пальмера ничего не вышло, и сам он в 1855 году перешел в католичество.

В своей историософии Хомяков признает естественную закономерность исторического процесса. В истории творится «дело,

судьба всего человечества», а не отдельных народов, хотя каждый народ «представляет такое же лицо, как и каждый человек». Хомяков различает два противоположных типа исторического развития. Один представляет начало необходимости, другой — начало свободы. Хомяков называет первый «кушитским». (Куш — древнее название стран к югу от Египта.) Другой тип — благодетельный — Хомяков определяет как «иранский». При всей своей страстности в полемике и спорах Хомяков уважал чужое мнение и относился к нему терпимо.

В философском отношении наиболее одаренным из всех славнофилов был Иван Васильевич Киреевский (1806–1856). Киреевский был в постоянном общении с Хомяковым, и иногда трудно решить, кто первый из них высказал те или иные взгляды.

Киреевский родился в высококультурной семье. Отец его умер, когда Иван был еще мальчиком. У Ивана был еще младший брат Петр и сестра Анна. Детей воспитывала мать Авдотья Петровна, побочная племянница Жуковского. Авдотья Петровна была женщина замечательная по религиозности и силе характера. Оставшись вдовой, она вышла вторично замуж за А. А. Елагина. Он был поклонником Канта и Шеллинга и даже переводил Шеллинга на русский язык. В такой среде, насыщенной умственными и духовными интересами, рос молодой Киреевский.

В молодости Киреевский увлекался философией Шеллинга. Его вообще тянуло к западной культуре, от которой он ожидал благодетельного влияния на Россию.

В 1832 году Киреевский приступил к изданию журнала с характерным названием «Европеец». Киреевский поместил там свою нашумевшую статью «XIX век», в которой высказывает мысли о необходимости сближения и взаимодействия русской и западной культур.

Статья эта послужила поводом для запрещения журнала. В правительственном постановлении об этом сказано: «Хотя сочинитель заявляет, что он говорит не о политике, а о литературе, но понимает совсем иное: под словом просвещение он понимает свободу, деятельность разума у него означает революцию, а искусно отысканная середина — не что иное, как конституция».

Пропустивший статью цензор С. Т. Аксаков (отец Константина и Ивана Аксаковых) был подвергнут взысканию и вскоре уволен с должности. Самого Киреевского не постигла кара только

благодаря заступничеству Жуковского, который был в это время воспитателем наследника (будущего царя Александра II).

Но для Киреевского закрытие журнала было страшным ударом. После того он замолчал на двенадцать лет.

За эти двенадцать лет в духовной жизни Киреевского произошел перелом. Он отошел от западников и примкнул к славянофильству. Нужно, впрочем, сказать, что собственно «славянофильский» аспект его совершенно не интересовал. Он оценил — не сразу — только главный корень движения — православие. В своем письме к Хомякову 1844 года Киреевский называет свое направление «православно-русским».

Но перелом этот произошел не сразу, а был длительным и довольно мучительным.

В 1834 году Киреевский женился на Наталии Петровне Арбеновой. Она была духовной дочерью Преподобного Серафима Саровского (скончавшегося в 1833 году). Была глубоко религиозна и очень начитана в духовной литературе. Киреевский в это время был все еще шеллингянцем и не считал себя активным членом православной Церкви.

Первое время после своей женитьбы между Киреевским и его женой происходили постоянные столкновения по религиозным вопросам. Постепенно однако горячая и сосредоточенная вера жены начала брать верх.

Среди бумаг Киреевского сохранилась любопытная запись — «История обращения И. В. Киреевского». Запись эта составлена была его другом А. И. Кошелевым, по-видимому, со слов жены Киреевского.

В записи говорится, что в первый период столкновений Киреевский обещал жене, что, по крайней мере при ней, он не будет кошунствовать. Позже они начали вместе читать Шеллинга, и тут жена поразила его указанием, что мысли Шеллинга «давно ей известны из творений св. Отцов». Киреевский сам стал читать эти творения, а затем у него завязались близкие отношения с духовными лицами. Имение его было всего в семи верстах от Оптиной Пустыни, где в это время процветало «старчество». Киреевский стал туда ездить.

Обращение Киреевского было полным. Он весь проникся горячей верой и досконально изучил святоотеческую литературу. Центральным понятием Киреевского была цельность духовной жизни. Путь к этому был во внутреннем сосредоточии — «собирании» своей души.

Что касается историософии Киреевского, в основе ее лежит мысль о преемстве исторического развития: каждый народ в свое время выступает на первый план.

П. В. Киреевский (1808–1856)

Петр Васильевич Киреевский занимает особое место среди славянофилов. Как и брат его Иван, он был увлечен одной только стороной славянофильства — но не столько религией, сколько народной словесностью.

По воспитанию и образу мыслей Петр Васильевич был схож со своим старшим братом, но по характеру был менее общителен и замкнут в себе. Он оставался на втором плане при своем блестящем брате. Шеллинг, который знал обоих братьев, считал, что Петр Васильевич умнее брата.

Выдвинулся Петр Васильевич как собиратель народных песен. С конца 1820-х годов Петр Киреевский становится центром, куда стекались материалы, собиравшиеся членами Московского кружка любителей народности и старины. В числе членов этого кружка были профессора Погодин, Шевырев, Максимович, С. Т. Аксаков и его сыновья Константин и Иван. Публикация собранных материалов задержалась из-за цензурных препятствий. Уваровская формула «Православие, самодержавие и народность», казалось, должна была бы поощрять издание памятников народной словесности. Но сановники и чиновники взволновались. В духовных стихах они усмотрели суеверие, искажение православия. Вмешалась в дело и духовная цензура.

Киреевскому пришлось десять лет хлопотать, обращаться к протекции, пока удалось добиться разрешения на издание незначительного числа стихов, сделавши строгий выбор того, что не возбуждало подозрений цензуры.

В 1860-х годах П. А. Бессонов издал часть песен, собранных Киреевским, в своем сборнике русской народной словесности.

Константин Аксаков и Юрий Самарин

Двое младших славянофилов К. Аксаков и Ю. Самарин были поклонниками Гегеля. У Аксакова влияние Гегеля довольно скоро выветрилось. У Самарина оно удержалось на всю жизнь.

Как писал младший брат Константина Иван, «Гегель послужил им на то, чтобы объяснить, санкционировать найденную новую истину, доказать ее всемирно-историческое значение. Они сделали попытку построить на началах Гегеля целое мирозерцание, целую систему своего рода феноменологии русского народного духа».

«Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860), «чистая, возвышенная душа», как сказал про него Чичерин, был и историком и филологом.

В основе взглядов Константина Аксакова на сущность исторического развития России лежит противоположение двух начал — Земли и Государства. «Народу (Земле) — сила мнения, Государству — сила власти».

Народная жизнь — «путь внутренней (нравственной) правды». Содержание государственной деятельности — «устройство», «порядок». «Неограниченная власть — царю, полная свобода жизни и духа — народу; свобода действия и закона — царю, свобода мнения и слова — народу».

Краеугольным камнем в социальном мировоззрении Аксакова была Община. Он употреблял этот термин в двух значениях: Община (с большой буквы), объемлющая весь русский народ (как противовес русскому государству), и заключающиеся в ней ячейки — местные общины и сельские миры.

По мысли Аксакова, основа русского исторического процесса была как бы задана Провидением с древних времен. Двойственность — государство и земля — проявились особенно отчетливо в эпоху Московского царства (избрании Михаила Федоровича на царство Земским собором в 1613 году). Дальнейшие события вносили перемены в политику России, но основа сохранялась до эпохи Петра Великого. Аксаков стремился восстановить прежнее равновесие между государством и землей.

Гегельянством Аксаков руководствовался в своих филологических трудах. Главный из них — его магистерская диссертация о Ломоносове. В ней Аксаков рассматривал значение Ломоносова в истории русской литературы и русского языка. Аксаков приравнивает роль Ломоносова к достижениям Петра Великого в государственной реформе.

Очень глубоки мысли Аксакова о языке. Язык для него — чудесное и таинственное явление. В языке выявляется господство духа над всей природой. Язык не простое орудие, не только средство, но необходимый спутник мысли, в известном смысле — «тело мысли».

Юрий Федорович Самарин (1819–1876) был человек другого склада, чем Константин Аксаков. С. М. Соловьев считал, что Самарин «человек замечательно умный, но холодный». По словам К. Д. Кавелина, у Самарина был замечательный ум, огромные знания и великий писательский талант, а кроме того, непреклонность убеждений и цельный нравственный характер. Он не допускал никаких сделок с совестью. Вместе с тем он был чужд властолюбия и честолюбия и отличался широкой терпимостью к чужим мнениям.

Гегельянством Самарин проникся глубоко. В 1842 году он писал своему другу А. Н. Попову: «Дело настоящего времени есть дело науки. Вы знаете, что под наукой я разумею философию, а под философией Гегеля».

Самарин окончил Московский университет и написал магистерскую диссертацию о Феофане Прокоповиче и Стефане Яворском — антитеза протестантского и католического направления в русской богословской мысли. Православие — в идеале — Самарин противопоставляет обоим односторонним, с его точки зрения, западным вероисповеданиям. Так в идеале, в действительности, Самарин резко критиковал синодальную реформу русской церкви, введенную Петром.

Но он считал, что «церковь развивается, т. е. она постоянно приводит к своему сознанию вечную, неисчерпаемую истину, которой она обладает».

«Научное значение диссертации Самарина стоит выше всяких сомнений. Она сохраняет свою ценность и сейчас — через 95 лет, — притом не только в отдельных пунктах, как работа Аксакова, а в целом» (Чижевский).

Жизнь Самарина сложилась так, что он не сделался профессиональным ученым. Магистерская диссертация была его главным ученым трудом. Но он и впоследствии много писал. Его «Окраины России» не могли быть напечатаны в России по цензурным условиям (напечатаны в Берлине в 1868–76) Ценны также и его исследования об освобождении крестьян и финансовых реформах в Пруссии в начале XIX века.

Западники

Славянофильское течение оказало значительное влияние на развитие общественного мнения в России, но это было мирозерцание меньшинства. Большинство русской интеллигенции

середины XIX века были западники. И не только радикалы, как Герцен и Огарев, но и умеренные либералы и люди консервативных взглядов.

Здесь я считаю нужным упомянуть только профессоров Московского университета конца 1830-х и 1840-х годов, то есть как раз времени зарождения славянофильского мировоззрения.

В середине 1830-х годов начался расцвет Московского университета, продолжавшийся и в 1840-х годах. Вступило на кафедру несколько талантливых ученых, большей частью гегельянцев: историки Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев и Д. Л. Крюков, юристы П. Г. Редкин и Н. И. Крылов (последний не был гегельянцем).

Грановский и Кудрявцев были профессорами всеобщей истории, Крюков читал древнюю историю. Русскую историю до 1844 года преподавал Погодин, а с 1845 года С. М. Соловьев.

Для русского общества Грановский (1813–1855) был, как никто другой, символом науки, университетского образования и гуманизма. Он был главою московских гегельянцев этого времени, но привлекал к себе друзей, не сочувствовавших философии Гегеля, своей личностью, душевной мягкостью, чистотой и честностью характера и мысли.

Гегеля Грановский основательно изучил во время своей научной подготовки в Берлине в 1836–1839 годах. После нее он и был назначен профессором Московского университета.

Специалиста-исследователя из Грановского не вышло, но он оказался вдохновенным преподавателем, несмотря на тихий голос и пришепетывание. «Объяснялось это тем, что Грановский вкладывал в свое яркое художественное изложение те подлинные, заветные свои убеждения, которыми было исполнено его существо. А убеждения эти сводились к тому положению, что процесс истории состоит в разложении масс мыслью, ибо массы коснеют под тяжестью исторических определений, от которых освобождается только отдельная личность. Таким образом... закономерность всемирно-исторического процесса оказывалась совпадающей со стремлением человечества к достижению высшей нравственной цели. В этом-то смысле Герцен и сказал, что Грановский думал историей, чувствовал историей и историей делал пропаганду» (Кизиветтер).

Петр Николаевич Кудрявцев (1816–1858) — ученик, друг и преемник Грановского, был сыном московского священника.

Учился в московской духовной семинарии, потом в Московском университете. В марте 1845 года по рекомендации Грановского был отправлен за границу. В Берлине он слушал лекции Шеллинга, учение которого оказалось ему созвучно. Через посредство Грановского некоторое влияние оказало на Кудрявцева и гегельянство. Кудрявцев вернулся в Москву в середине 1847 года и с осени начал читать лекции. Как историк, Кудрявцев значительно превосходил своего учителя.

Главный труд Кудрявцева — «Судьбы Италии от падения западной римской империи до восстановления ее Карлом» (1850). В этом сочинении Кудрявцев ярко обрисовывает процесс зарождения итальянской национальности и дает взвешенную характеристику династии Каролингов и ее отношения к папству. Как и Грановский, Кудрявцев был проникновенный лектор, но он был также и талантливый писатель. Особенное мастерство он проявил в тонком психологическом анализе выдающихся личностей: «Карл V», «Юность Кaterины Медичи», «Римские женщины». Кудрявцев пережил Грановского всего на три года.

«Эти два имени остались неразрывными в памяти последующих поколений, так же как их всегда соединяли вместе их современники» (Кизеветтер).

Грановский многое ценил в исторической русской культуре. Кудрявцев был принципиальный западник. Можно сказать, что он был влюблен в Италию.

Учеником Грановского, Кудрявцева и молодого С. М. Соловьева был талантливый Степан Васильевич Ешевский (1829–1865). Ешевский был более крупным историком, чем Грановский и Кудрявцев. По методологии своих трудов и пользованию источниками он, собственно, принадлежит уже к началу зрелости русской исторической науки. Но по отношению к Грановскому и Кудрявцеву более уместно рассмотреть его ученую деятельность в этой главе.

Ешевский учился в костромской, потом нижегородской гимназии. В 1846 году поступил в Московский университет (кончил его в 1850 году). В 1855 году защитил свою магистерскую диссертацию «Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической жизни Галлии V века». В этом первом своем ученом труде Ешевский дал блистательную картину состояния Галлии и этой эпохи. Ешевский был тогда же избран на освободившуюся кафедру русской истории в Казанском университете. После смерти

Грановского Ешевский был избран Московским университетом на кафедру всеобщей истории, но Министерство народного просвещения согласилось перевести его в Москву только в 1858 году.

Первый свой курс в Московском университете Ешевский читал на тему «Центр Римского мира и его провинции» (курс потом был издан в его сочинениях). Между 1859 и 1861 Ешевский посетил Германию, Италию, Швейцарию и Францию. В это время он готовил материалы для своей докторской диссертации о Брунгильде, королеве Австроазии [так называлась в то время восточная часть Франции (Лотарингия) с городом Мец], в конце VI — начале V века. Она была дочерью вестготского короля. Младший ее внук Теодорих II получил при разделе Бургундию. Ешевского привлекало к этой теме изучение франко-готских взаимоотношений.

Последний полный курс Ешевского, прочитанный в Московском университете (позднее изданный), был на тему «Эпоха переселения народов, Меровинги и Каролинги». Туда вошли материалы и о Брунгильде. Курс о феодализме он не успел дочитать. Все труды Ешевского основаны были на тщательном изучении источников.

«Как профессор и ученый, Ешевский отличался замечательной объективностью, живостью понимания и изложения. В нем не было ничего ходульного, придуманного. Он был искренен и правдив и на кафедре и в жизни» (Бестужев-Рюмин).

X

С. М. Соловьев (1820–1879)

Трудами поколения, к которому принадлежал Соловьев (ученые, родившиеся между 1817–1828), русская историческая наука вступила в пору возмужания. И больше всего содействовал этому сам Соловьев.

Соловьев проложил русло для главного потока русской исторической мысли второй половины XIX века.

Сергей Михайлович Соловьев родился в Москве в духовной семье, которая воспитала в нем глубокое религиозное чувство. Отец его, протоиерей Михаил Васильевич, был законоучителем в Московском коммерческом училище. У него была хорошая биб-

блиотека. Еще мальчиком Сергей пристрастился к чтению. Особенно он увлекался книгами по истории, а также описаниями путешествий, интерес к чему он сохранил на всю жизнь. Ему не было 13 лет, когда он уже несколько раз прочитал «Историю» Карамзина.

Первоначальное образование Соловьев получил в коммерческом училище, а оттуда поступил в третий класс Московской Первой гимназии, а по окончании ее — в Московский университет.

В университете в это время русскую историю читал Погодин. Соловьев его лекциями был совершенно не удовлетворен. Действительным его учителем был Грановский. Он настаивал, чтобы Соловьев изучал русскую историю в связи с судьбой других народов.

Первые два года по окончании университета Соловьев провел за границей в качестве домашнего учителя в семье графа Строганова. Это дало ему возможность слушать лекции немецких и французских ученых.

В Берлине он слушал Ранке, Риттера, Раумера и Неандера, в Париже — Гизо и Мишле. Соловьев был и в Праге, где познакомился с чешскими учеными — Ганкой, Палацким и Шафариком. Все это очень расширило его кругозор. Во время своей заграничной поездки Соловьев обдумал и подготовил магистерскую диссертацию.

В 1845 году, после возвращения в Москву и блестящей защиты магистерской диссертации, Соловьев был назначен профессором русской истории на кафедру, оставшуюся незамещенной после ухода Погодина. В следующем году он женился на Поликсене Сергеевне Романовой, происходившей из малороссийской дворянской семьи. Брак оказался счастливым.

С этих пор жизнь Соловьева сливается с его научной и преподавательской работой, словом — с Московским университетом. Помимо профессуры он был избираем и в деканы и в ректоры.

Магистерская диссертация «Об отношениях Новгорода к русским великим князьям» (1845) была первым его научным трудом. За ней последовала «История отношений между князьями Рюрикова дома» (1847) — докторская диссертация. Обе эти работы окончательно установили за ним репутацию первоклассного ученого.

Обе диссертации были детальными исследованиями исторически важных специальных вопросов. Но и как ученый и как

преподаватель Соловьев сознавал необходимость написания научного обзора всей панорамы русской истории. После своих диссертаций Соловьев почувствовал себя достаточно подготовленным к такой задаче и решил взяться за ее исполнение, смотря на это как на свой общественный долг.

Соловьев считал необходимым не только излагать, но и объяснять события прошлого, улавливать закономерность в последовательной смене явлений, выявить руководящую идею, основное начало русской жизни.

Первый том его «Истории России с древнейших времен» появился в 1851 году и с тех пор аккуратно из года в год выходило по тому. Последний (29-й) появился в 1879 году уже после смерти автора. Изложение Соловьев успел довести до 1774 года, но написал и дополнение — обзор дипломатических сношений русского двора от Кучук-Кайнарджийского мира по 1780 год.

Трудоспособность Соловьева поистине изумительна. В годы работы над своей монументальной «Историей» он написал кроме того ряд ценных монографий и статей, в том числе «История падения Польши» и «Император Александр Первый. Политика. Дипломатия». После его смерти эти монографии были перепечатаны в собрании его сочинений (1882).

Секрет работоспособности Соловьева заключался в его чувстве ответственности перед русской исторической наукой. Он поставил себе правилом — не терять ни одной минуты. Каждый час его дня был распределен.

Основой историософии Соловьева было понимание хода истории как органического развития. В этой идее его утвердили труды Густава Эверса (теория родового быта) и философия Гегеля. Взгляды Эверса помогли Соловьеву при писании его докторской диссертации («История отношений между князьями Рюрикова дома»). С Гегелем его ознакомил Грановский. Соловьев внимательно прочел «Философию истории» Гегеля. Влияние Гегеля сказалось особенно в позднейшей статье Соловьева «Наблюдения над исторической жизнью народов».

Для Соловьева исторический процесс не только органичен, но и непрерывен. В предисловии к первому тому своей «Истории России» Соловьев писал: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во

взаимодействии. стараться объяснить каждое явление из внут-

ренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, — вот обязанность историка в настоящее время, как понимает его автор предлагаемого труда».

Эта концепция последовательно проводилась Соловьевым сквозь все тома. Самый значительный пример ее — в объяснении петровских реформ. По Соловьеву корни их надо искать в предыдущем периоде — времени царствования Федора Алексеевича (1676–1682) (том XIII «История России»).

Канва его изложения — хронологическое описание хода русской истории. Через определенные отрезки времени размещены главы о внутреннем состоянии русского общества за соответствующий период. Это не механические вставки, а как бы освещение событий изнутри, их подоплека, необходимая для понимания условий исторического процесса.

Почва для первого тома была подготовлена двумя диссертациями Соловьева. Много источников, нужных для разработки Киевского периода было к тому времени уже напечатано. В трех следующих томах появляются ссылки на архивные материалы. В дальнейшем Соловьеву предстояло подымать целину. Начиная с V тома (1462–1618), архивные источники составляют фундамент его грандиозного труда.

Основными факторами русского исторического процесса Соловьев считал государство и народ — не противопоставляя их, а стараясь выяснить взаимную связь между ними. «Мы должны следить, — пишет он, — за развитием, ростом государства, вместе с развитием, ростом народа, за постепенным уяснением сознания его о себе, как едином целом».

Большое значение Соловьев придает природным условиям, этнографическому составу народа и редкости населения. По его мнению, в раннюю эпоху своей истории русский народ находился как бы в текущем состоянии колонизации, ухода на север и восток от нападений степных кочевников. В этой связи Соловьев любил говорить о «жидком элементе» русской истории.

Московские князья старались привлекать к себе переселенцев с юга. Монгольские ханы — сюзерены русских князей — не препятствовали такой политике, так как получали дань соразмерно численности населения. Собирать дань монголы поручали московским князьям. По окончании монгольского владычества дань эта уже шла в московскую княжескую казну.

С ростом московского единовластия постепенно усилилась власть и опека московского великого князя (потом царя) над тяглым населением. Кончилось это установлением крепостного права.

Во всемирно-историческом плане одной из магистралей исторического развития человечества Соловьев считал многовековую борьбу Европы с Азией. Россия для него была только частным случаем этого конфликта. Длительную борьбу русского народа с кочевыми народами Востока, вторгавшимися из Азии в русские степи, Соловьев характеризовал как «борьбу леса со степью».

Значение Соловьева в развитии русской исторической науки очень велико. Его «История» и при его жизни и долгое время после его смерти служила молодым русским историкам как необходимое введение в их собственную работу.

При всем том Соловьев был очень скромного мнения о ценности своего труда. Любимому и самому талантливому из своих учеников В. О. Ключевскому Соловьев предсказывал, что его громадная книга будет скоро снята со стола и забыта.

В своей статье «Памяти Соловьева», написанной к двадцатипятилетию смерти Сергея Михайловича, Ключевский опроверг эти опасения своего учителя.

«Большое компактное издание Истории в шести полновесных книгах, начатое в 1893 году, стало быстро расходиться и три года спустя, когда явился подробный указатель к этим книгам, первые три книги уже вышли вторым изданием. Труд жил, продолжал свою работу и по смерти автора».

В той же статье Ключевский дал проникновенную характеристику личности Соловьева: «Это был ученый со строгой, хорошо воспитанной мыслью. Черствой правды он не смягчал в угоду патологическим наклонностям времени. Навстречу фельетонным вкусам читателя он выходил с живым, но серьезным, подчас жестким рассказом, в котором сухой, хорошо обдуманый факт не приносился в жертву хорошо рассказанному анекдоту. Это создало ему известность сухого историка. Как относился он к публике, для которой писал, так же точно относился он к народу, историю которого писал. Русский до мозга костей, он никогда не закрывал глаз, чтобы не видеть темных сторон в прошедшем и настоящем русского народа. Живее многих и многих патриотов чувствовал он великие силы родного народа, крепче многих верил он в его будущее; но он не творил из него кумира. Как нельзя больше был он чужд того грубого пренебрежения к народу, которое часто скрыва-

ется под неумеренным и ненужным воспеванием его доблестей или под высокомерным и равнодушным снисхождением к его недостаткам. Он слишком глубоко любил и уважал русский народ, чтобы льстить ему, и считал его слишком взрослым, чтобы под видом народной истории сказывать ему детские сказки о народном богатстве».

XI

Н. И. Костомаров (1811–1885)

Историческое мировоззрение Костомарова в основе своей противоположно Соловьеву. Соловьев изучал судьбы единого (притом — централизованного) русского государства и русский народ понимал как единую нацию.

Для Костомарова русское государство представлялось соединением под властью монарха ряда отдельных областей, каждая со своими особенностями — историческими, культурными и племенными.

В частности, малороссов он считал отдельным народом (украинцами). Понятию централизованного государства он противопоставлял идею федерации.

Николай Иванович Костомаров родился в слободе Юрасовке Острогожского уезда Воронежской губернии. Отец его был дворянин-помещик, мать малороссийская крестьянка, прежде его крепостная, которую он приблизил к себе и послал учиться в один из московских пансионов. Позднее отец Николая Ивановича женился на ней, но Николай родился до брака. Отец собирался усыновить его, да так и не собрался это сделать. Отец был поклонником французской литературы XVIII века и вместе с тем жестоким крепостником. В 1828 году он был убит своими дворовыми людьми, которые похитили и все его деньги.

Мать Николая отдала его в воронежский пансион, но через два года его исключили за шалости. Затем он поступил в воронежскую гимназию, а после окончания ее в 1833 г., в Харьковский университет. Состав профессоров там на историческом отделении в это время был тусклый. Костомаров начал было самостоятельно заниматься классической древностью. Положение переменилось, когда в 1835 году на кафедру всеобщей истории был назначен даровитый

Михаил Михайлович Лунин (1809–1844), окончивший Дерптский университет и там получивший степень доктора философии.

Костомаров с жаром отдался изучению истории. Костомаров научился украинскому языку и написал под псевдонимом несколько сборников стихотворений, оригинальных и переводных. Охваченный своим новым настроением, а также под влиянием лекций Лунина Костомаров начал вырабатывать свой новый взгляд на историю. Суть его понимания исторического процесса состояла в противопоставлении народа и его духовной жизни государству как внешней силе.

Но не одними только историческими занятиями был он в Харькове увлечен. Харьков был в это время культурным центром левобережной Малороссии. Костомаров очутился в романтической атмосфере раннего славянского и украинского возрождения. Издавались литературные журналы и альманахи на украинском языке. В них принимали живое участие популярный украинский поэт профессор Харьковского университета П. Артемовский-Гулак и молодой (впоследствии знаменитый) славист Измаил Иванович Срезневский.

Срезневский издал двенадцать выпусков этнографических материалов о казаках под названием «Запорожская старина» (1833–1838) (думы и песни).

В 1840 г. Костомаров выдержал магистерский экзамен, а через три года защитил магистерскую диссертацию «Об историческом значении русской народной поэзии». После этого он начал писать исследование о Богдане Хмельницком для докторской диссертации.

В 1846 г. совет Киевского университета выбрал его преподавателем русской истории. В Киеве Костомаров сблизился с кружком молодежи, как и он сам увлеченной мыслями о народности и народной поэзии и мечтами о славянской федерации. Во всех частях федерации предполагались одинаковые законы и право, свобода торговли и отмена крепостного права.

В этот кружок (получивший название Кирилло-Мефодиевского братства) входили кроме Костомарова писатель Пантелеймон Кулиш, профессор Н. И. Гулак, студент Василий Бєлозерский, художник Тарас Шевченко и еще несколько человек.

Весной 1847 года существование братства сделалось известно властям. Все участники собраний были арестованы.

Костомаров был посажен в Петропавловскую крепость, но через год выпущен и выслан в Саратов, где был принят на службу в

одной из канцелярий под надзором полиции. Ему была запрещена преподавательская деятельность и запрещено печатать его сочинения.

Костомаров продолжал писать свой труд о Хмельницком и начал новую работу о внутреннем быте Московского государства XVI–XVII вв.

В 1856 году с него был снят политический надзор и отменено было запрещение печатать его сочинения. Съездив за границу, Костомаров вернулся в Саратов, где написал свой труд «Бунт Стеньки Разина».

Весной 1859 г. Костомаров приглашен был Петербургским университетом занять кафедру русской истории. Началась наиболее творческая пора его жизни и период наибольшей его популярности.

В 1859 году были напечатаны и «Богдан Хмельницкий» и «Разин».

Костомаров читал курс по древней русской истории. Лекции Костомарова в университете пользовались неслыханным успехом, привлекая массу студентов и посторонних слушателей. Сам Костомаров так формулировал свою основную идею: «Вступая на кафедру, я задался мыслью выдвинуть в своих лекциях на первый план народную жизнь в ее частных проявлениях... Русское государство складывалось из частей, которые прежде жили собственной независимой жизнью и долго после того жизнь частей высказывалась отличными стремлениями в общем государственном строе. Найти и уловить эти особенности народной жизни частей русского государства составляло для меня задачу моих занятий историей».

В эту же пору Костомаров был избран членом археографической комиссии и предпринял издание актов по истории Малороссии XVII века. В том числе он выпустил девять томов «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России».

Помимо своих лекций в университете Костомаров и несколько других профессоров организовали в помещении Городской думы публичные лекции, известные в тогдашней печати под именем Вольного университета. К ним вскоре присоединился профессор Платон Васильевич Павлов (1823–1895), который только что был приглашен в Петербургский университет на вторую кафедру русской истории.

В начале 1862 года Павлов произнес в Вольном университете речь о тысячелетии России (считая от Рюрика). Павлов стоял за дальнейшее развитие крестьянской реформы и опасался влияния реакционного дворянства на Александра I. Закончил он свою речь словами: «Россия стоит теперь над бездной, в которую мы и повергнемся, если не обратимся к последнему средству спасения, к сближению с народом. Имеющий уши слышать да слышит».

Правительственные уши услышали, Павлов был лишен кафедры и сослан в Ветлугу. Комитет Вольного университета решил в виде протеста против высылки Павлова прекратить чтение лекций.

Костомаров отказался этому подчиниться. Он считал, что необходимо сохранить, пока возможно, свободу слова и преподавания. На следующей же его лекции публика встретила его враждебно и подняла такой шум, что ему пришлось прекратить лекцию. Дальнейшие лекции были запрещены администрацией.

8 февраля 1861 года, на годичном акте Петербургского университета Костомаров должен был произнести речь об умершем перед тем Константине Аксакове, но по распоряжению Министерства народного просвещения она была отменена.

Студенты, среди которых уже появились революционные настроения, устроили скандал. Университет был закрыт на неопределенное время. Решено было выработать новый университетский устав.

Костомаров вышел из состава профессоров. В 1863 г. его пригласил на кафедру Киевский университет, в 1864-м — Харьковский, в 1869-м опять Киевский, но Министерство народного просвещения запретило ему принять эти приглашения, так как его политическая благонадежность была заподозрена главным образом благодаря нападкам на него М. Н. Каткова, в «Московских ведомостях». Катков в молодости либерал, сделался воинствующим националистом после польского восстания 1863 года.

Костомаров теперь мог вплотную заняться писанием своих исторических трудов. В 1863 году вышел его выдающийся труд «Северорусские народоправства» (Новгород, Псков, Вятка), основанный на его лекциях в Петербургском университете, через три года в «Вестнике Европы» появился другой его значительный труд «Смутное время Московского государства», затем последовало его сочинение «Последние годы Речи Посполитой».

В 1875 году Костомаров женился на А. Л. Кисель, урожденной Крагельской. С ней у него был роман в юности. Она приехала к нему в Киев, чтобы выйти за него замуж весной 1847 года, как раз ко времени его ареста по делу Кирилло-Мефодиевского общества. Впоследствии она вышла замуж за другого, а теперь с ним соединилась.

Параллельно с другими трудами неутомимый Костомаров написал ряд монографий по истории Украины в продолжение «Богдана Хмельницкого». Он начал с «Гетманства Выговского» и постепенно дошел до «Мазепы и мазепинцев». Эти работы были основаны на напечатанных (частью им же) документах по истории Южной и Западной Руси.

В 1874–1876 годах появилось два тома его «Русской истории в жизнеописании ее важнейших деятелей» — яркие характеристики их.

Костомаров продолжал работать до самой смерти (его «Мазепа и мазепинцы» были напечатаны в 1882–84 годах). Умер он в апреле 1885 года после долгой и мучительной болезни.

Основные идеи Костомарова на ход русской истории были им выражены еще в Петербургский период его жизни — «Мысли о федеративном начале в Древней Руси» и «Две русских народности» — южнорусская (украинская) и среднерусская (великорусская). Новгородцев он считал выходцами из южной России.

Костомаров придавал большое значение этнографической основе народного духа, психическому складу народа. Украинец — индивидуалист, великоросс — общинник. У великорусского народа сильно чувство дисциплины, сильно государственное начало. Украинская народность проникнута началом свободы. Украинская народность создала вечевой строй, великорусская — единодержавие.

Большое внимание Костомаров уделял роли Польши в русской и украинской истории. Он считал, что по языку украинцы ближе к великорусам, чем к полякам, но по своему национальному характеру они ближе к полякам. Разница в том, что поляки аристократический народ, а украинцы — демократический.

Костомаров был талантливым писателем. Лишь в последние годы его жизни, когда здоровье и силы его были надорваны, писания его становятся сухим, чисто фактическим изложением событий.

Костомарова многие критиковали — иногда очень резко — за недостаточно внимательное отношение к источникам и проистекавшие отсюда ошибки, а также за пристрастное отношение к истории Московского государства, в которой он часто подчеркивал отрицательные черты. В этом последнем отношении сказалась разница взглядов Костомарова и его критиков. Последние едва ли не резче высказывались относительно истории Украины.

Что же касается мелких ошибок и промахов, они почти неизбежны у всякого ученого. У Костомарова они отчасти объясняются привычкой полагаться на свою замечательную память, а отчасти — разнообразием его знаний.

Тем не менее вклад Костомарова в развитие русской историографии очень существен. Он первый ввел в оборот русской исторической науки обильный материал по истории Украины XVII века. Своими взглядами на ход русской истории (роль областничества) он дополнил схему Соловьева (они друг с другом полемизировали).

Собрание сочинений Костомарова издано в Петербурге в 1903–1905 (шестнадцать томов в шести книгах).

XII

А. П. Щапов (1830–1876)

В своих взглядах на русскую историю А.П. Щапов был во многом созвучен Костомарову. Как и Костомаров, Щапов считал, что основная задача историка — изучение истории народа, а не истории государства. Как и Костомаров, Щапов придерживался мысли о федеративном начале русской истории. Но он не интересовался югом России. Его учение можно назвать великорусским областничеством.

Афанасий Прокопьевич Щапов родился в Сибири в селе Анга, в 200 верстах от Иркутска. Отец его был русский местный дьячок, мать бурятка. В 1852 году он окончил курс Иркутской духовной семинарии в числе лучших учеников и был отправлен на казенный счет в Казанскую духовную академию.

Щапов учился там с большим усердием и успехом. Важное значение для начала его научной деятельности имело то обстоя-

тельство, что в Казань была перевезена богатая рукописная библиотека Соловецкого монастыря.

Тогда как раз шла Крымская война, и русское правительство боялось вторжения английского флота в Белое море и бомбардировки Соловецкого монастыря. Щапов участвовал в составлении описи рукописей и сделал для себя множество выписок оттуда. Отчасти на этом материале была основана его магистерская диссертация для Духовной академии «Русский раскол старообрядчества» (1858 г., напечатанная в Казани в том же году).

В это время научное изучение русского церковного раскола только начиналось (приближалось двухсотлетие начала раскола — 1667 г.). В 1854 году появился труд митрополита Макария Булгакова «История русского раскола старообрядчества». Тогда считали, что оппозиция патриарху Никону и его реформе церковных книг и обрядов была результатом косности и невежества старообрядцев. Только в самом конце XIX и в начале XX века трудами таких выдающихся историков русской церкви, как Е. Е. Голубинский и Н. Ф. Каптерев, было выяснено, что старые обряды русской церкви следовали обрядам древней греческой церкви, о которых уже забыли греческие церковники XVII века. Никон же под их влиянием и начал свои реформы.*

В своей диссертации Щапов охарактеризовал раскол с принятой тогда точки зрения. Но затем он подошел к вопросу с иной стороны, а именно общественно-политической.

В следующем своем труде «Земство и раскол» (1862) Щапов писал, что старообрядчество было прежде всего «могучей, страшной общинной оппозицией податного земства, массы народной, против всего государственного строя — церковного и гражданского».

Мысли Щапова были развиты его учениками и последователями — Н. Я. Аристовым, В. Фармаковским, В. В. Андреевым и другими. Бестужев-Рюмин также признал ценность труда Щапова.

С политической точки зрения в Лондоне заинтересовались мыслями Щапова о старообрядцах Герцен и Огарев и их довольно случайный друг новый эмигрант В. Кельсиев. Решено было использовать старообрядцев для борьбы с самодержавием. В том же 1862 году в Лондоне начал выходить особый журнал для старообрядческих читателей под заглавием «Общее дело». Герценовский кружок

* См. новейшее исследование С. А. Зеньковского «Русское старообрядчество» (Мюнхен, 1970).

вступил в сношения с казаками-старообрядцами, эмигрировавшими в Турцию. Из всех этих полунаивных, полуфантастических попыток ничего не вышло.

Тем не менее сведения о них, доходившие до русского правительства, сильно его беспокоили. Оно уже и так находилось в состоянии крайней нервности из-за ряда крестьянских волнений, последовавших вскоре за объявлением крестьянской реформы.

В течение предшествовавших четырех лет, пока реформа разрабатывалась, крестьяне выжидали решения своей участи с необыкновенным терпением. Манифест 19 февраля первоначально был составлен Н. А. Милютиным и Юрием Самариным, но затем сильно изменен митрополитом Филаретом. Манифест прочитан был во всех церквях, а экземпляр Положения о реформе выдан был каждому помещику и каждому сельскому обществу. Манифест, в обработке митрополита Филарета, был написан витиевато и запутанно, а по Положению крестьяне, первое время до окончательного введения реформы в жизнь, оставались в зависимости от помещиков.

Для крестьян это было непонятно. Им необходимы были убедительные разъяснения положения дел.

Эта задача возложена была на губернаторов. Некоторым из них удалось предотвратить волнения в их губерниях. Но некоторые относились к делу формально и не приняли нужных мер.

Правительство и Александр II лично полагались только на усмирение возможных беспорядков военной силой.

Крестьянские волнения действительно произошли в ряде губерний — Пензенской, Симбирской, Саратовской, Казанской и Тамбовской.

Александр II послал во все губернии, затронутые беспорядками, своих генерал-адъютантов и флигель-адъютантов с военными командами. Более разумным из командиров удалось уговорить крестьян разойтись, но в некоторых местах дело дошло до кровавых столкновений.

Главная трагедия произошла в селе Бездна Казанской губернии, где крестьяне были в особенном возбуждении и отказались разойтись. Генерал Апраксин командовавший отрядом, приказал стрелять в толпу. По официальным данным, было убито 55 человек и ранено около 70 человек.

Когда весть об этом происшествии дошла до Казани, Щапов во главе с целой группой студентов отправился в Бездну, чтобы

отслужить панихиду по убитым. После панихиды Щапов произнес взволнованную речь, резко протестуя против расстрела крестьян. В ответ Александр II распорядился сослать монаха, служившего панихиду, в Соловецкий монастырь. Щапов был лишен своей кафедры в Казанском университете, арестован и привезен в Петербург. Министр внутренних дел Валуев взял его на поруки и назначил чиновником особых поручений по раскольничьим делам. Но академическая карьера Щапова была кончена.

В Петербурге Щапов познакомился с тогдашними кумирами революционной молодежи — Чернышевским, Добролюбовым и Писаревым. От последнего он воспринял интерес к естественным наукам и попытался применить естественно-научный метод к своим исследованиям.

Между тем политическая атмосфера сгушалась.

В 1862 году Чернышевский был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1864 году он был приговорен к семи годам каторги. В это же время правительству стали известны сношения Щапова с Герценом, и он был выслан в Иркутск.

За время своего пребывания в Петербурге Щапов развил свою областную или земскую общинно-колониционную теорию. Затем однако он, под влиянием своего увлечения естественными науками, значительно изменил ее.

В основе его областной теории лежала мысль, что земля составляла основание всего народного бытового строя.

«Рядом, на одной земле и воде, в колониционно-географической и общинно-бытовой связи, сами собой, без всяких указов, устроились два первичных мира — город и село». Вокруг города или села образовывался уезд или волость. «Волостные или уездные миры естественно-историческим путем по речным системам и волокам смыкались в областные общины». В жизни областей были две последовательно-преемственные формы — особнообластная и соединенно-областная (федеративная). Последняя установилась после Смутного времени. Органом ее сделался Земский собор.

Самая значительная из статей Щапова, основанных на роли естествознания в истории, — «Естествознание и народная экономия». В ней он развил мысль, что естествознание и медицина имеют своей задачей улучшение «умственного и экономического быта народа». Разрешение этой проблемы он видел в «естествен-

но-научной экономии и гигиене рабочих физических и умственных сил народа».

В Иркутске Шапов писал главным образом на местные сибирские темы. Он явился вдохновителем целого ряда сибирских областных деятелей. Вся «молодая Сибирь» многим была ему обязана.

В 1874 г. скончалась жена Шапова Ольга Ивановна, которая всю себя посвятила своему мужу. Через два года умер и сам Шапов.

XIII

К. Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897)

Соловьев и его ученики образовали московскую школу историков. Бестужев-Рюмин положил начало петербургской школы.

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин происходил из старинной дворянской семьи Нижегородской губернии. В родовом имении Кудряшки Константин и родился. Его отец Николай Павлович питал благоговейное отношение к русской истории и русскому языку. Заветною его мечтой было видеть сына профессором истории. Еще до поступления сына в гимназию отец познакомил его с сочинениями Тацита и Карамзина. В 1840 году Константин был помещен в первый класс Нижегородской гимназии, которую он окончил в 1847 году.

Из гимназических учителей Бестужев больше всего был обязан П. И. Мельникову-Печерскому, который привлек его (и некоторых других способных учеников) к литературным занятиям. Из товарищей гимназистов Бестужев подружился с С. В. Ешевским. В последствии Бестужев женился на его сестре.

По окончании гимназии Бестужев поступил на юридический факультет Московского университета. Слушал лекции Соловьева, Грановского и Кавелина. По окончании университета в 1851 году Бестужев должен был искать себе заработок (отец его умер в 1848 году). На первые три года он принял приглашение взять место домашнего учителя в семье Чичериных в Тамбовской губернии. Затем он перешел на должность редактора «Московских ведомостей». В 1859 году он поместил в сборнике «Московское обозрение» большую статью: «Современное состояние русской истории как науки» — обзор первых восьми томов «Истории России» Соловьева.

Осенью 1859 года Бестужев переехал в Петербург и принял участие в журнале «Отечественные записки» как член редакции, постоянный сотрудник. В 1864 г. он был приглашен преподавать отечественную историю великому князю Александру Александровичу (будущему императору Александру III). Перед этим в конце 1863 г. он выдержал в Петербургском университете магистерский экзамен и таким образом открыл себе дорогу на кафедру, о которой давно мечтал. Так как он еще не имел ученой степени, то был сначала назначен исполняющим должность доцента. Теперь он мог спокойно заняться научной работой и написал свой первый выдающийся труд «О составе русских летописей до конца XIV века». Этот труд Бестужев представил для получения степени магистра, но на основании лестного отзыва И. И. Срезневского (декана историко-филологического факультета) был удостоен сразу степени доктора русской истории.

Годы профессорской деятельности Бестужева были временем расцвета его научной и педагогической деятельности. Помимо университета Бестужев, убежденный сторонник женского образования, с 1871 года читал лекции по русской истории на частных (так называемых Владимирских) женских курсах и способствовал преобразованию их в первый в России женский университет (называвшийся Высшими женскими курсами), главою которых он и сделался (1875). Курсы эти в просторечии стали называться Бестужевскими.

Из-за напряженной и непрерывной деятельности Бестужев переутомился и осенью 1882 года уехал за границу, где пробыл около двух лет. Слабость здоровья заставила Бестужева оставить университет и Высшие женские курсы (в конце 1890 года). В марте 1890 года он был избран членом Академии наук, что было для него большим нравственным удовлетворением.

Бестужев был против внесения в объяснение исторического процесса отвлеченных философских теорий. Из общественных течений он симпатизировал славянофильству и с 1878 по 1882 год был председателем славянского благотворительного общества. Но он никогда не высказывал этих своих взглядов ни в своих лекциях, ни в печатных трудах.

После диссертации Бестужева о летописях главным солидным его трудом была «Русская история» (2 тома, 1872 — 1885). В своем изложении русской истории он прежде всего дает тщательный критический обзор источников, начиная с археологических памятников и кончая памятниками литературы и бытописания. За этим

следует обзор содержания научных трудов по русской истории. Бестужев считал, что его задача — дать в руки читателя материал и различные объяснения его разными авторами и что читатель должен самостоятельно во все это вникнуть, чтобы самому сделаться историком. Поэтому он по возможности воздерживался от своей оценки указанных им сочинений и мнений их авторов.

В своем изложении он отделял историю «былевую» (события, внешние факты) от истории «бытовой» или культурной. Яркий образ Бестужева как преподавателя дал в своих воспоминаниях его последний ученик С. Ф. Платонов. Лекции Бестужева Платонов начал слушать на первом курсе своего студенчества. «Нас прежде всего поразила его внешность». Большинство профессоров Петербургского университета тогда читали лекции в вицмундирах. «На Бестужеве всегда был фрак. Бестужев носил его как истый барин, светский человек... Войдя в аудиторию, Бестужев своим близорукими, живыми и добрыми глазами оглядывал нас, садился в кресле и неизменно начинал с одного и того же: он несколько раз поводил левой рукою по своему высокому лбу и тихо произносил первые слова лекции, настолько тихо, что этих слов мы обычно не слышали. Со второй фразы начиналось уже всем слышное изложение — и сколько в нем было для нас наслаждения. Бестужев не был оратором — он не «читал», он просто беседовал, не заботясь о форме своей речи... Перед нами был человек широко образованный свободно вращающийся во всех сферах гуманитарного знания, великолепно знающий свою науку, умевший легко поднять нас на высоты отвлеченного умозрения и ввести в тонкости специальной ученой полемики. Мы жили в новой для нас обстановке, как в каком-то ученом братстве, где все дышало одними общими учеными интересами и жадной народной самопознания... Мы тогда не чувствовали, что это был последний нормальный курс Бестужева, что здоровье его падает и что скоро начнется закат его жизни».

XIV

К. Д. Кавелин (1818–1885)

В русской историографии Кавелин мог бы занимать место близкое к Соловьеву и Чичерину, но жизнь его так сложилась, что ему мало пришлось заниматься русской историей.

Константин Дмитриевич Кавелин происходил из дворянской семьи Рязанской губернии. Семейная обстановка была затхлой — страшная пустота жизни, отсутствие умственных интересов, крепостные нравы, дворянское чванство. Из постоянно менявшихся немецких и швейцарских гувернеров большинство было никуда не годных, некоторые пьяницы. Светлым пятном для мальчика Кавелина была дружба с его старшей сестрой Софьей.

В 1827 году семья переехала в Москву. Тут уже воспитание Константина улучшилось. Провинциальных гувернеров сменили учителя — семинаристы, немец и француз — на этот раз порядочные. В 1834 году решено было подготовить Константина к поступлению в университет. Наставником был приглашен В. Г. Белинский. Влияние его было решающим. На всю жизнь Кавелин сделался западником.

В 1835 году Кавелин поступил на юридический факультет Московского университета. Его учителями были Редкин и Крюков. В 1844 году, после успешной защиты магистерской диссертации на тему «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до учреждения о губерниях» Кавелин был назначен адъюнктом по кафедре истории русского законодательства.

Его курс был первым в России опытом стройной философии истории русского права и пользовался громадным успехом среди слушателей. Но в 1848 году Кавелин счел нужным оставить Московский университет из-за недостойного поведения профессора римского права Н. И. Крылова. Пошли настойчивые слухи, что Крылов занимается мздоимством. Его коллеги потребовали, чтобы он или оправдался или покинул университет. Крылов не сделал ни того, ни другого.

Тогда Кавелин и Редкин сами ушли из университета. Кавелин переехал в Петербург и начал поиски службы. Еще в 1854 году он женился на Антонине Федоровне Корш и надо было обеспечить семью.

Сначала Кавелин поступил в Министерство внутренних дел, затем перешел в штаб военно-учебных заведений, а потом принял еще должность начальника отделения в канцелярии Комитета министров (оставшись на службе в штабе).

В 1857 году Кавелин был приглашен на кафедру гражданского права в Петербургский университет. Это было уже время подготовки освобождения крестьян. Кавелин, с юности враг кре-

постного права, принял горячее участие в обсуждении плана реформ. На этой почве он сблизился с Н. А. и Д. А. Милютиными и Юрием Самариным и получил доступ ко двору великой княгини Елены Павловны, ревностной сторонницы освобождения. Она решила, не дожидаясь общей реформы, устроить на новых началах быт крестьян в ее имении Карловка Полтавской губернии. Кавелину поручено было выработать соответствующее положение. Новые правила были утверждены 1 февраля 1859 г.

В конце 1861 года из-за студенческих волнений Кавелин вместе с несколькими другими профессорами оставил университет. После этого министр народного просвещения А. В. Головин командировал Кавелина на два года за границу для изучения европейских университетов. Представленные им отчеты послужили материалом для реформы русских университетов 1863 года.

В следующем году Кавелин поступил опять на правительственную службу — юрисконсультom в Министерство финансов по департаменту неокладных сборов, но продолжал в свободное время научную и литературную деятельность.

В конце 1870-х годов Кавелин пережил несколько тяжелых личных утрат. Сначала у него умер сын, затем дочь София, бывшая замужем за художником Брюлловым. Тургенев написал прочувствованное воспоминание о ней. Через два года после того умерла и жена Кавелина. Душевно поддержала Кавелина открывшаяся перед ним возможность возобновить преподавание на университетском уровне.

В 1878 году он получил кафедру гражданского права в военно-юридической академии. Кавелину было в это время 60 лет, но своего нравственного влияния на молодежь он не утратил и завоевал горячую любовь своих новых слушателей. Молодежи они посвятил свой последний труд «Задачи этики».

Кавелин, как Соловьев и Чичерин, считается одним из основателей так называемой Государственной школы русской истории. Термин этот не вполне точный. Представители этой школы говорили не только о государстве, но и о народе. Основной проблемой для них был характер связи и взаимоотношения государства и народа. В своих историософских взглядах Кавелин — также как Соловьев и Чичерин — опирается на Эверса и Гегеля. С Гегелем Кавелина ознакомил его учитель в Московском университете Редкин, а кроме того, и Грановский. Влияние Гегеля чувствуется, впрочем, главным образом в ранних трудах Кавелина.

Свою общую концепцию русской истории Кавелин дал уже в первой своей статье «Взгляд на юридический быт Древней Руси» (1847).

Кавелин намечает три стадии исторического развития России. В первой господствуют родовые отношения (до образования Киевской державы). С приходом князей Рюрикова дома их род (семья) начинает владеть сообща всей русской землей. В процессе оседания князей по различным городам княжеский род превратился в множество отдельных независимых владений. Затем начинается обратный процесс — собирание земель московскими Рюриковичами. Таким образом создалась огромная вотчина — Московское государство. Только в результате Петровской реформы Московское царство действительно преобразовалось в политическое государственное тело и стало державой в настоящем значении слова.

Основными устоями русской общественности Кавелин считал общинное землевладение и самоуправление крестьянства, освобожденного от помещиков и чиновников, земские учреждения и мировой суд. Постепенно Кавелин пришел к убеждению, что для успеха административных реформ необходима переработка общественных нравов и выяснение отношений личности к обществу. В связи с этим Кавелин подошел к значению психологии и этики. «Выяснение психологических вопросов, — писал он в конце 60-х годов, — точно также стоит на очереди в теоретическом, нравственном и научном отношении, как задачи земства в практическом мире. Пустота, бессодержательность, нравственный упадок и растрепанность мыслящей и образованной части публики есть явный признак, что в ходу новый синтез и что старый отжил свое время... Особенно печально и тлетворно отражается это состояние на молодежи, которая больше всего нуждается в синтезе. Проложить к нему дорогу и отпереть дверь может психология и только она». В связи с этими мыслями Кавелин написал свои «Задачи психологии». Труд этот не был достаточно оценен читающей публикой, что было большим разочарованием для Кавелина.

В этом труде, к которому примыкает и последний его труд «Задачи этики», Кавелин отстаивает творческое начало в личности. Для него также неприемлем материализм, как и спиритуализм.

Психическая и материальная жизнь имеют общую почву — внутренний мир человека. «Мир внешних реальностей есть про-

должение личного, индивидуального, субъективного мира». Высокую оценку книги Кавелина «Задачи психологии» дал профессор философии Московского университета М. М. Троицкий (1835–1899): «Этот труд навсегда останется одним из самых любопытных памятников нашей философской литературы семидесятых годов».

Лично Кавелин был на редкость гуманный человек, в котором находили сочувственный отклик каждое истинное горе, каждая личная скорбь. Но он не был мягким до безразличия, в своих убеждениях он был тверд и независим.

XV

Б. Н. Чичерин (1828–1904) ***и А. Д. Градовский (1811–1889)***

Создателем научного правоведения в России был К. А. Неволлин (см. о нем выше, гл. V). Перу Неволлина принадлежит первая в России энциклопедия права и ряд капитальных трудов по истории русского права — гражданского и государственного.

Чичерин занимался историей и гражданского и государственного права, а также историей политических учений и философией.

Градовский был автором капитального труда «Начала русского государственного права» и нескольких ценных исследований по истории административного права.

Борис Николаевич Чичерин — один из крупнейших русских историков-юристов, человек одаренный мощным, склонным к систематизации, умом. В философском отношении он был последователем Гегеля — самый выдающийся из русских гегельянцев. Для испытания методологических основ своей философии он написал работы о системе химических элементов и о классификации животных. Чичеринова «Система химических элементов» представляет собой поразительный пример умозрительного решения существенной физико-химической проблемы — структуры атомов.

Чичерин приравнивал структуру атомов к структуре Солнечной системы. По его догадке, каждый атом состоит из центрального ядра, вокруг которого вращаются частицы. Чичерин написал это

до открытия радиоактивности и электрона. Чичерин происходил из старого состоятельного дворянского рода Тамбовской губернии (родился в Тамбове). Получив тщательную подготовку дома, он поступил в Московский университет, где слушал лекции Грановского, Редкина и Кавелина. В 1861 году Чичерин был назначен профессором Московского университета по кафедре истории русского права.

Чичерин был выдающимся преподавателем, мастером ясно излагать свои глубоко продуманные мысли. Он пробыл профессором семь лет, но в 1868 году ушел из университета (вместе с двумя другими профессорами) из-за бесцеремонного нарушения университетского устава ректором Баршевым.

В 1881 году Чичерин был избран московским городским головой. Два года спустя он произнес публичную речь, в которой указал на необходимость «увенчания здания» земского и городского самоуправления народным представительством. Александр III возмутился и удалил Чичерина с должности городского головы. После того Чичерин жил то в своем имении, принимая деятельное участие в работах Тамбовского земства, то в Москве, где у него завязалась дружба с философами князьями С. Н. и Е. Н. Трубецкими.

Чичерин очень высоко ставил значение государства. Государство, по его мысли, призвано быть сферой свободного развития свободной личности. Личность противостоит государству как непроницаемая «самоцель», как «духовная монада». В своей работе «О народном представительстве» Чичерин говорит, что государство опирается на «средние классы». «По существу своему средние классы стремятся не столько к власти, сколько к свободе, необходимой для развития труда и промышленности... Низшие классы по своему характеру склонны к подчинению; высшие, напротив, по своему первенствующему положению непременно стремятся к власти и правам». Таким образом, понятие «класса» у Чичерина носит характер своего рода общественно-психологической категории.

Гегель остался для Чичерина руководителем на всю жизнь. Чичерин однако внес в систему Гегеля некоторые поправки и дополнения. Одно из главных изменений состояло в исправлении схемы гегельянской диалектики. Чичерин заменяет троичную схему диалектического процесса у Гегеля (тезис, антитезис — синтез) четвертичной схемой: (1) первоначальное единство; распад

единства на (2): отвлеченное общее и (3) отвлеченное частное; (4) высшее или конечное единство обоих. «Движущей причиной развития — по Чичерину — является противоречие самих начал».

К истории русского права относятся следующие выдающиеся труды Чичерина: «Областные учреждения России в XVII веке» (1859); «Опыты по истории русского права» (1859) и «О народном представительстве (1866) — исследование о Земских соборах.

К философским произведениям Чичерина принадлежат его «История политических учений» (5 томов) (1877); «Наука и религия» (1879), «Основания логики и метафизики (1894) и философия права» (1901).

Логика, по мнению Чичерина, есть «первая и основная наука, дающая закон всем остальным». Чичерин, как и Гегель, верил в тождество законов разума и законов внешнего мира.

В своих «Воспоминаниях» кн. Е. Н. Трубецкой рисует Чичерина «как олицетворение совершенно исключительного душевного благородства... Такой прямоты мысли и сердца я не помню ни у кого другого. Его слово не могло расходиться с его мыслью даже в незначительных оттенках... Это было возможно лишь благодаря совершенно исключительной, редкой, особенно в России, непреклонности и твердости духа». Но это же качество многих от него отшатнуло. К тому же интерес к философии Гегеля в русском обществе в последней четверти XIX века почти совершенно исчез. «Гегельянец в конце XIX столетия казался выходящим с другой планеты».

Приближаясь к смерти, Чичерин чувствовал себя одиноким.

Чичерин по природе был человек замкнутого характера. Это его свойство еще усилилось к концу его жизни.

У Градовского, наоборот, была в самой его натуре общительность и тяга к людям. Он был и ученый и публицист и охотно выступал на всяких собраниях. Был членом Литературного фонда.

Александр Дмитриевич Градовский кончил харьковскую вторую гимназию и Харьковский университет. Был редактором харьковских «Губернских ведомостей», потом чиновником особых поручений при воронежском губернаторе.

В 1866 защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Высшая администрация XVIII века и генерал-прокуроры», после чего был избран штатным доцентом юридического факультета. В то же самое время он был назначен

исправляющим должность экстраординарного профессора в Александровском лицее.

В 1868 году Градовский защитил докторскую диссертацию «История местного правления в России» (том 1), после чего был избран экстраординарным, а через год — ординарным профессором. После этого он принялся за писание своего главного труда «Начала русского государственного права» (3 тома, 1875–1883). Это сочинение долго служило основным пособием для русских государствоведов. Ценный вклад в науку составляют и труды Градовского по иностранному государственному праву. Важнейшие из них — «Германская конституция» (два тома, 1875–1876) и «Государственное право важнейших европейских держав. Часть историческая» (1886).

Как профессор, Градовский побуждал студентов усиленно работать по своему предмету и был строг на экзаменах.

Как публицист, Градовский много и охотно писал в газетах и журналах. Был постоянным сотрудником «Голоса» и «Русской речи». Часть его статей была потом им переиздана в составе сборников его статей «Политика, история, администрация». (1871), «Национальный вопрос в истории и литературе» (1873) и «Трудные годы», (1880).

В политическом отношении Градовский придерживался умеренно либерального направления. По его собственному выражению, он боролся за идеи и учреждения, которые служили «раскрепощению России».

В своей полемике с Достоевским, отстаивавшим значение личного начала в ущерб общественному, Градовский стремился доказать, что для полного и цельного развития человеческой личности необходимы известные условия общественной и политической жизни. Никакие общественные установления не могут ни развиваться, ни даже пустить корни, если человеческая личность не обеспечена в своих элементарных правах.

XVI

Н. Г. Чернышевский (1828–1889)

Николай Гаврилович Чернышевский не был профессиональным историком, но много читал и писал на исторические темы и

оказал довольно значительное влияние на дальнейшее развитие русской исторической мысли.

Чернышевский родился в Саратове, был сыном очень образованного священника. Отец предназначал его к духовной карьере, дал ему тщательное воспитание дома, а потом отдал прямо в старший класс духовной семинарии. Чернышевский поразил там знаниями и своих учителей и товарищей. Чернышевские жили в одном дворе с семьей А. Н. Пыпина (будущего академика). Пыпин приходился по матери двоюродным братом Николаю Гавриловичу (был старше его на пять лет).

По окончании семинарии Чернышевский, с согласия родителей, поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета (1846). По поручению одного из своих профессоров, И. И. Срезневского, Чернышевский составил этимологический словарь к Ипатьевской летописи, который был напечатан в «Известиях II отделения Академии наук».

Кроме науки Чернышевский в свои студенческие годы увлекся идеями утопического социализма, в частности фурьеризма (посещал собрания петрашевцев). В 1850 г., окончив курс кандидатом, Чернышевский уехал в Саратов, где получил место учителя гимназии. В Саратове он женился на Ольге Сократовне, урожденной Васильевой. Через три года он с женой переехал в Петербург и занялся журнальной деятельностью, став во главе «Современника».

Вместе с тем он решил добиваться профессуры в университете, выдержал магистерский экзамен и в 1855 г. представил в качестве диссертации рассуждение «Эстетические отношения искусства к действительности». Диссертация сразу была напечатана. Публичная защита диссертации прошла успешно, но министр народного просвещения А. С. Норов нашел некоторые утверждения Чернышевского «кошунственными» и аннулировал магистерскую степень. Только через три года новый министр утвердил степень. Но к этому времени Чернышевский уже так захвачен был журналистикой, что перестал думать об академической карьере.

Для «Современника» Чернышевский написал довольно много статей и заметок по истории, большей частью на злободневные для того времени темы — по истории крестьянского вопроса (тогда как раз уже шла подготовка к отмене крепостного права). В печати в это время деятельно обсуждались принципы и основа-

ния реформы. Чернышевский, как и Кавелин, стоял за сохранение общинного землевладения крестьян.

Главными их противниками среди умеренных либералов были Б. Н. Чичерин и профессор политической экономии Иван Васильевич Вернадский, издатель журнала «Экономический указатель».

Как уже упоминалось (см. выше гл. XII о Щапове), вскоре после 19 февраля 1861 года начались волнения среди крестьян, разочарованных в «ненастоящей» воле, а вместе с тем усиливалась революционная агитация и стали появляться бунтарские прокламации. Начались аресты лиц, подозреваемых в составлении и распространении прокламаций. Среди других был в 1862 году арестован и Чернышевский.

Ему, на основании показаний шпиона, приписывалась прокламация «К барским крестьянам».

Чернышевский был предан суду сената. (Это было накануне издания новых судебных уставов — судили Чернышевского еще по старым законам.)

Кроме прокламации «К барским крестьянам» (Чернышевский отрицал авторство) ему поставили в вину революционный дух его сочинений (в свое время пропущенных цензурой). Сенат приговорил его к 14 годам каторжных работ, но в окончательной конфирмации срок был сокращен до семи лет. Приговор был объявлен 13 мая 1864 года.

Для отбытия наказания Чернышевский был послан в Восточную Сибирь. В ту пору политические «каторжане» настоящей каторжной работы не должны были исполнять. Чернышевский не был стеснен в сношениях с другими политическими заключенными, ему разрешались прогулки. Одно время он даже жил в отдельном доме. Много читал и писал, но все написанное немедленно рвал.

К нему приехала его жена с двумя маленькими сыновьями, и одно время ему разрешалось трехдневное свидание с ними. В 1871 году кончился срок его каторги, и Чернышевский должен был быть переведен в разряд поселенцев, которым представлялось самим избрать место жительства. Тогдашний шеф жандармов граф П. А. Шувалов однако самовольно послал его в отдаленный Вилюйск. Это было значительное ухудшение его участи. Только в 1883 году министр внутренних дел граф Д. А. Толстой выпустил Чернышевского из Сибири и перевел его в Астрахань. Через

шесть лет ему разрешено было вернуться в родной Саратов, но силы его уже были на исходе и он в том же году скончался.

Философские взгляды Чернышевского сложились под влиянием Фейербаха и Огюста Конта. Социально-экономические идеи его тесно связаны с этикой.

Это была этика утилитаризма — «разумного эгоизма». Этический пафос у Чернышевского обуславливается его горячей любовью ко всем, кто подавлен условиями жизни. Чернышевский горячо защищал права личности на свободу.

Чернышевский отвергал идеалистический подход к эстетике — с его точки зрения, конкретная действительность выше искусства.

С детства Чернышевский был религиозным. Уже будучи студентом университета, в 1848 году он записал в своем дневнике по поводу «религии человечества» Фейербаха: «Что если мы должны ждать новой религии? У меня волнуется при этом сердце и дрожит душа — я хотел бы сохранения прежней. Очень жаль мне было бы расстаться с Иисусом Христом, который так благ, так мил своей личностью, благой и любящей человечество».

Скоро, однако, Чернышевский отошел от православия и воспринял «религию человечества». В этой связи он и верил в русский общинный строй.

Характерен для Чернышевского культ научности («сциентизм»). Это была настоящая вера в науку и ее неограниченные возможности. Чернышевский боролся против понятия двойственности в человеке, против антитезы «духа» и «природы». Защищая единство человека, Чернышевский мыслил его в терминах биологизма.

Для него человек — «существо, имеющее желудок и голову, кости, жилы, мускулы и нервы».

XVII

Пособия исторической науки

Как уже было сказано (см. главу IV), дело собирания и издания подсобных исторических материалов в 1820-х и 1830-х годах завершилось созданием Археографической комиссии. Работа ее непрерывно развивалась в течение всего XIX века и начала XX века.

Независимо от комиссии, по поручению Второго отделения собственной Его Величества канцелярии, М. М. Сперанский работал над составлением «Полного Собрания законов Российской Империи», начиная с 1649 года (когда было издано Соборное уложение) по 1825 год (1830). За этой первой серией последовала вторая (с 1825 по 1881 год). С тех пор ежегодно издавалось по тому. Последний до большевистского переворота том вышел в 1916 году.

В 1843 году была учреждена Киевская археографическая комиссия, куда переданы были архивы Киевской, Подольской и Волынской губерний. В состав ее руководящих членов вошли такие выдающиеся ученые, как Н. Д. Иванишев, В. В. Антонович, М. Ф. Владимирский-Буданов. Киевская комиссия опубликовала громадное количество ценных актов, относящихся к истории Юго-Западной Руси. Двадцатью годами позже основана Виленская комиссия для разбора древних актов, также очень деятельная. Почти одновременно с Виленской открыта была Кавказская археологическая комиссия.

Иного типа учреждениями, менее широкого размаха, но в большинстве своем деятельными и полезными для исторической науки, были губернские ученые архивные комиссии, подведомственные Министерству внутренних дел. Задачами этих комиссий было (1) составлять губернский исторический архив; (2) собирать сведения о древностях края, создавать местные музеи и содействовать распространению археологических и исторических знаний. В планировке и направлении деятельности этих комиссий принимал живое участие А. С. Лаппо-Данилевский.

В 1884 году открыты были четыре такие комиссии — в Рязани, Тамбове, Твери и Орле. За ними последовали другие, и постепенно сеть их распространилась на всю Россию. Характер работы комиссий зависел от местных условий.

Под наблюдением Таврической архивной комиссии оказались классические древности Крыма, памятники генуэзских и венецианских факторий XIII–XV веков, материалы по истории крымских татар и документы русской истории. Бессменным председателем и душой Таврической комиссии был Арсений Иванович Маркевич (1855–1942).

Важным событием в развитии русского византиноведения было открытие Русского археологического института в Константинополе. В разработке проекта этого учреждения принял участие академик Федор Иванович Успенский. Русский посол в

Константинополе А. И. Нелидов подготовил для этого почву и вел переговоры с турецким правительством. Успенский был назначен директором института. Институт издавал свой журнал «Известия». Деятельность института не ограничивалась византиноведением. Исследовались и позднеклассические и славянские древности. Систематически производились раскопки в Болгарии.

В 1839 году было открыто Одесское общество истории и древностей, в «Записках» которого печатались главным образом описания древностей южной России или имеющих к ней отношение, а также и вообще материалы для истории края.

Большое значение для исторической науки и для расширения русского исторического кругозора имело открытие целого ряда исторических и сродных им ученых обществ.

Учрежденное в 1804 году Московское общество истории и древностей постепенно заглохло и оживилось только в 1860-х годах. После того в издаваемых обществом «Чтениях» (4 книги в год) стали печататься чрезвычайно ценные исторические материалы.

В 1846 году положено было начало русскому Археологическому обществу, но развернулось оно во всю ширь с утверждением нового устава в 1849 г. Общество разделялось на три отдела: отделение русской и славянской археологии; отделение восточной археологии и отделение древнеклассической, византийской и западноевропейской археологии. В 1851 году вышел первый том «Записок отделения русской и славянской археологии», а через пять лет I том «Трудов восточного отделения». Помимо специально археологических материалов в этих изданиях печаталось много собственно исторических монографий и источников.

В 1864 году основано было Московское археологическое общество. Первое заседание его имело место в квартире и под председательством графа А. С. Уварова. Через четыре года общество получило в дар от Александра II собственный дом. Целью общества согласно уставу было исследование археологии вообще, но преимущественно русской. Из деятельных членов общества кроме председателя графа Уварова следует в особенности упомянуть профессора Анучина. Общество организовало раскопки и исследования в целом ряде губерний, включая Кавказ и закавказские области.

С деятельностью Московского археологического общества тесно связаны археологические съезды, председателем которых был граф Уваров. В этих съездах принимали участие члены архе-

ологических обществ и других ученых учреждений, а также все лица, желающие принять участие и заплатившие 4 рубля. Съезд выбирал из своей среды распорядительный комитет. Ввиду разнообразных интересов участников работа распределялась по отделениям. На московском съезде 1890 года было девять отделений: древности первобытные; древности историко-географические и этнографические; памятники искусства; русский быт — домашний, общественный и юридический; памятники церковные; памятники славяно-русского языка и письма; древности классические, славяно-византийские и западноевропейские; древности восточные и языческие; памятники археографические.

Съезды собирались по очереди в разных городах (Москва, Петербург, Киев, Казань, Тифлис, Одесса, Ярославль). В первом съезде участвовало 130 членов, в восьмом (Москва, 1890 год) — 380 членов. XV съезд имел место в Новгороде в 1911 году. XVI съезд намечался в Пскове в 1914 году, но не мог состояться из-за войны. Труды съездов печатались Московским археологическим обществом.

В конце 1880-х годов особо от Московского археологического общества возник Московский археологический институт. Директором его был А. И. Успенский.

В 1890 году институт начал издавать свои «Записки». Среди ценных материалов, там помещенных, отмечу как особенно важное для русской истории исследование В. И. Клейна о следственном деле по поводу смерти царевича Дмитрия Угличского (1591), с приложением фотокопии самого следственного дела.

В 1845 году в Петербурге было учреждено Русское географическое общество, деятельность которого имеет большое значение и для истории.

В основании его приняли деятельное участие такие выдающиеся ученые, как К. М. Бэр, П. И. Кеппен, В. И. Даль, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Ю. М. Шокальский и И. В. Мушкетов. Общество состояло из четырех отделений: математическая география; физическая география; этнография; статистика. Отделы общества, объединившие местных краеведов, открыты были в Тифлисе, Иркутске, Оренбурге, Омске, Хабаровске и Ташкенте, Иркутске. Для историков особенно ценны работы и издания отделов этнографии и статистики.

Позднее других было основано в Петербурге Русское историческое общество (1866). Целью общества, согласно его уставу, было

собирать и обрабатывать материалы и документы русской истории как хранящиеся в правительственных и частных архивах и библиотеках, так равно и у частных лиц — в России и за границей.

С 1867 года общество стало издавать свой «Сборник», в котором помещались материалы и по внутренней истории России, и по внешней политике. Это одна из важнейших серий материалов по русской истории.

Другим необходимым пособием для историков был издаваемый обществом «Русский биографический словарь». До 1916 года издано было 25 томов. После Октябрьской революции 1917 года общество было закрыто. Издание и «Сборника» и «Биографического словаря» было прекращено.

В этой связи следует упомянуть, что не менее ценным сборником документов по русской истории является «Русская историческая библиотека», издаваемая Археографической комиссией (по одному тому в год). Издание также прекратилось в 1917 г.

В 1873 году открыто было в Киеве Историческое общество летописца Нестора. Общество издавало свои «Чтения», в которых помещались ценные исследования и материалы по истории и истории права. Деятельными членами общества были профессора Иконников, Владимирский-Буданов и Довнар-Запольский.

При многих университетах также были созданы исторические общества — меньшего размера, но тем не менее помогавшие ученому общению историков. В 1889 году было учреждено историческое общество при Петербургском университете, главным образом по инициативе Кареева. Общество издавало журнал «Историческое обозрение». Через четыре года открыто было также общество при Московском университете и общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

Признаком все растущего интереса широких кругов русского общества к истории было появление нескольких популярных исторических журналов, наполовину литературного характера. В них однако печатались и компетентные исторические исследования. В 1856 году М. Н. Катков начал издавать в Москве «Русский вестник». Семь лет спустя П. И. Бартенев основал в Москве же «Русский архив». В Петербурге М. И. Семевский основал «Русскую старину» (1870). Через десять лет после того возник «Исторический вестник» под редакцией С. Н. Шубинского.

При каждом археологическом обществе устроены были музеи древностей.

В начале 1870-х годов принято было решение основать исторический музей общерусского значения. В 1875–83 годах архитектор Шервуд построил для него специальное здание в довольно тогда распространенном стиле — подражание стилю русской архитектуры XVI века. Музей существует до сих пор и является одной из достопримечательностей Москвы. В музее собраны древности каменного и бронзового веков, а также древности Крыма и Кавказа. Есть и собрание рукописных материалов.

Главным собранием древностей юга России является Эрмитаж в Петербурге со своей знаменитой залой скифских драгоценностей. Но в Эрмитаже собирались и собираются и памятники русской культуры X–XVIII веков. Эрмитаж издает свои ежегодные иллюстрированные «Сообщения». Последний мне известный выпуск XXIX вышел в 1968 году.

В 1898 году в Петербурге же был открыт Русский музей Александра III, первоначально для памятников русского искусства, но затем при нем открылись археологическое и этнографическое отделения и туда начали поступать исторические рукописи и древности.*



* Своеобразно стилизованное вдумчивое описание Русского музея (бывший музей Александра III), и в частности этих отделений, дал В. А. Солоухин в своей книге «Письма из Русского музея» (Москва, 1967).



ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ НАУКИ В РОССИИ

Часть III

XVIII

В. О. Ключевский (1841–1911)

В 1840-х годах родилась целая плеяда выдающихся русских историков и историков права — Ключевский, Иконников, Градовский (все трое в 1841 году), Владимирский-Буданов (1838), Семевский (1848), Кареев (1850) Максим Ковалевский (1851), Шмурло (1853).

Наибольшей известностью из них в русском обществе конца XIX — начала XX века пользовался Василий Осипович Ключевский, «великий ученый и гениальный профессор» (Кизеветтер).

Как и Соловьев, Ключевский происходил из духовного сословия. Но отец Соловьева, законоучитель в Московском коммерческом училище, принадлежал к высшему кругу зажиточного и образованного московского духовенства.

Ключевский же, родившийся в селе Воскресенском Пензенского уезда, происходил из беднейших слоев сельского духовенства. Прапрадед его в середине XVIII века был священником, прадед — дьячком, дед — дьяконом, отец — священником.

Восьми лет Ключевский лишился отца. Мать его с детьми (Василий Осипович был старшим) переехала в Пензу и отдала его в духовное училище. В 1856 году он был принят в Пензенскую духовную семинарию. Ключевский не намеревался однако посвятить себя церковному служению. Его тянуло в университет, к светской науке.

Не без труда удалось ему переехать в Москву и поступить на историко-филологический факультет Московского университета.

Ученье сразу захватило его, но первое время, пока он не нашел себе заработков, ему трудно приходилось материально.

Еще будучи студентом, Ключевский написал свое первое исследование, посвященное Московской Руси. Это была его кандидатская диссертация «Сказания иностранцев о Московском государстве». Работа эта была сразу напечатана.

Ключевский учился под руководством С. М. Соловьева, но, кроме того, увлекался лекциями двух других своих профессоров — Ф. И. Буслаева по русской словесности и С. В. Ешевского по всеобщей истории. Большое влияние на него оказали мысли Щапова, сочинения которого как раз в это время начали появляться в печати.

Ключевский поступил в университет в год освобождения крестьян, в атмосфере начинавшихся реформ. Он ощутил это время как перелом в русской истории и был глубоко захвачен новыми веяниями. В связи с ними у него появилось стремление заново продумать весь предыдущий ход русской истории. Отсюда его живой интерес к социальной и экономической истории Древней Руси, истории сословий и истории крепостного права.

В 1867 году Соловьев, читавший лекции в Александровском военном училище по «политической истории» (всеобщей и русской), рекомендовал туда Ключевского репетитором для своего курса. Когда Соловьев перестал там преподавать, Ключевский был назначен лектором истории на его место.

В 1871 году Василий Осипович был избран преподавателем русской истории в Московскую духовную академию, а в 1872-м году на московские Высшие женские курсы. В этом же году он защитил свою магистерскую диссертацию «Древнерусские жития святых как исторический источник». Вскоре после этого он начал писать свою главную монографию — «Боярская Дума Древней Руси» (1882), его докторская диссертация.

Еще в 1879 году Ключевский был избран доцентом Московского университета, где вскоре занял место умершего Соловьева. По получении докторской степени он был избран профессором.

В 1889 году Ключевский был избран членом Академии наук по разряду историко-политических наук, а в 1900 году ординарным академиком, сверх штата, по русской истории и древностям.

В 1879 году Ключевский начал читать свой «Курс русской истории». Он сразу зачаровал своих слушателей и стал едва ли не самым любимым профессором в Московском университете. С. Ф. Платонов вспоминал впоследствии как он, будучи студентом Петербургского университета, узнал от своих московских сверстников о первых шагах Ключевского в Москве.

На Ключевского постепенно обратили внимание в высших сферах Петербурга, включая царскую семью. В 1893 году ему было предложено прочесть курс политической истории тогдашнему

наследнику престола великому князю Георгию Александровичу. По болезни он жил тогда в Абастумане.

Когда умер Александр III (1894), Ключевский прочел лекцию его памяти, восхваляя его как царя — миротворца за его внешнюю политику. Внутренней политики Александра III Ключевский не коснулся. Тем не менее радикальная группа студентов решила протестовать и освистала Ключевского на ближайшей его лекции.

Внутренней политике Александра III Ключевский не сочувствовал. В русском обществе ожидали, что новый царь Николай II будет склонен смягчить правительственную опеку. Некоторые земства составили адреса, в которых в осторожной форме выразили надежду, что им предоставлено будет право высказывать царю свои пожелания. Надежды эти не оправдались. На торжественном приеме представителей от сословий, дворянства, земства, городов и крестьянских обществ в ответ на приветствия Николай II назвал пожелания земских адресов «бессмысленными мечтаниями». Так был подчеркнут раскол между правительством и обществом. Этим положено было начало «освободительному движению», приведшему к падению самодержавия.

Когда после замечания царя о «бессмысленных мечтаниях» Кизеветтер пришел к Ключевскому, тот сказал: «Помяните мое слово — Николай последний царь династии Романовых. Если у него будет сын, он уже царствовать не будет».

В июле 1905 года Ключевский был приглашен в Петергоф на совещания для выработки проекта Государственной думы. Заседания происходили под личным председательством Николая II. Ключевский неоднократно выступал на этих совещаниях, настаивая на необходимости дать широкое участие в выборах крестьянам. «Да избавит нас Бог от опасности, что в народном вооружении восстанет мрачный призрак сословного царя».

Проект был опубликован в августе. Его прозвали Булыгинской думой (по имени министра внутренних дел Булыгина). Дума предполагалась совещательная и не удовлетворила радикалов.

Революционное движение продолжалось, и 17 октября 1905 года был опубликован манифест о законодательной Думе. Одновременно с созданием Думы был преобразован Государственный совет. Половина мест на заседаниях его была предоставлена выборным членам. Выборы происходили по куриям. Одна из них была Академия наук и университеты. Ключевский участвовал в собрании выборщиков, но сам отказался баллотироваться.

Из возникших при новом порядке партий Ключевский примкнул к Партии народной свободы (кадетской). Физически Ключевский был необыкновенно крепок и вынослив, хотя не производил такого впечатления при первом взгляде. Но его сильный организм постепенно расшатался. Он умер 12 мая 1911 года.

В своих исторических взглядах Ключевский шел по стопам своего учителя Соловьева, но многое взял от Чичерина, Буслаева и Щапова. Вслед за Соловьевым Ключевский считал колонизацию одним из основных факторов русской истории. В своей университетской речи памяти Соловьева Ключевский определил общий взгляд Соловьева на задачи русского историка как «развитие политических форм и социальных отношений». Эта формула может быть применена к самому Ключевскому с той разницей, что для Соловьева надо сделать ударение на первой ее части, а для Ключевского — на второй.

Соловьев создал цельный и стройный ход русской истории, основанный на твердом фундаменте первоисточников (тогда в большинстве неизданных). Это значительно помогло Ключевскому в выработке его собственного исторического миросозерцания. Ключевский это сам признавал. Каждый начинающий русский историк, — сказал он в своей речи памяти Соловьева, — «должен начинать с того, чем кончил Соловьев».

Помимо Соловьева большое влияние оказал на Ключевского Чичерин. Лекции Чичерина Василий Осипович слушал уже по окончании курса в качестве оставленного при университете. Эти лекции, как и вообще труды Чичерина, содействовали развитию в Ключевском вкуса к вопросам права и направили его мысль на историю учреждений общественных классов преимущественно с юридической точки зрения.

«Работы Ключевского по истории холопства можно считать непосредственным продолжением статей Чичерина о несвободных состояниях. Такая тема как Боярская Дума Древней Руси не выходит ли из того же круга вопросов, к которому относятся и знаменитые «областные учреждения XVII века» (заглавие одной из книг Чичерина) (М. М. Богословский). Чичерину, как автору книги «О народном представительстве» (1866), Ключевский посвятил свое исследование «Состав представительства на земских соборах древней Руси» (1890–1892).

Ключевский ценил и самый язык писаний Чичерина, кристально ясный, сжатый и точный, необыкновенно приспособ-

ленный для выражения юридических понятий и отношений. Вслед за Буслаевым и Щаповым Ключевский глубоко вдумывался в роль народной психологии в истории. Для Ключевского народ — живая личность.

Ко всему этому надо прибавить, что Ключевский внес в науку русской истории тщательное изучение экономического быта и хозяйственного развития России.

В статьях Ключевского по специальным историческим вопросам стиль сжатый и деловой («чичеринский» стиль). Наоборот, в монографиях общего характера стиль становится художественным. Вершины этой художественности Ключевский достигает в «Курсе русской истории». Этот курс помимо своего научного значения представляет собой один из замечательных памятников русской изящной литературы конца XIX — начала XX веков.

Но в то же время «Курс», как и все труды Ключевского, основан на тщательном изучении исторических источников. Это убедительно показала Эрика Чумаченко в своей книге «В. О. Ключевский — источниковед» (1970).

Основное содержание и форму своего «Курса» Ключевский выработал в первое десятилетие его чтения, но затем неустанно продолжал вносить в него частичные изменения и дополнения. Таким образом «Курс» жил вместе с лектором. «Курс» этот Ключевский знал наизусть, тем не менее перед ним всегда на кафедре лежала рукопись лекций и он постепенно переворачивал страницы (не заглядывая в них).

«Когда Ключевский произносил свои лекции, с виртуозным искусством, обозначая соответственными интонациями всякий оттенок своей мысли, тогда все отчетливо чувствовали, с какой прозрачной ясностью представляет себе лектор те явления исторического прошлого, на которых он строил свои обобщающие выводы. Для меня несомненно, что Ключевский в течение своей речи мысленно видел перед собою то, о чем он говорил» (Кизеветтер).

Вначале Ключевский разрешал студентам записывать и литографировать его лекции, но в 1885 году студентам это было запрещено. Тем не менее они продолжали это делать — уже без разрешения Ключевского.

В сентябре 1893 года Ключевский получил от министра И. Д. Делянова письмо, в котором Делянов просил его прислать ему экземпляр литографированного издания. Ключевский ответил, что у него сохранился один экземпляр, изданный ранее 1885

года, но он «испещрен моими поправками и дополнениями». «Если мне удастся найти опрятный экземпляр такого Курса, я почти долгом доставить его Вашему сиятельству». В заключение Ключевский писал, что мечтает напечатать свой Курс. Это ему удалось сделать только в 1900-х годах.

Первый том был напечатан в 1904 году. Последний (пятый) том издан был посмертно в 1921 году по записям ученика Ключевского Я. Л. Барскова.

«Курс русской истории» Ключевского — единственный в своем роде курс, представляющий собою, по замыслу и исполнению, монолитное и законченное творение. В самом начале курса Ключевский ставит вопрос о научной задаче местной истории (т. е. в данном случае, истории России). Он подходит к этому вопросу с социологической точки зрения.

«Изучая местную историю, — говорит Ключевский, — мы познаем состав людского общежития и природу составных его элементов. Из науки, как строилось человеческое общежитие, может со временем — и это будет торжеством исторической науки — выработаться и общая социологическая часть ее — наука об общих законах строения человеческих обществ независимо от переходящих местных условий». Кладя колонизацию в основу периодизации русской истории, Ключевский устанавливает следующие четыре периода русской истории: 1) днепровский, 2) верхневолжский, 3) великорусский и 4) всероссийский.

Под четвертым периодом Ключевский понимает время с начала XVII века до начала царствования Александра II (1613–1855). «Этот период имеет для нас особый интерес. Это не просто исторический период, а целая цепь эпох, сквозь которую проходит ряд важных фактов, составляющих глубокую основу современного склада нашей жизни — основу, правда, разлагающуюся, но еще не замененную. Это, повторяю, не один из периодов нашей истории: это вся наша новая история».

Установив хронологические периоды, Ключевский в дальнейшем мало считается с хронологией. Во всем своем курсе Ключевский все время думает о всем протяжении хода русской истории как о едином целом.

«В понятиях и отношениях, образующихся в эти два с половиной столетия, замечаем ранние зародыши идей, соприкасающихся с нашим сознанием, наблюдаем завязку порядков, бывших первыми общественными впечатлениями людей нашего возраста».

Судьбу этих «ранних зародышей» исторического процесса, их дальнейшего проявления в новых формах или же неуспешных попыток с ними не считается Ключевский прослеживает в течение всего своего Курса.

Приведем характерный пример. Уже в первой лекции курса Ключевский говорит: «В 1699 году Петр Великий предписал русским купцам торговать, как торгуют в других государствах, компаниями, складывая свои капиталы. Дело по непривычке и недостатку доверия шло туго. Между тем Древняя Русь выработала свою форму торгового товарищества, в котором соединялись не капиталы, а лица на основе родства и нераздельности имущества... Это торговый дом, состоявший из купца — хозяина с его «купеческими братьями», «купеческими сыновьями» и т. д. Эта форма кооперации наглядно показывает, как потребность коллективной деятельности, при недостатке взаимного доверия в обществе, искала средства удовлетворения под домашним кровом, цепляясь за остатки кровного союза».

Эту-то органически выросшую форму Петр и пытался заменить заимствованным с запада образцом — торговой (или торгово-промышленной) компанией. Добиться устройства этих компаний ему удалось лишь благодаря его настойчивости, под давлением государственной власти (IV том, лекция LXIV).

Изложение Курса, таким образом, построено как бы кольцами или кругами, частью параллельными (для разных сторон социально-экономического быта), а частью заходящими один в другой.

Большинство глав Курса посвящено описанию истории административных учреждений и сословий, в особенности истории закрепощения сословий. По Соборному уложению 1649 года крестьянин потерял свободу передвижения и «сделался крепок лицу владельца под условием земельного надела... Потому дальнейшее законодательство разрабатывало не пределы и условия крепостного права как права, а только способы эксплуатации крепостного труда и эксплуатации двусторонней, фискальной со стороны казны и хозяйственной со стороны землевладельца».

При проведении военно-податной реформы Петром Великим введен был повальный рекрутский набор и установлена подушная подать и для крепостных крестьян и для холопов. Этим стерто было различие между крепостными и холопами, и крепостное состояние фактически превратилось в рабство.

«Петр думал о своей казне, а не о народной свободе, искал не граждан, а тягловцов».

В результате, как отмечает Ключевский, «в государственный строй вводилось дотоле чуждое ему начало, всеобщая повинность». Ей подлежали и крепостные крестьяне (их в 1724 году насчитывалось больше 4 миллионов ревизских душ) и посадские (169 тысяч ревизских душ)*.

От дворянства Петр требовал бессрочной обязательной службы — военной или гражданской. Лишь в случае увечья на войне или по старости, дворянин отпускался в свое имение на дожитие. Только Петр III 18 февраля 1762 года «пожаловал всему российскому дворянству вольности и свободы».

«По требованию исторической логики или общественной справедливости, — говорит Ключевский, — на другой день, 19 февраля, должна была бы последовать отмена крепостного права; она и последовала на другой день, только спустя 99 лет».

В развитии того, что можно назвать крепостным уставом русского общественно-государственного строя и в XVII и в XVIII веке, Ключевский придает особое значение изнурительным войнам. И в царствование Алексея Михайловича и в царствование Петра Россия находилась почти все время в состоянии войны, притом одновременно с несколькими противниками.

В своей характеристике русского государственного строя Ключевский обильно пользуется острой иронией и сарказмом. В отношении к допетровской Руси ирония часто насмешливо равнодушна. По отношению к Петру и его преемникам и их государственным дельцам (Ключевский предпочитает термин «делец» термину «деятель») сарказм становится беспощадным.

Но Ключевский выдвигает и положительные типы русских деятелей XVII века — царь Алексей Михайлович, Ф. М. Ртищев, А. Л. Ордин-Нащокин. Ртищев неотлучно находился при царе Алексее. «Это был один из тех редких и немного странных людей, у которых совсем нет самолюбия... Своим влиянием царского любимца Ртищев пользовался, чтобы быть миротворцем при дворе, устранять вражды и столкновения, сдерживать сильных и заносчивых или неуступчивых людей вроде боярина Морозова, протопопа Аввакума и самого Никона».

* Напомним, что по ревизиям вносились только лица мужского пола (независимо от возраста).

Самым замечательным из московских государственных людей XVII века Ключевский считал А. Л. Ордина-Нащокина. «Этот делец вдвойне любопытен для нас, потому что вел двойную подготовку реформы Петра Великого. Во-первых, никто из московских государственных дельцов XVII века не высказал столько, как он, преобразовательных идей и планов, которые после осуществил Петр». Во-вторых, «по происхождению своему он не принадлежал к тому обществу, среди которого ему пришлось действовать... Ордин-Нащокин был едва ли не первым провинциальным дворянином, проложившим себе дорогу в круг спесивой знати».

«Из деятелей XVIII века Ключевский в особенности выделяет обер-прокурора сената Анисима Маслова. Маслов в своих рапортах императрице Анне и Бирону «немолчно твердил о бедственном положении крестьян». В 1734 году «Маслов провел строгое предписание (императрицы) кабинету министров составить «учреждение» для помещиков «в каком бы состоянии они деревни свои содержать могли и в нужный случай им всякое воспоможение чинили... Этим поставлен был жгучий вопрос о законодательной нормировке крепостного права».

Ключевский не признавал значения отвлеченной философии. Но он много думал о роли природы в истории и соотношении естествознания и исторической науки. В своих дневниковых записях 1903 года он отметил впечатление, произведенное на него мыслями немецкого физика и физиолога Гельмгольца о логической индукции в изучении природы и ее основе — всеобщность явления, однообразное ее повторение. Ключевский противопоставляет этому «историческую индукцию». Метод ее — «народно-психологическое чутье».

В студенческие годы Ключевский пережил сложный религиозный кризис. Родившись в религиозной семье и будучи воспитанником Пензенского духовного училища, Ключевский естественно впитал в себя церковную религиозность, не подвергал ее сомнениям. В университете на него произвели большое впечатление лекции по богословию священника Николая Сергиевского. «Лекции его, — писал Ключевский, — знакомят нас не только с современной богословской, но и с философской наукой... Он смело вышел против Фейербаха, закоренелого современного материалиста... отвергающего Бога».

Ключевский, однако, на этом не остановился. Он решил вникнуть в мнения противников христианства.

Он прочел статью Чернышевского о религии в «Современнике», после чего внимательно изучил книгу Фейербаха «Лекции о сущности религии».

«Христианство подвергнуто, кажется, самой строгой критике», — писал Ключевский в ноябре 1861 года своему другу, преподавателю латинского языка в казанской второй гимназии Порфирию Петровичу Гвоздеву.

«Фейербах отвергнул окончательно всякую из существующих религий, назвав их все произведением человеческой фантазии»... Ввиду этих обстоятельств и чувствуешь потребность поближе познакомиться с историей христианства. Без истории теперь, как и во всякое переходное время, нет спасения... (Нужно) проверить весь исторический ход христианства, проверить беспристрастно, и все равно, к чему бы не привела эта проверка, хотя бы даже к отрицанию христианства».

В конце концов Ключевский остался христианином в бытовом смысле, но по существу стал агностиком.

В своем курсе Ключевский, в общем, отнесся весьма критически к русским царям XIX века (включая Александра II) и к результатам деятельности русского правительства.

В этой деятельности он не находит достаточного понимания хода русской истории и действительных нужд русского народа.

В своих дневниковых записях, где он высказывался вполне откровенно, Ключевский приходит к пессимистическим заключениям: «История учит даже тех, кто у нее не учится: она их проучивает» (Запись 1893 года)... «В продолжение всего XIX века с 1801 года, со вступления на престол Александра I, русское правительство вело чисто провокационную деятельность: оно давало обществу ровно столько свободы, сколько было нужно, чтобы вызвать в нем ее первые проявления, и потом накрывало неосторожных простаков».

Роковую роль играла внешняя политика — войны.

«После Крымской войны русское правительство поняло, что оно никуда не годится; после Болгарской войны (1877–1878) и русская интеллигенция поняла, что ее правительство никуда не годится; теперь в японскую войну русский народ начинает понимать, что и его правительство и его интеллигенция равно никуда не годятся».

Ключевский при этом сознавал, что война не чисто русское, а мировое явление. У него было пророческое предчувствие, что войны приведут старый мир к катастрофе. Еще в 1893 году он писал В. И. Герье: «Думаю куда-нибудь поехать, только не знаю, куда. Более всего хотелось бы на Запад, в Европу, чтобы посмотреть на Европу перед войной, может быть, последней европейской, потому что после этой войны, боюсь, уже будет некому и не с кем воевать».

XIX

П. Н. Милюков (1859–1943)

Павел Николаевич Милюков занимает видное место и в русской историографии и в русской политической жизни.

Милюков родился в Москве*. Отец его, Николай Павлович, был городским архитектором, а затем оценщиком в одном из московских банков. Мать — урожденная Султанова, по первому мужу Баранова, страстная и властная женщина. В семье она играла первую роль. Отец как-то перед ней стушевывался, но иногда пытался возражать ей и происходили бурные сцены. У Павла не было никакой близости с родителями. Зато он был в дружбе со своим младшим братом Алексеем.

У отца была большая библиотека, главным образом по архитектуре и истории искусства, но были и тома «Русского архива» за первые четыре года его существования и «Илиада» Гомера в переводе Гнедича.

Родители отдали обоих сыновей в первую московскую гимназию. Учителя, по воспоминаниям Милюкова, были почти все тусклые. Латинскому языку обучал чех, плохо говоривший по-русски. Зато преподаватель греческого языка Петр Александрович Каленов, влюбленный в культуру древнего мира, сумел передать эту любовь своим ученикам, в том числе и Милюкову. «Каленов зажигался, комментируя классические произведения, — вспоминает Милюков, — и в его толковании греческие тексты оживали перед нами, становились нам близкими».

* См. П. Н. Милюков. Воспоминания (2 тома. Нью-Йорк, 1955).

Хорошие отношения установились у Милюкова с товарищами по гимназии. Как-то сам собой сложился кружок товарищей, объединенный общими стремлениями. Собирались довольно часто у кого-нибудь из членов кружка. Обыкновенно один из участников готовил вступительный доклад. Деятельное участие в кружке помимо Милюкова принимали князья Николай Дмитриевич Долгоруков (фактически председатель кружка), Константин Старынкевич и Константин Иков. Милюков сделал в кружке два доклада, один из них на тему «Исключительность и подражательность». Под «исключительностью» разумелся нетерпимый идеологический национализм. Милюков защищал от него право на подражательность как неизбежное и прогрессивное явление. В самом выборе темы уже вырисовывались некоторые черты будущего социологического и политического мировоззрения Милюкова.

В 1876 году в ответ на одну из демонстраций протеста московского студенчества московские мясники из Охотского ряда избили студентов. Это событие было непонятно для гимназического кружка. Студенты считались «ходатаями за народ». Почему же «народ» их избил? Члены кружка с жадностью следили за каждым номером «Дневника писателя» Достоевского. К Достоевскому и решили обратиться за советом и поучением.

Кружок поручил Милюкову написать письмо Достоевскому и поставить вопрос: «Чем мы виноваты в случившемся?» Достоевский ответил: «Вы не виноваты, виновато общество, к которому Вы принадлежите. Разрывая с ложью этого общества, Вы обращаетесь не к русскому народу, в котором все наше спасение, а к Европе».

Начавшиеся в 1875 году восстания балканских славян и жестокое подавление их турками взбудоражили московских гимназистов, также как и русскую общественность вообще. Русское выступление сделалось моральной необходимостью. Объявление войны Турции в апреле 1877 года было поддержано русским общественным мнением.

Николай Дмитриевич Долгоруков предложил Милюкову принять участие после окончания гимназических выпускных экзаменов в экспедиции на театр войны русского санитарного отряда, организуемого московским дворянством. Милюков с радостью согласился. К его огорчению, однако, отряд был направлен не в Болгарию, а на второстепенный театр войны, в Закавказье, вдали от военных действий.

Отряд поместился в Сураме, на Сурамском перевале, откуда одна железная дорога с одной стороны шла на Потти, а с другой — в Тифлис.

Главным начальником отряда был московский предводитель дворянства граф Шереметев. Двумя «главноуполномоченными» были Николай Алексеевич Хомяков (сын одного из вождей славянофилов, будущий председатель третьей Государственной думы) и Киреевский (тоже из славянофильских кругов).

Непосредственным начальником Милюкова был Драшусов. Хомяков большую часть дня проводил на диване, спасаясь от жары. Что делал Киреевский, Милюкову осталось неизвестным.

Местом службы Долгорукова и Милюкова была канцелярия отряда. Милюков был казначеем и составлял денежный отчет. Долгоруков целый день бегал по разным поручениям. Таким образом, на Милюкова — только что кончившего гимназию — легла вся черная работа по отряду.

Драшусов в канцелярию никогда не заглядывал, но с ним у Милюкова завязались довольно хорошие отношения. Драшусов дал Милюкову на прочтение «Россию и Европу» Данилевского. Милюков раньше о ней никогда не слышал. Политической ее тенденции тогда Милюков не усвоил. Но его заинтересовала теория культурных типов и ее естественно-историческое обоснование. В дальнейшем Милюков неоднократно возвращался к мыслям Данилевского.

Милюков вернулся с Кавказа, когда занятия в университете уже начались. Милюков записался на курс сравнительного языковедения Ф. Ф. Фортунатова, курс санскритского языка Всеволода Миллера (привлекавшего в своих комментариях фольклор и мифы народной словесности) и курс истории греческой философии Троицкого. Историей Милюков заинтересовался не сразу.

Лекции по всеобщей истории В. И. Герье показались Милюкову сухими и малосодержательными. По русской истории заканчивал свою профессорскую карьеру С. М. Соловьев, читавший для старших курсов. Милюков раз пошел на его лекцию. Соловьев говорил утомленным голосом о «жидком элементе» в русской истории. В следующем году он умер.

Настоящих учителей Милюков нашел наконец в лице Ключевского по русской истории и Виноградова по всеобщей.

Милюков и его однокурсники были первыми слушателями Ключевского после того, как он стал преподавателем Московского

университета. Студенты этого курса имели возможность подойти к Ключевскому ближе, чем студенты следующих выпусков. Ключевский вел свой семинар у себя на дому. Выпуск Милюкова присвоил себе привилегию непринужденной личной беседы после каждого заседания семинара. «Анна Михайловна (жена Ключевского), — вспоминает Милюков, — приносила чай, мы поднимали политические вопросы (а их так много было в эти годы) и осаждали Василия Осиповича, желая знать его мнение. Он отделялся шутками, сыпал парадоксами — и так проходил вечер».

На семинарах разбиралась «Русская Правда» и другие старые памятники. «Среди этих почтенных развалин древности Ключевский производил свои изумительные раскопки — и возвращался с ценными находками... Собственной научной работе в этом семинаре научиться было нельзя. Оставалось записывать за профессором его личный комментарий».

Лекциями же Ключевского Милюков был глубоко захвачен. «Он нас подавлял своим талантом и научной проницательностью. Проницательность его была изумительна. Ключевский вычитывал смысл русской истории, так сказать, внутренним глазом, сам переживая психологию прошлого, как член духовного сословия, наиболее сохранившего связь со старой исторической традицией... К этой черте присоединялась другая: то обаяние, которое производила художественная сторона лекций Ключевского... Мы видели, что и русская история может быть предметом научного изучения».

По иному, но едва ли не глубже ценил Милюков Виноградова. «Он приехал (из заграничной командировки) с готовой работой о лангобардах в Италии, составленной на месте по архивам и на деле показывающей, чего можно от него ожидать... Но еще важнее, чем его лекции, был его семинар. Только у Виноградова мы поняли, что значит настоящая научная работа... он мог задавать нам работы по первоисточникам, не боясь (как это было у Герье) остаться позади нас, а напротив, с удовольствием приветствуя всякие новые выводы».

Милюков принимал участие и в студенческом движении. Он был выбран председателем нелегализированной студенческой кассы взаимопомощи. После убийства Александра II 1 марта 1881 года студенческие общие сходки были запрещены. Но по настоянию левого крыла студенчества решено было устроить еще одну общую сходку, Милюков пошел на нее, чтобы убедить сходку разойтись.

Началось обсуждение, произносились горячие речи. В самый разгар их нагрянула полиция и жандармы. Всех участников сходки отвели в Бутырскую тюрьму на ночь. По списку полиции все были преданы профессорскому суду. Ректор Тихонравов вызвал к себе провинившихся студентов и освободил от наказания тех, которые соглашались сказать, что они попали на сходку случайно. Милюков отказался это сделать и был исключен из университета, с разрешением осенью подать прошение на тот же курс.

Милюков решил поехать на лето в Италию, чтобы ознакомиться с памятниками искусства. Для этого он взял денег взаймы у одного своего знакомого. Вернулся он в Москву, когда лекции в университете уже начались. Прежние его однокурсники уже окончили университет и ушли в жизнь.

В этот свой последний год в университете Милюков опять занимался в семинаре Виноградова.

После выпускных экзаменов Виноградов и Герье предложили Милюкову оставить его для подготовки к профессорскому званию при кафедре всеобщей истории. Оба профессора знали, что Милюков собирается посвятить себя русской истории. По намекам Виноградова Милюков заключил, что Ключевский не хочет оставить его при кафедре русской истории. Но Ключевский оставил.

Главной его задачей была, конечно, подготовка к магистерским экзаменам. Обычным сроком для этого считалось три года, и Милюков мог за это время подготовиться (1883–1885). Исходным пунктом для подготовки были программы вопросов, составленные по соглашению с экзаменаторами. Программа по главному предмету — у Ключевского — состояла из 12 вопросов. Кроме того, полагалось испытание по второстепенным предметам — по всеобщей истории и по политической экономии.

По всеобщей истории Виноградов дал Милюкову тему, над которой сам работал, — колонат в Римской империи. По политической экономии для А. И. Чупрова Милюков сам выбрал тему — о теориях ренты. Это дало возможность Милюкову ознакомиться с книгой Рикардо, Зибера о Рикардо и книгой Тюнена об «изолированном государстве».

Из тем по русской истории Милюков особенно заинтересовался двумя — «Крестьянский вопрос от Екатерины до Николая I» и освобождением крестьян при Александре II.

После успешно прошедшего магистерского экзамена Милюков, как полагалось, прочел две пробные лекции и получил звание

приват-доцента. Темами пробных лекций Милюков избрал «Юридическую школу в русской историографии» и «Происхождение и достоверность древнейшей “Разрядной книги”» — первостепенного источника для истории русского служилого класса и для организации военного строя в Московском государстве. Обе лекции были вскоре напечатаны. (1886–1887).

Как приват-доцент Милюков объявил два курса — по истории русской колонизации и по русской историографии. Оба курса были необязательными для студентов, и записалось на них мало слушателей, но зато те, кто записался, действительно были заинтересованы в предмете и хотели серьезно работать. На лекции приходили и некоторые младшие товарищи Милюкова по университету.

Один из них, А. А. Кизеветтер, ярко описал свое впечатление в воспоминаниях. «Лекции Милюкова производили на тех студентов, которые уже готовились посвятить себя изучению русской истории, сильное впечатление именно тем, что перед нами был лектор, вводивший нас в текущую работу своей лаборатории, и кипучесть этой исследовательской работы заражала и одушевляла внимательных слушателей».

В это время произошла большая перемена в личной жизни Милюкова. В 1888 году он женился на ученице Ключевского по Высшим женским курсам Анне Сергеевне Смирновой. Она была одной из дочерей друга Ключевского, ректора Московской духовной академии ученого протоиерея Сергея Константиновича Смирнова. Ключевский, естественно, как бы принял ее под свою опеку. Милюков у Ключевского и познакомился с Анной Сергеевной. Молодые люди скоро подружились, но отношения их вначале носили чисто товарищеский характер. Постепенно однако взаимное доверие перешло во все растущую привязанность, и принято было решение венчаться, но устроить свадьбу в строжайшем секрете. Венчание состоялось зимой в Хотьковом монастыре. Из церкви молодожены приехали в Сергиев Посад в квартиру отца Анны Сергеевны, ректора Московской духовной академии. Оттуда вернулись в Москву, в номер гостиницы на Козихе, где тогда жил Милюков. Там их встретила мать Милюкова, недружелюбно отнесшаяся к выбору сына.

Стесненные средствами молодожены нашли себе скромную дешевую квартиру в полуподвальном этаже на одной из улиц возле Зубовского бульвара. В 1889 году родился их первый сын

Николай. Ключевский отнесся к свадьбе своей любимой ученицы очень сердечно, распространив свою благосклонность и на Милюкова. Это была лучшая пора их отношений.

Зато Виноградов, а с ним и его семья, узнав о женитьбе Милюкова не от него самого, были страшно обижены. Виноградов сохранил свои добрые отношения с Милюковым, но семья его не пожелала принять Анну Сергеевну, и Милюков, естественно, тоже перестал бывать у Виноградовых.

В 1886 году Милюков приступил к писанию диссертации. Темой ее он выбрал «Государственное хозяйство России и реформа Петра Великого». Работу он решил обосновать преимущественно на архивном материале. Основной мыслью Милюкова был тезис, что европеизация России была не продуктом заимствования, а неизбежным результатом внутренней эволюции, одинаковой в России и Европе, но запоздавшей в России по историческим условиям. Личность Петра при этом отодвигалась на второй план. Милюков сознавал, что писание и оформление диссертации займет несколько лет, но не убоился этого.

«Мне пришлось работать, — вспоминает он, — не только над материалом петровского времени, но и над данными предыдущего времени, начиная с XVI века, в московских архивах. Чтобы овладеть собственно петровскими материалами, пришлось расширить занятия на Петербург, где ожидали меня богатейшие данные в толстейших томах Петровского кабинета. Я провел в этой работе два летних сезона подряд, не выхода из состояния постоянного напряжения и восторга по поводу почти ежедневных важных открытий, которые складывались как-то сами собой в общую, поистине грандиозную картину».

Высказывая мысль, что европеизация России была неизбежным результатом внутренней эволюции, Милюков шел по стопам Соловьева.

В 1898 году Милюков суммировал свои взгляды на Петра и его реформы в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (полutom 46). Там он пишет: «Вопрос, в какой степени Петр лично участвовал в реформах последнего периода, остается еще спорным».

Это — замаскированное отступление от взглядов Милюкова в его диссертации. Он не мог не откликнуться на новые материалы, содержащиеся в только что вышедшей книге Н. П. Павлова-Силь-

ванского «Проекты реформ в записках современников Петра Великого» (1897).

Эти записки представлены были Петру, добровольно или по его вызову, многими русскими и иностранцами. В их проектах предлагались меры для улучшения положения дел в государстве. Петр сам читал многие из этих записок, особенно по вопросу об увеличении государственных доходов и о разработке природных богатств России, а также доклады о торговой политике и административной реформе. Таким образом, личная роль, и во многих случаях инициатива Петра в подготовке реформ не подлежит сомнению.

Ключевский не сочувствовал тому, что Милюков взялся писать диссертацию, требующую так много времени.

Сам Ключевский для своей магистерской диссертации получил от Соловьева тему о древнерусских житиях святых как историческом источнике (см. главу XVIII) — работу кропотливую, но не требовавшую много времени. Только для докторской диссертации Ключевский выбрал обширную тему («Боярская Дума Древней Руси»).

Ключевский поэтому посоветовал Милюкову отложить тему о Петровской реформе для докторской диссертации, а для магистерской разработать грамоты какого-нибудь из северных монастырей. Милюков решительно отказался от этого совета. «От своего труда, — пишет он в своих воспоминаниях, — я не мог оторваться. Магистр, доктор — не все ли равно, когда я получу ту или другую ученую степень. И я продолжал работу, не послушавшись мнения Ключевского».

Так произошла первая размолвка между учителем и учеником.

Когда диссертация Милюкова была закончена, С. Ф. Платонов оказал ему большую услугу, устроив ее печатание отдельными главами в журнале Министерства народного просвещения (1890–1892).

Отдельные оттиски этих глав были сверстаны в книгу, и в таком виде диссертация была представлена Милюковым на историко-филологический факультет Московского университета.

По рекомендации Платонова же Академия наук поручила Милюкову написать отзыв о книге А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований» (1890). Вместо корот-

кого отзыва Милюков написал целое исследование «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства».

При обсуждении диссертации Милюкова на факультете Виноградов и Герье предложили дать Милюкову сразу докторскую степень (минуя магистерскую). Но, как рассказал Милюкову Виноградов, Ключевский на это не согласился.

Защита диссертации состоялась 17 мая 1892 года. Факультет присудил Милюкову магистерскую степень.

«Я тут же дал себе слово, — пишет Милюков в своих воспоминаниях, — которое сдержал, — никогда не писать и не защищать диссертации на доктора». Когда Платонов, узнав об исходе московского диспута, предложил Милюкову представить в Петербургский историко-филологический факультет его «Спорные вопросы» в качестве докторской диссертации, Милюков отказался.

В 1893 году Милюков получил за свою диссертацию премию имени С. М. Соловьева в размере достаточном для поездки с женой за границу. Милюковы провели лето на бретонском берегу недалеко от Бреста. При отъезде оттуда, осенью, Милюков утром в гостинице разговорился с французом, который оказался масоном и предложил Милюкову вступить в масонскую ложу. Милюков отклонил предложение. «Мне неоднократно впоследствии, — вспоминает он, — предлагали вступить в масонскую ложу. Я думаю, что эта настойчивость была одним из мотивов моего упорного отказа. Такая сила коллектива мне казалась несовместимой с сохранением индивидуальной свободы».

В Париже Милюков прежде всего сделал визит П. Л. Лаврову. Лавров говорил с Милюковым не о политике, а о науке — очевидно, в связи с той большой работой, которую он готовил. В Париже же Милюков встретил петербуржца Ивана Михайловича Гревса, писавшего в это время свою диссертацию по истории римского землевладения. Гревс познакомил Милюкова с М. П. Драгомановым, который Милюкову чрезвычайно понравился. У них оказалось много общего во взглядах. В частности, оба отрицательно относились к славянофильству.

Еще до заграничной поездки к Милюкову обращались организаторы педагогических курсов в Москве с предложением прочесть курс лекций по истории русской культуры. Милюков согласился. По возвращении из-за границы Милюков решил из курса лекций

составить книгу на эту тему. Так возникли его известные «Очерки по истории русской культуры».

Вместе с тем Милюков принял деятельное участие в просветительной деятельности, организованной по образцу английской University Extension*. Сюда входило издание «Библиотеки домашнего чтения» и устройство публичных лекций в Москве и в провинции. Первым, избранным для пробы, был Нижний Новгород. И. И. Иванов прочел там серию лекций по русской литературе. Следующим лектором был Милюков, объявивший курс в шесть лекций на тему об «общественных движениях в России».

Лекции происходили в обширной зале дворянского собрания. На них в публике присутствовали вице-губернатор (губернатора не было в городе) и архиерей. В своем курсе лекций Милюков старался показать, как слабые ростки общественного движения эпохи Екатерины II постепенно росли и крепили. Вывод напрашивался сам собой: настало время для исполнения общих чаяний. Последняя лекция содержала в себе прозрачные намеки на это. Публика слушала весь курс с напряженным вниманием, а в конце устроила лектору бурную овацию.

Милюкову не прошло это даром. Министерство народного просвещения уволило его из университета с запрещением преподавать где бы то ни было. Министерство внутренних дел начало следствие о «составе преступления» Милюкова в Нижнем Новгороде и распорядилось выслать Милюкова в Рязань.

Милюков поехал в Рязань один. Анна Сергеевна с детьми (родился второй сын Сергей) временно осталась в Москве. В Рязани Милюков встретил сочувствующих ему людей. Они подыскивали для Милюкова просторный дом на церковной площади с большим садом, Милюков перевез туда свою уже значительную библиотеку. Кроме того, в городе была недурная библиотека при ученой архивной комиссии. Милюков занялся обработкой своих «Очерков по истории русской культуры» — они печатались в петербургском журнале «Мир Божий» до того, как вышли отдельной книгой.

Когда шел второй год рязанской ссылки Милюкова, он получил приглашение от Высшего училища (университета) в Софии (Болгария) на кафедру всеобщей истории, освободившуюся после смерти Драгоманова. Анна Сергеевна поехала в Петербург

* Популярные лекции, организуемые университетом (англ.). — (Прим. ред.).

выяснить положение дел. Милюкову было предложено на выбор: тюрьма на годичный срок в Уфе или высылка за границу на два года (это было замаскированное разрешение принять болгарское предложение). Милюков выбрал высылку. Это было весной 1897 года. Лекции в Софии должны были начаться с осени.

Милюков поехал в Париж, чтобы подготовиться к лекциям по всеобщей истории. Темой своего первого курса он выбрал ту, которую лучше всего знал по занятиям у Виноградова, — переход от падения Римской империи к средним векам. Дополнительно он объявил курс по славянской археологии. По контракту с Софийским университетом Милюкову назначено было то же жалованье, как Драгоманову (18.000 левов в год), с неустойкой того же размера на случай нарушения контракта. Это были условия, превышающие обычные оклады болгарских профессоров.

Милюков сразу сдружился с профессором Иваном Шишмановым, женатым на дочери Драгоманова Лидии Михайловне. Из других болгарских ученых и политических деятелей Милюков познакомился с русофилом Каравеловым и его женой, соединявшей любовь к России с горячим болгарским патриотизмом, а также с молодым В. Н. Златарским, читавшим болгарскую историю.

Неудачно сложились отношения Милюкова с русским посольством в Софии. Милюков, как и многие тогдашние радикальные интеллигенты, увлеченные своей политической борьбой с русским правительством, не имели никакого чувства ответственности по отношению к своему государству как представителю русской нации. Даже когда они попадали за границу, они не скрывали своего отчуждения от официальных представителей России. Наступило 6 декабря, день тезоименитства Николая II. В этот день в соборе служили торжественный молебен. Милюков пошел в церковь вместе со своими болгарскими коллегами.

После молебна все пошли на прием к русскому посланнику в Софии К. П. Бахметеву. Туда Милюков не пошел. Его отсутствие было замечено и при содействии болгар — русофилов, истолковано как демонстрация против России.

Тогда Бахметев официальной нотой потребовал удаления Милюкова из Высшего училища. Требование посланника было удовлетворено, но согласно контракту Милюков получил неустойку в размере годового содержания.

Срок высылки Милюкова далеко не истек, и он решил использовать это время, чтобы ознакомиться с Македонией.

Пребывание в Болгарии возбудило в Милюкове чувство глубокого уважение к болгарскому народу. Милюков считал ошибкой русской политики покровительство Сербии, правительство которой в это время было австрофильское. Готовясь к поездке, Милюков приступил к изучению турецкого и новогреческого языков.

Милюков поехал сначала в Константинополь, в котором он никогда не был и куда его привлекал не столько самый город, сколько Русский археологический институт, во главе которого стоял известный византист Ф. И. Успенский. При институте была хорошая библиотека.

Из Константинополя Милюков отправился по железной дороге в Салоники (по-славянски Солунь). Там его особенно интересовала колония македонских болгар — важный опорный пункт революционной агитации. Милюков посетил и Скопле — центр сербской пропаганды.

Помимо своих специальных целей Милюков принял участие в экспедиции Ф. И. Успенского и раскопках в Болгарии и Македонии.

Между тем истек срок двухлетней ссылки Милюкова. Он вернулся в Россию и решил обосноваться в Петербурге, как вдруг получил от академика Н. П. Кондакова предложение принять участие в задуманной им экспедиции в Македонию. Милюков с радостью согласился. В экспедиции участвовал и архитектор Покрышкин. Кондаков поручил Милюкову и Покрышкину объехать старую Сербию. Они осмотрели Призрен, Дьяково, и Печь, для чего турецкие власти дали им военную охрану.

В Петербурге Милюков окунулся в накаленную политическую атмосферу. «Наукой заниматься не приходилось». Милюков вступил в члены Литературного фонда где сосредоточились лучшие общественные силы Петербурга: К. К. Арсеньев, Н. К. Михайловский, Н. Ф. Анненский и их соратники. Это был своего рода штаб тогдашнего радикального движения.

Весной 1900 года в Горном институте, пристанище студенческих тайных митингов, было назначено собрание, посвященное памяти социолога П. Л. Лаврова (скончавшегося в Париже в феврале 1900 года). Милюкова пригласили участвовать в этом собрании и сказать поминальное слово о Лаврове. Милюков согласился. Довольно скоро после этой вечеринки Милюков был арестован и посажен в Дом предварительного заключения. Милю-

ков просидел там около шести месяцев. За это время он написал там очередную часть третьего тома «Очерков по истории русской культуры». Нужные ему книги доставлялись из Публичной библиотеки и постепенно заполнили целый угол его камеры.

После ряда допросов, ничего не обнаруживших, Милюкову объявили, что он свободен, но что ему запрещается жить в Петербурге. Милюковы поселились в Финляндии около русской границы, близ станции Удельная.

Вскоре в Петербург приехали два американца — президент Чикагского университета Самюэль Харпер и просвещенный миллионер Чарльз Крейн, интересовавшийся славянами и Россией. Крейн дал денег на обеспечение при Чикагском университете курсов лекций по славяноведению. Первым лектором был приглашен профессор Масарик (впоследствии президент Чехословацкой Республики). Вторым лектором был намечен Милюков.

Милюков с радостью согласился, но просил дать ему время на усовершенствование его английского языка. Это было принято во внимание, и курс Милюкова назначен на лето 1903 года, когда при Чикагском университете проектировался съезд учителей.

Между тем революционное движение все разгоралось. В 1902 году начал выходить в Германии журнал либеральных и умеренно социалистических кругов «Освобождение». В 1902 году стала печататься за границей «Революционная Россия» — орган социалистов революционеров. Еще раньше в Швейцарии Плеханов по соглашению с Лениным и Мартовым основал социал-демократическую (будущую большевистскую) «Искру».

Остававшееся до поездки в Америку время Милюков употребил на подготовку своего курса в Чикаго. Он решил построить свой курс как историю политической мысли в России, разделив его на три отдела: консерватизм, либерализм и социализм. История революционных лет 1902–1903 требовала отдельной обработки. Это Милюков решил сделать осенью в Lowell Institute при Гарвардском университете в Кембридже. Приглашение туда он получил также через посредство Крейна.

Тем временем вышел приговор по лавровскому делу. На этот раз Милюкова посадили в так называемые Кресты. Анна Сергеевна приходила на свидания, присылала пищу и приносила новости. Милюкову доставляли книги из Публичной библиотеки и из его собственной. Он продолжал обрабатывать третий том своих «Очерков русской культуры».

Милюков просидел так половину срока, как вдруг в декабре 1902 года его вызвал к себе министр внутренних дел Плеве. Плеве сообщил ему, что Ключевский написал ему и просил ускорить разбор его дела и что Ключевский обратился с подобной же просьбой к государю. (Ключевский написал С. Д. Шереметеву для передачи государю.) Милюков был глубоко впечатлен заботой Ключевского — неожиданной для него ввиду длительного перерыва их отношений.

Плеве спросил Милюкова, что он сказал бы, если бы ему был предложен пост министра народного просвещения. Милюков ответил, что поблагодарил бы, но отказался бы. — Почему? — Потому что на этом месте мне ничего нельзя сделать. Вот если бы Ваше Превосходительство предложили мне занять Ваше место, тогда я бы еще подумал.

На этом аудиенция кончилась. Через неделю Плеве снова вызвал Милюкова и сообщил ему свой приговор: «Я сделал вывод из нашей беседы, Вы с нами не примиритесь. Но, по крайней мере, не вступайте с нами в открытую борьбу. Иначе мы Вас сметем... Я дал о Вас государю благоприятный отзыв. Вы свободны».

Вернувшись на волю, Милюков написал прочувственное благодарственное письмо Ключевскому. Тот отозвался тоже сердечным письмом. Прежние дружеские отношения между ними восстановились вполне.

Учительский съезд в Чикаго происходил во время страшной влажной летней жары, а лектор должен был надевать черную мантию и шапочку; на обеде полагалось быть в смокинге. Это, конечно, было изнурительно не только для Милюкова, но и для самих американцев, но так тогда полагалось.

Помимо милюковского курса о России лектор-японец читал курс о Японии. Японец посещал лекции Милюкова, и Милюков ответил тем же. Японец знал американскую психологию и все время поддерживал интерес аудитории шутками, а между шутками очень умело вел пропаганду в пользу Японии. Его лекции пользовались большой популярностью среди учителей.

На курс Милюкова записалось значительно меньше слушателей, но слушали они очень внимательно и аккуратно записывали, а по их вопросам после лекций Милюков видел, что они усваивали слышанное.

Между окончанием лекций в Чикаго и началом осеннего курса в Lowell Institute оставалось довольно много времени. Милюков

решил употребить его на отделку своего курса в институте и для этого заранее переехал в Кембридж. Президент Гарвардского университета Лоренс Лоуэль пригласил Милюкова остановиться у него дома, отвел ему удобную комнату и познакомил его с директором университетской библиотеки, в которой Милюков нашел много полезного для себя.

Лоуэль лично представил Милюкова аудитории перед первой лекцией его курса. Слушателями были в большинстве не студенты, а взрослые люди, желающие пополнить свой кругозор. После лекций задавали Милюкову много вопросов.

Две серии лекций Милюков объединил в книгу, дав ей заглавие: *Russia and its Crisis* («Россия и ее кризис»). Книга эта была переведена и на французский язык.

Между тем неугомонный Крейн поставил Милюкову новую задачу — прочесть в Чикаго курс лекций о балканских славянах. Крейн знал о пребывании Милюкова в Болгарии и об его поездках по Македонии. Милюков согласился, но сказал, что ему надо пополнить его сведения о западной части Балканского полуострова. Условились, что Милюков обедеет эти страны летом 1904 года, а чикагский курс прочтет в течение семестра 1904–1905

Оставшееся до балканской поездки время Милюков решил провести в Лондоне. Страдал от холодных домов зимой, простудился и пролежал несколько времени в постели под наблюдением врача. В Британском музее Милюков решил продолжить третий том «Очерков по истории русской культуры». Он обнаружил там много нужных ему материалов. Помимо своих научных занятий Милюков познакомился с рядом известных русских эмигрантов, проживавших тогда в Англии, — Кропоткиным, Брешко-Брешковской, Н. В. Чайковским и И. В. Шкаловским.

Милюков посетил Кропоткина 10 февраля 1904 года, когда в Англию пришли первые телеграммы о внезапном нападении японцев на Порт-Артур без объявления войны. Кропоткин был в страшном негодовании на японское предательство. В анархисте, противнике русской политики и войны внезапно проснулся голос инстинкта, русского национального чувства. Милюков ожидал всего, только не этого.

Но наиболее сильное впечатление на Милюкова произвела не столько русская эмиграция, сколько английская политическая жизнь, за которой он наблюдал очень внимательно.

Милюков особенно заинтересовался группой умеренных социалистов — фабианцев (постепеновцев), к которым принадлежали Сидней Вебб, Бернард Шоу и более молодой Рамзей Макдональд, будущий лидер рабочей партии. С последним Милюков ближе познакомился.

Главной целью поездки Милюкова по западным Балканам было ознакомиться с разгоравшимся тогда в народных массах подпольным национальным движением. Западнобалканские славяне были политически раздроблены между Австрией и Венгрией. Хорваты были включены в состав Венгрии, а словинцы — в состав Австрии. В оккупированных Австрией Боснии и Герцеговине сербы делились между тремя исповеданиям — православием, католицизмом и мусульманством.

Среди этих раздробленных кусков славянства уже крепла идея единой Югославии. Открытая политическая деятельность была возможна только в Хорватии, самой культурной из западнобалканских славянских областей.

Милюкову даны были адреса активных участников национального югославского движения, с которыми он по секрету встречался, говоря по-сербски или по-немецки. Но, несмотря на официальное единство движения, ему приходилось сталкиваться с проявлением узкой племенной обособленности. Раз, когда он ехал в поезде из Сараева в Загреб, он спросил сидевшую против него женщину, не сербка ли она? Она пришла в страшное негодование и заявила, что она хорватка. «Но ведь это одно и то же, — возразил Милюков, — и язык ваш почти одинаков».

«Совсем нет, мы — два разных народа».

В общем, Милюкову удалось собрать на западных Балканах обильный и ценный материал — записи его личных секретных бесед, статистические сведения, газеты и журналы.

В ноябре Милюков выехал в Америку. В Чикаго он приехал глубокой зимой. В отличие от первой американской поездки он теперь должен был читать курс не для учителей, а специальный курс о славянах в Чикагском университете. Он прочел пять лекций, когда в газетах появились телеграммы о «кровавом воскресенье» в Петербурге, 9 января (старого стиля) 1905 года.

Милюков сразу почувствовал, что наступил перелом в подготовке русской революции и что его долг, как одного из вождей русского либерализма, быть на месте событий. Милюков заявил Крейну, что он не может дочитать курса, но останется на некоторое

время в Америке, чтобы подготовить к печатанию книгу «о югословенском национальном движении» (тема курса). Так он и сделал.

Дальнейшая политическая деятельность Милюкова, вплоть до февральской революции 1917 года, сливается с общей политической жизнью России, и здесь не место о ней говорить.

После октябрьского переворота 1917 года и гражданской войны в России Милюков обосновался в Париже, став редактором газеты «Последние новости». Газета эта служила объединяющим центром для радикального крыла русской эмиграции.

Консервативным ее противовесом было «Возрождение», редактором которого был П. Б. Струве.

Через некоторое время Милюкова снова потянуло к научным занятиям. В 1932–33 годах в Париже по его инициативе была издана по-французски трехтомная «История России» — авторитетный коллективный труд, в котором и сам Милюков участвовал (Miliukov, Seignobos, Eisenmann, Histoire de Russie).

Одновременно с этим друзья и почитатели Милюкова предложили ему переработать и дополнить его «Очерки по истории русской культуры», для чего собраны были достаточные средства. Милюков поставил своей задачей не только использовать появившиеся с начала XX века новую научную литературу и новые издания источников, но и довести изложение до текущего момента.

Это ему в значительной степени удалось сделать по отношению ко второму тому — «Вера, Творчество, Образование». Том вышел таким обширным, что его пришлось разбить на две части (1931).

Третий том (1930) — «Национализм и европеизм» доведен был до конца царствования Екатерины II — ее репрессивных мер против масонства, Новикова и Радищева.

Самой трудной задачей была переработка I тома. В первом издании (1918) он представлял собою сжатый очерк географической основы развития России, истории русского государственного и экономического строя, войска и финансов.

Для нового издания Милюков задался целью развернуть этот схематический очерк в большое исследование. Он начал с территории и истории колонизации — судьбы восточных славян после того, как они покинули свою прародину. Милюков помещает прародину индоевропейцев, включая славян, в среднюю Европу. По его гипотезе, славяне двигались с запада на восток по северной (лесной) полосе России. Для этого исследования Милюков изучил громадное количество лингвистических и исторических данных.

Михаил Иванович Ростовцев, сам занимавшийся вопросом о начале русского государства, высоко ценил этот труд Милюкова, хотя и пришел к другим заключениям.

Милюков успел напечатать только первую часть обновленного первого тома (Париж, 1937). Вторая часть — «От преистории к истории» сохранилась в рукописи у друга и душеприказчика Милюкова Б. И. Элькина.

Элькин поручил редактировать ее издание Н. Е. Андрееву. Андреев отнесся к своей задаче с большим вниманием и дополнил библиографию новыми данными (Очерки, том I, часть 2, Гаага, 1964).

В книге пять глав — «Южная Россия и кочевники степи», «Лесная полоса и расселение восточных славян», «Первая зона русской экспансии» (Приволжье и Приуралье), «Завоевание Сибири» и «Вопрос о русском антропологическом типе».

По существу темой книги может быть названо изучение места развития русского народа. Термин «место развития» Милюков заимствовал у основателя евразийского направления в русской историографии П. Н. Савицкого, хотя он несколько иначе его формулировал.

В своем предисловии Андреев придал существенное значение новой концепции Милюкова для дальнейшего развития русской исторической мысли.

В предисловии к I тому Милюков называет основной свой подход к истории «социологическим». Следуя Н. Я. Данилевскому, Милюков отвергает идею всемирной истории, ставя на ее место сравнение истории отдельных человеческих обществ. По мнению Данилевского и Милюкова, в эволюции каждого национального организма можно найти черты сходства с эволюцией другого организма. В этом Милюков и видит закономерность истории.

Жизнь Милюкова двоилась между политикой и наукой. В своей подрывной борьбе против царского самодержавия Милюков проявил себя блестящим и успешным тактиком. Но пользоваться своим успехом он не умел. Он не умел остановиться вовремя, чтобы закрепить уже завоеванные позиции.

Главные достижения Милюкова были в научной области. Его ранний труд о петровской реформе и «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства» до сих пор не утратили значения. Его «Очерки по истории русской культуры» до нашего времени являются для широких кругов читателей ценным введением в историю русской мысли и общественности.

Историки юго-западного края

В этой главе я веду речь о группе выдающихся русских историков, главный вклад которых в русскую историческую науку состоял в изучении истории юго-запада России (по нынешней терминологии — Украины и Белоруссии).

Большинство их проявило себя крупными трудами также и в области общей русской истории. Рассмотрю здесь творчество шести ученых. Старейшими из них были Леонтович и Антонович. За ними следовали Владимирский-Буданов, Любавский, Довнар-Запольский и Лаппо. (О Костомарове см. выше главу XI.)

Ф. И. Леонтович (1833–1911)

Федор Иванович Леонтович окончил курс в Киевском университете по юридическому факультету. Получил степень магистра за «Историческое исследование о правах литовско-русских евреев» (Киев, 1863), степень доктора за диссертацию «Древнее хорвато-далматское законодательство» (Одесса, 1869). Был профессором истории русского права в Одесском университете. В 1891 году получил кафедру в Варшавском университете.

Леонтович был вдумчивым ученым широкого кругозора. Он писал и о «Крестьянах юго-западной России по литовско-русскому праву XV и XVI веков» (Киев, 1863) и о «Раде великих князей литовских» (журнал Министерства народного просвещения, 1907 г.). В круг его интересов входило и восточное право. К этой области принадлежат его работы «Древний ойратский устав взысканий» (Одесса, 1879), «Калмыцкое право» (Одесса, 1880), «Адаты кавказских горцев» (Одесса, 1880).

Самым значительным вкладом Леонтовича в русскую историческую науку был его труд «Задружно-общинный характер политического быта Древней Руси». (Журнал Министерства народного просвещения, 1867, IV и 1874, VI и VII). В этой работе Леонтович высказал мысль, что «вервь» «Русской Правды» надо толковать как семейную общину. Это объяснение термина «вервь» было принято К. Н. Бестужевым-Рюминым и М. М. Ковалевским.

В. Б. Антонович (1834–1908)

Владимир Бонифатьевич Антонович, подобно Леонтовичу, был одним из пионеров в области изучения истории юго-западной Руси, но в противоположность Леонтовичу был украинским националистом, считал украинцев отдельным народом, идеализировал казачество.

С 1863 по 1880 г. Антонович был главным редактором «Временной комиссии для разбора древних актов» в Киеве. С 1878 года был профессором русской истории Киевского университета. 1862 году Антонович сотрудничал в петербургском журнале «Основа», издававшимся Костомаровым. Это был орган умеренного украинского народничества. Тем не менее он был вскоре закрыт правительством.

В начале 1870-х годов в Киеве был открыт юго-западный отдел Русского географического общества, в котором видную роль играл М. П. Драгоманов. Антонович примкнул к этой организации. На некоторое время она стала центром украинской мысли и науки. Совместно с Драгомановым Антонович издал два тома «Исторических песен южнорусского народа» (1874–1875). В 1876 году юго-западный отдел РГО был закрыт правительством. Одновременно был издан указ, запретивший печатание книг на украинском языке (кроме беллетристики, этнографических материалов и исторических актов).

Драгоманов был исключен из состава профессоров Киевского университета и эмигрировал в Швейцарию (см. ниже главу XXI).

Из трудов Антоновича следует отметить его «Очерк истории великого княжества Литовского» (Киев, 1882) и исследование «О происхождении шляхетских родов в Западной России» (Архив юго-западной России, том IV, Киев, 1867).

М. Ф. Владимирский-Буданов (1838–1916)

Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов был сыном сельского священника. Учился в Тульской духовной семинарии, потом в Киевской духовной академии, а затем в Киевском университете по историко-филологическому факультету. Кончил университет в 1864 году. Это было время подъема умственного движения в России — время реформ Александра II. Попечителем

учебного округа был знаменитый хирург и педагог Н. И. Пирогов, а ректором университета Н. Х. Бунге, перед тем профессор политической экономии, а впоследствии министр финансов.

В 1869 году Владимирский-Буданов защитил магистерскую диссертацию на тему «Немецкое право в Польше и Литве». Труд этот был основан на неизданных актах Киевского центрального архива.

После этого Владимирский-Буданов получил годичную командировку за границу. Вслед затем он был назначен профессором истории русского права в Ярославском юридическом лицее. Там он написал свою докторскую диссертацию об отношении государства к народному образованию со времени Петра Великого (1874). Через год после того он перешел в Киев на кафедру истории русского права.

В 1882 году он был назначен главным редактором в Киевской временной комиссии для разбора древних актов, а через пять лет был избран председателем Исторического общества Нестора-летописца.

Владимирский-Буданов обладал острым аналитическим умом, критическим чутьем в изучении источников и умением ясно излагать свои мысли. Среди его трудов были и детальные исследования отдельных вопросов и работы обобщающего характера. Он был также выдающимся преподавателем. Его лекции и труды всегда основаны были на источниках, часто на архивных актах.

Свою докторскую диссертацию Владимирский-Буданов развил в большое исследование «Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств» (1874). Из его специальных работ отмечу его «Поместья Литовского государства» (Киев, 1889) и «Судебник 1589 года. Его значение и источники» (Киев, 1902).

Главным его вкладом в русскую историографию является «Обзор истории русского права» (Седьмое издание, Киев, 1914). В предисловии к этому труду Владимирский-Буданов говорит, что книга эта задумана как «учебное пособие», а не как «учебник». Учебное пособие должно лишь помогать изучению науки. Учебник «заключает в себя все содержание науки, обязательное для учащегося; в высших учебных заведениях ему места нет», Книга разделена на следующие три части: 1) история русского государственного права; 2) история русского уголовного права; 3) история русского гражданского права. В конце — обширный

библиографический указатель. Этот труд сразу стал классическим и до сих пор не потерял своего значения.

Необходимым дополнением к нему служит составленная Владимирским-Будановым «Хрестоматия по истории русского права» в трех частях, несколько раз переиздававшаяся. Первая часть содержит в себе такие важные законодательные памятники, как «Русская Правда», (XI–XII веков), «Псковская судная грамота» (1397–1467) и «Новгородская судная грамота» (1471).

Во второй части помещены уставные земские грамоты Литовско-русского государства (1457–1509), Уставная и Губная Белозерские грамоты (1488–1639) и Судебник Ивана Грозного (1550).

В третью часть вошли документы второй половины XVI и XVII веков — «Указная книга ведомства казначеев», «Уставная книга разбойного приказа» и «Указные книги земского и поместного приказов».

В предисловии к первой части «Хрестоматии» Владимирский-Буданов объясняет, что это собрание документов предназначено для учебной цели как пособие при самостоятельных (так называемых практических) занятиях студентов по истории русского права. Задача комментариев составителя к тексту — помочь каждому учащемуся делать самостоятельные выводы. «Хрестоматия» эта долго была незаменимым пособием и для профессоров в руководстве семинарами по истории русского права и сейчас еще полезна.

М. К. Любавский (1860–1936)

Матвей Кузьмич Любавский учился в Рязанской духовной семинарии, а потом в Московском университете на историко-филологическом факультете. Был учеником Ключевского. По окончании университета был оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессоруре. Выдержав магистерские экзамены, получил звание приват-доцента. В 1893 году защитил магистерскую диссертацию на тему «Областное деление и местное управление Литовско-русского государства». В 1901 году получил степень доктора за следующий свой труд «Литовско-русский сейм», но только через 10 лет после того был избран профессором.

При реорганизации Академии наук советским правительством в 1928 году было решено значительно увеличить число

действительных членов Академии наук. В связи с этим стояло и решение добавить к составу академии марксистских ученых. Право номинации новых членов было распространено на «общественные организации и учреждения». Выборы были результатом компромисса между действительными членами академии и «общественными организациями». В числе кандидатов академии был избран и Любавский. Но уже в 1931 году он был арестован, исключен из академии и сослан в Уфу, где и умер.

Любавский был всецело поглощен своей научной работой и преподавательской деятельностью в университете и на Высших женских курсах. Помимо того, он был деятельным членом Московского общества истории и древностей, где печатались его главные ученые труды. Он принимал живое участие в заседаниях этого общества, выступал с докладами, участвовал в прениях.

Внеакадемической общественной деятельности Любавский чуждался. Не принимал он никакого участия и в политической жизни страны.

Первым главным научным трудом Любавского было «Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени первого Литовского статута» (1892–1893). Для написания этого труда Любавский несколько лет работал в московском архиве Министерства юстиции над материалом, находящемся в книгах «Литовской метрики». Часть этих материалов он издал как приложение. Труд этот составил эпоху в изучении Западной Руси и проложил дорогу для следующих работ самого Любавского, а равно и других исследователей.

За этим последовал другой его капитальный труд — «Литовско-русский сейм» (1911). На прочной основе этих своих исследований Любавский написал также два ценных сочинения более популярного характера — «Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно» (Москва, 1910) и в параллель к нему — «Лекции по древней русской истории до конца XVI века» (3-е издание, Москва, 1918). Это очерки по истории киевской и северо-восточной, то есть Суздальско-Московской Руси.

Литовскую Русь Любавский считает непосредственной преемницей Киевской Руси, а Суздальско-Московскую — как бы противоположным течением, но вышедшим из того же русла.

Общественно-политической строй Литовской Руси Любавский считает феодальным, близким к западному феодализму.

Черты феодализма Любавский находит и в северо-восточной Руси XIII–XV веков.

«Мы встречаем здесь те же учреждения, те же отношения и воззрения, что и на феодальном западе, иногда в полном развитии, иногда в менее определенных чертах... Русский феодализм в своем развитии не пошел дальше первичных, зачаточных форм, которым не удалось отвердеть и упрочиться».

Последний крупный труд Любавского был напечатан в 1929 году. Заглавие его — «Образование основной государственной территории великорусской народности, заселение и объединение центра».

В большинстве случаев Любавский был очень осторожен в своих выводах. Он скептически относился к различным теориям других ученых по тому или иному вопросу. Таково, например, его отношение к теориям родового быта (Эверс, Соловьев, Кавелин), общинного быта (Константин Аксаков), племенного быта (Костомаров), задружно-общинного быта (Леонтович). Все эти теории Любавский считает односторонними.

«На мой взгляд, — пишет он, — в каждой из названных теорий есть доля истины, и нам надобно только выделить эти доли и скомбинировать из них связное и цельное воззрение».

Любавский был человек замкнутого характера, но в научной академической жизни принимал деятельное участие. Он был первым оппонентом на магистерском диспуте Богословского (вторым был Кизеветтер). По воспоминаниям Кизеветтера, диспут был очень интересен и велся в тоне товарищей по науке. То же было и на докторском диспуте Богословского при тех же оппонентах.

В своих отношениях к студентам Любавский был строг, но справедлив и умел улаживать конфликты. Характерен эпизод, имевший место на выпускных экзаменах в Московском университете в 1904 году. На экзамене по всеобщей истории произошло резкое столкновение между профессором В. И. Герье и его учеником, будущим историком старообрядчества С. П. Мельгуновым. Мельгунов опоздал на начало экзамена, и Герье сказал ему, что раз он пропустил свою очередь, то будет проэкзаменован после всех других. Мельгунов обратился к председателю экзаменационной комиссии Соколову с требованием, чтобы его экзаменовали сразу. Соколов растерялся. Но тут вмешался Лю-

бавский, которому удалось образумить Мельгунова, и тот согласился ждать своей очереди*.

Любавский был почитателем Соловьева (умершего в год рождения Любавского) и своего учителя Ключевского, но и с их теориями он во многих случаях не соглашался.

В вопросе об опричнине Ивана Грозного Любавский скомбинировал мнения Ключевского и Платонова и даже заострил выводы Платонова.

Ключевский признавал и ценил Любавского как выдающегося ученого. В своем письме Любавскому, написанному в начале декабря 1909 года, Ключевский называет его «своим близким товарищем». По-видимому, однако, настоящей личной дружбы с Любавским у Ключевского не было.

М. В. Довнар-Запольский (1867–1934)

Митрофан Викторович Довнар-Запольский кончил Киевский университет в 1894 году. В 1901 году защитил магистерскую диссертацию «Государственное хозяйство великого княжества Литовского при Ягеллонах» и был избран профессором Киевского университета. Четыре года спустя он получил степень доктора за свое исследование «Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке». Оба эти труда основаны на архивных материалах.

Довнар-Запольский был талантливый исследователь и преподаватель истории. Он писал и на западнорусские и на общерусские темы.

В 1897 году вышла его работа «Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 года» (Древности Московского археологического общества, Труды славянской комиссии» 2). В 1911 году издан был первый том его труда «История русского народного хозяйства». Этот труд подвергся резкой критике со стороны марксистского историка М. Н. Покровского. Довнар-Запольский отвечал письмом в редакцию московского журнала «Голос минувшего» (1913).

Довнар-Запольский интересовался также и историей общественной и политической идеологии России. В сборнике его статей «Из истории общественных течений в России» (2-е изда-

* См. Мельгунов. Воспоминания и дневники, 1 (Париж, 1964).

ние, Киев, 1910) есть его статья о Грановском. В 1906–1907 годах он издал три тома материалов о декабристах «Тайное общество декабристов», «Мемуары декабристов» и «Идеалы декабристов».

Вслед затем он предпринял коллективный труд, в котором он был и редактором и одним из сотрудников: «Русская история в очерках и статьях» (3 тома. Москва [1909-1912]). Большинство статей там весьма ценны.

Довнар-Запольский принимал деятельное участие в археологических съездах, а в связи с этим следил и за деятельностью губернских ученых архивных комиссий. В заключение отмечу, что под его редакцией Н. Д. Полонская составила «Историко-культурный атлас по русской истории» (Киев, 1913).

И. И. Лаппо (1869–1944)

Иван Иванович Лаппо родился в Белоруссии. В 1892 году поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Учителями его были С. Ф. Платонов, В. Г. Васильевский и В. И. Ламанский. Главным руководителем его был Платонов, по представлению которого Лаппо был оставлен при университете для подготовки к профессуре.

Под наблюдением Платонова Лаппо написал свой первый ученый труд «Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения» (Москва, 1894). Это тщательное исследование основано на статистической обработке писцовых книг.

Вслед затем Лаппо занялся историей великого княжества Литовского от Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1588) (два тома, Петербург, 1902). Это была его магистерская диссертация.

В 1905 году Лаппо был приглашен на кафедру истории в Юрьевский университет. Там он продолжал заниматься историей Западной Руси. На этот раз он поставил себе целью выяснить роль местных шляхетских организаций, посылавших депутатов (послов) в нижнюю палату сейма («посольская изба»).

Так возник его второй капитальный труд «Великое княжество Литовское во второй половине XVI века. Литовско-русский повет (уезд) и его сеймы» (Юрьев, 1911) (докторская диссертация).

В жизнь Юрьевского университета Лаппо близко вошел. У него установились хорошие отношения и с коллегами — профессорами и со студентами.

После мирной жизни и работы пришло тяжелое время — разруха гражданской войны 1918–1920 годов.

В 1919 году Лаппо переехал в Прагу, где уже начиналась тогда так называемая «Русская акция» и при поддержке президента Масарика и чешского правительства созданся мощный центр русской культуры в изгнании.

В Праге Лаппо был избран членом Русской учебной коллегии (совета профессоров). В годы своего пребывания в Праге Лаппо написал много ценных работ по-чешски. В 1922 году в чешском историческом журнале (*Ceske Casopis Historické*, том XXVIII) напечатана была его обширная статья «Очерк развития русской исторической науки». В другом чешском периодическом издании «Сборник юридических и государственных наук (*Sborník věd právnických a státních*) помещены статьи Лаппо «Литовский статут и его санкционирование в 1588 году» (1922) и «Основные законы великого княжества Литовского и Польши» (1923).

По-русски Лаппо в 1924 году издал в Праге небольшую по размеру, но значительную по содержанию, глубоко продуманную книжку «Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом». Эта книга дает как бы ключ к пониманию сложной проблемы истории Западной Руси.

В 1928 году Лаппо принял деятельное участие в Четвертом съезде русских академических организаций в Белграде (16–23 октября). Лаппо был членом правления этого съезда. На одном его заседании он прочел доклад «Литовско-русское государство и Польша в XVII столетии».

Доклад этот был напечатан под заглавием «Уравнение прав Великого княжества Литовского и Короны Польской в 1697 году» (Записки Русского научного института в Белграде, 1, 1930). Лаппо начинает эту свою статью анализом Люблинской унии 1569 года и дает новое освещение этому акту. Обыкновенно считалось (не только в польской историографии), что решением Люблинского сейма было «втеление» (инкорпорация) Литвы в Польшу. В действительности, как доказал Лаппо, произошло нечто иное. Предложенный поляками план инкорпорации Литвы в Польшу встретил решительный отпор со стороны литовской делегации.

«При таком положении дел, — пишет Лаппо, — акт Люблинской унии, естественно, представил собою полный противоречий компромисс польских и литовских требований... не согласовав их органически. Провозгласив слияние двух государств и народов...

акт унии в то же время признал за Великим княжеством Литовским права государственного, а не провинциального значения: старые государственные титул и печать, старые государственные должности, в их числе все существовавшие раньше министерства, по-прежнему особое войско и его командование, государственную казну и финансовое управление».

Через двадцать один год самостоятельное государственное значение Великого княжества Литовского было закреплено Третьим Литовским Статутом. Этот Статут ни разу не упомянул о Люблинской унии и признал поляков «заграничниками».

В течение всего XVII века польско-литовский сейм действовал не как парламент одного государства, а как конгресс представителей двух государств. Литовские члены («послы») сейма протестовали против всякой попытки поляков навязать им свое решение.

Наконец 9 марта 1652 года литовский посол Сицинский заявил «протестацию» о недействительности сейма и выехал из Варшавы.

Лаппо поясняет: «Сейм был сорван голосом одного посла Великого княжества Литовского, и *liberum veto* начало свою губительную для сейма Речи Посполитой жизнь».

Завершением самостоятельной государственной жизни Великого княжества Литовского было уже упомянутое литовское требование «Уравнение прав Великого княжества и Короны Польской». Оно было представлено в 1697 году новоизбранному королю Августу II.

В этом документе были согласованы размеры повинностей Литвы и Польши на общие нужды их федеративной Речи Посполитой. Польша официально признала Литовский Статут 1588 года основным законом Великого княжества.

В 1928 году «русская акция» в Праге начала постепенно сокращаться. Некоторые русские профессора нашли себе применение в чешских университетах и школах. Большинство переехало в другие страны.

В 1933 году Лаппо был приглашен в Ковенский университет на должность приват-доцента и переехал в Ковно.

Там Лаппо занялся всецело исследованием и подготовкой к изданию Литовского Статута 1588 года (так называемый Третий Литовский Статут). Это было завершением всей его научной жизни.

Толчком для занятий этим статутом явилось предложение ему в 1912 года академиком М. А. Дзяконовым приготовить критическое издание текста этого памятника, которое предполагалось напечатать в издании Академии наук.

Лаппо согласился и начал с изучения происхождения Статута в связи с его текстом, а затем уже и работой над текстом.

Как было сказано выше, деятельность Лаппо в Юрьеве превратилась из-за гражданской войны 1918–1920 и переезда в Прагу. В Праге он мог заниматься Статутом только урывками. Вплотную он посвятил этому свое пребывание в Ковне.

Труд свой Лаппо разделил на два тома: I. Исследование о Третьем Литовском Статуте и II. Критическое издание его текста.

Исследование само по себе — монументальный труд, две части — в общем более тысячи страниц. В предисловии к первой части Лаппо говорит: «В виду того, что длинный ряд вопросов, связанных с Третьим Литовским Статутом, автору пришлось разрешать совершенно несогласно с существующею о них литературою, он считал необходимым возможно более облегчить читателю проверку тех положений, которые им высказывались в его исследовании. Потому он старался не ограничиваться простыми ссылками на соответствующие страницы цитируемых им трудов и изданных источников или простым указанием источников рукописных, а в большинстве случаев приводил и соответствующие тексты».

В первой части первого тома Лаппо сначала исследует историю подготовки и состав Второго Литовского Статута (1566 года), затем переходит к Люблинской унии 1569 года и только после этого обсуждает выработку окончательной редакции Третьего Статута.

Во второй части Лаппо анализирует состав и смысл основных законов Третьего Статута и порядок его утверждения.

За этим следует глава о Виленской типографии Мамоничей (в которой печатался Статут) и глава о типографской технике первого издания Статута. В этой же главе Лаппо дает характеристику русского языка, на котором Статут написан.

«Это был язык, употреблявшийся русским населением Великого княжества Литовского и уже в течении нескольких веков принятый в государстве Литвы в значении языка государственно-го» (стр. 337).

Последняя глава посвящена истории научного изучения Третьего Статута от начала XIX века до 1930-х годов.

Труд Лаппо был напечатан в Ковно в 1934–1936 годах. За этим последовало и критическое издание текста Статута (1938).

Во время второй мировой войны Лаппо перебрался из Ковно в Дрезден. Там он и умер в ночь бомбардировки Дрездена англо-американской авиацией (23 декабря 1944 года).

А. Я. Ефименко (1848–1918)

С задружно-общинной теорией Леонтовича согласна и Александра Яковлевна Ефименко.

А. Я. Ставровская (по мужу Ефименко) родилась в семье чиновника архангельской губернии. Училась в Архангельской гимназии. Была учительницей в Холмогорах и там вышла замуж за ссыльного этнографа Петра Саввича Ефименко.

Главным интересом Александры Яковлевны было изучение народных обычаев, верований и правовых понятий на крайнем русском севере*.

Ее увлекала «исключительная склонность великорусского племени к коллективизму, его способность к творчеству общественных форм». От изучения артелей на севере она перешла к изучению вопроса о происхождении там сельской поземельной общины. На два года она погрузилась в архивы. Результатом был знаменитый ее труд «Крестьянское землевладение на Крайнем севере» (журнал «Русская мысль», 1882).

Александра Яковлевна ценила эту свою работу выше всех остальных своих работ по обычному праву.

Между тем кончился срок ссылки ее мужа, и они переселились в Малороссию. Ефименко обратилась теперь к изучению южной Руси и украинского народа. Исследования ее в этой области были собраны в книгах «Южная Русь» (два тома, 1905) и «Исследования украинского народа» (два выпуска, 1906).

В предисловии к этой последней книге Ефименко сочла нужным заметить, что «автор настоящего труда, посвященного южнорусской истории, как по своему великорусскому происхождению, так и по симпатиям, обнаруженным в изучении северорусского юридического фольклора, должен стоять вне подозрения в южнорусском национальном субъективизме».

* См. С. Ф. Платонов. «А. Я. Ефименко. Журнал «Дела и дни», 1920, № 1, стр. 617–619.

На археологическом съезде 1893 года в Вильно Ефименко выступила с докладом о «копных судах в левобережной Украине» Это ее выступление подало повод к внушительной овации.

По предложению председателя заседания В. Г. Васильевского съезд приветствовал Александру Яковлевну, как выдающуюся русскую женщину, уже составившую себе громкое имя в науке.

Около 1907 года Ефименко переехала в Петербург. В 1908 году умер ее муж. Ефименко вступила в состав преподавателей Высших женских курсов.

В 1910 году, по случаю сорокалетия ее ученой деятельности, Харьковский университет возвел ее в степень доктора.

На курсах Ефименко читала лекции преимущественно по истории Южной Руси и вела семинар по темам юридического факультета.

Во время революции и гражданской войны Ефименко переехала в Харьков. Там в конце 1918 года она была убита. Харьков в это время был уже под властью большевиков.

XXI

М. П. Драгоманов (1841–1895)

Михаил Петрович Драгоманов занимает особое место в истории русской общественной мысли и в русской историографии.

Образ его двухсторонний. Он чувствовал себя и русским и украинцем.

Драгоманов был писателем и ученым широкого кругозора и разнообразных интересов. Он был историком, географом, публицистом, литературоведом и знатоком народной поэзии и фольклора.

Михаил Петрович родился в Гадяче Полтавской губернии в семье, происходившей от казацких старшин, дворянской семье по терминологии XIX века.

Учился в полтавской гимназии и Киевском университете. По окончании курса был определен учителем географии в киевской гимназии, а затем назначен доцентом Киевского университета по всеобщей истории. Поместил в журналах несколько статей в защиту употребления малорусского (по терминологии теперешней — украинского) языка в народных школах. Мотивировал он

необходимость этого с точки зрения не украинского национализма, а с педагогической (подобно тому, как к этому вопросу подходили такие видные русские педагоги, как Ушинский и Водовозов).

В 1870 году Драгоманов защитил магистерскую диссертацию на тему «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит». Книга эта для своего времени замечательное научное исследование, недостаточно оцененное*.

После защиты диссертации Драгоманов получил научную командировку за границу.

Вернувшись в Киев, Драгоманов принял деятельное участие в только что тогда открытом юго-западном отделе Русского географического общества.

Правительственные сферы в Петербурге относились с подозрением к деятельности отдела, усмотрев в нем украинофильство.

В 1876 году отдел был закрыт. Драгоманов был удален из состава профессоров Киевского университета.

Тогда он решил эмигрировать и уехал во Львов, где сблизился с молодым украинским поэтом Иваном Франко. Оба они приняли деятельное участие в политической жизни галичан, пытаясь создать украинскую народно-социалистическую партию**.

В Галиции Драгоманов оставался недолго. Политическое положение там было напряженное. Драгоманов не мог заняться литературно-научной деятельностью. К тому же он все время был под угрозой ареста.

В 1877 году Драгоманов переехал в Женеву. Там он основал русско-украинскую типографию.

Как он сам объявил в своей автобиографии, он принял следующий принцип разделения своих писаний на русско-язычные и украинскоязычные:

1. Писать по-украински все, что непосредственно относится к Украине и распространению в ней социалистических идей.

2. Писать по-русски на темы либерально-политического характера, следя за всеми событиями, волнующими читателей в России.

* О трудах Драгоманова по римской истории есть статья С. Слюсаренко в «Драгомановском сборнике» (Прага, 1933).

** См. Yaroslav Bilynsky «Drahomanov, Franko, and the relations between the Dniepr Ukraine and Galicia». Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S. VII (pp. 1542–1566).

Автобиографию свою Драгоманов написал по-русски (в 1889 году), но напечатана она была в украинском переводе*.

В 1889 году болгарское правительство пригласило Драгоманова на кафедру всеобщей истории в Софийском университете. По всей вероятности, инициатором приглашения был болгарский профессор Иван Шишманов, женатый на дочери Драгоманова — Лидии. Драгоманов преподавал в Софии по-русски с большим успехом в течение четырех лет.

В 1894 году торжественно был отпразднован тридцатилетний юбилей его ученой и литературной деятельности. Через год он умер от сердечного приступа.

Подобно Костомарову Драгоманов придавал большое историческое значение Западной Руси — треугольнику взаимоотношений между Польшей, Украиной и Белоруссией и Россией.

Этой теме посвящен главный историко-социологический труд Драгоманова «Историческая Польша и великорусская демократия» (Женева, 1882. Переиздано в Париже в 1905 году).

Во вступлении Драгоманов обсуждает отношение поляков к русскому революционному движению в 1860–1863 годах. За этим следует анализ географических условий Восточной Европы и исторический обзор колебаний украинско-белорусского населения между Польшей и Москвой с XV по XVII век.

Далее Драгоманов подчеркивает совпадение взглядов польской аристократии и великорусской бюрократии и общества на так называемый Западный край и самостоятельное начало возрождение плебейских наций этого края в XIX веке**.

Следующие две главы книги Драгоманова посвящены А. И. Герцену и его отношению к польской революции 1863 года.

«По всему видно, — пишет Драгоманов, — что Герцен не имел специальных сведений об истории и этнографии «западных провинций России» и даже вряд ли читал труды, например,

* М. Павлик. «Михаил Петрович Драгоманов. Его юбилей, смерть, автобиография и список трудов» (Львов, 1896), стр. 331–397. У меня нет сведений о судьбе русской рукописи автобиографии Драгоманова. Цитаты из автобиографии я привожу в своем переводе с украинского на русский.

** В этой главе своего труда Драгоманов обнаруживает недостаточное знакомство со взглядами русского общества середины XIX века. Богатый материал о действительных взглядах на Западную Россию в русских ученых и литературных кругах собран в книге В. А. Францева «Пушкин и польское восстание 1830–1831» (Прага, 1921). В этой книге Францев касается и более позднего времени.

Костомарова. Запас фактических сведений его по этому предмету не превосходил того, какой имел средний столичный русский литератор того времени, то есть был очень невелик».

Зато у Герцена, по мнению Драгомагова, было прирожденное чутье к пониманию политических явлений и большой запас наблюдений над политической жизнью различных народов современной ему эпохи. «Это все, вместе взятое, давало ему возможность в спокойное время верно угадывать основные черты польского вопроса в России — правду и фальшь стремлений польских патриотов всех оттенков, «с которыми ему приходилось встречаться».

В то же время он признавал право на решительное слово в вопросе о судьбах Польши только за поляками. «Вся беда в том, — говорит Драгоманов, — что Герцен довольно смутно представлял, что такое собственно Польша и, при всем своем уважении к народам перед государством, все-таки способен был забыть, что слова «Польша» и «Россия» представляют собой собственно государства, а не народы».

Когда началось польское восстание, Герцен (отчасти под влиянием Бакунина) пришел к решению, что победа поляков положит начало революции в России. И Герцен и Бакунин удовлетвоались неопределенным заявлением варшавского комитета об «обеспечении братским народам Литвы и Руси, соединенным с Польшей, самое широкое развитие их народности и языка».

Герцен напечатал в «Колоколе» декларацию польского революционного комитета, а от себя опубликовал призыв к русским офицерам переходить на службу к полякам. Нашлось несколько офицеров, которые это сделали. Все они, конечно, погибли.

Такой политикой Герцен подорвал свою популярность даже в радикальных русских кругах. Тираж «Колокола» сразу упал, и на некоторое время Герцен прекратил его издание.

Через два года после книги «Историческая Польша и великорусская демократия» Драгоманов напечатал в Женеве свой «Опыт украинской политико-социальной программы». Это сочинение помещено было как приложение к «Исторической Польше» в издании 1905 года.

Заглавие, данное Драгомановым этой программе, — «украинская», — не охватывает всей широты программы. Видимо, Драгоманов первоначально подошел к своей задаче с украинской

точки зрения, но затем приложил те же принципы к построению всероссийской федерации областей.

Драгоманов даже составил примерный список таких областей. Вот он:

1. Северная (губернии Архангельская и Вологодская).
2. Озерная (губернии Олонецкая, Петербургская, Псковская, Новгородская и Тверская).
3. Балтийская (Эстляндия, Лифляндия и Курляндия).
4. Литовская (губернии Ковенская, Сувалкская и северо-западная половина Виленской губернии).
5. Польская (губернии царства Польского).
6. Белорусская (губернии Витебская, Могилевская и большая часть Гродненской и Смоленской губерний).
7. Полесская (часть Седлецкой, Люблинской, Минской и Волынской губерний).
8. Киевская (юго-восточная часть Волынской губернии, Киевская и Черниговская губернии и большая часть Полтавской губернии).
9. Одесская область (губернии Подольская, Бессарабская, Херсонская, западная часть Екатеринославской губернии и большая часть Таврической).
10. Харьковская область (часть Таврической, Екатеринославской, Полтавской, Курской и Воронежской и вся Харьковская губерния).
11. Московская область (губернии Московская, Рязанская, Орловская, Тульская, Калужская и Смоленская — кроме белорусских уездов).
12. Нижегородская область (губернии Нижегородская, Ярославская, Костромская и Владимирская).
13. Казанская область (губернии Вятская, Казанская, Симбирская и Самарская).
14. Приуральская область (губернии Пермская, Уфимская и Оренбургская).
15. Саратовская область (губернии Саратовская, Тамбовская, Пензенская и Астраханская).
16. Кавказская область (Ставропольская губерния и Закавказье).
17. Западная Сибирь.
18. Восточная Сибирь.
19. Земли казахи (Донская, Кубанская, Терская, Уральская).

20. Области среднеазиатские. Эти области, пишет Драгоманов, «как слишком разнообразные по своему населению и недавно еще присоединенные, должны быть управляемы на особом положении с возможным применением начал самоуправления».

Я привел этот список областей целиком, так как он имеет большое значение для понимания мыслей Драгоманова о характере и сущности федеративного начала.

«Области» Драгоманова не совпадают с этническими границами (или совпадают только частично) и в большинстве своем слишком крупные территориально. Это, по его мнению, должно было придать более прочный, связующий характер Всероссийской Федерации.

По плану Драгоманова, федерация эта должна основываться на началах демократии, политической свободы и равенства.

Под словами политическая свобода, говорит Драгоманов, должно разуметь:

а) Права человека и гражданина — неприкосновенность тела для позорных наказаний и смертной казни; неприкосновенность личности и жилища для полиции без судебного постановления.

б) Неприкосновенность частных писем и телеграмм.

в) Свобода выбора места жительства и занятий.

г) Неприкосновенность национальности (языка) в частной и публичной жизни.

д) Свобода совести (веры и неверия) и всякого публичного богослужения и обрядов, не противных общественному стыду.

е) Свобода речи, печати, театров и обучения.

ж) Свобода сходок без нарушения ими внешнего порядка и безопасности.

з) Свобода товариществ и обществ.

Государственный строй федерации, по мысли Драгоманова, должен быть утвержден на началах самоуправления — начиная от сельской и городской общины до Государственной думы.

Для проведения в жизнь этой программы Драгоманов считал нужным организовать общественное мнение умеренных кругов русского общества в противовес революционному терроризму. Его идеи были одним из источников либерального движения в России, приведшего к революции 1905 года и учреждению Государственной думы.

А. С. Лаппо-Данилевский (1863–1919)

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский происходил из дворян Екатеринославской губернии. Родился в имении Удачное, при селе Мало-Софиевке Верхнеднепровского уезда. Отец его был в течение нескольких трехлетий верхнеднепровским предводителем дворянства. Мать — Наталья Федоровна, урожденная Чуйкевич (из дворян той же губернии), проживала с семьей в Удачном. Там Лаппо-Данилевский и получил домашнее образование. После полуторагодового пребывания семьи в Швейцарии Лаппо-Данилевский поступил в симферопольскую гимназию, где и окончил курс с золотой медалью в 1882 году.

Будучи в старших классах гимназии, Лаппо-Данилевский помимо обязательных занятий в гимназии много читал и, как сам он пишет в своей автобиографии*, «уже несколько знакомился с философией по труду Льюиса, с системами Канта и Милля, а под влиянием Тейлора, Спенсера и Грота обнаружил склонность к изучению первобытной культуры и античного мира».

По окончании гимназии Лаппо-Данилевский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Кончил его в 1886 году и был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию.

Еще студентом Лаппо-Данилевский, в связи со своим интересом к первобытным культурам, составил «Обозрение скифских древностей» (Петербург, 1887). Через шесть лет после того он опубликовал исследование древностей кургана Карагодеуашах в Прикубанском крае (IV–III веков до Р. Х.). Этот труд был напечатан в «Материалах по археологии России», издаваемых Археологической комиссией, т. 13 (1893).

Для своей магистерской диссертации Лаппо-Данилевский решил взять тему из московского периода. Так возник его капитальный труд «Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты и до эпохи преобразований». (Петербург, 1890).

* Автобиография эта напечатана в «Материалах для биографического словаря действительных членов Академии наук», том 1 (Петроград, 1915, стр. 405–413).

В то время финансовая история Московского государства была очень мало разработана. В основу своей диссертации Лаппо-Данилевский положил обширный архивный материал и подверг изучению целый ряд спорных вопросов. Этот труд Лаппо-Данилевского послужил основой для последующих исследований московского государственного строя и финансов.

По защите магистерской диссертации Лаппо-Данилевский стал читать лекции по русской истории в Петербургском университете в звании приват-доцента и в Историко-филологическом институте, куда он был избран профессором в 1891 году.

В 1899 году Лаппо-Данилевский был избран адъюнктом Академии наук, через три года — экстраординарным, а в 1905 году ординарным академиком. Став членом Академии наук, Лаппо-Данилевский ушел из Историко-филологического института, но продолжал читать лекции в университете.

Дальнейшая деятельность Лаппо-Данилевского пошла по двум направлениям: собственного его научного творчества и организации работы других деятелей науки и ученых обществ и учреждений.

Рассмотрим сначала главные из научных трудов Лаппо-Данилевского.

Он не прекратил своих занятий московской эпохой, но, кроме того, исследовал и проблемы истории XVIII века. К московской эпохе относится его статья «Разыскания по истории прикрепления крестьян» (1901) и большой, очень ценный «Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России» (1905), включающий в себя и характеристику этих разрядов, как они сложились в XVIII веке.

Из работ Лаппо-Данилевского в области XVIII века необходимо указать его «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII века» (1899) и «Собрание и свод законов Российской империи, составленные в 1775–1783 годах» (журнал Министерства народного просвещения за 1897 год). Это попытка кодификации русских законов в царствование Екатерины II была продолжением деятельности известной Законодательной комиссии 1767–1768, не завершившей свою деятельность.

С середины 1890-х годов Лаппо-Данилевский стал читать в университете курсы по теории социальных и исторических наук и в связи с этим занимался в своем семинаре проблемами социологического и исторического метода, в особенности учениями о

причинно-следственности, о случайности и об эволюции. Из этого семинара вышло несколько печатных работ его учеников.

В этой области он написал исследование об основных принципах философии О. Конта (напечатано в сборнике «Проблемы идеализма», 1902).

Начиная с 1906 года Лаппо-Данилевский стал читать в университете курс по методике истории. Два выпуска его были напечатаны (1910 и 1913 гг.).

Первый том посвящен изложению теории исторического знания, в двух главнейших его направлениях — номотетическом и идеографическом, а также учению об объекте исторического знания. Второй том содержит рассмотрение главных проблем исторического изучения.

Кроме того, он вел семинар по археографии (дипломатике частных актов). Из этого семинара вышло несколько молодых ученых, в том числе С. Н. Валк.

Перехожу к организационной деятельности Лаппо-Данилевского. Как академик и член Археографической комиссии, он играл выдающуюся роль в планировании задач русской исторической науки и издании исторических материалов.

Он стал во главе двух новых ученых предприятий — «Сборник грамот бывшей Коллегии экономии» и «Памятников русского законодательства». Кроме того, наблюдал за изданиями «Писем и бумаг Петра Великого» и сборника «Россия и Италия».

В 1900 году он представил в Академию наук план издания русских архивных документов XV–XVIII веков. В первую очередь он наметил издание материалов бывшей «Коллегии экономии»*.

Отчеты Лаппо-Данилевского о подготовительных работах для издания этих материалов в «Известиях» Академии наук.

До своей смерти (1919) Лаппо-Данилевский успел закончить для печатания первый том «Сборника грамот Коллегии экономии». Издан он был в 1922 году.

Лаппо-Данилевский принимал участие и в археологических съездах. Был председателем одного из отделений Новгородского съезда (1911). Внимательно следил он и за развитием научной де-

* Коллегия экономии была учреждена в 1762 году для управления земельными владениями духовных лиц и учреждений и собирания с них казенных доходов. В 1786 году Коллегия экономии была закрыта и заведование церковными имуществами, отошедшими в казну, поступило в ведомство казенных палат.

тельности губернских архивных комиссий, в создании которых он участвовал (см. выше главу XVII).

Организаторская деятельность Лаппо-Данилевского не ограничивалась Россией. Он состоял членом Международного социологического института. В 1913 году он участвовал в Международном историческом конгрессе в Лондоне и прочел там доклад о развитии идеи государства в России от Смутного времени до реформ XVIII века*.

Местом заседания Международного исторического конгресса 1918 года был назначен Петербург. Лаппо-Данилевский был назначен председателем Исполнительного комитета по устройству этого конгресса. Конгресс не мог состояться из-за первой мировой войны.

Для Европы и Америки Лаппо-Данилевский был живой связью с русской исторической наукой. Когда кто-либо из иностранных ученых приезжал в Россию для занятий в архивах и библиотеках, он прежде всего обращался в Академию наук к Лаппо-Данилевскому, и тот налаживал ему нужные для него знакомства с русскими коллегами и учеными учреждениями.

Многих из этих ученых он приглашал к себе на дом, на свои вечерние приемы. В 1915–1916 годах я бывал на этих научных беседах, собиравшихся, сколько помню, по понедельникам. Соборания эти были немногочисленные, но очень много дававшие всем участникам.

Александр Сергеевич сначала беседовал с каждым гостем отдельно — остальные в это время разговаривали друг с другом.

Отдельные беседы были чрезвычайно ценны для их участников. Каждому представлялась возможность сказать о ходе своей научной работы и получить советы Александра Сергеевича по литературе и характеру нужных источников.

После этого бывал общий разговор, в котором и Лаппо-Данилевский принимал живое участие. Говорили о научных новостях, о новых направлениях в исторической науке, о методологии истории.

Я старался не пропускать ни одного из вечеров у Лаппо-Данилевского, но не всегда это удавалось. В числе постоянных посетителей были историк русского права Михаил Александров-

* Доклад этот был сразу напечатан в Оксфорде по-английски, а затем опубликован был и по-русски в «Голосе минувшего» за 1914 год, № 12.

вич Дьяконов и археограф С. Н. Валк (участник семинара Лаппо-Данилевского по дипломатике частных актов).

Часто бывали и иностранные ученые, в том числе два американца — Франк Гольдер (занимавшийся историей Сибири) и Р. Г. Лорд (занимавшийся историей Польши).

Эти беседы были как бы отголоском широкой организационной деятельности Лаппо-Данилевского — и русской и международной.

XXIII

Философия истории

С середины 1820-х годов по 1860-е годы включительно главное русло русской историко-философской мысли проложено было мощным влиянием гегельянства.

Социологическое позитивистское течение было представлено гораздо слабей. Наоборот, в 1870-х и 1880-х годах позитивистское направление в русской общественной мысли выступает на первый план. Одной из острых проблем становится соотношение личности и общества.

Наиболее видными представителями социологического течения в русской философии были Н. И. Кареев, П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский.

Философии истории придавал большое значение также историк Древней Греции и средневековья Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911).

Его главный труд в этой области — «Опыт исторического обзора главных систем философии истории» (1866) — от Августина до Бокля. В этой книге он ограничился только основными системами, которые, по его мнению, «имели самое широкое и далекое влияние на судьбу исторической мысли... и в то же время представляли между собою некоторую связь, передавая свою задачу из рук одного поколения в руки другого».

При всем разнообразии различных теорий Стасюлевич находил возможным подвести их под две категории: теорию вечного исторического круговращения и теорию вечного исторического прогресса.

Николай Иванович Кареев (1850–1931) родился в Москве. Детство провел в Смоленской губернии, учился в пятой московской гимназии. В 1869 г. поступил в Московский университет. Главным учителем его был В. И. Герье. Кареев был деятельным участником его семинара. Уже тогда проявился его интерес к эпохе французской революции 1789 года.

На тему о положении французских крестьян перед революцией Кареев написал и свое кандидатское сочинение. По окончании университета он был оставлен при кафедре истории для подготовки к профессорскому званию. В 1876 году выдержал магистерский экзамен и получил заграничную командировку во Францию для писания своей магистерской диссертации. Этот труд — «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последнюю четверть XVIII века» (1879) был основан на изучении архивных материалов, ранее никем не использованных. По признанию французских историков, Кареев проложил дорогу дальнейшему изучению крестьянского вопроса во Франции.

После защиты магистерской диссертации Кареев получил кафедру в Варшавском университете, где преподавал до конца 1881 года, когда перешел в Петербург. Там он сначала получил кафедру в Александровском лицее, а вслед затем в Петербургском университете и на Бестужевских женских курсах.

В 1899 году Кареев по распоряжению Министерства народного просвещения был удален из университета. Вернулся он на университетскую кафедру только в 1906 году. В 1910 году Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом.

Для писания докторской диссертации Кареев обратился к своим размышлениям о философии истории. Труд этот был издан под заглавием «Основные вопросы философии истории» (два тома, 1883).

Первая часть заключает в себе, главным образом, историю и критику «историософических идей» и рассмотрение методов философии истории. Вторая — критику тогдашних учений биологии, антропологии, психологии и социологии и основанные на ней общие воззрения на сущность прогресса. В этом своем труде Кареев дал критический обзор огромной литературы предмета.

Более того, он предвосхитил идеи немецких философов Виндельбанда и Риккерта. Лет за десять до Виндельбанда Кареев установил различие между двумя категориями наук: между номологическими (по его терминологии) и феноменологическими (к кругу последних принадлежит история).

Соответствующие термины Виндельбанда — науки номотетические и идеографические. Продолжением «Основных вопросов философии истории» является другой труд Кареева «Сущность исторического прогресса и роль личности в истории» (1890). В этой книге Кареев стремился выяснить, «как действует личность на другие личности и почему отдельные случаи такого действия представляют собой крайнее неравенство». Кареев признает относительную самостоятельность и оригинальность личности, не отрицая действия на нее общих причин и общих влияний. «Герои» действуют на толпу, а толпа на «героев». Сущность исторического процесса Кареев определяет как взаимодействие личностей и среды.

Первая книга Кареева («Основные вопросы философии истории») произвела большое впечатление и вызвала горячие споры. Вторая («Сущность исторического процесса»), которой он придавал главное значение, прошла почти незамеченной. Это было для него большим разочарованием.

Кареев был неутомимый преподаватель и плодотворный писатель. Интересна серия его «Типологических курсов», в которых он рассматривал различные типы государственных форм. В эту серию вошли: «Государство-город античного мира» (1903), «Монархии Древнего Востока и греко-римского мира» (1904), «Поместье-государство и сословная монархия средних веков» (1906) и «Западноевропейская абсолютная монархия XVI–XVIII веков».

Большое значение имел его многотомный труд «История Западной Европы в новое время» (развитие культурных и социальных отношений) — семь увесистых томов (1892–1917).

III. Л. Лавров (1823–1900)

Лавров был сыном генерала, богатого русского помещика. Юношей Петр Лаврович поступил в Артиллерийское военное училище (окончил его, когда ему было 19 лет). Отличался необыкновенной эрудицией. Помимо математики и естествознания он изучал также историю научной мысли.

В 1844 году Лавров был назначен преподавателем математики в артиллерийском училище, а затем получил там и звание профессора. Лавров был известен своими радикальными политическими взглядами, и в 1861 году он был арестован и сослан в Вологодскую губернию. Там он написал свои «Исторические письма»,

напечатанные в Петербурге в 1870 году под псевдонимом Миртов. «Письма» эти оказали громадное влияние на радикальную русскую молодежь.

Сам Лавров стремился только к научной работе. Поняв, что в условиях Вологодской ссылки он не сможет заниматься наукой, он в 1870 году бежал за границу и поселился в Париже. Он действительно занялся социологией, но в 1872 году поддался просьбам делегации его почитателей и основал журнал революционного характера «Вперед». Несмотря на это отвлечение, он продолжал свою научную деятельность. Продолжал печататься и в России, но под чужим именем.

Исходное убеждение Лаврова определялось его верой в науку и отрицанием метафизики. Одним из главных источников его учения был этический пафос.

По его словам «философия есть понимание всего сущего как единства в воплощение этого понимания в художественных образах и в нравственных действиях».

Вопрос о свободе воли Лавров считал неразрешимым в метафизической постановке. «Нельзя устранить в человеке, — говорит он, — явления самообязательности, суда над собой... я исхожу из факта сознания свободы, факта создания идеалов и на основании этих фактов строю связную систему нравственных процессов».

Из этики Лаврова вытекает и его философия истории. Отсюда идея вины интеллигенции перед «народом» и требование «уплаты долга» народу со стороны интеллигенции.

«Дорого заплатило человечество за то, чтобы несколько мыслителей в своем кабинете могли говорить о его прогрессе. Если бы вычислить, сколько потерянных жизней приходится на каждую личность, ныне живущую, наши современники ужаснулись бы при мысли, какой капитал крови и труда израсходован на их развитие».

Н. К. Михайловский (1842–1904)

Николай Константинович Михайловский родился в Мещовском уезде Калужской губернии в бедной дворянской семье. Учился в Горном корпусе, но не кончил его, а занялся публицистикой.

В противоположность Лаврову, который писал тяжелым слогом, у Михайловского был блестящий литературный талант. По существу Михайловский в своих взглядах шел по стопам Лаврова,

но пользовался гораздо большей популярностью среди читателей, чем Лавров. К тому же он и жил в России, а не за границей.

С 1869 года Михайловский становится постоянным сотрудником издававшегося Некрасовым журнала «Отечественные записки», а со смертью Некрасова (1877) одним из трех редакторов журнала (двумя другими были Салтыков и Елисеев). Журнал был закрыт в 1885 году.

С начала 1890-х годов Михайловский стал во главе «Русского богатства», редактором которого он и оставался до своей смерти.

В центре мировоззрения Михайловского и его этики стояло понятие личности. «Личность никогда не должна быть принесена в жертву — она свята и неприкосновенна». С этим связывается мотив целостности в человеке и целостности в духовной деятельности самой по себе.

Отсюда понятие «двуединой правды» — правда-истина (теоретическая, объективная) и правда-справедливость (социальная).

«Правда — в этом огромном смысле слова, — писал Михайловский, — всегда составляла цель моих исканий... Все меня занимало исключительно с точки зрения великой двуединой правды».

Лавров первый выразил идею «уплаты долга» интеллигенции народу. Михайловский пустил в оборот выражение «кающийся дворянин».

Смысл общественной жизни Михайловский видел в личности и ее гармоническом развитии.

«Человеческая личность, ее судьба, ее интересы — вот что должно быть поставлено во главу нашей теоретической мысли в области общественных вопросов и нашей практической деятельности». При этом он устанавливает различие типов и степеней развития.

Если в обществе разделение труда усиливается и отдельные индивиды специализируются, как, например, рабочие на фабрике, то тип их понижается (по сравнению с крестьянином в деревне, который все делает сам), но степень их развития может быть очень высокой.

С этой точки зрения, по мнению Михайловского, высшим типом общественного развития является русская крестьянская община.

Михайловский считал, что надо бороться за достижение общественного идеала. Социолог не должен смотреть на прогресс

как на безразличную эволюцию. В этом состоял его «субъективный метод».

Формам государственного строя Михайловский до революционного кризиса 1879–1881 годов, завершившегося убийством Александра II, придавал мало значения.

Вожди земского либерального движения выдвинули в 1879 году вопрос о необходимости агитации за конституцию. Лидер тогдашних либералов И. И. Петрункевич хотел привлечь Михайловского к этой программе. Михайловский поставил ему вопрос: может ли он (Петрункевич) принять на себя обязательство, что вся земля будет передана крестьянам.

Петрункевич заметил, что это будет зависеть от конституционного собрания, которое одно может решить этот вопрос.

«В таком случае, — заявил Михайловский, — народу наплевать на вашу помещичью конституцию. Когда народ возьмет власть в свои руки, он сам напишет свою конституцию»*.

Петрункевич тогда не знал, что Михайловский, который до той поры чуждался участия в революционной деятельности, принял участие в комитете партии «Народной воли».

После убийства Александра II исполнительный комитет обратился к новому царю (Александру III) с декларацией, в которой обещал прекратить всякую революционную деятельность и поддерживать правительство при условии, что правительство передаст всю землю народу. Декларация эта была написана Михайловским, но авторство его осталось правительству неизвестным.

Практического значения декларация не имела.

Н. Н. Страхов (1828–1896)

Николай Николаевич Страхов родился в Белгороде. Его отец был магистром Киевской духовной академии, протоиереем и преподавателем словесности в Белгородской семинарии. После его смерти мальчик Николай был взят на воспитание братом матери, ректором казенно-подольской, а затем костромской семинарии. Страхов окончил курс в Костроме.

* См. И. И. Петрункевич. «Из записок общественного деятеля» (Прага, 1934, стр. 104–105).

В 1845 году он поступил на математический факультет Петербургского университета, а потом перешел на естественно-математический разряд Главного педагогического института и кончил курс там в 1851 году. Был учителем физики и математики в Одессе, потом преподавал естественную историю во второй петербургской гимназии.

В 1857 году Страхов защитил в Петербургском университете диссертацию на степень магистра зоологии и получил приглашение на кафедру зоологии в Казанский университет, но туда не поехал, не желая расстаться с Петербургом.

В 1860-х годах он сблизился с Достоевским и был сотрудником его журналов «Время» и «Эпоха». В 1873 году поступил библиотекарем юридического отдела Публичной библиотеки. В 1890-х годах состоял членом-корреспондентом Академии наук.

Страхов был убежденным гегельянцем. Высоко ценил «Логик» Гегеля и диалектический метод. «Это, — писал он, — вечный памятник человеческого гения... один из величайших образцов философской способности человечества».

Для Страхова гегельянство является предпосылкой философии истории, стремящейся понять индивидуальность народов. В частности, гегельянство лежит и в основе славянофильства, понимаемого в широком смысле слова. Представление об историческом развитии как о последовательной смене ряда образов духа, череды служивших духу народов Страхов считал неоспоримым приобретением философии истории, которым мы обязаны Гегелю. «Народный дух, — писал Страхов, — так назовем мы таинственную силу, от которой в глубочайшем корне зависят проявления человеческих душ».

В связи с этой концепцией Страхов сделался страстным поклонником идей Н. Я. Данилевского о различии культурно-исторических типов в развитии человечества. Книга последнего «Россия и Европа» вышла первым изданием в 1871 году.

Страхов считал себя религиозным человеком. Но это его мнение о себе требует оговорок. Профессор философии в Александровском лицее Э. Л. Радлов высказал проникновенное мнение, что Страхов понимал религию более умом, чем сердцем. И действительно, в одном из своих писем к Л. Н. Толстому Страхов признался, что он научился понимать религию только у Шопенгауэра.

У Страхова были большие философские способности. В нем «соединились все данные для того, чтобы написать крупное фило-

софское произведение: обширное и разностороннее образование, критическое дарование, вдумчивость и методическое мышление. Ему не хватало лишь истинного творчества, благодаря которому создается новое» (Радлов).

Страхов был близким другом и горячим поклонником Л. Н. Толстого. Между ними шла все время оживленная переписка. Пытался Страхов увлечь Толстого в гегельянство, но для Толстого оно было совершенно не приемлемо.

Наоборот, Страхов одно время подпал под влияние мистических идей Толстого.

В одном из писем к нему Страхов писал: «В нашем сознании сознает себя то вечное духовное начало, в котором — корень всякого бытия. Все от Бога исходит и к Богу ведет и в Боге завершается... я теперь отрицаю, что ум руководит историей, что она есть развитие идей».

Ф. М. Достоевский (1821–1881)

Федор Михайлович Достоевский и доныне вдохновляет философскую мысль. Метафизика истории имеет у него религиозную основу. Он считал, что по Божественному замыслу свобода человека является предпосылкой исторической диалектики. Проблеме добра («спасения») остро противопоставлена проблема зла.

Рационализм приводит к подавлению человеческой свободы («Легенда о Великом Инквизиторе» в «Братьях Карамазовых»). Выход для Достоевского — в свободном движении к воцерковлению культуры. Помимо христианской этики Достоевский верил в очищающую силу красоты. «Красота спасет мир». «Дух святой есть непосредственное понимание красоты, пророческое сознание гармонии и, стало быть, неуклонное стремление к ней».

Л. Н. Толстой (1828–1910)

В заключение своего романа «Война и мир» — этой грандиозной исторической панорамы — Толстой написал длинное рассуждение о философии истории. Большинство читателей не читало и не читают этого рассуждения. Почти все современники Толстого отнеслись к нему с недоумением и насмешкой. Тургенев в письме к своему другу Боткину охарактеризовал рассуждение

Толстого как шарлатанство самоучки. Надо сказать, что Тургеневу вначале не понравилась «Война и мир» и с художественно-литературной стороны, и только позже он преклонился перед гением Толстого как писателя.

Одним из немногих, кто серьезно отнесся к философии истории Толстого, был Кареев. В своей статье «Историческая философия графа Л. Н. Толстого» («Вестник Европы», 1887) Кареев внимательно рассмотрел взгляды Толстого, но не принял его выводы.

Двадцать лет тому назад новую оценку историософии Толстого дал Исая Берлин в своей статье «Исторический скептицизм Льва Толстого»*.

«Толстой, — пишет Берлин, — ощущал реальность в ее многообразии, как совокупность отдельных сущностей, вглубь которых он смотрел с редким проникновением, но сам верил только во всеобъемлющее единое целое».

Берлин подчеркивает то обстоятельство, что Толстой интересовался историей с раннего возраста. С точки зрения Толстого, история — сумма конкретных событий во времени и пространстве. К исследованию истории Толстой подходит в духе антиатеологических и антиметафизических мыслителей XVIII века.

Обратимся теперь к самому Толстому. «Предмет истории, — говорит Толстой, — есть жизнь народов человечества. Непосредственно уловить и описать жизнь не только человечества, но и одного народа, представляется невозможным».

Вслед за этим Толстой рассматривает, какие приемы употребляли историки, чтобы «уловить кажущуюся неуловимой жизнь народа».

«Для древних вопросы эти разрешались верою в непосредственное участие Божества в делах человечества». «Новая история отвергла верования древних, не поставив на их место новые воззрения, и логика положения заставила историков, мнимо отвергших Божественную власть царей и Фатум древних, прийти другим путем к тому же самому: к признанию того, что 1) народы руководятся единичными людьми, и 2) что существует известная цель, к которой движется человечество».

* Leo Tolstoy's Historical Scepticism. Oxford Slavonic Papers, 11/1951/, pp. 17–54.

«Казалось бы, что, отвергнув верования древних о подчинении людей Божеству и об определенной цели, к которой ведутся народы, новая история должна бы была изучать не явления, а причины, образующие ее. Но новая история не сделала этого. Отвергнув в теории воззрения древних, она следует им на практике».

С безжалостным сарказмом Толстой подытожил взгляды и приемы историков в своей сатирической пародии на их рассуждения.

«Вы хотите знать, что значит это движение (народов), отчего оно произошло, и какая сила произвела эти события? Слушайте: Людовик XIV был очень гордый и самонадеянный человек; у него были такие-то любовницы и такие-то министры, и он дурно управлял Францией. Наследники Людовика были слабые люди и тоже дурно управляли Францией. И у них были такие-то любимцы и такие-то любовницы. Притом некоторые люди писали в это время книжки. В конце XVIII столетия в Париже собралось десятка два людей, которые стали говорить о том, что все люди равны и свободны. От этого во Франции люди стали резать и топить друг друга. Люди эти убили короля и еще многих. В это же время во Франции был гениальный человек — Наполеон. Он везде всех побеждал, то есть убивал много людей, потому что он был очень гениален. И он поехал для чего-то убивать африканцев, и так хорошо их убивал и был такой хитрый и умный, что, приехав во Францию, велел всем повиноваться. И все повиновались ему. Сделавшись императором, он опять пошел убивать народ в Италии, Австрии и Пруссии. И там много убил. В России же был император Александр, который решил восстановить порядок в Европе и потому воевал с Наполеоном. Но в 1807 году он вдруг подружился с ним, а в 1811-м опять поссорился, и опять они стали убивать много народу, и Наполеон привел 600 тысяч человек в Россию и завоевал Москву; а потом он вдруг убежал из Москвы, и тогда император Александр, с помощью советов Штейна и других, соединил Европу для ополчения против нарушителя ее спокойствия. Все союзники Наполеона сделались вдруг его врагами, и это ополчение пошло против собравшего новые силы Наполеона. Союзники победили Наполеона; вступили в Париж; заставили Наполеона отречься от престола и послали его на остров Эльбу, не лишая его сана императора и оказывая ему всякое уважение, несмотря на то, что пять лет тому назад и год после того все его считали разбойником вне закона. А царствовать стал Людовик XVIII, над которым до тех пор и французы и союзники только

смеялись. Наполеон же, проливая слезы перед старой гвардией, отрекся от престола и поехал в изгнание. Потом государственные люди и дипломаты (в особенности Талейран, успевший сесть прежде других в известное кресло и тем увеличивший границы Франции) разговаривали в Вене и этими разговорами делали народы счастливыми или несчастными. Вдруг дипломаты и монархи чуть было не поссорились. Они уже готовы были велеть своим войскам убивать друг друга, но в это время Наполеон с батальоном приехал во Францию и французы, ненавидевшие его, тотчас же все ему покорились. Но союзные монархи за это рассердились и пошли опять воевать с французами. И гениального Наполеона победили и повезли на остров Елены, вдруг признав его разбойником. И там изгнанник, разлученный с милыми сердцу и с любимой им Францией, умирал на скале медленной смертью и передал свои великие деяния потомству. А в Европе произошла реакция, и все государства стали опять обижать свои народы».

«Странность и комизм этих ответов, — замечает Толстой, вытекают из того, что новая история подобна глухому человеку, отвечающему словами слов вопроса».

«Какая причина исторических событий? — Власть. Что есть власть? Власть есть совокупность воли, перенесенных на одно лицо. При условиях выражения лицом воли всех людей. То есть власть есть власть. То есть власть есть слово, значение которого нам непонятно».

Сам Толстой определяет власть как «такое отношение известного лица к другим лицам, в котором лицо это тем менее принимает участие в действии, чем более оно выражает мнения, предположения и оправдания совершающегося, совокупного действия».

«Движение народов производит не власть, не умственная деятельность, даже не соединение того и другого, как то думали историки, но деятельность всех людей, принимающих участие в событии и соединяющихся всегда так, что те, которые принимают наибольшее участие в событии, принимают на себя наименьшую ответственность, и наоборот».

Толстой считает, что к истории понятие причины не приложимо.

«Говоря о взаимодействии тепла и электричества и об атомах, мы не можем сказать, почему это происходит, и говорим, что это так должно быть, что это закон. То же самое относится и до исторических явлений. Почему происходит война или революция, мы

не знаем; мы знаем только, что для совершения того или другого действия люди складываются в известное соединение, в котором участвуют все; и мы говорим, что это так есть, потому что немислимо иначе, что это закон».

«Если бы история имела дела до внешних явлений, установление этого простого и очевидного закона было бы достаточно, и мы кончили бы наше рассуждение. Но закон истории относится до человека. Частица материи не может сказать нам, что она вовсе не чувствует потребности притягивания и отталкивания и что это не правда; человек же, который есть предмет истории, прямо говорит: я свободен и потому не подлежу законам. Присутствие хотя не высказанного вопроса о свободе воли человека чувствуется на каждом шагу истории».

«Если понятие о свободе представляется для разума бессмысленным противоречием, то это доказывает только то, что сознание не подлежит разуму».

Для Толстого в этом заключается главная загадка истории.

«Если бы воля каждого человека была свободна, то есть что каждый мог бы поступать как ему захотелось, то вся история есть ряд бессвязных случайностей... Если же есть хоть один закон, управляющий действиями людей, то не может быть свободной воли, ибо воля людей должна подлежать этому закону».

В реальной жизни «каждое действие человека представляется нам не иначе, как известным соединением свободы и необходимости».

В каждом рассмотренном действии мы видим известную долю свободы и известную долю необходимости. И всегда, чем более в каком бы то ни было действии мы видим свободы, тем менее необходимости, и чем более необходимости, тем менее свободы».

«Человек есть творение всемогущего, всеблагого и всеведущего Бога».

Из сознания свободы человека вытекает понятие о грехе («вопрос богословия»). Проявление Божества является, таким образом, для Толстого и законом истории.

Д. И. Менделеев (1837–1907)

Дмитрий Иванович Менделеев был ученый не только мощного ума, но и разносторонних знаний и интересов. В основном он

был натуралист (химик, физик, математик). Вместе с тем он глубоко продумал и ряд существенных проблем обществоведения.

В добавление к своим трудам по естествоведению он написал проникновенные статьи и по экономическим вопросам, проповедуя необходимость развития отечественной промышленности.

«Наука и промышленность — вот мои мечты». Но он придавал не менее важное значение и подъему сельского хозяйства.

Для своих исследований в области экономической жизни Менделеев широко пользовался статистическим материалом. В основу его последнего труда «К познанию России» положен анализ данных первой русской переписи 1897 года.

Во многих сочинениях Менделеева разбросаны историософские мысли и соображения. Подытожены они в его замечательных «Заветных мыслях», опубликованных в 1904 году. Тут Менделеев высказал основу своей философии истории. К характеристике ее мы теперь и обратимся*.

«В обыденном разговоре, — пишет Менделеев в первой главе «Заветных мыслей», — привыкли различать только идеализм от материализма, называя последний иногда реализмом. Слова имеют, конечно, всегда условный смысл, но согласно с самим происхождением, три названные слова представляют полное различие исходных точек представления, и реализм при этом должно поставить в середине».

К этому вступлению Менделеева коммунистический редактор сборника кандидат экономических наук В. Кириченко нашел нужным сделать такое примечание: «Утверждение Д. И. Менделеева о наличии особого, отличного от материализма и идеализма, идейного течения, названного им “реализмом”, является ошибочным. Основоположники марксизма показали, что существовали и существуют только два лагеря в философии: материализм и идеализм. Будучи материалистом, Д. И. Менделеев в понятие “реализм”, как правило, вкладывал материалистическое содержание».

По определению самого Менделеева, реализм «стремится выразить собою действительность с возможною для людей объективностью, т. е. по здравому смыслу, без окраски предвзятыми суждениями, которыми пропитан не только идеализм, но и мате-

* Д. И. Менделеев. Проблемы экономического развития России (Сборник статей, Москва, 1960).

риализм, и вот такой-то реализм лежит в основании всего естествознания, а от него и во всей совокупности развития современных мыслей... Истинный идеализм и истинный материализм представляют продукты древности, реализм же — дело новое сравнительно с длиною исторических эпох. Так, например, как идеализму, так и материализму свойственно стремление к наступательным войнам... а реализм всегда идет против всяких наступательных войн, стремится удалить противоречия, исходя из действительных обстоятельств, в государственной же жизни — от истории. Для идеализма греческого или китайского пошиба варварами считаются все те, которые не носят данного рода идеала. Для материализма новейшей эпохи, выражающегося ярче всего в англосаксонской расе, люди других цветов — индейцы, негры, китайцы, красного, черного, желтого цвета — варвары по существу, а так же по бедности, господствующей в среднем у этих народов. Для реализма все народы одинаковы, только находятся в разных эпохах эволюционного развития».

«Реализм присущ некоторым народам по преимуществу, как идеализм и материализм другим. И я полагаю, что наш русский народ, занимая середину старого материка, представляет лучший пример народа реального, с реальными представлениями. Это видно уже в том отношении, какое замечается у нашего народа ко всем другим, в его уживчивости с ними, в его способности поглощать их в себе, а более всего в том, что вся наша история представляет пример сочетания азиатских понятий с западно-европейскими».

Касаясь внутренней государственной политики, Менделеев придавал первенствующее значение потребности во всеобщем народном образовании. «Реализм ясно внушает в то же время, что общая народная образованность немыслима без известной степени накопления народного богатства... Дело развития и роста народного просвещения немыслимо без широкого развития науки вообще, а оно требует больших средств».

Мы видим таким образом, что теория реализма, положенная Менделеевым в основу философии истории, была для него вместе с тем и действительным рычагом для преобразования жизни русского народа.

Разработка всеобщей истории в конце XIX и начале XX веков

«Не будет парадоксом сказать, — писал в 1893 году один из крупнейших представителей науки всеобщей истории в России Виноградов, — что именно всеобщая история должна быть русской наукой. Русские имеют еще меньше права уединяться в своей отдельной национальной культуре, нежели англичане, французы или немцы... С другой стороны, если русским нужна и близка вся общая гражданственность человечества, то им нет основания связывать себя изучением одной какой-либо отрасли или науки».

В. И. Герье (1837–1919)

Основателем русской школы в области всеобщей истории был Владимир Иванович Герье*.

Герье родился в Москве. Учился в Московском университете. Ему довелось еще слушать Грановского и Кудрявцева. До конца своей жизни он относился к их памяти с благоговением. Был близко связан с семьей Станкевичей. На племяннице Н. В. Станкевича, Евдокии Ивановне Токаревой, Герье впоследствии женился.

По окончании университета Герье был оставлен при университете для приготовления к профессорской кафедре и вместе с тем сделался преподавателем литературы и истории в первом кадетском корпусе.

Темой для магистерской диссертации Герье взял «Борьбу за польский престол в 1733 году». Тема эта была внушена ему С. М. Соловьевым. Среди работ Герье этот его труд занимает особое место. Герье — преимущественно историк культуры, историк идей.

По-видимому, Соловьев считал, что Герье должен отдать дань и внешней дипломатической истории.

* О русской школе всеобщей истории см. В. Бузескул. «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (две части, Ленинград, 1929–1931).

Книга Герье вышла в свет в 1862 году — как раз ко времени, когда польский вопрос приобрел злободневное значение, — в 1863 году началось польское восстание.

После прочтения своего первого университетского курса Герье был командирован за границу. Провел около трех лет в Германии, Италии и Франции. Там он собирал материалы для своей докторской диссертации «Лейбниц и его век» (1868).

Герье поставил себе целью описать жизнь и деятельность Лейбница в связи с его эпохой и современным ему обществом. Герье стремился выяснить философские, религиозные и политические идеи Лейбница, его труды по разысканию архивных материалов и его сознание важности собирания и издания памятников культурной истории.

Когда Герье уже заканчивал свою диссертацию, он узнал, что в Ганновере имеется ценный материал, касающийся России и деятельности Петра. Он решил посвятить этому особый труд. Так возникла его книга «Отношения Лейбница к России и Петру Великому» (1873). Вслед затем Герье издал «Сборник писем и материалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому» (1873).

Герье чувствовал влечение к философии истории. Введением к его первому университетскому курсу послужил очерк развития исторической науки, тогда же напечатанный.

По существу это опыт философии истории. Через полвека Герье переработал этот очерк и издал его под заглавием «Философия истории от Августина до Гегеля». В этом очерке Герье высказался против применения к истории методов точных наук. «История, — писал он, — всегда будет допускать субъективное творчество и будет приближаться к искусству... В жизни народов играют главную роль не климат, не пища и физические условия, а такие силы, о которых не может дать отчет никакой естествоиспытатель. Какое, например, громадное влияние имеют на судьбу народов и на ход цивилизации идеи».

В 1885 году Герье приступил к чтению лекций в качестве приват-доцента. Впоследствии, уже по получении профессорской кафедры, он читал курсы сначала по средневековой истории, потом по римской и новой.

Один из его слушателей 1899 года, М. О. Гершензон вспоминал впоследствии: «Каждая лекция Герье — праздник. Я бы,

кажется, не устал слушать Герье пять часов» (это было написано уже после смерти Герье).

Помимо своих диссертаций Герье написал целый ряд ценных книг и статей, относящихся ко всему протяжению всеобщей истории.

По римской истории отмечу сборник его трех статей «Август и установление римской империи» (1877). Двадцать лет спустя он написал статью «Научное движение в области древнейшей римской истории».

По истории средневековья Герье в течение ряда лет написал серию статей, преимущественно о средневековом мирозерцании. Потом он объединил эти статьи под общим заглавием «Зодчие и подвижники Божьего царства» (три части 1910–1916). Первая часть посвящена блаженному Августину. Вторая и третья западному монашеству и папству. К этой серии примыкает и его очерк «Франциск, апостол нищеты и любви» (1908).

Основная точка зрения Герье состоит в противопоставлении папства и св. Франциска.

«Чем более западная церковь успевала в своем стремлении подчинить себе мир и управлять им, чем более ей удавалось становиться “Божьим царством” на земле, тем более она сама превращалась в земное царство».

Этот исторический и психологический парадокс, говорит Герье, «составляет сущность средневековой истории и обуславливает собой вечный интерес, ей присущий».

Специальностью Герье в области новой истории был XVIII век — старый порядок, эпоха Просвещения и французская революция. Сюда относится его статья 1873 года «Республика или монархия установится во Франции». Написана она была в связи с его университетским курсом этого года. Франция переживала тогда, после разгрома ее пруссаками и поражения Парижской Коммуны 1870 года, тяжелый кризис, и политическое будущее было неопределенно.

В 1876 году начало выходить произведение французского историка И. Тена «Происхождение современного строя во Франции».

По мере выхода отдельных частей этого произведения Герье знакомил с ним русскую публику на страницах «Вестника Европы», а затем, переработав их, составил книгу «Французская революция в освещении И. Тена» (1911).

В 1884 году Герье напечатал книжку «Понятия о власти и народе в наказах 1789 года».

Герье идеализировал французскую революцию. В конце 1870-х годов он писал, что «1789 год всегда будет считаться одним из замечательных памятников на пути человечества к гражданскому прогрессу... Французская революция имеет для историка важное значение с четырех существенных сторон. Во-первых, она является местным результатом европейской культуры XVIII века; далее, революция была катастрофой феодального порядка; в то же время она была довершением централизации и объединения Франции и наконец, ее декларация прав сделалась великой хартией европейской демократии».

За долгие годы преподавания Герье в Московском университете несколько поколений будущих русских историков прослушали его лекции и работали в его семинарах. В этом смысле у него было много учеников и академических внуков и правнуков. В более узком смысле самыми выдающимися его учениками были В. О. Ключевский, Н. И. Кареев, П. Г. Виноградов и А. А. Кизеветтер.

Герье был убежденным сторонником высшего женского образования. В 1871 году он ходатайствовал перед Министерством народного просвещения об открытии при Московском университете Высших женских курсов под его руководством. Ректор университета, историк С. М. Соловьев, поддержал это ходатайство. На этих курсах преподавались только гуманитарные науки. В числе профессоров, которых Герье привлек к преподаванию, было два молодых историка — Кареев и Виноградов. Оба были его учениками*.

В 1888 году Министерство народного просвещения издало приказ о закрытии всех женских курсов в России. Закрыты были и курсы Герье. Уцелели только Бестужевские высшие женские курсы в Петербурге.

Герье не мог примириться с гибелью его детища и продолжал исподволь подготавливать почву для восстановления Высших женских курсов в Москве.

* См. С. А. Сатина. «Образование женщин в дореволюционной России» (Нью-Йорк, 1966), стр. 76–77.

В сентябре 1900 года курсы были открыты на новых, прочных основаниях и подчинены попечителю Московского учебного округа. Герье был назначен их директором.

Курсы разделялись на два факультета — историко-филологический и физико-математический. Большая часть преподавателей были профессора Московского университета. Курс был четырехлетний.

С октябрьской революцией 1917 года Герье примириться не мог.

Ему было уже 82 года. Он почувствовал себя выбитым из колеи жизни. У него больше не было сил жить. В 1919 году он умер.

Древняя история

М. С. Куторга (1809–1886)

Герье занимался и древней, средневековой и новой историей. Первым самостоятельным исследователем в области древнегреческой истории был Михаил Семенович Куторга. Окончив Петербургский университет, он в 1827 году вступил в профессорский институт при Дерптском университете. Затем был командирован за границу, слушал лекции в Париже, в Гейдельберге, в Мюнхене и Берлине.

Прекрасно подготовившись, он в 1835 году получил кафедру в Петербургском университете.

Куторга интересовался главным образом историей Афинской Республики. Этой истории (от убийства Иппарха до смерти Мильтиада) он посвятил первый из своих главных трудов (1848).

Большое внимание Куторга уделял хронологии. На его разысканиях в этой области основан второй главный его труд «Персидские войны, критические исследования событий этой эпохи древней греческой истории» (1858).

Истории Греции он придавал особенное значение для нас, русских, ибо «она служит к точнейшему уразумению нашей народности». «Древний мир не умер и не был уничтожен ни германцами, ни славянами; он существовал и действовал, только в измененном виде и на более обширном пространстве. Византийско-славянская история есть прямое, не прерванное продолжение истории эллинизма с переродившимися посредством христианст-

ва началами... изучая историю древних греков, мы изучаем историю своих древних праотцов».

В позднейшее время наиболее выдающимся историком древнего мира был М. И. Ростовцев. О нем будет сказано в другой связи (в главе XXX «Археология и история искусств»).

Средневековье

В. Г. Васильевский (1838–1899)

Старейшим из крупных русских историков средневековья (к средневековью относится и история Византии) был Василий Григорьевич Васильевский (1838–1899)*.

Васильевский был сыном сельского священника Ярославской губернии. В 1852 году поступил в среднее отделение Ярославской духовной семинарии, а в 1856 году переехал в Петербург и был принят стипендиатом в Главный педагогический институт. Через три года он перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета. После окончания его он был отправлен за границу для приготовления к профессоруре. Слушал профессоров Моммзена и Дройзена в Берлине и Адольфа Шмидта в Йене.

По возвращении из-за границы, не имея достаточных средств, взял место учителя русской словесности в новгородской гимназии. В том же году был перемещен преподавателем истории и географии в виленскую гимназию.

В Вильне Васильевский помимо преподавания в гимназии начал работать над своей диссертацией, а кроме того, занялся собиранием и изучением материалов по истории Вильны. Основанный на этом его труд был издан в 1872 году под заглавием «Очерк истории города Вильно» (два тома).

Магистерскую диссертацию он написал на тему «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка». Защитил ее в конце 1869 года.

* Краткая биография его есть в «Материалах для биографического словаря действительных членов Академии наук», часть 1.

В марте 1870 года Васильевский был утвержден в должности доцента Петербургского университета, в 1879 г. произведен в экстраординарного профессора, в 1884 г. — в ординарные, а в 1895 году получил звание заслуженного профессора.

В 1879 году Московский университет почтил его степенью доктора истории *honoris causa*.

С 1876 г. Васильевский состоял членом-корреспондентом Академии наук. В 1890 году он был избран действительным членом академий. Такова его жизненная канва.

Научное наследие Васильевского чрезвычайно ценно и разнообразно по тематике и подходу к историческим проблемам.

В течение почти тридцати лет он читал в Петербургском университете общий курс средней истории, избрав Византию предметом своих специальных занятий.

Первым крупным трудом Васильевского в области византиноведения было исследование «Византия и печенеги» (1872). Статья эта произвела сильное впечатление в ученом мире. С нее начинается неуклонный — до 1920 года — подъем русской византинологии.

Из других солидных работ Васильевского отмечу его «Материалы для внутренней истории Византийского государства» (1879) и «Русско-византийские исследования» (1893). В этом очерке помещены жития св. Георгия Амистридского и Стефана Сурожского (славяно-русский текст).

После смерти Васильевского Академия наук постановила издать его избранные труды. Вышло четыре тома (1908–1930).

Ф. И. Успенский (1845–1928)

Федор Иванович Успенский родился в семье священника в погосте Горки Галичского уезда Костромской губернии 7 февраля 1845 года *.

* Краткая биография Ф. И. Успенского напечатана во второй части «Материалов для биографического словаря действительных членов Академии наук» (Петроград, 1917). См. также сборник «Памяти академика Ф. И. Успенского» (Ленинград, 1929). Там биобиблиография Успенского и статьи об его научной деятельности Бузескула и Жебелева. Краткий проникновенный некролог Успенского написал Н. П. Толль (*Seminarium Kondakovianum*, Прага, 1928, стр. 328.)

Первоначальное обучение Успенский получил в доме своего отца и в 1854 году поступил в Галичское духовное училище, откуда поступил в Костромскую духовную семинарию, курс которой окончил в 1866 году. Через год отправился в Петербург и поступил в университет на историко-филологический факультет. Ему дали стипендию.

Свои студенческие годы он описал в своих воспоминаниях о пребывании в университете (Журнал «Дела и дни», 1920, 1).

В университете Успенский занимался греческим языком и литературой у профессора К. Я. Люгебиля. Главными его учителями были В. И. Ламанский и Бестужев-Рюмин. Среди близких ему товарищей-студентов были два сына декана факультета академика И. И. Срезневского — Владимир и Вячеслав Измайловичи.

Через них Успенский и еще некоторые студенты стали вхожи в семью декана и были иногда приглашаемы на вечерний чай. Это создавало дружеские отношения между профессорами и студентами.

По окончании университетского курса Успенский был оставлен при кафедре русской истории.

В 1872 году вышла в свет первая печатная его работа «Первые славянские монархии на северо-западе».

Магистерскую диссертацию Успенский написал на тему «Византийский писатель Никита Акоминат из Хон». Через два года после этого Успенский был назначен доцентом на кафедру всеобщей истории в Одесском университете.

Дальнейшая его жизнь отчетливо делится на два периода — одесский (1874–1894) и константинопольский (1894–1914), в качестве директора Русского археологического института.

Докторскую диссертацию Успенский написал на тему «Образование второго Болгарского царства» (1879).

В 1893 году он был избран членом-корреспондентом Академии Наук, а в 1900 г. — ординарным академиком.

Успенский был не только выдающимся историком, но также и археологом. Принимая деятельное участие в археологических съездах и сам производил раскопки древностей (особенно в Константинопольский период его жизни).

Очень значительна была роль Успенского в создании «Византийского временника» (начал выходить в 1894 году). Это был первый в международном масштабе журнал византиноведения. Успенский был его бессменным редактором. Он был окружен сон-

мом сотрудников — византиноведов и специалистов по родственным наукам (славяноведение, археология, востоковедение).

Ученые труды Успенского многочисленны и разнообразны. Упомяну только важнейшие из них (о двух его диссертациях — магистерской и докторской было уже сказано выше).

Большой интерес представляют его «Очерки по истории византийской образованности» (1891). По широте и постановке вопроса — это одно из лучших произведений Успенского.

«Здесь перед нами и богословское и философское движение, умственная жизнь византийского общества XI–XIV веков, и политические мотивы, их связь и взаимодействие; европейский Восток, и Запад, и Россия» (Бузескул).

Более общего характера, скорее научно-популярного, была его «История крестовых походов» (1900).

Мечтою Федора Ивановича стало после этого написать общую историю Византии. Первый том его труда «История Византийской империи» появился в 1913 году в роскошном издании фирмы Брокгауза и Ефрона. После длинного промежутка времени вышла в свет первая половина II тома.

Третий том (от 1081 года до конца Византийской империи) остался в рукописи.

16 октября 1914 года Турция присоединилась к центральным державам и порвала отношения с Россией. Успенский вынужден был спешно уехать из Константинополя, оставив на произвол судьбы основанный им Русский археологический институт и почти все свое личное имущество. Он вернулся в Петербург.

Летом 1916 года и вторично летом 1917 года Успенский был командирован с научной целью в Трапезунд. Плодом его разысканий там был последний его значительный труд «Очерки по истории Трапезундской Империи» (издан посмертно в 1929 году).

В 1922–1927 годах Федор Иванович читал лекции по истории Византии в Петербургском университете.

Скончался он 10 сентября 1928 года.

М. М. Ковалевский (1851–1916)

Максим Максимович Ковалевский родился в Харькове в богатой дворянской семье. Отец его был участником войны 1812 года, последующих сражений и взятия Парижа. По окончании войны был избран уездным, потом губернским предводителем

дворянства. Мать — умная образованная женщина с эстетическими наклонностями. Она беззаветно любила своего единственного сына*.

Мать вдумчиво воспитывала Максима. Уже в детстве и юности Максим овладел французским, немецким и английским языками (позже, уже взрослым, он выучился итальянскому и испанскому). Мать пробудила в Максиме интерес к истории. Под ее влиянием он много читал.

Не имея еще семнадцати лет, Максим Максимович поступил в Харьковский университет. На историко-филологическом факультете историю преподавал бездарный профессор. Ковалевский поэтому поступил на юридический факультет. Там его учителем и вдохновителем сделался талантливый профессор международного и государственного права Д. И. Каченовский (из той же самой семьи, что раньше дала представителя скептической школы русской истории М. Т. Каченовского).

«Преподавание международного права, — пишет Ковалевский в своей автобиографии, — поставлено было им (Каченовским) так хорошо, что много лет спустя я с помощью одних его лекций мог подготовиться к магистерскому экзамену по этому предмету».

Максим Максимович часто говаривал, «не было бы Каченовского, не было бы и Ковалевского».

Каченовский умер в год окончания Ковалевским университетского курса (1872).

Ковалевский поехал за границу, прежде всего в Берлин, где пользовался советами Гнейста и Бруннера, а затем в Париж. Под руководством французских ученых Ковалевский учился приемам изучения источников в Школе хартий.

Из Парижа Ковалевский направился в Лондон для занятий в Британском музее.

В Англии он познакомился с несколькими выдающимися английскими учеными — Мэном, Спенсером, Брайсом, а также с Карлом Марксом.

На основании собранных им материалов, не только печатных, но и неизданных, Ковалевский написал свою магистерскую диссертацию «История полицейской администрации и полицейского

* Автобиография М. М. Ковалевского напечатана в «Материалах для словаря действительных членов Академии наук, том II. 1917. См. также Бузескул. «Всеобщая история», часть 1 (Ленинград, 1929), стр. 201–218.

суда в английских графствах с древнейших времен до смерти Эдуарда III». В виде отдельного приложения он выпустил сборник неизданных до тех пор актов и документов, служащих к характеристике английской полицейской администрации в XII, XIII и XIV веках.

Будучи в Англии, Ковалевский начал собирать материал и для своей докторской диссертации «Общественный строй Англии в конце средних веков». Ковалевскому пришлось быть пионером в этой области — тогда еще не было серьезных работ по этому вопросу.

По защите диссертации Ковалевский получил профессиру на юридическом факультете Московского университета по кафедре государственного права.

К теории права и правоведению Ковалевский не чувствовал склонности. Он изучал государство и общество в их историческом аспекте. Вдобавок он живо интересовался этнографией и обычным правом.

Вскоре после получения профессиры Ковалевский получил научную командировку за границу на два года.

Он поехал сначала в Италию и Испанию, где обследовал главные библиотеки и архивы, а затем в Америку. По возвращении в Москву Ковалевский вместе с Всеволодом Миллером совершил несколько поездок на Кавказ для изучения быта туземного населения. Результатом этих поездок были ценные труды Ковалевского «Современный обычай и древний закон», «Обычное право осетин» (1886) и «Закон и обычай на Кавказе» (1890).

В петербургских правительственных кругах Ковалевского считали «неблагонадежным» и опасались его «вредного влияния» на молодежь. В 1887 году министр народного просвещения Делянов уволил Ковалевского «по 3-му пункту», что лишало его права вообще преподавать в русских университетах.

Ковалевский уехал за границу, жил частью во Франции, частью в Италии, временами посещал Англию и Америку. Изредка ездил в Россию.

В Париже Ковалевский основал Русскую высшую школу общественных наук.

В то же время он ездил читать лекции в ряде европейских университетов и в Америке.

В Чикаго он прочел курс о русских политических учреждениях; в Лондоне об иранской культуре на Кавказе; в Стокгольме — о происхождении семьи и собственности.

В 1905 году Ковалевский вернулся в Россию и читал лекции в Петербургском университете. В 1906 году он был избран членом первой Государственной думы, а потом и членом Государственного совета (по курии академии наук и университетов).

В 1914 году был избран действительным членом Академии наук.

Умер в 1916 году.

Важнейшими трудами Ковалевского (помимо работ московского периода его жизни) являются «Происхождение современной демократии» (четыре тома, 1895–1897); «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (три тома, 1878–1903); и «От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (три тома, 1906).

В основе своего научного творчества Ковалевский был не юрист, а историк и социолог. Историко-критический метод является в его глазах не только средством к построению новой науки естественного роста человеческих обществ, (описательная социология), но и необходимым приемом изучения истории права того или другого народа.

При разнообразии и большом количестве его трудов понятно, что в них есть немало промахов, неточностей и ошибок. Но это заслоняется их достоинствами.

П. Г. Виноградов (1854–1925)

Павел Гаврилович Виноградов родился в Костроме. Отец его, сын суздальского священника, был преподавателем истории, а затем директором костромской мужской гимназии. Впоследствии перешел в Москву директором первой мужской гимназии, а потом был начальником всех женских гимназий ведомства императрицы Марии.

Мать, Елена Павловна, урожденная Кобелева (дочь генерал-лейтенанта П. Д. Кобелева, участника войны 1812 года)*.

До двенадцати лет Павел воспитывался дома под руководством матери. Еще в детстве он приобрел хорошее знание иностранных языков.

* Автобиография Виноградова напечатана во II томе «Материалов для словаря действительных членов Академии наук» (1917).

Затем он учился в первой московской гимназии. В гимназические годы Виноградов интересовался западноевропейской литературой и философией, в особенности же европейской историей.

В 1871 году поступил в Московский университет с твердым намерением заниматься всеобщей историей. Руководителем его университетских занятий был Герье. Виноградов слушал его лекции уже на первом курсе и работал в его семинаре. Много читал по европейской истории. Был впечатлен трудами Токвилля и Ранке. Ознакомился также с главной литературой по праву и политической экономии. Свое студенческое медальное сочинение Виноградов написал на тему «Землевладение Меровингов».

По окончании университета Виноградов поехал на два года в Германию. В Берлине он с увлечением занимался в семинаре Моммзена. Впоследствии он называл эти занятия главным научным вдохновением его жизни.

В 1878 году поехал в Италию, чтобы собрать материал для своей магистерской диссертации. Темой ее он наметил происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. В этом своем труде он обнаружил корни феодальных отношений еще в Римской империи III и IV веков.

Первая глава книги посвящена образованию колоната; вторая — Лангобардскому завоеванию; третья — политическому строю Лангобардского королевства; четвертая — общественному строю.

Диссертацию эту он защитил в 1880 году.

Для докторской диссертации Виноградов решил взять тему по социальной истории Англии в средние века. Отправной датой этого исследования был XIII век, так как английский средневековый строй этого времени поддается наиболее точному изучению. Он привлек для этой цели огромное количество архивного материала.

Виноградов пришел к выводу, что феодальный строй объясняется не столько развитием крепостных отношений, сколько вырождением общественной организации свободного села.

По возвращении в Россию Виноградов напечатал свою диссертацию в журнале Министерства народного просвещения, потом собранными в отдельную книгу («Исследование по социальной истории Англии в средние века»).

Докторскую диссертацию он защитил в 1887 году.

К тому времени Виноградов был уже экстраординарным профессором Московского университета. Через два года он получил

ординатуру. Он читал курсы истории Греции и средних веков и вел соответствующие семинары. По всем отзывам и воспоминаниям особенно ценны были его семинары.

К этому времени Виноградов был уже женат. С Виноградовым очень дружил Милюков. Но когда Милюков женился и не уведомил об этом сразу Виноградовых, жена последнего отказалась принимать у себя жену Милюкова. Тогда, естественно, Милюков тоже перестал у них бывать. С самим Милюковым Виноградов сохранил дружеские отношения*.

В 1891 году Виноградов опять поехал в Англию. Там, по приглашению Оксфордского университета, он прочел курс лекций на тему о славянофильстве и его влиянии на русскую культуру.

В 1892 году вышла в Оксфорде его книга «Villainage in England» («Крестьянство в Англии») — переработанная и расширенная его докторская диссертация. Русский извод ее был напечатан в Петербурге в 1910 году.

В 1895 году Виноградов был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1914 году — ее действительным членом.

В конце 1901 года в Московском университете произошли студенческие беспорядки.

Виноградов был избран председателем университетской комиссии по студенческим делам. Им была составлена записка по этому поводу, которую подписало много профессоров. План Виноградова был отвергнут министром народного просвещения Вановским. Тогда Виноградов вышел из состава профессоров университета и уехал за границу.

В 1903 году он был приглашен Оксфордским университетом на кафедру сравнительного правоведения.

Осенью 1908 года, а затем весной 1910 года Виноградов приезжал в Москву и читал в качестве сверхштатного профессора лекции по истории правоведения и социальной истории Англии в средние века.

Но когда в 1911 году министр народного просвещения Л. А. Кассо незаконно уволил ректора, помощника ректора и проректора университета, Виноградов вместе со многими другими профессорами подал в отставку и больше в Россию не приезжал.

Судьбе угодно было, чтобы после большевистского переворота и гражданской войны Россия — в лице ряда ученых и

* См. Воспоминания Милюкова, том 1 (Нью-Йорк, 1955), стр. 132–133.

политических деятелей — приехала к Виноградову в Лондон, и он не мог не принять участие в русских делах.

Ближайшим к Виноградову лицом из новоприехавших был Михаил Иванович Ростовцев. Ростовцев был одним из основателей Русского комитета освобождения. Одной из форм деятельности этого комитета было издание антикоммунистических брошюр. Виноградов примкнул к этому движению.

Вслед затем Виноградов принял участие в большом международном научном предприятии Фонда Карнеги в Америке — «Экономическая и социальная история мировой войны» (первой). Виноградов согласился быть редактором томов, посвященных России. Помощником себе он пригласил М. Т. Флоринского. Виноградов обсудил с ним программу русской серии, наметил авторов отдельных томов и вошел с ними в переписку.

До начала издания Виноградов не дожил. Дело закончил Флоринский.

Ю. А. Кулаковский (1855–1920)

Юлиан Андреевич Кулаковский был сыном священника г. Поневежа Ковенской губернии.

Среднее образование он получил в виленской гимназии, а затем поступил в Катковский лицей в Москве, потом в Московский университет.

Послан был в научную командировку в Берлин, работал там под руководством Моммзена. Разбирал эпиграфические тексты.

Моммзен оказал сильное влияние на научное творчество Кулаковского*. После смерти Моммзена посвятил ему статью, написанную с большим чувством (журнал Министерства народного просвещения, 1904).

Первые работы Кулаковского касались наделения ветеранов землей и военных поселений в Римском государстве.

Магистерскую диссертацию Кулаковский написал на тему об общественных организациях, которые играли важную роль в социальной, экономической, политической и религиозной римской жизни — «Коллегии в Древнем Риме» (Киев, 1882).

* См. В. Бузескул. «Всеобщая история и ее представители в России», часть II (Ленинград, 1931), стр. 202–204.

С начала 1880-х годов Кулаковский начал преподавать римскую историю в Киевском университете, сперва в звании приват-доцента, а потом профессора.

Докторская диссертация Кулаковского была озаглавлена «К вопросу о начале Рима» (Киев, 1888).

Несмотря на все свое благоговение перед Моммзеном, Кулаковский разошелся с ним в вопросе об этрусском владычестве. Моммзен отрицал этрусское влияние, Кулаковский придавал большое значение этрускам.

Главный труд Кулаковского — «История Византии» (3 тома, Киев, 1910–1915). Кулаковский начинает свое изложение с 395 года и доводит его до 717 года. Это один из лучших обзоров византийской истории в русской научной литературе. Очень ценен также его очерк «Аланы по сведениям классических и византийских писателей» (Киев, 1899).

Кроме того, Кулаковский написал превосходную книгу «Прошлое Тавриды» (2-е издание, Киев, 1914).

В предисловии к «Истории Византии» Кулаковский так определяет задачу своего труда: «Моей целью было представить последовательную, точную в хронологическом отношении и по возможности полную картину жизни империи на основании непосредственного изучения свидетельств источников в уровень современной разработки материала, как она дана в монографиях, относящихся к этому периоду, а также и в многочисленных исследованиях по отдельным частным вопросам, появлявшихся в разных периодических изданиях, посвященных византиноведению. Так как империя жила под мощным воздействием старого принципа слияния церкви и государства, то в своем изложении я старался уделять равное внимание событиям как политической, так и церковной жизни Византии».

Кулаковский был поклонником римской государственной религии. К историческому христианству он относился отрицательно, считая, что христиане расшатывают устои Византийского государства. На эту тему он прочел публичную лекцию, которая была напечатана в «Киевских университетских известиях». Эта лекция вызвала яростные нападки на него со стороны некоторых кругов киевского общества, в особенности со стороны некоторых профессоров Киевской духовной академии. Его прозвали «Юлианом Отступником» — пародия на прозвище римского императора Юлиана (331–363). Христиане прозвали императора Юлиана

«Отступником», так как он стремился одухотворить язычество и создать на его основе новую философскую религию и потому преследовал христиан.

И. М. Гревс (1860–1941)

Иван Михайлович Гревс родился в имении своего отца близ села Лутовинова, Бирючинского уезда, Воронежской губернии*.

Родители его оба были родом из-под Харькова. Отец его, Михаил Михайлович Гревс, был потомком английского выходца, поступившего на русскую службу при Петре Великом. В молодости он был военным. Во время Крымской войны был ранен в Севастополе и вышел в отставку в чине поручика.

Мать, Анна Ивановна, рожденная Бекарюкова, отдала все силы на воспитание детей (у Ивана были брат и сестра).

До двенадцати лет Иван учился дома. Учителя-студенты не были талантливы и оказали мало влияния на ученика. Все же, вероятно, по их советам Иван прочел «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова и «Фрегат Паллада» Гончарова. Гревс и позже любил читать о путешествиях и сам любил путешествовать.

В 1872 году мать переехала с детьми в Петербург. Через год Иван поступил в III класс Ларинской классической гимназии. В те годы большинство средних учебных заведений в России были очень плохи: царствовал формализм, со стороны учителей ученики встречали грубость и равнодушие. Выделялся на этом черном фоне учитель русского языка Виктор Петрович Остроградский. Уроки его были увлекательны и будили молодую мысль.

По окончании гимназии осенью 1879 года Гревс поступил в число студентов Петербургского университета. Это было тревожное время — покушений революционеров на Александра II и казней захваченных преступников.

Гревс сочувствовал революционерам. К этому времени он уже осознал в себе склонность к истории, но в течение всего первого курса не мог выбрать себе ближайшего руководителя своих занятий.

* См. Е. Ч. Скржинская. «И. М. Гревс. Библиографический очерк» (приложение к посмертно изданной книге И. М. Гревса «Тацит», Москва–Ленинград, 1946).

В начале второго курса выбор был сделан. Гревс обратился к В. Г. Васильевскому и сделался его верным учеником, а затем и другом.

Под влиянием Васильевского Гревс и стал медиевистом. Васильевский не был блестящим лектором. К его тяжелой, иногда неуклюжей фразе надо было привыкнуть. Но все искупалось содержанием его лекций. У Васильевского студенты «учились науке».

Для получения степени кандидата первого разряда студент должен был написать медальное сочинение. Темы объявлялись за год или два до срока представления работы. Гревс выбрал тему о «Римско-византийском государстве по законодательным сборникам V–VI веков» и на университетском акте 8 февраля 1884 года получил медаль.

Гревс был оставлен при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессуре.

Кроме подготовки к магистерским экзаменам он начал давать уроки по истории в старших классах гимназий (мужских и женских) и кадетских корпусов.

Гревс преподавал там с увлечением и продолжал это преподавание и позже, когда уже сделался профессором университета.

В конце своего студенчества и в последующие за этим годы Гревс нашел кружок близких ему по духу людей. Принял участие в студенческом Научно-литературном обществе и примкнул к дружескому сообществу, образовавшему так называемое «Братство Приютино»*. В этом сообществе состояло несколько студентов Петербургского университета — историки, филологи, юристы, естественники. В кружок входили братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги, А. А. Корнилов, В. И. Вернадский, Д. И. Шаховской и еще несколько человек.

В 1885 году Гревс женился на Марии Сергеевне Зарудной, дочери известного деятеля судебной реформы 1860-х годов.

«Братство, — пишет Гревс в своих воспоминаниях, — представляло собою факт из жизни тесной группы людей, выросшей в области моральных отношений, но в нем присутствовал и сильный элемент общественности. Братство наше стремилось крепко сплотиться в единый, внутренне целый союз; но монастырская замкнутость в нас не жила никогда. Мы стремились не к

* Гревс. «В годы юности». Былое, № 12, (1918) и № 16, (1921). См. также: Г. В. Вернадский. «Братство Приютино». «Новый журнал», 83. (1968).

самодовлению, а, так сказать, к социальному синтезу... (мы старались) служить прогрессу родины созидательной работой мирных культурных сил».

В результате Гревс, как он сам говорил, избавился «от тисков чуждых мне по духу революционных групп того времени».

По выдержании магистерских экзаменов и получении звания приват-доцента Гревс летом 1889 года совершил свою первую поездку за границу. Европа произвела на него очень сильное впечатление. Пребывание в Париже окончательно склонило Ивана Михайловича в сторону романского средневековья.

Фюстель де Куланж только что умер, но имя его во французских академических кругах было еще у всех на устах.

Позже Гревс говорил, что считает Фюстель де Куланжа одним из своих учителей.

Вернувшись в Россию, Гревс приступил к чтению лекций в качестве приват-доцента. Первый свой курс он читал по истории государства и общества в период падения Римской империи. Через два года (в 1892 году) состоялась его вступительная лекция на Высших женских курсах.

Когда заболел Васильевский, университет поручил Гревсу чтение общего курса по средним векам.

В 1899 году в Петербургском университете произошли бурные студенческие волнения. Полиция начала арестовывать и ссылая «бунтовщиков». Подвергались репрессиям и сочувствующие учащейся молодежи профессора. В числе других уволен был из университета и Гревс. Восстановлен он был в правах в 1902 году.

В это время Гревс уже приступил к писанию своей магистерской диссертации. В окончательном виде она выявилась как первый том «Очерков из истории римского землевладения».

Книга базируется на генетическом принципе: социально-экономическая история римского мира, в особенности ее поздняя фаза, рассматривается как почва, на которой вырос средневековый строй. Построение, таким образом, ориентируется на будущее (к средневековью), хотя начинается издалека.

Центральными фигурами в «Очерках» были поэт Гораций (родился в 65 году до нашей эры) и писатель Помпоний Атик (родился в 109 году до нашей эры).

Диссертацию Гревс защитил в 1900 году. Официальными оппонентами были Н. И. Кареев и Ф. Ф. Соколов.

К этому времени у Гревса был почти готов II том «Очерков», который он начал писать для своей докторской диссертации. В этом томе Гревс предполагал выяснить вопрос о причинах падения Римской империи. Но случилось так, что к этому времени немецкий ученый Отто Гиршфельд опубликовал в одном немецком журнале статистику римского землевладения в императорскую эпоху — богатый, свежесобранный и до него никем не использованный материал.

Труд Гревса не только заключал в себе статические данные, но давал широкую историческую картину. Тем не менее Гревс не стал тогда писать второго тома. Он вернулся к этой работе только на закате своей жизни.

После первой русской революции Гревс отдал много сил университетской общественной деятельности. Участвовал в съездах всероссийского союза профессоров и выработке нового университетского устава и университетской автономии.

В преобразованных университетах Гревс был сторонником предметной системы преподавания. При Петербургском университете было создано пять семинаров, в том числе исторический. Каждый семинар был своего рода рабочим кабинетом — с обширной библиотекой и читальней при ней. Гревс положил много труда на устройство исторического семинара.

После Октябрьской революции для университетов настало трудное время. Возобладала школа М. Н. Покровского с ее девизом «история есть политика, отброшенная в прошлое». Преподавание истории в университетах замерло.

Только в 1934 году были восстановлены исторические факультеты и возобновлено научное преподавание истории. Гревсу стало возможно продолжать свое любимое дело. С введением научных степеней он получил звание доктора исторических наук.

Главное внимание Гревс обратил на работу с аспирантами (новый термин вместо прежнего оставленный при кафедре). Он никому не отказывал в советах и руководстве.

Умер Гревс 16 мая 1941 года, не дожив одного дня до возраста 81 года. Его жена и дочь Екатерина погибли в Ленинграде во время осады его немцами.

После защиты своей магистерской диссертации Гревс занимался изучением феодальной Франции, духовной культурой раннего Ренессанса, творчеством Данте; опубликовал ряд ценных статей на эти темы.

Обстоятельны и глубоки по содержанию большие статьи Гревса о феодализме во Франции (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 70, 1902) и в Италии (там же).

В 72-м полутоме Энциклопедического словаря Гревс поместил яркую статью о знаменитом французском историке Фюстель де Куланже, которого он причислял к своим учителям, как было уже об этом сказано.

Гревс с молодости любил Тургенева. У них было много созвучного.

О Тургеневе Гревс написал две книги — биографию его и вдумчивый, можно сказать, поэтический этюд «Тургенев и Италия» (1925).

В последние годы своей жизни Гревс вернулся к теме магистерской диссертации. Он переработал и дополнил «Очерки римского землевладения». Получился капитальный двухтомный труд. Гревс писал его с юношеским вдохновением и успел закончить. У меня нет сведений, был ли этот труд напечатан.

Последняя книга Гревса — «Тацит» (издана посмертно в 1946 году). Гревс считал Тацита лучшим римским историком.

У Гревса было много учеников — и по университету и по Высшим женским курсам. Далеко не все они избрали себе ученую карьеру.

Самые ему близкие из тех, кто пошел по ученой дороге, были Л. П. Карсавин, О. А. Добиаш-Рождественская и А. И. Петрушевич.

Д. М. Петрушевский (1863–1942)

Димитрий Моисеевич Петрушевский окончил историко-филологический факультет Киевского университета. Был учеником И. В. Лучицкого. Несколько позже он принимал участие в семинаре Виноградова в Москве, так что может считаться и учеником Виноградова.

1892 году он написал большую статью о книге Виноградова Villainage in England. В 1897–1901 появился главный труд Петрушевского «Восстание Уота Тайлера». В двух частях. Первую часть он представил как магистерскую диссертацию, вторую как докторскую.

После этого получил профессиру в Московском университете.

Петрушевский был вдумчивым руководителем семинара по средневековой истории.

К его манере читать лекции надо было привыкнуть. Он говорил довольно быстро, при этом часто закрывал рот рукой и отворачивался в сторону. Но слушатели быстро к этому привыкали, а по существу лекции его были очень содержательны (пишу об этом по моим личным воспоминаниям). В 1911 году вместе со многими своими коллегами Петрушевский ушел из Московского университета в виде протеста против незаконных действий министра народного просвещения Кассо. Он получил кафедру в Петербургском политехническом институте и переехал в Петербург. В 1929 году был избран действительным членом Академии наук.

Из многочисленных трудов Петрушевского помимо «Восстания Уота Тайлера» отмечу его превосходные «Очерки из истории Английского государства и общества в средние века (1903; четвертое издание 1937 года); «Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века» (1915).

К изучению общественного и экономического строя средневековой Англии Петрушевский подходил в историческом аспекте.

«Все общественные науки, — пишет он в введении к своим «Очеркам по истории английского государства и общества в средние века», — ориентируются на историю, вернее — сами являются составными частями ее как науки об общем и в то же время об индивидуальном».

«С успехом сравнительно-исторических изучений становилось все более ясным, что феодальный порядок не есть продукт местного, европейского средневекового развития, что феодальные явления можно наблюдать и в Древней Греции, и в Риме, и в обществах Древнего Востока, и у славянских народов, и у арабов, и в Японии, и в Китае. Феодализм переставал быть категорией чисто исторической и становился явно категорией социологической».

«История Римской империи бросает яркий свет на процессы политического и социального развития, совершавшегося в Московской Руси, а между тем, наука русской истории, можно сказать, совершенно игнорирует те в высокой мере назидательные поучения, которые ей щедрой рукой предлагает империя Диоклетиана и Константина. Достаточно сопоставить римский колонат с крепостным правом Московского государства, чтобы бросилось в

глаза поразительное сходство и самих этих институтов и тех причин, которые вызвали их в жизнь».

«Феодализм не означает, таким образом, разложения государственного единства, вполне совместим с широкой государственной организацией и даже представляет собою одну из ее разновидностей».

А. А. Васильев (1867–1953)

Александр Александрович Васильев родился в Петербурге. Отец его, подполковник армии, был начальником крепостной команды Петропавловской крепости, где Александр Александрович и провел первые годы своего детства*. Мать Александра Александровича — Ольга Александровна — происходила из купеческой семьи Челпановых.

В 1880 году Александр Александрович поступил во второй класс петербургской первой классической гимназии. Кончил гимназию в 1887 году с золотой медалью.

Из своих гимназических товарищей Васильев на всю жизнь сохранил дружбу с болгаринном В. Н. Златарским, будущим выдающимся византинистом и историком средневековой Болгарии.

По окончании гимназии А. А. Васильев поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Его руководителем был В. Г. Васильевский, кроме того, Александр Александрович на восточном факультете занимался арабским языком под руководством барона В. Р. Розена.

В 1892 году А. А. Васильев окончил университет с золотой медалью и получил место преподавателя латинского языка в той же гимназии, где сам учился.

Одним из однокурсников Васильева был М. И. Ростовцев, который сделался едва ли не самым близким другом Александра Александровича.

Через три года Васильев осознал, что служба в гимназии мешает продолжению его научных занятий. Он бросил уроки в гимназии и получил от университета заграничную командировку.

* См. Г. В. Вернадский. «А. А. Васильев». Аппалы Института имени Н. П. Кондакова. X, стр. 1–17 (с приложением списка трудов А. А. Васильева по 1937 год включительно).

Провел он за границей с перерывами три с половиной года (1897–1900).

Первый год командировки Васильев провел в Лондоне, затем занимался в Париже. Под конец, после недолгого пребывания в Вене, съездил в Прагу на чествование памяти Палацкого по случаю столетия со дня его рождения. Чествование прошло очень торжественно.

Второй год командировки Васильев провел на Ближнем Востоке. Штаб-квартирой его в это время был Русский археологический институт в Константинополе. Там он встретился с Ф. И. Успенским. Близких отношений между ними однако не установилось.

В Европе Васильев написал свою магистерскую диссертацию «Византия и арабы». Первый том послужил ему магистерской диссертацией (он защитил ее в 1901 году), а второй — докторской (защитил ее в 1902 году).

В 1904 году Александр Александрович был избран на кафедру всеобщей истории в Юрьевском университете ординарным профессором. Одновременно он был избран преподавателем средневековой истории в Женском педагогическом институте в Петербурге. Чтобы совместить эти две должности, Васильев два раза в месяц ездил из Юрьева в Петербург.

В 1906 году он ездил в качестве представителя Петербургского университета Юрьевского университета и Женского педагогического института в Австралию на юбилейные торжества по случаю пятидесятилетия Мельбурнского университета.

В 1917 году Васильев был избран профессором Петербургского университета, а в 1919 году — членом-корреспондентом Академии наук.

В 1918 году в Петербурге была образована Академия истории материальной культуры. Александр Александрович был избран ее членом и одно время был ее председателем.

В 1925 году ввиду трудных условий для научной работы в Петербурге (к тому времени — Ленинграде), в особенности для историков, Васильев принял предложение Висконсинского университета (в городе Мадисон, штат Висконсин) читать в течение одного учебного года общий курс древней истории. После первого года преподавания Васильев получил там профессиру.

В 1936 году Александр Александрович был избран членом (fellow) Американской средневековой академии (Medieval Academy) в Кембридже (Cambridge, Massachusetts).

По достижении предельного (в Висконсинском университете) возраста (1937) Васильев был приглашен ученым сотрудником в Византийский институт Гарвардского университета (Dumbarton Oaks), в Вашингтоне.

Васильев переехал в Вашингтон и продолжал там свою научную работу. Условия для этого были чрезвычайно подходящие — большая библиотека и собрание древностей. Кроме Васильева там собралось целое содружество крупных ученых, занимавшихся историей Византии и родственными дисциплинами.

У Васильева установились дружеские отношения со своими коллегами.

В конце 1952 года Васильев был приглашен на Византийский конгресс в Салониках (1953). Александр Александрович был избран почетным президентом конгресса, читал там доклад. Можно сказать, что этот конгресс прошел под знаком чествования Васильева.

Под этим впечатлением Васильев прилетел в Вашингтон. В первую же ночь по приезде он скончался во сне.

У Васильева было много учеников и учениц — и в России и в Америке. В числе тех из них, кто специализировался по византийской истории, могут быть упомянуты: М. А. Андреева (член *Seminarium Kondakovianum* в Праге), А. Ф. Вишнякова, Е. Ч. Скржинская, А. П. Смирнов, П. А. Яковенко, F. von Steinmann; в Америке — John S. Schneider, Miss Hozel Ramsay and Peter Charanis.

Обратимся теперь к обзору главных научных трудов Александра Александровича.

Первый из них появился в двух томах в 1901–1902 годах — «Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии» и «Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии».

Тридцать лет спустя Васильев пересмотрел и дополнил этот труд для французского издания. Оно появилось также в двух томах под заглавием «*Byzance et les Arabes*» (Брюссель, 1935–1950).

В дальнейшем работа Васильева пошла по двум направлениям. С одной стороны, он подготовлял общий курс византийской истории, с другой — писал специальные монографии.

В 1917 году Васильев издал в Петербурге свои «Лекции по истории Византии», том I (до эпохи крестовых походов). В Америке

Александр Александрович переработал и значительно расширил эти свои лекции.

Так создалась его монументальная английская история Византийской империи — *History of the Byzantine Empire, 324–1453*. Первое английское издание вышло в двух томах в 1928–1929 гг.

Через четыре года Васильев переработал и расширил текст для французского издания, которое появилось в Париже в 1932 году. Это французское издание Васильев снова переработал для второго английского издания, которое было напечатано в Мадисоне в 1952 году.

Я привожу эти подробные библиографические сведения потому, что они ценны для характеристики Васильева как ученого. Он никогда не останавливался на месте, а все время пытливо и неустанно шел вперед.

Главных монографий Васильева, написанных по-английски, в Америке три (привожу заглавия их в русском переводе): «Готы в Крыму» (1936); «Нападение руссов (норманнов) на Константинополь в 860 году» (1946); и «Юстин Первый». Все три труда очень ценны.

В своих трудах Васильев обращает главное внимание на политический, социальный и экономический аспекты исторического развития Византии. Но (особенно в своей «Истории Византийской империи») он дает и превосходные обзоры культурной истории. В каждой главе «Истории Византийской империи» есть отдел о литературе, образовании и умственной жизни.

Большое место в жизни Александра Александровича занимала музыка. К ней у него с детства была настоящая страсть, сохранившаяся на всю жизнь.

Еще гимназистом Васильев был на первом представлении «Евгения Онегина» и видел тогда в первый раз П. И. Чайковского. Уже тогда он хорошо играл на рояле. Впоследствии он сделался превосходным пианистом и знатоком музыкальной литературы. В Америке он постоянно ходил на концерты.

По его собственным словам, музыку он любил больше, чем науку.

О. А. Добиаш-Рождественская (1875–1939)

Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (Рождественская по мужу) окончила петербургские Высшие женские курсы. Уче-

ница Гревса. Выдающаяся медиевистка и палеограф, член-корреспондент Академии наук.

По окончании Высших женских курсов работала в Париже под руководством Ш. В. Ланглуа, профессора палеографии. Под влиянием Ланглуа написала диссертацию о жизни французских церковных приходов во Франции в XIII веке. Получила степень доктора.

Через три года она издала этот свой труд по-русски в расширенном виде под заглавием: «Церковное общество Франции в XIII веке, часть 1, приход».

Получила степень магистра всеобщей истории — первый случай в России присуждения этой степени женщине.

Следующий большой труд Добиаш-Рождественской посвящен культу архангела Михаила в средние века (1918).

Резюме его, в виде небольшой книжки, появилось на французском языке в Париже (1922).

А. М. Петрункевич (1876–1965)

Александра Михайловна Петрункевич была дочерью старшего врача тверской губернской больницы.

Брат его, Иван Ильич, был общественным деятелем, членом Первой Государственной думы.

Младшая сестра Александры Михайловны — Анна — известная камерная певица (по мужу Поль) пела под именем Анны Ян Рубан. Александра Михайловна окончила Высшие женские курсы в Петербурге. Ученица Гревса. Потом была избрана профессором всеобщей истории. Из ее научных трудов этого времени самые значительные: «Кола ди Риенци» (эпизод из истории Рима XIV века) и «Екатерина Арагонская» (из испано-английских отношений XVI века).

В 1920 году А. М. Петрункевич эмигрировала во Францию и поселилась в Париже. Вошла в Парижскую русскую академическую группу. В числе организаторов этой группы были ее старые друзья — французский историк Ф. Лот и его русская жена, дочь профессора И. Бородина.

Как ее учитель Гревс, Петрункевич была почитательницей Фюстель де Куланжа и написала о нем проникновенную статью, напечатанную в «Записках Русского научного института в Белграде», 5 (1931), стр. 291–334.

Александра Михайловна скончалась в старческом доме под Парижем после продолжительной болезни в июне 1965 года.

Л. П. Карсавин (1882–1952)

Лев Платонович Карсавин родился в Петербурге в артистической семье. Его отец был балетмейстером, а сестра Тамара — знаменитой балериной.

Карсавин окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Был учеником Гревса.

Магистерская его диссертация — «Очерки религиозной жизни и Италии XII–XIII веков» (1912); докторская — «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии» (1915).

Эти два его капитальных труда близки между собой по теме и по методам исследования. Карсавин стремился представить «религиозность масс». Догматическую сторону католицизма он оставляет в стороне. В центре его внимания находится вопрос «о природе религиозной жизни, о религиозных и религиозно-моральных чувствованиях». Карсавин при этом сближает ортодоксальные течения с еретическими.

В 1922 году Карсавин по распоряжению Троцкого был выслан за границу, обосновался в Париже. Принял участие в движении евразийцев. (Евразийское движение было основано кн. Н. С. Трубецким и П. Н. Савицким в 1920 году)*.

В 1928 году Карсавин был приглашен профессором всеобщей истории в Ковенский университет. Ковно (Каунас) был тогда столицей Литовской Республики.

Карсавин был человек необыкновенных способностей. В числе их был и языковедческий талант. Он в совершенстве овладел литовским языком и читал лекции по-литовски.

В 1939 году по соглашению между Гитлером и Сталиным Литва была занята советскими войсками. Карсавин был арестован и сослан в каторжный лагерь в Сибирь. Он умер там в июле 1952 года**.

* См. Otto Boss. Die Lehre der Eurasier (Wiesbaden, 1961).

** Последние годы Карсавина описаны в *Orientalia Christiana* (Рим, 1952). «О жизни и смерти русского метафизика Льва Карсавина» (по-немецки).

Из сочинений Карсавина, написанных им за границей, самое значительное — «Философия истории» (Берлин, 1923). Основная идея книги — всеединство созданного Богом мира. Человек также является участником этого всеединства и потому способен мысленно охватить все времена и пространства.

Историки нового времени

И. В. Лучицкий (1845–1918)

Иван Васильевич Лучицкий родился в Каменце-Подольском, где отец его был учителем духовной семинарии. Лучицкий в ней и учился. Из семинарии он перешел в гимназию (кончил гимназический курс в Киеве).

Еще гимназистом Лучицкий прочел «Историю цивилизации в Европе» Гизо и «Историю XVIII столетия» Шлоссера. По окончании гимназии поступил на историко-филологический факультет Киевского университета. Факультет этот был тогда в большом упадке. Всеобщую историю преподавал бездарный профессор. Настоящего руководителя у Лучицкого не было. Предоставленный самому себе, он занялся чтением книг без особенного разбора. Прочел Гервинуса, Бюнхера, и Фейербаха. Сильное впечатление на него оказал позитивизм Огюста Конта.

Первая печатная его работа — критический разбор книги Добрякова «Русская женщина в удельно-вечевой период» (в газете «Киевлянин», 1863 г.).

Лучицкий кончил университет в 1866 году. Требовавшуюся тогда диссертацию для получения звания приват-доцента он написал на тему о буржуазии и гугенотской аристократии на юге Франции после Варфоломеевской ночи 1572 года.

Магистерская его диссертация носит заглавие «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» (1871). Лучицкий подошел к своей теме не с религиозной, а с социально-политической стороны. Он доказывал, что первая фаза борьбы была, в основе, борьбой аристократии против королевской власти. Борьба эта не носила демократического характера, как думали раньше.

Лучицкий устанавливает связь между движениями гугенотов, крайней католической партией и феодальной реакцией.

Для этого исследования он пользовался преимущественно печатными материалами, но привлекал и неизданные. Он нашел в Публичной библиотеке в Петербурге переписку современников этой эпохи.

Эпоха кальвинизма во Франции надолго сделалась средоточием внимания Лучицкого.

Магистерскую диссертацию он написал на тему «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» (1871). По его мнению первая фаза борьбы была преимущественно борьбой гугенотской знати против королевской власти и велась в интересах знати, а не во имя свободы.

Труд Лучицкого обратил на себя внимание не только в России, но и во Франции. А. Мори поместил целую статью о книге Лучицкого в *Journal des Savants*.

Лучицкий защитил свою магистерскую диссертацию в Казани. Факультет избрал его в доценты, но в совете университета он был забаллотирован. Тем не менее университет дал ему командировку за границу.

Лучицкий поехал в Париж. Работал в национальной библиотеке и национальных архивах. Сблизился с Габриэлем Моно, редактором журнала *Revue Historique*. По просьбе Моно Лучицкий стал помещать в этом журнале обзоры русской исторической литературы.

Лучицкий познакомился также с представителями позитивизма французом Литтре и русским Г. Н. Вырубовым. Познакомился он и с деятелями французской революции 1848 года, в том числе с Луи Бланом.

Для розысков неопубликованных материалов о кальвинизме Лучицкий отправился на юг Франции — Гренобль, Ним, Монпелье, Тулуза. В тамошних архивах он действительно нашел большое количество ценных материалов, не известных французским историкам. Исследовал он и архивы в Германии — Гейдельберг и Лейпциг.

В 1874 году Киевский университет избрал Лучицкого в доценты, и он вернулся в Киев. В 1877 году вышла его докторская диссертация «Католическая лига и кальвинисты во Франции во второй половине XVII века». Защитил он ее в Петербурге, после чего получил профессию в Киевском университете.

В дальнейшем Лучицкий обратился к истории экономических отношений в Европе, главным образом к истории крестьянства во

Франции до и после французской революции 1789 года. Но он исследовал также историю крестьянской общины в Испании, писал о крестьянской реформе в Дании и Лифляндии и о вопросе населенности немецких городов в XV и XVI веках.

Главные труды Лучицкого конца XIX и начала XX века посвящены проблеме крестьянского землевладения во Франции перед и во время французской революции 1789 года.

По этому вопросу было разногласие в исторической литературе. Кареев в своей книге о крестьянах во Франции в последней четверти XVIII века (1879) держался мнения о незначительности крестьянского землевладения накануне революции.

Максим Ковалевский считал, что перемещение земельной собственности во время революции пошло на пользу преимущественно средней и высшей буржуазии.

Лучицкий решил основываться главным образом на статистических данных. Начиная с 1894 года он ежегодно до начала первой мировой войны (лишь с перерывом с 1906 по 1908 год) производил изыскания более чем в двадцати провинциальных архивах. Работал с раннего утра до позднего вечера.

Главным источником для его разысканий были податные списки, кадастры и акты продажи национальных имуществ.

Лучицкий пришел к выводу, что крестьянское землевладение было распространено во Франции еще до революции. Состав землевладельческого населения, по его мнению, был неоднороден, но не было такой группы крестьянства, которая не владела бы хотя бы клочком земли. Революция не помешала переходу частной собственности и в некоторой степени содействовала ему.

Однако мысль об аграрной реформе была чужда большинству законодателей. При продаже национальных имуществ преследовались преимущественно фискальные цели.

Как университетский профессор, Лучицкий пользовался большим влиянием на молодежь. Он не любил читать общих курсов, предпочитал курсы на специальные темы и руководство семинаром.

Из его семинара вышло несколько крупных ученых — Н. Н. Любавич, Д. Н. Молчановский, В. П. Клячин, В. К. Пискорский, Е. В. Тарле.

За свою жизнь Лучицкий собрал огромную библиотеку на многих языках, охватывавшую историю многих народов. «Для историка, — говорил он, — не должно быть интересных и неинте-

ресных народов. Может быть неинтересен сам историк, а история всегда интересна». Библиотеку эту он завещал Киевской публичной библиотеке.

Луцицкий принимал живое участие в общественной деятельности. Он был гласным Киевской городской думы и земским гласным. В Париже он вместе с М. М. Ковалевским участвовал в создании Высшей русской школы общественных наук.

В 1908 году Луцицкий был избран членом Третьей Государственной думы и переехал на время в Петербург. Думе он, впрочем, уделял мало внимания. Он читал лекции на Высших женских курсах и в Петербургском университете в качестве приват-доцента.

Умер в своем имении в Полтавской губернии в 1918 году.

Всеобщая история нового времени

Р. Ю. Виппер (1859–1954)

Роберт Юрьевич Виппер окончил историко-филологический факультет Московского университета.

Его учителем был В. И. Герье, но впоследствии Виппер с ним разошелся.

Долгое время Виппер был преподавателем в средней школе в Москве.

Первое время предметом специальных занятий Виппера был XVI век — изучение церковных и политических теорий кальвинизма в Женеве.

Свой труд Виппер основал на обширном материале, не только печатном, но и архивном.

Виппер внимательно прослеживает отношения между церковью и государством в Женеве. Подробное изложение Виппер довел до половины 1580-х годов, но в заключительной главе дал общий обзор до 1602 года.

За эту выдающуюся работу историко-филологический факультет Московского университета присудил ему прямо докторскую степень, минуя магистерскую.

Единственная тогда в Московском университете кафедра всеобщей истории была занята М. С. Карелиным. Виппер читал лекции и в качестве приват-доцента. Только после смерти Карелина (1899) Виппер получил профессиру. Лекции Виппера

пользовались громадным успехом у студентов. Он читал курсы главным образом по новой истории. Материал своих лекций он использовал для своих интересных статей «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX веков в связи с общественным движением на Западе» (1900); «Очерки теории исторического познания» (1914) и «Кризис исторической науки» (Казань, 1921).

В 1922 году Виппер, по распоряжению Троцкого, был выслан из России. Получил профессиру в Рижском университете.

В том же году вышла его книга «Иван Грозный». В этом труде Виппер обратил главное внимание на внешнюю политику Грозного на фоне истории Европы и пришел к заключению, что Грозный играл более важную роль международных отношениях, чем это обыкновенно предполагалось.

Через десять лет после появления этой книги начался сталинский «культ личности». Иван Грозный был провозглашен гениальным государственным деятелем. Террор эпохи опричнины оправдывался государственной необходимостью.

Книга Виппера о Грозном попала в эту волну. Она была переиздана в Москве в 1944 году и в Москве же появился ее английский перевод (1947).

А. Н. Савин (1873–1923)

Александр Николаевич Савин родился и провел раннее детство в деревне Калужской губернии. Отец его служил фельдшером. Савин окончил историко-филологический факультет Московского университета. Главным его учителем был П. Г. Виноградов.

Виноградов, как было сказано в главе о нем, исследовал социальную историю Англии XI века; Петрушевский занялся XIV веком; Савин XV и XVI веками. В совокупности их можно назвать русской школой в изучении средневековой Англии.

В 1900 году Савин получил научную командировку в Англию. Там, в Британском музее и в государственном архиве (Public Record Office) он собрал огромный материал для своей магистерской диссертации «Английская деревня в эпоху Тюдоров» (Москва, 1903). Его обширный труд состоит из трех глав: 1) Конец вилланства; 2) Юридическая история обычного держания; и 3) Разложение манориального хозяйства.

Продолжением этого труда является его докторская диссертация «Английская секуляризация» (Москва, 1906).

Савин пришел к выводу, что при разделе конфискованных у монастырей земель наибольшую часть получили служилые люди и по преимуществу руководители центрального государственного механизма.

«Государственный фактор воздействует на перераспределение земельной собственности, на рост среднего и крупного землевладения служилых джентльменов, на позднейшие успехи скаурахии» (поземельного дворянства).

Хотя главный интерес Савина сосредотачивался на Англии, он интересовался и общеевропейскими проблемами, включая и Россию.

В 1923 году в сборнике «Запад и Россия» (1923) появилась его статья «Николай I и Фридрих-Вильгельм IV (1840–1848 гг.)». Смерть помешала ему дописать ее. После его смерти один из учеников, П. Ф. Преображенский, закончил ее*.

По защите магистерской диссертации Савин был избран экстраординарным профессором Московского университета, а по защите докторской диссертации получил одну из профессорских кафедр всеобщей истории.

В университете Савин читал лекции по истории Европы, преимущественно XVI–XVII веков. Лекции его были серьезны и содержательны.

Очень хорошо он вел и семинар. Савин был человек слабого здоровья. У него был ревматизм (или артрит) в ногах. Он приезжал в университет на лекции и заседания семинара, но участники семинара, чтобы поговорить о теме работы каждого, должны были приходить к нему на дом.

Он жил в доме музыкальной школы Гнесиных (был женат на одной из сестер Гнесиных).

В конце 1922 года Савин отправился в очередную командировку в Англию. Там в январе 1923 года он скончался от испанского гриппа.

Савин историк — аналитик. Он был очень осторожен в своих выводах. Избегал синтеза и широких обобщений.

* См. A. G. Mazour. The Writing of History in the Soviet Union (Stanford, California, 1971), стр. 65–66.

По отзыву Петрушевского, Савин был «человек исключительной умственной силы, обширнейшего образования и глубокой учености».

Е. В. Тарле (1875–1955)

Евгений Викторович Тарле кончил историко-филологический факультет Киевского университета. Ученик И. В. Лучицкого.

По окончании университета Тарле переехал в Петербург и вступил в число приват-доцентов Петербургского университета.

В 1901 году он напечатал две книги об Италии: «История Италии в средние века» и «История Италии в новое время» (то и другое в серии «История Европы по эпохам и странам»).

В том же году вышла его книга «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени». Книга вызвала резкие нападки со стороны некоторых критиков.

В 1909–1911 годах вышел основной труд Тарле «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». В книге этой две части. Первая касается времени Учредительного собрания 1789–1791. Вторая — времени 1792–1799 годов.

В первой части внимание Тарле сосредотачивается главным образом на парижских рабочих. Во второй — речь идет о рабочих в провинциях. В первой части обсуждается преимущественно социальная сторона вопроса. Во второй — отводится место и экономической.

Тарле рассматривает положение рабочих в связи с судьбами французской промышленности, отмечает ее техническую отсталость.

За этим трудом последовал другой двухтомный капитальный труд «Континентальная блокада. 1. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона (Москва, 1913); 2. Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I» (Юрьев, 1916).

Тарле изучает в этом труде руководящие принципы экономической политики Наполеона и размеры французской внешней торговли в эпоху Наполеона.

Следующий значительный труд Тарле — «Европа в эпоху империализма» (1928). Тарле возлагает на Германию главную долю вины за начало первой мировой войны.

Конец 1920-х годов был временем установления диктатуры М. Н. Покровского над русской исторической наукой и разгрома им «буржуазных» историков. В числе других пострадал и Тарле, он был сослан в Ташкент.

Получил же разрешение вернуться из ссылки только в 1934 году.

В 1937 году издана была его книга «Наполеон». При описании нашествия французов на Россию Тарле утверждал, что, в противоположность Испании, в России не было массового восстания против французов, и наоборот, бывали случаи, когда крестьяне доносили французским властям на своих помещиков *.

Но уже через год появилась новая книга Тарле «Нашествие Наполеона на Россию». В ней он прославляет единение русского народа (включая крепостных крестьян) в борьбе с французами.

Что же случилось за этот год, что заставило Тарле переменить свое мнение?

Советскому правительству стало ясно, что Гитлер готовится к войне с Россией. Началось поэтому психологическая подготовка к этой войне и призыв к русскому патриотизму. Это учел и Тарле.

Последними крупными трудами Тарле были две блестяще написанные книги — «Северная война и шведское нашествие на Россию» (Москва, 1958) и «Крымская война» 1853–1856 годов» (Москва, 1960). Обе книги изданы посмертно.

Подводя итоги, можно сказать, что Тарле был необычайно талантливым человеком и выдающийся историк. Но он не стеснялся, когда находил это нужным, менять свои взгляды в угоду советскому правительству и читающей публике.

XXV

С. Ф. Платонов (1860–1933),

М. А. Дьяконов (1855–1919),

В. С. Иконников (1841–1923)

Творческая деятельность Платонова и Дьяконова во многом развивалась параллельно.

* См. А. G. Mazour. Outline of Modern Russian Historiography (Berkeley, California, 1939), pp. 96–97.

Оба были выдающимися учеными. Платонов был историком. Дьяконов — юристом и историком права и тоже занимает видное место в развитии русской исторической науки. До известной степени главные труды их принадлежат к тому же кругу вопросов русской истории и к тому же времени — московской эпохе (XVI–XVII веков).

Сергей Федорович Платонов родился в Чернигове, где его отец состоял на правительственной службе типографским техником. Отец был родом из Москвы, так же, как и мать. Их обоих тянуло назад, в Москву. Под их влиянием мальчик Сергей сделался русским патриотом. В 1869 году семья переехала из Чернигова на север, но в Москву только заехала, а обосновалась в Петербурге. Платонов-отец получил там приличный заработок. Мечтой его было дать сыну хорошее образование и видеть его окончившим университет. Для подготовки к университету отец отдал сына в гимназию.

Уже в гимназии Сергей Федорович интересовался литературой и историей и решил поступать на историко-филологический факультет Петербургского университета. Весной 1877 года, когда Платонов готовился к переходу из седьмого в восьмой класс гимназии, он захворал тифом в тяжелой форме. Во время его болезни началась русско-турецкая война 1877–1878, которая произвела на него глубокое впечатление.

Для отдыха и поправки мать к лету 1877 года перевезла его в Москву. Там он близко познакомился с семьей Евгении Антоновны Селивановой. Она была вдова и жила на своей даче под Старым-Симоновым над Москвой рекой с двумя дочерьми — тоже вдовами — и с двумя внучками.

«Дух старой московской интеллигенции, немного славянофильского оттенка, веял над этой семьей», писал позже Платонов в своих воспоминаниях.

Платонов сдружился со старшей внучкой Евгенией Николаевной Колайдович, которая была на шесть лет старше его и оказала большое влияние на его умственное развитие, возбудив в нем живой интерес к литературе и истории.

«Вернувшись к осени в свою гимназию, — говорит Платонов, — я был уже иным, чем до болезни. С удовольствием вспоминаю я эту последнюю гимназическую зиму. Сверх и помимо классных занятий я много читал и писал».

Евгения Николаевна Колайдович вышла замуж за студента-филолога Московского университета В. Н. Беркута. От него Платонов получил сведения о подъеме исторической науки в Московском университете — курсах и семинарах профессоров Герье, Соловьева и Виноградова и почти что пожалел, что решил поступить в Петербургский, а не в Московский университет.

В Петербургском университете в первый год своего учения Платонов был разочарован. Расписание лекций предлагало мало материала для специальности, которую наметил себе Платонов, — литературы. Греческий язык преподавал старый профессор Люгембиль, бывший уже развалиной — хромой, глухой и безголосый. Профессор латинского языка О. А. Шебор, чех по происхождению, преподавал с большим подъемом, но скоро потерял популярность, так как ввел в свое преподавание *extemporalia*, которые надоели студентам еще в гимназии.

Профессор древней истории Ф. Ф. Соколов был хороший ученый, раньше имевший много учеников, энтузиаст античной Греции. Каждую лекцию он начинал словами: «Греки были удивительный народ». Его курс был насыщен фактами, но лишен историографии, руководящих идей и освещающих обобщений.

Знаменитый Срезневский читал энциклопедию славянской филологии. Студенты слушали его лекции с большим вниманием и пользой для себя. Это был последний курс Срезневского — он умер в 1880 году.

Очень популярен среди студентов был профессор русской словесности Орест Федорович Миллер. Он был убежденным славянофилом и исповедовал свои взгляды с необыкновенной горячностью.

Повернул внимание Платонова от литературы к истории Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Платонов сделался его учеником*.

Платонов был разочарован, что, за исключением Срезневского и Бестужева, студентам не давалось вводных или вступительных курсов всеобщей литературы, всеобщей истории, общего языковедения, философии.

* Яркую характеристику, данную Платоновым Бестужеву-Рюмину (в воспоминаниях Платонова), см. в главе XIII (Бестужев-Рюмин).

Он искал руководящего синтеза у юристов. Лекции А. Д. Градовского и В. И. Сергеевича были для Платонова некоторым коррективом.

«Градовский, — пишет Платонов, — читал государственное право и был умный и тонкий лектор. Он умел облекать в соответствующую форму рискованные в ту эпоху политические сюжеты и освещать надлежащим светом вопросы государственного устройства, не поощряемые тогдашней цензурой... Впервые в лекциях Градовского сложились мои представления о государстве и обществе, о целях государства, об отношении государства к личности и о благе личной свободы и «независимости».

«Градовскому обязан я, между прочим, тем упрямством, с которым я всегда противостоял всякой партийности и кружковщине, ревниво охраняя право всякой личности на пользование своими силами в том направлении, куда их влечет внутреннее побуждение. Сильное влияние Градовского на мою душу заставляет меня признать его за одного из моих учителей в лучшем значении этого слова».

Иного характера были лекции Сергеевича. Студенты — и Платонов в их числе — восхищались ими. «Говорил он великолепно: звучная и гладкая фраза всегда заключала в себе точную и ясную мысль. Устная речь Сергеевича была такова же, как и литературный его слог, которым можно любоваться».

Внутреннего влияния на мысль Платонова Сергеевич однако не оказал.

«Теперь я думаю, — пишет Платонов в своих воспоминаниях, — что Сергеевич мало знал и понимал русскую жизнь, потому что мало был знаком с народным бытом... Сильная логика, прямолинейность заключений, пренебрежение исторической перспективой ради ясности схемы и юридических конструкций — таковы были обычные свойства изложения Сергеевича».

Второй (1879/80) курс встретил Платонова неприветливо. Это было тревожное время. Начались террористические покушения на жизнь Александра II и убийства губернаторов и высших полицейских чинов.

За исключением Бестужева лекции, читавшиеся на втором курсе, не представляли интереса для Платонова. Не прошло и двух учебных лекций, как тяжело заболел его отец.

«Необходимо было, — пишет Платонов в своих воспоминаниях, — непрерывно дежурить при постели больного, и для этого,

кроме нас с матерью, мы могли привлечь только одно лицо. На мою долю выпадало ежедневно восемь часов дежурства сверх всяких хлопот и необходимых отлучек. Университетские занятия отошли на задний план. Некоторое время я еще крепился и по ночам сидел над выписками из психологии, но затем отстал и от этого, посещая университет, когда была свободная минута, и старался не пропускать только лекции Бестужева. Так тянулось дело до весны».

Весною Платонов выдержал часть экзаменов, получил разрешение сдать другие через год и условно был переведен на третий курс.

Третий курс был светлым периодом студенческой жизни Платонова. Главным событием для него было появление нового профессора всеобщей истории — Василия Григорьевича Васильевского. Он читал общий курс средневековой истории и, кроме того, для студентов-историков специальный курс (без особого названия в расписании), который лучше всего можно было бы назвать «Русско-византийскими отрывками».

«Васильевский знакомил нас с результатами своих специальных разысканий, с теми текстами, над которыми он работал, и с теми приемами исследования, к каким сам привык. Попутно он склонял желающих к писанию рефератов и внимательно разбирал подобные работы».

Васильевский предложил Платонову взять тему «О местожительстве готов-тетракситов». Платонов согласился. Васильевский помещал этих готов «несколько выше Анапы и ближе к Керченскому проливу». Платонов поселил их прямо на Таманском полуострове. Он обосновал свое изложение главным образом на «Истории войн» Прокопия Кесарийского (VI век).

Васильевский внимательно ознакомился с сочинением Платонова и целый час посвятил разговору с ним.

«От одного из своих товарищей, — пишет Платонов, — я слышал много лет спустя, что Васильевский не забывал моего зазорного реферата и по этой работе составил обо мне доброе мнение... Это было мое первое знакомство с Васильевским, послужившее началом долгих и близких моих отношений с незабвенным учителем».

На третьем курсе Платонов, по установленному тогда обычаю, должен был получить от Бестужева тему для зачетного сочинения по русской истории. Платонов наметил себе вопрос о земских со-

борах. В этом выразилось влияние исторического момента. Это была короткая пора реформ Лорис-Меликова.

Бестужев одобрил тему, но, согласно своим педагогическим принципам — предоставлять студентам самостоятельно работать, не дал Платонову никаких библиографических указаний. Платонов тогда обратился к приват-доценту Е. Е. Замысловскому, и тот дал Платонову полезные указания литературы и источников. Это очень помогло Платонову в первом фазисе его работы.

В январе 1882 года Платонов подал свое сочинение Бестужеву. Тот довольно долго его читал и потом сказал Платонову, что работа вполне удовлетворяет требованиям кандидатской диссертации. Для полагавшегося же по правилам коллоквиума Бестужев предложил написать другую работу на тему об «Указной книге Поместного приказа».

Платонов был удивлен и оскорблен новыми требованиями Бестужева.

Но вышло так, что весной 1882 года Бестужев тяжело заболел и уехал за границу, сдав своих учеников Е. Е. Замысловскому.

Замысловский представил сочинение Платонова о земских соборах к зачету за кандидатскую работу и оставил Платонова при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию.

В ноябре 1881 года умер отец Платонова, которого Сергей Федорович очень любил и чтит. На Сергея Федоровича легли нелегкие имущественные заботы. Ему удалось сразу найти заработок — уроки истории в частном женском учебном заведении А. К. Нейгард.

В мае 1881 года однокурсник Платонова граф А. Ф. Гейден, тогда близкий к Владимиру Соловьеву, предложил Платонову примкнуть к новому начинанию — «Студенческому научно-литературному обществу». Организатором и главою этого общества сделался профессор Орест Федорович Миллер. Согласно уставу в общество могли вступать не только студенты, но также и профессора и преподаватели университета. В их числе примкнули к обществу и Платонов и Дьяконов*.

По окончании университетского курса Платонов был приглашен на должность лектора новой русской истории в

* См. Г. В. Вернадский «Братство Приютино». «Новый журнал», № 93 (1968), стр. 150.

Александровский лицей в Петербурге, а кроме того, преподавал русскую историю в историко-филологическом институте. Это было трудное для него время, так как он должен был готовиться к магистерским экзаменам (после чего получил звание приват-доцента), а затем писать магистерскую диссертацию. Темой ее он выбрал «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник».

В 1888 году он успешно защитил эту диссертацию.

В 1889 году профессор Замысловский безнадежно заболел и таким образом кафедра русской истории в Петербургском университете освободилась.

Историко-филологический факультет, обсудив вопрос о замещении кафедры, пришел к решению пригласить на нее Платонова. Так как последний имел степень только магистра, а не доктора, то он был избран «исполняющим должность профессора» в качестве полноправного члена факультета со всеми правами и обязанностями.

В процессе своей работы над магистерской диссертацией Платонов досконально изучил всю группу литературных источников о Смуте. Для докторской диссертации он поставил себе задачей всесторонне изучить весь период Смуты — ее причины, ход развития и последствия. Так возникли знаменитые «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков» (1899; второе издание 1901). Платонов считал этот труд главным достижением своей ученой жизни.

Докторскую диссертацию Платонов защитил в Киеве. В Киевском университете было тогда три доктора русской истории: В. С. Иконников, П. В. Голубовский и Б. В. Антонович — все трое солидные ученые.

До 1896 года Платонов состоял помощником редактора журнала Министерства народного просвещения. Был он также членом ученого комитета этого министерства и Управляющим отделением славянской и русской археологии Русского археологического общества.

В самом начале 1917 года Платонов был избран действительным членом Академии наук.

В 1890-е годы широко развернулась преподавательская деятельность Платонова в Петербургском университете — лекции и семинар. В его семинаре получил подготовку ряд будущих круп-

ных историков — С. В. Рождественский, А. Е. Пресняков, И. И. Лаппо, П. Г. Васенко и много других.

Одновременно Платонов читал с большим успехом общий курс русской истории. В 1899 году двое из постоянных слушателей лекций Платонова по своим запискам выпустили курс Платонова литографическим способом. Платонов проверил изложение и авторизовал книгу.

После этого лекции были напечатаны. В 1909 году вышло шестое издание их (исправленное и дополненное), в 1913 году — восьмое.

«Лекции» Платонова и «Курс» Ключевского — два столпа русской историографии конца XIX — начала XX века.

Десятки тысяч студентов их прослушали в университете.

Десятки тысяч русских образованных людей их прочли. На них воспиталось русское общество.

На них в конце XIX и начале XX века создавалось русское общественное мнение.

Курс Ключевского, как мы видели (см. выше главу XVIII), не фактическое изложение хода внешних событий русской истории, а выяснение внутреннего содержания исторического процесса с социальной точки зрения. Облечен курс в неповторимый, свойственный одному Ключевскому художественный стиль.

Иной характер имеют «Лекции» Платонова. Это — систематический обзор хода русской истории от древнейших времен до царствования Николая I включительно. Изложение событий связано с историей учреждений, сословий и общественности. Даны сжатые, но выразительные характеристики выдающихся деятелей — Ивана Грозного, Бориса Годунова, Козьмы Минина, царя Алексея Михайловича, патриарха Никона, Петра Великого, Екатерины II.

В качестве введения к «Лекциям» Платонов дал превосходный сжатый очерк русской историографии и обзор источников русской истории.

Платонов был против присвоения исторической науке методов другой (более общей) науки — социологии. По его мнению, социология ставит своей целью раскрыть общие законы развития общественной жизни вне приложения их к определенному месту, времени и народу.

«История, — по определению Платонова, — есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и

главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества».

«Для того чтобы дать научно-точную и художественно-цельную картину какой либо эпохи народной жизни или полной истории народа, необходимо (1) собрать исторические материалы, (2) исследовать их достоверность, (3) восстановить точно отдельные исторические факты, (4) указать между ними причинную связь и (5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину».

Критические приемы исследователей «совершенствуются с развитием исторической науки, но до сих пор ни эти приемы, ни самая наука истории не достигли полного своего развития».

За простым анализом исторических явлений для историка открывается более широкая задача — «исторический синтез, имеющий целью воссоздать общий ход всемирной истории в ее целом». В основание этого синтеза история русского народа может положить и свой камень — наблюдения над тем, как развивались основные явления русской исторической жизни.

Несмотря на то, что в своем введении к «Лекциям» Платонов резко отмежевывает задачи социологии и истории, фон его «Лекций» нужно признать социологическим. На этом фоне и разворачивается Платоновым последовательность «событий».

«Лекции» Платонова разделены на три части. Первая — от древних времен до царя Ивана Грозного. Вторая — от Грозного до царя Федора Алексеевича включительно. Третья — от смерти Федора (1682) до смерти Николая I. Платонов начинает свое изложение хода русской истории с краткой характеристики географической основы русской истории, за которым следует обзор первоначального состава территории будущего русского государства.

Основное внимание Платонов уделяет вопросу о внутренней организации славян. Рассматривая обсуждение этого вопроса в русской историографии, Платонов начинает с теории Эверса о родовом быте (поддержанной Соловьевым и Кавелиным). Константин Аксаков противопоставил этой теории свой взгляд — что основой организации славян был не род, а община.

Гораздо удачнее, по мнению Платонова, теория Леоновича о задружно-общинном быте древних славян, — на началах территориальных, соседских.

«В трудах позднейших этнографов, — пишет Платонов, — указано было существование своеобразных общин архаического склада у русских людей в историческое уже время» (особенно в трудах Александры Яковлевны Ефименко).

В образовании Киевского государства Платонов отводит первенствующее место варягам (норманнам) — той ветви их, которая обитала на Скандинавском полуострове.

Летопись содержит рассказ о призвании славянами этих варягов в Новгород около середины IX века. Из Новгорода они потом спустились по Днепру в Киев. С варягами некоторые летописные списки связывают и имя Русь.

Стараясь разобраться в этом запутанном вопросе, Платонов, по стопам Васильевского, отмечает присутствие народа Русь на Черном море в начале IX века, стало быть, ранее «призвания варягов». «Естественно было бы заключить отсюда, что имя Руси принадлежало не варягам, а славянам и всегда означало то же, что оно значило в XII веке, т. е. Киевскую область с ее населением». Но Платонов думает, что нет достаточных оснований, чтобы считать Русь славянским племенным названием*.

Могучим фактором объединения Руси Платонов считает христианство, которое проникло в Киев уже в X веке.

В первой части «Лекций» Платонов дал сжатый обзор развития русской социально-политической и культурной истории до середины XIII века. Основу его курса составляет вторая часть — вторая половина XVI века и большая часть XVIII века.

В своей оценке Ивана Грозного Платонов проводит различие между личностью царя и его политикой. В характеристике личности Грозного Платонов сходится с Ключевским. Но в своих «Очерках по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVIII веков» и в «Лекциях» Платонов считает, что учрежденная Грозным опричнина была не только бессмысленным проявлением паники и садистской жестокости царя, но и по-

* В русской историографии было предложено много попыток объяснить название «Русь». Куник и Томсен производили его от шведского (Roslagen) название береговой полосы шведской провинции Upland. Будилович производил «Русь» с готского языка. Костомаров одно время настаивал на литовском происхождении имени. Шахматов считал, что Русью звали в древности не отдельное варяжское племя, а варяжские дружины вообще.

Г. В. Вернадский думает, что первоначальная Русь была аланским племенем и что самое имя «Русь» было аланское (Рухас — светлые аланы).

пыткой путем кровавого уничтожения боярской знати создать новую социальную основу Московского государства — выдвинуть на первый план средние слои русского общества — дворянство и горожан.

Эта концепция долго господствовала в русской историографии. Проблема была после смерти Платонова заново пересмотрена С. Б. Веселовским в его статьях об опричнине 1940-х—1951 годов*.

Веселовский подверг выводы Платонова суровой критике. Отдав дань высокой научной ценности работы Платонова о литературных памятниках и событиях Смутного времени, Веселовский говорит, что «вводные главы его “Очерков Смуты”, и в частности глава об опричнине, являются не самостоятельными исследованиями, основанными на изучении старых и новых источников, а попыткой дать обобщения современных ему достижений исторической науки... Критика концепции Платонова необходима потому, что она имела большой успех, и в упрощенном, как это обыкновенно бывает, виде перешла в общие курсы и учебники».

Для возражения Платонову Веселовский в ряде очерков подробно, на конкретном, частью архивном, материале рассмотрел учреждение Грозным опричнины, первоначальную территорию и ведомство опричнины, расширение этого ведомства, выселение земских людей из уездов, взятых в опричнину, послужные списки опричников и синодики опальных лиц царя Ивана.

«В учреждении опричнины, — пишет Веселовский, — многое казалось историкам непонятным-именно потому, что они считали ее направленной против княжат и боярства, то есть верхнего слоя государева двора».

«В действительности Грозный не смог удалить из старого двора всех неугодных ему людей и потому устроил себе новый, особый (опричный) двор, в котором он рассчитывал быть полным хозяином».

Веселовский приходит к заключению, что и в старом и в новом государеве дворе преобладали княжеские и нетитулованные боярские роды.

* Переизданы были отдельной книгой: С. Б. Веселовский. «Исследования по истории опричнины» (Москва, 1963).

В период опричнины царь Иван казнил неугодных ему и земских и опричных бояр, но террор опричнины был направлен не только на бояр, а и на дворян и на низшие слои населения.

В 1581 году царь в семейной склоке ударил посохом своего сына — царевича Ивана с такой силой, что тот через несколько дней умер. Царь не имел намерения его убивать. Это было для него глубочайшим душевным потрясением. Царь начал ездить по монастырям, делал большие вклады денег и распорядился, чтобы о царевиче Иване ежедневно служили панихиды.

Это привело царя к мысли составить поминальные синодики всех умученных им лиц.

Для поминания их царь опять-таки делал большие денежные вклады в различные монастыри.

В наиболее полных списках синодиков упоминается 3300 человек. Из них более двух тысяч показаны безымянно. Несомненно, что все они принадлежали к низшим слоям населения. Таким образом, Веселовский убедительно показал неосновательность мнения, что террор царя Ивана был направлен исключительно на боярство.

В начале 1920 года Платонов написал небольшую, но весьма любопытную по замыслу статью под названием «Руса». Русой Платонов называет бывший уездный город Новгородской губернии, находящийся к югу от озера Ильмень. До революции 1917 года он на картах и в словарях назывался Старая Русса. В этой своей статье Платонов опирается на работу А. А. Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени» («Русский исторический журнал», 1919). Шахматов считал, что в IX–X веках Руса была политическим центром варягов, из которого они господствовали над окружающими славянскими и финскими племенами. К этому центру Шахматов относит свидетельство восточного историка Ибн-Руста «о русском острове». Район Старой Русы изобилует реками и озерами и может быть назван островом. Но на этот счет нет согласия исследователей. Некоторые ученые считают, что известие Ибн-Руста должно быть отнесено к Тмутараканскому краю (за Керченским проливом между рекой Кубанью и Азовским морем). Высказывались и другие мнения.

Статьи Платонова являются поэтому только одной из гипотез, без которых для древнейшей истории племени «Русь» обойтись нельзя.

«Русь» Платонов написал, так сказать, мимоходом. В это время он был поглощен писанием одного из самых значительных своих трудов — книги «Борис Годунов» (1921). Книга эта не история царствования Бориса, а проникновенный этюд личности и психологии Бориса и выяснение причин его роковой судьбы.

Личность Бориса и его историческая роль давно интересовали Платонова в связи со сказаниями и повестями о Смутном времени, которые Платонов тщательно изучил еще для своей магистерской диссертации.

Платонов тогда уже пришел к заключению, что «личность и общественная деятельность Бориса Годунова может получить новое освещение, если удастся показать пристрастие к нему некоторых сказителей, его врагов...»

Когда Борис при слабоумном царе Федоре стал фактическим правителем царства, враги его — личные и политические — повели против него ожесточенную кампанию чернящих его слухов и обвинений. Главное обвинение было в убийстве — через подосланного агента — царевича Дмитрия Угличского в 1591 году. В своих «Лекциях по русской истории» Платонов писал, что от взгляда на это обвинение зависит оценка личности Бориса. «Если Борис убийца, то он злодей, каким рисует его Карамзин; если нет, то он один из симпатичнейших московских царей».

К существу этого вопроса Платонов и вернулся в своей книге о Борисе. В книге этой три главы: «Карьера Бориса», «Политика Бориса» и «Трагедия Бориса». Третья глава начинается исследованием обстоятельств смерти царевича Дмитрия.

В отличие от Соловьева и Ключевского, безоговорочно принимавших версию об убийстве царевича агентом Бориса, Платонов дает беспристрастный и обстоятельный разбор события на основе следственного дела (изданного фототипически В. Клейном в 1913 году).

15 мая 1591 года, в обеденные часы, когда вся жизнь замирала, царевич Дмитрий находился на уединенном внутреннем дворе дворцовой усадьбы. С ним была его мамка, гувернантка, старшая в штате смотревших за ним женщин, няня и постельница (горничная), а также четыре мальчика, с которыми он играл в «тычку» ножом. По показаниям и женщин и мальчиков, царевич в припадке «черной немочи» (эпилепсия) упал горлом на нож («покололся»).

Из дворца прибежали мать царевича и дядя Михаил Нагой. Мать обвинила мамку царевича и начала ее бить, крича, что ее сын и сын дьяка Битяговского зарезали царевича.

Михаил Нагой выбежал на улицу и начал возбуждать толпу против Битяговского. В городе начался погром. Толпа убила Битяговского и его сына, разграбила двор Битяговского и его канцелярию («дьячью избу»).

Как только известие об угличских событиях достигло Москвы, оттуда была послана в Углич следственная комиссия для выяснения обстоятельств и смерти царевича и городского мятежа. Главою комиссии правительство назначило Василия Ивановича Шуйского. Со своей стороны патриарх послал своим представителем митрополита Геласия.

Комиссии было приказано опросить всех свидетелей и записать показания их, хотя бы противоречивые.

Вернувшись в Москву, комиссия прежде всего представила свой «обыск» (следственное дело) патриаршему собору. Собор дал свое заключение, что «царевичу Дмитрию учинилась Божиим судом», а что Нагие виноваты в поднятии мятежа, и передал это дело на решение царя и бояр. Царица Мария (мать царевича) была пострижена в монахини под именем Марфы. Михаил Нагой был сослан, но в 1600 году принят был на службу и назначен воеводой в Царев-Санчурск (Вятской области).

В мае 1606 года, после гибели самозванца (Лжедмитрия) князь Василий Иванович Шуйский был провозглашен царем. Чтобы упрочить свое положение и предотвратить появление новых самозванцев (они все равно потом явились), царь Василий решил канонизировать царевича Дмитрия. Составлено было житие его, в котором утверждалось, что он был убит по приказанию Бориса Годунова.

Поставленный Лжедмитрием патриарх (на место Иова) рязанский епископ грек Игнатий охотно согласился на канонизацию.

Канонизация эта была в сущности не религиозным, а политическим актом. Царевич Дмитрий был похоронен в Угличе сразу после отъезда следственной комиссии. Но место его могилы было скоро забыто. Когда в 1606 году приехали из Москвы духовные лица для перенесения праха царевича, никто в Угличе не смог указать место его погребения. Тем не менее московские послы заявили, что в одной из угличских заброшенных могил они нашли «мощи» царевича и перевезли их в Москву.

Платонов утверждает, что смерть царевича Дмитрия «по-видимому, прошла без заметного шума и движения в обычном обиходе московской жизни. Надо помнить, что прижитый от шестой или седьмой жены (царя Ивана) Дмитрий не мог почитаться вполне законным (тогда церковь не венчала и третьего брака)».

Надо также вспомнить, что в мае 1592 года у царицы Ирины (жены царя Федора, сестры Бориса) родилась дочь, которая и могла считаться наследницей престола. Дочь эта довольно скоро умерла, но можно было ожидать и других.

Положение изменилось со смертью царя Федора (7 января 1598 года). Федор завещал царство Ирине, но та отказалась его принять и постриглась в монахини под именем Александры. Настало междуцарствие, — предстояло избрание нового царя.

В числе возможных кандидатов были: Борис Годунов, князь Ф. И. Мстиславский, Ф. Н. Романов и Б. Я. Бельский. Созван был Земский собор. Избран был Борис.

Большинство позднейших исследователей считало, что собор был подтасован и что избрание Бориса было комедией.

Ключевский, однако, в своей статье «Состав представительства на земских соборах Древней Руси»* на основании детального обследования списков членов собора (их было 512) показал, что состав собора был совершенно нормален и соответствовал правильному для XVI века представлению о порядке представительства.

Положение Бориса, как царя, стало гораздо более трудным, чем его роль правителя царства при царе Федоре. В борьбе за избрание Борис растерял почти всех своих друзей из боярского правительственного круга. Годуновы остались изолированными.

В своей правительственной политике Борис опирался на средние слои населения — дворянство и купечество.

Титулованные бояре (князья) оказались, в общем, лояльными помощниками Бориса, но нетитулованное родовитое боярство во главе с Романовыми пыталось повести борьбу против Бориса всеми возможными средствами, включая подготовку самозванца (Лжедмитрия).

Ко всему прибавилось стихийное бедствие — катастрофический неурожай и голод 1602 года.

* Первоначально была напечатана в журнале «Русская мысль», 1890—1892.

Трагедию Бориса Платонов считает трагедией рока. «Борис умирал, — пишет Платонов в заключении своей книги, — истомленный не борьбою с собственной совестью, на которой не лежало (по мерке того времени) никаких особых грехов и преступлений, а борьбою с тяжелейшими условиями его государственной работы... Сложность и многогранность его деятельности обнаружили во всем блеске его правительственный талант и его хорошие качества — мягкость и доброту; но эти же свойства сделали его предметом не только удивления, восторга и похвал, но и зависти, ненависти, клеветы».

После выхода в свет «Бориса» Платонов как бы подвел итоги своим исследованиям Смуты в популярной книжке «Смутное время» (1923). Этот очерк рассчитан был на широкие круги читателей. Через год вышло дополнение под заглавием «Социальный кризис Смутного времени». Это хорошо подобранный сборник документов и выдержек из мемуаров той эпохи, начиная с присяги В. И. Шуйского на царство (1606) до избрания на престол Михаила Романова (1613).

Вслед затем появилось замечательное исследование Платонова «Москва и Запад в XVI–XVII веках» (1925).

Эта книга другого строя, нежели «Борис Годунов».

В «Борисе» Платонов дал психологическую характеристику выдающейся личности и ее роковой судьбы.

«Москва и Запад» представляет собой блестящий очерк основных вех культурного развития московского общества — процесса его европеизации в различных аспектах.

Платонов считает, что связь Московской Руси с Западом завязалась ранее и была крепче, чем обычно было принято думать (в его время). На более ранние эпохи он и обратил наибольшее внимание.

Ошибочно было бы думать, говорит он, что изоляция Москвы была результатом ее нежелания общения с Западом. Наоборот, в середине XVI века Запад старался изолировать Москву, и города Ганзейского союза и Польша боялись «Московской опасности», считая, что торговля Запада с Москвой и приглашение в Москву нужных ей техников усилит военную мощь Московского государства.

Историческая случайность — открытие англичанами северного пути в Белое море в 1553 году — возобновила прямые торговые сношения Москвы с Западом. За англичанами последовали гол-

ландцы и французы. Голландцы постепенно получили перевес над англичанами. Весь XVII век — время непрерывных успехов голландцев в Московском государстве.

Помимо вольного приезда иностранцев в Россию происходила и невольная колонизация. После завоевания Ливонии в 1558 году московскими войсками был вывезен в Россию многолюдный полон, верхний слой которого составляли высшие классы Ливонии, а большую часть — эстонское и латышское простонародье, доставлявшее рабочую силу.

Ливонских дворян (немцев) московское правительство брало на свою службу, образуя из них гарнизоны городов в восточных областях государства.

Некоторые такие полоняники сделали блестящую карьеру при царском дворе, как, например, Иоганн Таубе и Элерт Крузе (оба впоследствии бежали из России в Польшу).

Иван Грозный любил беседовать с иностранцами не только на политические и экономические темы. Он очень интересовался и религией.

10 мая 1570 состоялся его знаменитый спор о вере с Яном Ракитой, видным деятелем общины Чешских Братьев (Гуситской традиции). Противники остались каждый при своем убеждении*.

Борис Годунов, так же как Иван Грозный, был в живом общении с приезжавшими в Москву иностранцами. Новое в его беседах с ними была его творческая мысль — основать в Москве высшее училище — что-то вроде университета. В связи с этим решено было послать на запад «для науки разных языков и грамоты» способных русских юношей. На первый раз было послано 18 человек — по шести в Англию, Францию и Германию. Ни один из них не вернулся. Ко времени окончания их обучения Борис умер, началась Смута — понятно, что у них не было желания возвращаться.

Московский народ вышел из Смуты материально разоренным. Лишь понемногу страна возвращалась к нормальному состоянию. С первыми признаками успокоения иностранцы снова потянулись к Архангельску. Возродилась торговля европейских стран с Москвией и начался стихийный наплыв иноземцев в Москву. Видную

* См. А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, 1 (Прага, 1935), стр. 376–384. Валерия Тумина (Valerie Tumins. Tsar Ivan IV's Reply to Jan Rokyt). Гаага, издательство Мутон, 1971). (Документы и исследования.)

роль среди них играли купцы и техники всякого рода, а также офицеры и солдаты (ландскнехты). Московское правительство приняло решение формировать полки иноземного строя из русских людей.

В Москву приглашались преимущественно протестанты, в меньшем числе — католики. Опасаясь их религиозного влияния на русских людей, московское правительство, по настоянию патриарха Никона, выселило из Москвы всех иноземцев (кроме перешедших в православие) и отвело им землю за городом для поселения (1652). Так возникла Немецкая слобода, цветущий уголок Европы в Московии. Лютеранам и кальвинистам было разрешено строить там церкви, но католикам это не было дозволено.

С большим недоверием смотрели в Москве не только на «немцев» (общее название для всех европейцев), но и на выходцев из западнорусских областей Речи Посполитой. Число их стало сильно увеличиваться после 1620 года.

«После Смуты, — пишет Платонов, — московским людям трудно было разбираться в том, кто в Литве и Польше православный, а кто униат или католик».

И в самой Москве были люди, озадаченные новыми культурными и религиозными верованиями. Таков был Иван Андреевич Хворостинин — «первая ласточка культурной весны», как называет его Платонов.

В Москве ему казалось скучно: «все люд глупый, жить не с кем». Он стал задумываться над богословскими вопросами, отрицать воскресение мертвых и необходимость поста и молитвы. За это в 1623 году Хворостинин был сослан в Кириллов монастырь для покаяния. Вскоре он покался и дал обещание и клятву, что будет строго блюсти православие. После этого он был возвращен в Москву. Царь и патриарх объявили ему полное прощение. В 1625 году он умер.

Платонов доводит свое изложение до начала царствования Петра. Он рисует убедительную картину культурного подъема в Москве середины XVII века, подчеркивая важное значение приглашения в Москву киевских ученых монахов. Яркие его характеристики отдельных выдающихся личностей этого времени.

Последняя книга Платонова посвящена Петру: «Петр Великий. Личность и деятельность». (Ленинград, 1926).

Поводом для ее написания явилось появление в русской беллетристике романизованных биографий Петра, представляющих

собою — с точки зрения Платонова — грубую пасквильную карикатуру.

Это «День Петра» Алексея Толстого (предварительный очерк к последовавшей затем книге о Петре) и «Его Величество Кнеб Piter Komondor» Б. Пильняка.

«И там и здесь, — говорит Платонов, — Петр является грязным и больным пьяницей, лишенным здравого смысла и чуждым всяких приличий».

В противовес распространенных в русском обществе таких развенчиваний Петра Платонов и счел нужным восстановить подлинный образ Петра как государя и человека.

Платонов рассматривает сначала публицистические и философские оценки Петра в XVIII веке и первой половине XIX века.

После того он обращается к научным оценкам Петра в позднейшее время (Соловьев и Кавелин, Ключевский, Милюков).

Соловьев и Кавелин, воспитанные на методах германской исторической школы, смотрели на исторический процесс как на органическое развитие народной жизни.

С их точки зрения, Петр не только получил от старого порядка сознание необходимости реформ, но действовал ранее намеченными путями.

Ученики Соловьева внесли несколько иное понимание исторической роли Петра. «Они стали думать, что при Петре Россия пережила потрясение, которое однако не было переворотом по существу». Платонов высоко оценивает взгляды Ключевского на Петра и Петровскую реформу.

«В лице Ключевского наша наука возвысилась впервые до вполне реального представления о Петре, о его личности и его исторической роли».

Что касается ученика Ключевского, Милюкова, Платонов признает большую ценность его основного труда «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого», но считает, что в конечном резюме его книги и еще более в его «Очерках по истории русской культуры» Милюков исказил образ Петра, представив его пассивно воспринимающим поданные ему иностранными и русскими советниками проекты реформ. К тому же, по Милюкову, эти проекты не были между собой согласованы.

В дальнейших главах Платонов говорит сначала о детстве и молодости Петра и его первом заграничном путешествии (1699). За этим следует глава о воинском таланте Петра.

Ярче всего написана последняя глава «Петр Великий в последнем периоде жизни».

В заключение Платонов пишет: «Трудовая жизнь Петра и близкое знакомство с делом управления выработали в Петре одно ценнейшее качество — он любил правду и ненавидел ложь, обманы и лихоимство. На дело государственного управления смотрел он как на священный долг и нес свои обязанности чрезвычайно добросовестно... Он отдавал себя на служение государству и требовал того же от своих подданных. В его государстве не было ни привилегированных лиц, ни привилегированных групп, а все были уравнены в одинаковом равенстве бесправия перед государством».

Платонов, Ключевский и Лаппо-Данилевский занимают видное место в развитии русской исторической мысли конца XIX и начала XX века и распространения исторических знаний в русском обществе этого времени.

Ключевский и Платонов создали каждый целую плеяду талантливых ученых (московской и петербургской школы историков).

У Лаппо-Данилевского прямых учеников было меньше, но влияние его организационных идей распространялось и на многих из молодых ученых, которые формально не были его учениками.

В совокупности все они наметили дальнейший путь развития русской исторической науки.

Михаил Александрович Дьяконов родился 31 декабря 1855 года в Екатеринбурге, Пермской губернии, в семье чиновника. Отец его во время крестьянской реформы был мировым посредником.

Первоначальное образование Михаил Александрович получил дома и поступил во второй класс екатеринбургской гимназии. Учился там до 7-го класса, а потом перешел в пермскую гимназию, где и получил аттестат зрелости в 1873 году. В том же году поступил в Медико-хирургическую академию, но с 3-го курса вышел оттуда и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Кончил кандидатом в 1880 году.

По предложению В. И. Сергеевича Дьяконов был оставлен при университете и в конце 1883 года сдал магистерскую диссертацию на тему «Власть московских государей». После этого он был назначен профессором Юрьевского (Дерптского) университета.

Для диссертации на степень доктора Дьяконов представил свои «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве». Диссертацию эту он защитил в 1900 году.

В 1905 году Дьяконов был избран адъюнктом Академии наук, четыре года спустя экстраординарным академиком, а в 1912 году ординарным. После этого он переехал из Юрьева в Петербург.

Еще в Юрьеве Дьяконов подготовил к печати курс лекций, который он там читал, — «Очерки общественного и государственного строя Древней Руси» (1906). Книга имела большой успех. Через два года вышло второе издание, затем потребовалось еще два издания. Этот исторический обзор сделался необходимым пособием и для преподавателей и для студентов и для всех серьезно интересующихся историей русского государства и общества.

Основное внимание Дьяконова как исследователя обращено было на историю крестьян и постепенное их закрепощение. Юность Дьяконова прошла в атмосфере их раскрепощения, и он поставил себе задачей условия и обстановку предыдущей истории крестьянства — постепенного роста крепостного права.

Но вместе с тем он внимательно изучал также и историю управления в Московском государстве — связь новых порядков местного управления с перестройкой центральных учреждений, а также и финансовую историю Московского государства*.

Основным в разысканиях Дьяконова по истории крепостного прикрепления стал вопрос о крестьянской «старине» и о крестьянах «старожильцах». Особенное внимание его привлекало выяснение отношений этой «старины», с одной стороны, к «тягло-вой старине», то есть прикрепления владельческих крестьян к тяглу, а с другой — к задолженности крестьян, получавших от землевладельца подмогу и ссуду. Дьяконов считает обычный институт старожильства краеугольным камнем в процессе закрепощения.

Дьяконов был осторожным историком, искания и сомнения преобладали в его работах над решительными утверждениями и

*См. В. Григорьев. Список трудов М. А. Дьяконова. «Русский исторический журнал», 7 (Петроград, 1921), стр. 26–30. А. Е. Пресняков. Труды М. А. Дьяконова по русской истории, там же стр. 8–25.

выводами. Для этих последних, по мнению Дьяконова, историческая наука не имеет еще в своих руках достаточно разработанных материалов и данных.

«Труды Дьяконова поучают, прежде всего, критической настроенности и выдвигают на первый план потребность широкой и систематической разработки архивных залежей» (Пресняков). Дьяконов умер в 1919 году.

Владимир Степанович Иконников происходил из дворян Киевской губернии. Родился в Киеве*. Учился в Киевском кадетском корпусе, а затем поступил на историко-филологический факультет Киевского университета. Окончил университет с золотой медалью. Затем был оставлен стипендиатом для приготовления к профессоруре.

Магистерскую диссертацию написал на тему: «Максим Грек». Защитил ее в 1867 году в Одесском университете. Докторскую на тему: «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории» защитил также в Одесском университете в 1870 году. После этого он был избран экстраординарным профессором Киевского университета, а в 1871 году — ординарным профессором.

В 1874–1877 и в 1893–1895 годах был председателем Исторического общества Нестора-летописца в Киеве.

В 1914 году Иконников был избран действительным членом Академии наук.

Научное наследие Иконникова обильно и многообразно. В него входят и объемистые труды, и отклики, и рецензии, и библиографические заметки. Из монографий его, кроме упомянутых двух книг — «Максим Грек» и «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории» — отмечу здесь его большой труд «Граф Н. С. Мордвинов» (Петербург, 1873).

Иконников уделил особенно много внимания вопросам русской историографии. Сюда относятся его статьи о Бодянском, о графе Румянцеве, о Болтине, о Шлецере, о Карамзине.

* Автобиография Иконникова напечатана в «Материалах для биографического словаря Академии наук», часть II (1917), стр. 304–311. См. также ЭС, полутом 24 (1894), стр. 899.

Все это была подготовка к главному достижению Иконникова — его монументальному «Опыту русской историографии» (том I, в двух книгах, Киев, 1891; том II, также в двух книгах, Киев, 1908).

XXVI

Ученики В. О. Ключевского

А. А. Кизеветтер (1866–1939)

Любимым учеником Ключевского был Александр Александрович Кизеветтер.

Кизеветтер был выдающимся историком и общественным деятелем. В 1903–1906 годах он принимал живое участие в политике.

Был прямым и откровенным в своих отношениях с друзьями и недругами. Среди московской интеллигенции той эпохи он занимает видное место.

Кизеветтер родился в Оренбурге *. В 1884 году он окончил Оренбургскую гимназию. Ближайшим университетом к Оренбургу был Казанский университет. Но Кизеветтера неудержимо влекла к себе Москва. Уже в средних классах гимназии он решил посвятить себя изучению русской истории, и к Москве его притягивало имя Ключевского, тогда только что прогремевшего в ученном мире благодаря его докторскому диспуту, на котором он защитил диссертацию «Боярская дума Древней Руси».

Приехав в Москву в середине лета 1884 года, Кизеветтер прежде всего подал прошение о зачислении его в студенты историко-филологического факультета. До начала учебных занятий оставалось еще около двух месяцев, и Кизеветтер мог без помехи предаться изучению многошумной и многокрасочной Москвы, которая зачаровала его сразу на всю жизнь.

Среди университетских учителей Кизеветтера первое место, конечно, занимал Ключевский. Так случилось, что Кизеветтер попал в университет как раз в тот год, когда Ключевский начинал

* См. воспоминания А. А. Кизеветтера «На рубеже двух столетий» (Прага, 1929).

свой курс с Древней Руси (он прочитывал курс в течение двух академических лет). Кизеветтер сразу подпал под обаяние лектора (о впечатлении Кизеветтера от курса было уже сказано в главе о Ключевском).

Патриархом историко-филологического факультета был в это время профессор всеобщей истории Владимир Иванович Герье, один из учителей самого Ключевского. Кизеветтер прослушал его курсы по римской истории и по истории Европы в XVIII веке (просвещенный абсолютизм). Оба курса, несмотря на их некоторую старомодность, Кизеветтер нашел полезными.

Вторым преподавателем кафедры всеобщей истории был П. Г. Виноградов. Как и Милюков *, Кизеветтер ставил его чрезвычайно высоко как преподавателя, в особенности как руководителя семинаров. Кизеветтер вспоминает и оживленные собеседования московских историков в квартире Виноградова. «На этих собраниях мы слышали доклады Милюкова, Фортунатова, А. Гучкова, Карелина, Петрушевского и других». Историю русской литературы Кизеветтер слушал у Н. С. Тихонравова, языковедение у Ф. Е. Корша и Ф. Ф. Фортунатова.

Очень ценил Кизеветтер и С. Ф. Фортунатова, «энтузиаста культа политической свободы». Он читал курс по истории Англии, Соединенных Штатов Америки, французской революции.

Студенческая масса в эти годы подразделялась на три группы — «на политиков, на будущих обывателей и на будущих ученых».

Кизеветтер примкнул к этой последней группе, прежде всего потому, что ощущал в себе непреодолимую страсть к научным занятиям, а также и потому, что в тогдашних политических движениях студенчества он не усматривал большого толка.

Ученые занятия разнообразились время от времени «вылазками на галерку Малого театра, где в то время за тридцать копеек можно было переживать минуты величайшего эстетического наслаждения от игры Ермоловой, Федотовой, Медведевой, Никулиной, Садовских, Ленской, Южина».

Увлечение театром не мешало научным занятиям Кизеветтера. Уже с третьего курса он взял себе у Ключевского тему для кандидатского сочинения — историю служилого землевладения в Московском государстве XVI–XVII веков.

* О Милюкове см. главу XIX. О Любавском было сказано в другой связи в главе XX.

«К концу университетского курса я уже чувствовал себя, что называется, подкованным по части русской истории и мог заходить к Ключевскому, не опасаясь явиться перед ним желторотым птенцом, понапрасну отнимающим время у своего учителя. Ключевский встречал меня чрезвычайно радушно, и те беседы, которые мне довелось с ним вести, принадлежат к лучшим моим воспоминаниям о тех далеких годах».

Весной 1888 года Кизеветтер окончил Московский университет. Осенью того же года он был оставлен Ключевским при кафедре русской истории для подготовки к профессуре.

После успешно прошедших магистерских экзаменов Кизеветтер получил звание приват-доцента и начал читать лекции в университете, а после открытия Высших женских курсов Герье в 1902 году стал преподавать русскую историю и там.

Темой своей магистерской диссертации Кизеветтер выбрал изучение петровских нововведений в устройстве по иноземным образцам русских городов. Научная литература не могла дать никакого ответа на вопрос, пока оставался нетронутым архивный материал, относящийся до делопроизводства магистратских учреждений XVIII столетия. Эту задачу и поставил себе Кизеветтер.

При этом у него были и другие побудительные соображения. Хотя он не вступил еще на путь политической деятельности, политические убеждения его уже сложились. Он был убежденным конституционалистом. И тут перед ним, как историком, встал вопрос: какие предпосылки для возможности преобразования политического строя России можно было бы найти в нашем историческом прошлом? И в Московской Руси и в империи XVIII–XIX столетий существовало местное самоуправление — городское и сельское.

Городским Кизеветтер как раз и решил заняться — «вспахать огромное и никем еще до тех пор не тронутое поле». Ключевский одобрил тему.

Нужные Кизеветтеру материалы находились в архиве Министерства юстиции на Девичьем Поле. В них он и погрузился. Работал там каждый день с увлечением. «В архивных документах таятся особые чары».

Вскоре после того, как Кизеветтер стал заниматься в архиве Министерства юстиции, завсегдатаями этого архива сделались также двое его младших коллег — М. М. Богословский и Н. А. Рожков.

Просидев подряд несколько часов над архивными документами, все трое, чтоб поразмять члены, шли гулять, предаваясь оживленной приятельской беседе. В будущем они оказались тремя политическими противниками: кадет (Кизеветтер), октябрист (Богословский) и большевик (Рожков).

Основным выводом диссертации Кизеветтера было утверждение, что в течение всего XVIII века, вплоть до городской реформы Екатерины II, под покровом Петровской реформы продолжал существовать типичный посадский мир эпохи Московской Руси. Диссертация была напечатана в 1903 году под названием «Посадская община в России XVIII столетия».

Диспут состоялся в декабре 1903 года. Официальными оппонентами были Ключевский и Любавский. Ключевский вел диспут совсем не в своем обычном тоне. Не было «игры кошки с мышкой», соединенной с легким экзаменом диспутанту. Ключевский ясно давал понять всем присутствующим, что он признает в своем ученике собрата по науке. Любавский был вполне корректен.

Докторская диссертация Кизеветтера была посвящена истории Городового положения Екатерины II 1785 года. Основана она была также на никем доселе не затронутом архивном материале. Диспут состоялся весной 1909 года. Ключевский на этот раз не мог участвовать, находясь в отпуску вне Москвы, по болезни. Оппонентами были Любавский и Готье. Диспут носил характер непринужденной научной беседы.

В 1893 году Кизеветтер стал женихом Екатерины Александровны Кудрявцевой. Она была вдовой его друга Александра Алексеевича Кудрявцева (ученика Виноградова). У нее уже были дети от первого брака — сын Всеволод (математик) и дочь Наталья. Летом 1894 года Кизеветтер женился на Екатерине Александровне. У них родилась дочь Екатерина.

Помимо своей научной работы и университетского преподавания Кизеветтер принял деятельное участие в Московском комитете грамотности и в связи с этим в широком просветительном движении — так называемой Комиссии домашнего чтения и лекционным бюро для организации лекций профессоров в провинции.

Московский комитет грамотности был учрежден еще в 1845 году «для всенародного распространения грамотности на религиозно-нравственных основаниях». Деятельность этого комитета, вначале вялая, временно оживилась в 1870-х годах, когда комитет

вошел в сношения со всеми земствами по вопросам народного образования, но затем опять затихла.

В 1892 году в комитет вошло сразу много новых членов, профессоров, земских и городских деятелей, внесших оживление в деятельность комитета. Это вызвало подозрение правительства в благонадежности этого учреждения.

Победоносцев произнес в комитете министров обличительную речь. Никакого расследования деятельности комитета не было произведено, но 17 ноября 1895 года Московский комитет грамотности (и одновременно Петербургский) был закрыт.

Вместо этих комитетов были учреждены «общества грамотности». Перемена была не только в названии. По новому уставу председатель такого общества назначался Министерством народного просвещения. Фактически отменена была публичность заседаний. Деятельность общества была стеснена различными строгими ограничениями.

Закрытие комитетов грамотности вызвало сильное раздражение в общественных кругах. Члены Петербургского комитета, не видя возможности при новом уставе продолжать плодотворную новую работу, единодушно приняли решение не входить в Общество грамотности.

В Москве мнения разделились. Часть членов (в том числе и Кизеветтер) стояла за уход, другая часть, во главе с такими популярными деятелями, как Чупров и Гольцев, считала необходимым работать в Обществе грамотности, несмотря на сковавший его деятельность устав.

Вопрос страстно и бурно обсуждался. В конце концов громадное большинство членов вышло из общества.

Небольшая группа осталась. Деятельность общества захирела. Пессимисты оказались правы.

Комиссия по организации домашнего чтения возникла по инициативе общественной деятельницы Е. Н. Орловой, Милукова и Виноградова.

Учредительное заседание комиссии состоялось в Большом зале Политехнического музея. Было много профессоров и приват-доцентов Московского университета (в том числе Кизеветтер), а также преподавателей средних учебных заведений. Решено было устроить «университет вне университетских стен», то есть выработать программу заочного преподавания в объеме университетского преподавания по всем отделам университет-

ского курса, за исключением медицинских наук. По всем вопросам программ решено было издать пособия — подходящие труды компетентных авторов. Крупнейшее московское издательство — Сытина охотно взяло на себя издание этих пособий. Эта серия получила название «Библиотеки для самообразования».

При комиссии было образовано «Лекционное бюро» для чтения лекций в провинциальных городах. Кизеветтер принял в нем деятельное участие. Первая его поездка была в Нижний Новгород. Для устройства лекций требовалось разрешение местного губернатора, которое давалось по предварительному заключению попечителя учебного округа. Попечитель заявил, что не может дать благоприятного заключения, пока ему не будет предложен письменный текст лекций. (Кизеветтер собирался прочесть целый курс о состоянии русского общества в конце XVIII века.) Кизеветтер представил текст. Говоря об отношении помещиков и крепостных, Кизеветтер употреблял выражение «рабовладение». Попечитель сказал, что не может допустить таких выражений, т. к. это вызовет неудовольствие в среде дворян. Кизеветтер сказал: «Если угодно, я могу заменить термин «рабовладение» термином «душевладение».

Попечитель подумал и заявил: это можно.

Лекции Кизеветтера пользовались большим успехом. После Нижнего Новгорода он ездил еще в ряд городов. В Тверь он попал как раз на время земского собрания.

Тверь всегда славилась высоким культурным уровнем своих земских деятелей. «Два дня, — вспоминает Кизеветтер, — проведенные мною в кругу этих деятелей (тут были братья Петрункевич, Бакунин, Кузьмин-Караваев и другие), оставили во мне отраднейшее впечатление».

В 1903 году Кизеветтер по приглашению Гольцева вошел в редакцию журнала «Русская мысль». В этом журнале и в ряде других Кизеветтер поместил много ярко написанных статей по различным вопросам внутренней истории России XVIII и XIX веков.

В 1912 году вышел их сборник под заглавием «Исторические очерки». В нем напечатан его обширный этюд об отношениях Александра I и Аракчеева.

В 1915 году появился второй сборник — «Исторические очерки».

После появления конституционного манифеста 17 октября 1905 года Кизеветтер написал листовку, чтобы добросовестно разъяснить малосведущим людям истинный смысл манифеста,

перевести его юридические формулы на удобопонятный для всякого простолюдина язык. И. Д. Сытин напечатал эту листовку, и она имела большой успех.

Благодаря этой листовке Кизеветтера стали приглашать разъяснять значение манифеста в народных аудиториях. В своих «Воспоминаниях» Кизеветтер рассказывает об одном из таких приглашений. Тогда его пригласили работавшие в этой школе его слушательницы по Высшим женским курсам. Другие учительницы той же школы были социал-демократками. Социал-демократы стояли за бойкот выборов.

Окончив свое выступление, Кизеветтер предложил задавать ему вопросы. Одна работница сказала: «Вот, говорят (социал-демократки), не надо выбирать в Думу, будет обман». На это Кизеветтер ответил: «Что же будет, если рабочие не станут выбирать? Другие-то своих представителей выберут, кто же тогда в Думе ваши интересы представит?»

Этот диалог вызвал потом среди учительниц школы шумные споры и ссоры. Социал-демократки кричали, что нельзя допускать буржуазию говорить с народом. Так велик у них был страх перед свободным обменом мнений.

Перед самым изданием манифеста 17 октября в Петербурге состоялся учредительный съезд конституционно-демократической (кадетской) партии (Партии народной свободы). На этом съезде вследствие железнодорожной забастовки было очень мало участников. Не мог приехать и Кизеветтер.

Фактически партия организовалась на своем втором съезде 5–11 января 1906 года.

Кизеветтер был избран в члены центрального комитета партии.

В феврале и марте он принял энергичное участие в предвыборных дебатах между кадетами, октябристами и социал-демократами.

После роспуска первой Думы и злосчастного Выборгского воззвания все подписавшие его были привлечены к суду по статье закона, влекшей за собой всего трехмесячное тюремное заключение, но лишавшее избирательных прав.

Почти все члены кадетской партии в Первой думе — цвет партии — были таким образом устранены от политической жизни.

В начале декабря 1906 года был назначен созыв Государственной думы (второй) на 20 февраля, и тем самым официально открылся предвыборный период.

Опять пошли бесчисленные митинги. Кизеветтер был назначен одним из кандидатов во Вторую думу от партии народной свободы, и ему пришлось выступать почти ежедневно. Дискуссия была разнообразнее, чем перед Первой думой. Левые партии уже отказались от политики бойкота и сплотились в блок. Дейтельное участие в предвыборной кампании приняли и партии правее кадетов.

В Москве (как и в Петербурге) кадеты одержали полную победу. От города Москвы прошли в Думу Кизеветтер, кн. Павел Долгоруков, Маклаков и Тесленко.

Политический облик Второй думы значительно отличался от Первой.

Центр вместо кадетов заняли трудовики, число депутатов от Партии народной свободы значительно уменьшилось. Председателем думы был избран однако кадет Ф. А. Головин.

Фракция трудовиков состояла в большинстве из крестьянских депутатов, во главе которых стояло несколько интеллигентов умеренных социалистов. Но крестьяне далеко не всегда шли за ними и проводили свою собственную политику, главная цель которой была добиться нового земельного закона для передачи крестьянам возможно большего количества земли. Лозунгом крестьянства и большинства членов Второй думы было избегать конфликтов с министерством и «беречь Думу» для деловой законодательной работы. Но этого нельзя было сделать ввиду отсутствия у какой бы то ни было фракции абсолютного большинства и наличия ряда мелких групп с непримиримыми интересами.

Правее кадетов была небольшая прослойка октябристов и затем крайнее правое крыло черносотенных депутатов «Союза русского народа». Левое крыло Думы состояло из умеренных народных социалистов, социалистов-революционеров и социал-демократов (меньшевиков и большевиков). Отдельно держалось польское коло.

Кизеветтер произнес в Думе несколько речей и участвовал в комиссиях.

Министерство Горемыкина (во главе которого фактически стоял Столыпин) было совершенно не удовлетворено Думой и искало только предлога для ее роспуска. 1 июля Столыпин предъявил Думе требование удалить из состава всю социал-демократическую группу — 55 депутатов по обвинению в преступном военном заговоре.

Дума образовала комиссию из депутатов-юристов для рассмотрения основательности требования министерства.

Кизеветтер был выбран председателем этой комиссии. Комиссия заседала до часу ночи 3-го июня, чтобы на следующий день возобновить и закончить работу.

Но ночью Столыпин добился у Николая II указа не только о роспуске Думы, но и об издании нового избирательного закона, давшего перевес правым партиям. Сделано это было вопреки основным законам.

«После роспуска Второй думы, — пишет Кизеветтер в своих воспоминаниях, — все указывало на то, что момент политического кризиса миновал и предстоят продолжительные будни... Вихрь улегся. Государственный корабль вступил в тихую воду. И теперь политическую работу можно было предоставить тем, кто испытывал к ней внутренний вкус и непосредственное влечение... Я наотрез отказался ставить свою кандидатуру в Государственную думу».

В 1911 году Кизеветтер вместе с большинством университетских профессоров и преподавателей ушел из Московского университета в виде протеста против незаконных действий министра народного просвещения Кассо. Кассо удалил профессора Мануйлова с должности ректора Московского университета, а также устранил проректора и помощника ректора.

Большинство вышедших из университета профессоров и преподавателей, в том числе и Кизеветтер, сейчас же были приглашены преподавать в только что тогда созданный вольный народный университет имени Шанявского. В 1922 году Кизеветтер вместе с большой группой русских ученых и философов был, по распоряжению Троцкого, выслан за границу. С Кизеветтером выехали его жена, дочь и падчерица. Они обосновались в Праге.

Прага как раз в эти годы стала русским культурным центром. Началась так называемая «русская акция». Чехословацкое правительство и президент Масарик лично ассигновали значительные средства на приезд в Прагу русских профессоров и студентов. На несколько лет Прага сделалась «русскими Афинами».

В этой обстановке Кизеветтер мог с успехом продолжать свою научную и преподавательскую деятельность. Он вошел в русскую учебную коллегия и был избран профессором Русского юридического факультета (по кафедре русской истории). Кроме того, он

сделался членом Русского исторического общества в Праге и прочел там ряд докладов.

Кизеветтер принял также деятельное участие в русской общественной жизни Праги, как, например, в годичных собраниях Дня русской культуры, бывших, можно сказать, своего рода отчетом и напоминанием о культурном значении русского рассеяния за рубежом.

За годы пребывания в Праге Кизеветтер написал и напечатал свои воспоминания и много ученых работ. Отметим здесь важнейшие из них: «Иван Пересветов» (собрание статей, посвященных П. Б. Струве, Прага 1925); «Первое пятилетие правления Екатерины II» (Сборник статей, посвященных П. Н. Милокову, Прага, 1929); исторические очерки по истории Московского государства (в XV–XVI столетиях), по истории России в XVIII столетии и по истории царствования Александра I (напечатанное по-французски в коллективном издании Milioukov, Seignobos, Eisenmann, Histoire de Russie, Paris, 1932–1933 гг.). В последний год своей жизни Кизеветтер был тяжело болен и к тому же сильно переживал смерть своей жены, верной его спутницы.

М. М. Богословский (1867–1929)

Михаил Михайлович Богословский по окончании гимназии поступил на историко-филологический факультет Московского университета (он был одним курсом моложе Кизеветтера).

Медальную работу Богословский написал о писцовых книгах. Ключевский отозвался о ней с большой похвалой и оставил Богословского при кафедре русской истории для подготовки к профессуре. Темой своей магистерской диссертации Богословский выбрал провинциальную реформу Петра Великого 1719 года. Диссертация была основана главным образом на архивных документах. Вышла содержательная и талантливая книга (1902).

На диспуте официальными оппонентами Богословского были Любавский и Кизеветтер. «Диспут был очень интересный и велся нами в самом джентльменском тоне товарищей по науке» (Кизеветтер).

Через несколько лет Богословский завершил свою докторскую диссертацию «Земское самоуправление на русском севере в XVII столетии» (два тома).

Эта книга Богословского представляла собой еще больший вклад в науку, чем первая. В основу ее положен был огромный архивный материал, почерпнутый из делопроизводства Приказа Устюжской четверти.

В этом труде исследовательский талант Богословского проявился во всей силе. Из огромной глыбы архивных документов он сумел изваять стройное скульптурное изображение северного русского Поморья и осветил многие стороны этого быта, ранее представлявшегося ученым лишь в неясных очертаниях.

Докторский диспут состоялся в 1910 году. Оппонентами опять были Любавский и Кизеветтер.

«Мы спорили очень оживленно, не без шуточной язвительности с обеих сторон, и публика несколько раз весело аплодировала каждому из нас» (Кизеветтер).

В 1911 году (уже после смерти Ключевского) Богословский был избран на вторую кафедру русской истории (первую занимал Любачевский). Через десять лет после того он был избран членом Академии наук.

Богословский интересовался и краеведением, особенно севера России. Его статья «Областная история России, ее научные особенности и современные задачи» была напечатана в сборнике «Вопросы краеведения» (Нижний Новгород, 1928).

Яркую характеристику личности Богословского дал Кизеветтер в своих воспоминаниях.

«Богословский говорил басом, имел вид степенного и положительного человека, ступал твердо, его телодвижения были медленны, но вески. На первый взгляд его можно было принять за человека тяжелого во всех отношениях. Но достаточно было сойтись с ним поближе и познакомиться с его произведениями, как вы с удовольствием находили в нем человека изящного и острого ума и ярко выраженной талантливости. К либеральным идеям он относился с немалым скептицизмом и был упорен в отстаивании своих мнений».

Как уже было сказано, Богословский выбрал тему для своей магистерской диссертации из эпохи Петра Великого, таким образом, он хорошо ознакомился с приемами и характером деятельности Петра как реформатора. Хотя докторская его диссертация была посвящена другой теме и более раннему времени, тема о Петре прочно утвердилась в его мышлении.

В тяжелое время первой мировой войны Богословский задумал и начал готовить многотомную биографию Петра.

Отрывок из второго тома этого труда — «Петр Великий в Вене в 1698 году» Богословский поместил в журнале «Дела и дни» II (1921).

Первый том к этому времени уже был написан.

Можно догадываться, что Богословский взялся за свой громадный труд под влиянием впечатлений катастрофических (для России) событий войны. Он чувствовал приближение конца созданной Петром империи и обратился к тщательному рассмотрению жизни и деятельности Петра, чтобы запечатлеть в сознании русского общества панораму героической эпохи русской истории.

Труд Богословского очень своеобразно построен. Личность Петра стоит в центре, но вокруг нее в рассказ автора вступают, по мере их появления и значения, все с кем Петр входил в соприкосновение. Рисуется вся обстановка жизни Петра, начиная с младенчества.

Читая книгу, как бы видишь Петра и живешь с ним в окружающей его действительности.

Богословский работал над биографией Петра до самой смерти.

После него осталось в рукописи пять томов. Последний напечатанный им том охватывает деятельность Петра за 1698 и 1699 годы — до заключения мира с Турцией.

На последней странице проставлена дата завершения им этого тома — 6 апреля 1929 года. Дальше должно было следовать изложение Северной войны, но 20 апреля Богословский скончался, и его труд остался незаконченным. Но и то, что он успел написать, — большой вклад в историческую науку. Труд был напечатан в 1941–1948 годах.

Н. А. Рожков (1868–1927)

Николай Александрович Рожков приехал в Москву из Перми в середине 1890-х годов. В Перми он был учителем истории в гимназии. В фундаментальной библиотеке этой гимназии было богатое собрание книг по русской истории. Рожков там и подготовился к магистерскому экзамену.

По выдержании экзамена он был оставлен Ключевским при кафедре.

Рожков высказывал тогда самые определенные народнические воззрения, но постепенно превратился в марксиста.

Магистерскую диссертацию он написал очень быстро, обогнав и Кизеветтера и Богословского. Темой диссертации было «Сельское хозяйство в России в XVI веке». Основал он ее на изучении писцовых книг. Собрал грудку материала. В методологическом отношении труд был очень слабый.

На диспуте Ключевский беспощадно разобрал несовершенства диссертации. Вторым оппонентом был Кизеветтер. Он старался смягчить впечатление от выступления Ключевского, но все же указал на ряд промахов.

Тем не менее и Ключевский и Кизеветтер рекомендовали факультету дать Рожкову степень магистра.

Докторской диссертации Рожков уже не стал писать. Он вошел в редакцию большевистской «Борьбы», был арестован, долго просидел в тюрьме и был сослан в Иркутск.

После октябрьской революции 1917 года Рожков вернулся из Сибири, но тотчас разошелся с прежними товарищами по партии. Он остался верен воспринятой им марксистской догме, но увидел, что большевики в своей деятельности ее переиначили. Он не мог с этим примириться. Частные органы печати в это переходное время еще существовали, и он напечатал письмо, в котором резко критиковал текущую политику партии. За это он был арестован и посажен в тюрьму. В конце концов он сдался и написал покаянное письмо. После этого он был поставлен во главе одного из учебных институтов и на этом посту умер.

Рожков был плодовитым писателем. Большинство его работ было написано с социологической точки зрения. Заслуживает внимания его «Город и деревня в русской истории» (3-е издание, Петербург 1913).

Главный его труд — «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (12 томов, 1918–1926). Это едва ли не первый опыт обобщающего обзора русской истории с социологической точки зрения. В основу периодизации русского исторического процесса Рожков положил эволюцию форм хозяйства, смену натурального хозяйства денежным.

Рожков насчитывает девять периодов русской истории: первобытное общество; общество дикарей; дофеодальное общество (с этого периода начинаются события русской истории); феодаль-

ная революция; феодализм; дворянская революция; господство дворянства; буржуазная революция; капитализм.

Ю. В. Готье (1873–1943)

Юрий Владимирович Готье был талантливым историком и археологом. Он окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1895 году и был оставлен Ключевским при кафедре. Другими двумя учителями его были Герье и Виноградов.

С 1903 по 1915 год Готье был приват-доцентом, затем профессором Московского университета.

С 1898 года Готье состоял секретарем Румянцевской библиотеки, затем заместителем ее директора. Оставался в этой должности до 1930 года (после утверждения советской власти библиотека была переименована в Ленинскую).

В 1939 году Готье был избран членом Академии наук.

Готье был ученым широкого кругозора и разнообразной тематики. Он был и историком и археологом.

Первым крупным его трудом был «Замосковский край в первой половине XVII века» (1906; переиздано в 1927 году) (его магистерская диссертация).

Труд этот был основан на тщательном анализе данных писцовых книг и представляет собой картину постепенного изживания катастрофических опустошений Смутного времени.

К Смутному времени относится и изданный Готье сборник документов «Памятник обороны Смоленска 1608–1611» (1913).

После XVII века Готье обратился к XVIII. В 1913 году вышел первый том его обширного труда «История областного управления в России от Петра до Екатерины II» (его докторская диссертация).

Готье начинает с того, чем кончил Петр Великий, — с отмены дорогостоящих провинциальных учреждений в 1727 году.

Все функции управления и суда возложены на губернаторов и воевод в канцеляриях при них. Наказ воеводам в значительной степени повторял предписания воеводских наказов XVII века.

В дальнейшем дело пошло в сторону расширения прав местного дворянства в местной жизни. Этот процесс описан Готье во II томе его книги, который появился в 1941 году (этот том мне недоступен, я знаю о нем из советской энциклопедии — статья о Готье).

Новая эра была возведена манифестом Петра III о вольности дворянской.

В 1915 году Готье напечатал «Очерк истории землевладения в России».

С 1900 года Готье начал заниматься археологией, которой он и раньше уже интересовался. Он стоял за необходимость привлечения данных и истории и археологии к изучению древней русской истории. Производил много раскопок в среднерусских и южно-русских областях.

На результатах этих раскопок были основаны его два труда — «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы» (1925) и «Железный век в Восточной Европе» (1930). Эти книги содержат первый в русской историографии научный обзор предыстории России. Они не утратили значения до наших дней.

С. В. Бахрушин (1882–1950)

Сергей Владимирович Бахрушин родился в Москве. В 1904 году, по окончании Московского университета, он также был оставлен Ключевским при кафедре.

Первая его работа была по истории княжеского хозяйства (1909). За ней последовало исследование о московском мятеже 1648 года (1917). В 1916 году появилась его статья «Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремизова».

Главные труды Бахрушина написаны были после октябрьского переворота 1917 года.

Бахрушин работал преимущественно над двумя вопросами: история Сибири XVI–XVII веков и предприятия русских торговых людей той же эпохи, а в связи с этим исследовал предпосылки возникновения всероссийского рынка в XVI веке. «Научные труды» Бахрушина изданы в четырех томах (Москва, 1952–1959).

Бахрушин был выдающимся историком и неутомимым исследователем.

А. И. Яковлев (1873–1951)

Алексей Иванович Яковлев учился в Московском университете. Когда он был на третьем курсе, начались студенческие волнения, а в феврале 1899 года произошла бурная забастовка.

Более 150 студентов было уволено правлением университета. Яковлев был удален «за выходки».

20 февраля Ключевский написал письмо ректору университета, ходатайствуя о вторичном приеме Яковлева в студенты. «Он написал прекрасное сочинение по русской истории для соискания медалей, когда еще состоял на первом курсе — редкий случай в истории русских университетов... Чем ближе узнавал я его, тем более укреплялся в составленном о нем мнении, возлагая на него самые добрые надежды. Думаю, что поступок его вызван был крайне возбужденным состоянием и не имел неисправимо дурных побуждений... Я с своей стороны готов вполне поручиться за его благонадежное поведение по возвращении в Московский университет».

Яковлев в конце концов был опять допущен в университет. Ключевский оставил его при кафедре.

По выдержании магистерского экзамена Яковлев сделался приват-доцентом.

В 1916 году вышел его труд «Засечная черта в XVIII веке». В нем Яковлев описал систему русских оборонительных укреплений против татарских нашествий. Труд этот до сих пор не утратил своей ценности для истории военного дела в России и русской исторической географии.

В следующем году появилось исследование Яковлева «Приказ ратных дел». После этого Яковлев получил профессиру.

После октябрьского переворота 1917 года Яковлев продолжал свою научную деятельность. В 1943 году напечатан был его труд «Холопы и холопство в Московском государстве». За несколько лет перед тем под его редакцией был издан большой сборник документов — «Новгородские записные кабальные книги» (1938).

Я. Л. Барсков (1863–1937)

Яков Лазаревич Барсков был старейшим учеником Ключевского, беззаветно преданным своему учителю.

По окончании университетского курса Барсков не был оставлен при кафедре Ключевским. Мне не известно, хотел ли Барсков пойти по академической дороге. По-видимому, он не чувствовал в себе призвания к этому. Во всяком случае, он и Ключевский остались на всю жизнь в близких отношениях.

По окончании университета Барсков сделался преподавателем истории в московских средних учебных заведениях.

Между прочим, он преподавал историю в старших классах московской пятой гимназии, когда я там учился (я окончил эту гимназию весной 1905 года). На своих уроках Барсков добивался того, чтобы ученики не только знали предмет, но вдумывались в него и научились самостоятельно осмысливать исторический процесс. Барсков заложил во мне интерес и любовь к истории. Когда я кончал гимназию, я уже решил поступать на историко-филологический факультет Московского университета.

Время от времени Барсков ездил в Петербург, виделся с петербургскими учеными и литераторами, иногда исполнял какие-нибудь поручения Ключевского и осведомлял его о петербургских новостях.

В 1902 году статс-секретарь Финляндии В. К. Плеве просил Ключевского собрать материалы по истории Финляндии. Ключевский отговорился болезнью и указал вместо себя на Барскова. Поручение было щекотливое: с 1899 года (когда Плеве был назначен заведовать финскими делами) началась подготовка к ограничению автономии Финляндии.

В этой связи Плеве и понадобились исторические данные.

Плеве Барскова к себе не вызвал — вероятно, поручил эту работу кому-нибудь из чиновников своей канцелярии.

В 1909 году ученики, друзья и почитатели Ключевского посвятили ему сборник статей по случаю тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. Для этого сборника Барсков составил список трудов Ключевского.

Много потрудился Барсков для приведения в порядок «Курса русской истории» Ключевского. Еще будучи студентом, он записал прослушанные им лекции Ключевского, читанные в 1883–1884 годах. По его записи курс тогда же был литографирован. Двадцать лет спустя Барсков помог Ключевскому подготовить к печати первые четыре части «Курса». Пятая часть была издана Барсковым в 1921 году.

После смерти Ключевского Барсков переехал в Петербург. Там он получил место ученого сотрудника Государственного архива. Эта работа была как раз то, что для него было нужно по его склонностям и способностям. Он очень быстро освоился с новыми обязанностями.

Вместе с тем он ознакомился и с материалами других петербургских архивов и публичной библиотеки.

Барсков вникал в нужды русских и приезжих заграничных ученых, занимавшихся в архиве, и всегда готов был помочь им советом и указаниями.

В том числе он много помог и мне, когда я в 1913 году переселился из Москвы в Петербург и готовился к магистерским экзаменам и диссертации под руководством С. Ф. Платонова.

При всем том Барсков успевал заниматься и собственной научной работой. В 1915 году он написал для Русского биографического словаря биографию масона И. В. Лопухина. В том же году он прочел в Военно-историческом обществе доклад о переписке графов Н. И. и П. И. Паниных с цесаревичем Павлом Петровичем. В 1915 году Барсков издал любопытную переписку русских масонов 1780–1792 годов.

Барсков был старообрядцем и знатоком старообрядческой литературы. Имея это в виду, член Археографической комиссии В. Г. Дружинин предложил ему составить сборник памятников первых лет русского старообрядчества. Барсков работал над изучением этого ценного материала в течение нескольких лет. Сборник был напечатан под редакцией Барскова в 1912 году в XXIV томе Летописи занятий Археографической комиссии.

В 1922 году Барсков поместил в «Русском историческом журнале» (книга 8) обширную рецензию на книгу С. Ф. Платонова «Борис Годунов». Барсков отмечает, что интерес Платонова к личности и судьбе Бориса возник уже при работе Сергея Федоровича над его магистерской диссертацией «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени» (1888), затем проявился в его «Лекциях по русской истории» и в его «Очерках по истории Смуты в Московском государстве» (1899).

«Проходили годы, десятки лет, — пишет Барсков, — и автор неизменно продолжал питать не только научный интерес, но и глубокую симпатию к Борису, настойчиво подбирая аргументы для его оправдания». «Новый труд Платонова, — продолжает Барсков, — имеет основной целью оправдание Бориса».

Барсков высоко оценивает литературный талант Платонова.

«Много наговорить и мало сказать каждый умеет; но заключить в тесные границы обширный материал может только большой мастер своего дела. По стройности и гармонии целого, по расположению и пропорциональности частей, по изяществу и лег-

кости языка книгу Платонова можно поставить рядом лишь с работами лучших французских историков — Г. Буассье, Сореля, Тена».

«Книга не содержит ничего нового сравнительно с другими трудами Платонова, но по своей конструкции и стилю, по обработке основной темы это — крупная и драгоценная новость для русской историографии».

Последняя научная работа Барскова — его статья о Радищеве. Озаглавлена она «А. Н. Радищев — Торжок». Это как бы комментарий к главе под таким названием в нашедшей книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790)*.

Статья содержит в себе анализ мнений Радищева о свободе печати и цензуре. Опубликована она была уже после смерти Барскова.

Вклад Барскова в русскую историческую науку не ограничивался его собственными исследованиями и публикациями. Нужно учесть его помощь Ключевскому, а также и его содействие целому ряду других русских историков и историков русской литературы, которые обращались к нему за помощью в их работе.

XXVII

Ученики С. Ф. Платонова

С. В. Рождественский (1868–1934)

Старейшим по возрасту из учеников Платонова был Сергей Васильевич Рождественский**.

Рождественский окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и по совету Платонова взял для магистерской диссертации тему из социально-экономической истории Московской Руси — «Служилое землевладение в Московском государстве XVI века». В предисловии к своему труду он выражает сердечную благодарность Платонову «за его неизменное внимание и разнообразное содействие».

Труд был закончен в 1896 году, книга напечатана в 1897-м.

* Сборник «XVIII век», 2 (Ленинград, 1940), стр. 54–76.

** Следующим по возрасту был И. И. Лаппо (родился в 1869 году). О нем уже было сказано в главе XX об историках юго-западного края.

Диспут прошел успешно, Рождественский получил звание магистра и начал читать лекции в Петербургском университете.

В 1920 году Рождественский напечатал свою прочувственную статью «Памяти С. М. Соловьева (к столетию со дня его рождения)» (журнал «Дела и дни», книга первая).

Эта вдумчивая всесторонняя оценка — одна из лучших статей о нем. Рождественский завершил свой очерк следующими словами:

«Воспоминание о том, как жил и трудился Соловьев, пусть волеет больше бодрости и сил в души молодого поколения наших дней, выходящего на поприще исторической науки».

До появления исследования Рождественского история служилого землевладения привлекала к себе внимание по преимуществу историков-юристов. Труды Невелина и некоторых других исчерпали материал, заключающийся в памятниках московского законодательства и старых актов и дали более или менее обстоятельные построения вотчинного и политического права XVI–XVII веков.

«Эта искусственная схема правовых отношений, — говорит Рождественский, — часто скрывает живую историческую перспективу, причудливую последовательность тех разнообразных процессов, из которых складывалась история изучаемого явления».

Хронологически Рождественский ограничивает свои изыскания рамками XVI века.

«В эту эпоху, — пишет он, — все существенные, оригинальные черты изучаемого явления выступают особенно ярко и выпукло. Именно в XVI веке основной принцип служилого землевладения — земля не должна выходить из службы — ставится московским правительством вполне сознательно и твердо, осуществляется на практике особенно резко».

В этом аспекте изучение истории служилого землевладения соприкасается с проблемами финансовой истории Московского государства, как она была поставлена в трудах Лаппо-Данилевского и Милюкова. Рождественский опирается на эти труды.

В ряде глав своего исследования Рождественский рассматривает вопросы о мобилизации вотчинного землевладения, экономическом кризисе, княжеских вотчинах, служилом значении монастырских вотчин, московской земельной аристократии XVI века, основах поместной организации XVI века и типах поместного землевладения. Верный своему принципу — вникать в

действительную житейскую обстановку, в которой правительство пыталось осуществить принципы законодательства о вотчинах и поместьях, Рождественский приходит к заключению, что правосознание самого служилого класса и его противодействие правительственным мероприятиям существенно подрывало усилия правительства.

После написания своей магистерской диссертации Рождественский отошел от Московской эпохи и занялся изучением истории народного просвещения в XVIII и XIX веках.

В 1902 году появился его основательный труд «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения».

В дополнение к этому Рождественский в 1910 году издал «Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках» и «Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности, материалы по истории», том 1, 1819–1836 (1920). В 1912 году появился второй капитальный труд Рождественского «Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках», том 1 (XVIII век).

Книга состоит из трех очерков: (1) «Вопросы народного просвещения в XVIII столетии во времена Екатерины II»; (2) «Проекты учебных реформ в царствование Екатерины II до учреждения комиссии о народных училищах»; (3) «Комиссия о учреждении народных училищ».

В приложении напечатаны материалы, извлеченные из архивов.

Содержание этого труда значительно шире, чем можно было бы судить по заглавию. Рождественский рассматривает не только «Системы» народного образования, но и главные течения русской педагогической мысли в XVIII веке.

Вопросы народного образования не только служили предметом законодательства, но и оживленно обсуждались в публицистике.

Во второй трети XVIII века преобладало стремление к профессиональному шляхетскому образованию.

В 1731 году при Анне Иоанновне был учрежден сухопутный шляхетский корпус.

Но вместе с тем уже тогда высказывалась мысль о необходимости общего образования.

Эта идея воплотилась в жизнь с основанием Московского университета. Главным поборником ее был И. И. Шувалов. В дальнейшем, в царствование Екатерины II, создана была стройная

система учебных заведений, возглавленных Московским университетом. Новая обширная реформа системы народного образования и создание сети университетов начались при Александре I с того пункта, на котором остановились реформы Екатерины.

Рождественский предполагал написать во втором томе своего труда об учебных реформах Александровской эпохи, но не успел.

Рождественский умер в ссылке в 1934 году — один из многих русских историков, погибших в это время.

А. Е. Пресняков (1870–1929)

Александр Евгеньевич Пресняков окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Платонов оставил его при кафедре.

Пресняков глубоко чувствовал дружеское отношение к нему его учителя.

В предисловии к своей магистерской диссертации «Княжое право» (1909) Пресняков пишет: «Особенно трудно мне оценить на словах то многое, чем я обязан многолетнему личному и научному общению с глубокоуважаемым и дорогим учителем моим Платоновым. Без его дружеских настояний эта книга не была бы написана».

В 1913 году Пресняков опубликовал ценное исследование о так называемой «Царственной книге» — ее составе и происхождении.

«Царственная книга» охватывает время с сентября 1533 года по 1555 год.

В 1769 году она была напечатана кн. М. М. Щербатовым по единственной известной нам рукописи, хранившейся в Московской синодальной (бывшей патриаршей) библиотеке. Издание это совершенно неудовлетворительно. Саму рукопись Щербатов поднес императрице Екатерине II.

«Царственная книга» — один из главных источников для изучения событий начала царствования Ивана Грозного и единственно достоверное описание боярской смуты 1553 года. Ввиду исторической ценности «Царственной книги» Пресняков поставил вопрос об ее издании. Это взял на себя С. Ф. Платонов. Под его редакцией «Царственная» была напечатана во второй половине XIII тома «Полного собрания русских летописей».

Через пять лет вышли в свет две книги Преснякова — «Московское царство» и «Образование великорусского государства» (его докторская диссертация).

В 1922 году Пресняков напечатал две статьи из Московской эпохи XVI века — «Завещание великого князя Василия III» (сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову) и «Эпоха Грозного в общем историческом освещении» (Анналы, № 2).

После этого Пресняков занялся русской историей XIX века — написал книжку об Александре I (1924) и очерк о восстании декабристов (1926). Посмертно вышли его «Лекции по русской истории: 1. Киевская Русь; II (выпуск 1) — Западная Русь и Литовско-русское государство». Лекции эти были им читаны в Петербургском университете в 1908/1909 и 1909/1910 годах.

Крупным вкладом Преснякова в русскую историческую науку является его магистерская диссертация «Княжое право в Древней Руси» (1909). Как Пресняков объясняет в предисловии к этому труду, книга состоит из двух очерков. Первый посвящен междукняжеским отношениям в домонгольские времена. Второй очерк посвящен попытке осветить общественное положение князя: особый круг отношений, который служил основанием самостоятельного положения князя в древнерусской земле — княжении.

В вводной главе Пресняков обсуждает черты древнеславянского права. Он признает ценность понятия «задруги» или «семейной общины», выдвинутого Ф. И. Леонтовичем, но не принимает эту теорию в целом*.

В заключении к своему труду Пресняков рассматривает вопрос о возникновении и развитии церковного землевладения и находит, что значительную роль в этом процессе сыграли княжеские земельные пожалования.

Следующий значительный труд Преснякова — «Московское царство». Книга состоит из вступления и одиннадцати глав. В них Пресняков рассматривает следующие вопросы: понятие Великой России; народная жизнь великорусского севера; образование великорусского государства; вотчинное самодержавие; великорусское боярство; церковь и государство в Московской Руси; судьбы вотчинного землевладения; государевы служилые люди;

* О взглядах Леонтовича см. в главе XX («Историки юго-западного края»).

государевы тяглые сироты; государственный строй Московского царства; Московское царство и Российская Империя.

М. А. Дьяконов, строгий к себе и другим, написал критический отзыв об этом труде Преснякова, находя в суждениях автора много неясного. В заключении, однако, он признал, что многие характерные особенности общественного строя «представляются очень любопытными и книга прочтется с интересом и пользой всяким, кому она окажется по плечу».

Третий — едва ли не самый крупный труд Преснякова — «Образование Великорусского государства». Основная задача этого исследования, говоря словами автора, — «восстановить по возможности права источника и факта в представлении об одном из важнейших явлений русской истории — образовании Великорусского государства. Ранняя история северо-восточной Руси стала в нашей историографии жертвой теоретического подхода к материалу, который обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, не из них выведенной, схемы. Поэтому, с одной стороны, немало этих данных, неподходящих к принятым схемой положениям, осталось вне внимания историков, вне их обобщений, а с другой — широкие обобщения схемы не считались с хронологической последовательностью основных явлений изучаемой эволюции и разрывали подлинную связь их между собой».

По мнению Преснякова, «в работах Ключевского историографическая традиция, заложенная Соловьевым, стала своего рода аксиомой нашей науки». Тем резче, по его же мнению, выступает основной грех этой аксиомы — социологический догматизм.

«Образование Великорусского государства», — говорит Пресняков, — а не «возвышение Москвы», не шедший изнутри органический процесс разрастания княжеской вотчины в государство, а сложное и изменчивое сплетение внешних интересов и отношений великорусской народности, приведшее к сплочению ее вокруг одного из центров борьбы за национальные интересы, объединение Великороссии великими князьями московскими путем собирания не земель, а власти — вот основная мысль, по которой должно идти, по мысли Преснякова, новое построение истории северо-восточной Руси XIII–XV веков.

С. В. Рождественский поместил в пятой книге «Русского исторического журнала» (1918) вдумчивый отзыв об этом «капитальном», по его выражению, труде Преснякова. «Книга Преснякова, — пишет Рождественский, — крупное приобретение

для нашей историографии. Если ему и не удалось поколебать в основаниях господствующего построения истории северо-восточной Руси XIII–XV веков, то достигнуты существенные результаты в критике известной односторонности этого построения в образцовой проверке фактического материала. Выдвинутые автором новые точки зрения на характер развития великодержавной власти, на природу удельного владения должны оживить внимание историков к этим капитальным вопросам нашей древности».

М. А. Полиевктов (1872–1942)

Михаил Александрович Полиевктов окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1894 году. Платонов оставил его при кафедре для подготовки к профессуре.

В 1907 году Полиевктов защитил магистерскую диссертацию на тему «Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725)».

В 1917 году он опубликовал библиографическую статью «Литература по внешней русской истории XVIII–XIX вв. за 1910–1915» (в «Исторических известиях»). За этим последовала другая статья библиографического характера «Историческая литература по эпохе Николая I за 1900–1916» («Русский исторический журнал»). После защиты диссертации Полиевктов был избран профессором Высших женских курсов и, кроме того, читал лекции в Петербургском университете в качестве приват-доцента.

На Высших женских курсах Полиевктов читал курс, посвященный обзору эпохи Николая I. Одновременно он написал биографию Николая I для Русского биографического словаря. Издание словаря прекратилось в 1917 году. Издательство Сабашниковых в Москве предложило Полиевктову издать этот труд отдельной книгой. Она вышла в свет в 1918 году под заглавием «Николай I. Биография и обзор царствования».

«Балтийский вопрос» Полиевктова (1907) — труд первостепенного значения для внешнеполитической истории России первой четверти XVIII столетия. В своем предисловии Полиевктов характеризует пятилетие 1721–1725 как время «планомерной дипломатической борьбы, бывшей прямым логическим продолжением только что закончившейся вооруженной борьбы за Балтийское побережье».

Для понимания исторической подоплеку этой борьбы Полиевктов предпосылает своему исследованию очерк «Балтийский вопрос во второй половине Северной войны (1709–1721).

В основу своего труда Полиевктов положил обильные архивные материалы, извлеченные им как из русских, так и из заграничных архивов. Материалы эти до того времени никем не были использованы.

В заключительной части предисловия Полиевктов выражает свою признательность двум своим университетским профессорам — С. Ф. Платонову и Г. В. Форстену. Платонов, пишет Полиевктов, научил его «уважать в научной работе строгость и методичность в исследовании и осторожность в выводах и оказал ему, кроме того, существенную поддержку в его научных занятиях».

«Но больше всего и прежде всего он (Полиевктов) считает себя обязанным своей матери, в свое время сумевшей вдохнуть в него уважение к научной деятельности, а впоследствии своими неустанными заботами создавшей для него наиболее благоприятные для занятий условия. Ей по праву и должна быть посвящена настоящая работа».

В 1930 году Полиевктов был назначен профессором русской истории в Тифлисском университете и переехал на Кавказ.

Обращаемся теперь к рассмотрению его книги о Николае I. «Царствование императора Николая I, — пишет Полиевктов в своем предисловии к этому труду, — определенная эпоха в русской истории, эпоха, прежде всего в истории абсолютной монархии в России... Царствование императора Николая I имеет прежде всего исторический интерес, как такой период в истории абсолютной монархии в России, когда эта политическая форма стала боевым лозунгом, торжествующим свою победу, и из простого исторического факта окончательно превратилась в санкционированный политический принцип... Жизнь государя Николая Павловича уясняет нам многое в правительственной деятельности императора Николая».

За предисловием следует вводная глава «Детство и годы учения великого князя Николая Павловича». Через три месяца после его рождения скончалась его бабка Екатерина II и заботы о Николае перешли к родителям — императору Павлу и его супруге Марии Федоровне (жена императора во втором браке). После смерти Павла заботы о воспитании Николая остались в ведении Марии Федоровны.

После того как Николаю исполнилось 15 лет, академик Генрих Шторх был приглашен прочесть ему курс политической экономии. Впоследствии Николай отзывался об этих лекциях как чересчур отвлеченных, но некоторые идеи Шторха оказали на него влияние. С увлечением Николай занимался изучением инженерного дела. Из него получился знающий инженер.

С детства в характере Николая замечалось сочетание сердечности и прямоты с жестокостью и грубостью. Позже эти противоречия проявилась в его деятельности, как государя.

В 1814 и 1815 годах великие князья Николай и младший брат его Михаил ездили на театр военных действий против Франции. Руководителем их был опытный боевой генерал П. П. Коновницын.

Расставаясь в начале 1816 года с великими князьями, Коновницын написал им письмо, в котором предостерегал их от увлечения бездушной фронтовой военщиной.

По мере возмужания Николая мать его, императрица Мария Федоровна, стала подыскивать для него подходящую невесту. Выбор ее пал на прусскую принцессу Шарлоту. В июне она со своей свитой приехала в Петербург, приняла православие и наречена была Александрой Федоровной. 1 июня 1817 года состоялось в Зимнем дворце бракосочетание.

В семейном отношении брак оказался счастливым. 17 апреля 1818 года родился сын Александр — будущий император Александр II.

Брак этот имел значительные политические последствия — тесные связи Николая Павловича с прусским королевским домом.

В конце 1826 года Николай приказал составить для него свод показаний декабристов по вопросу о внутреннем состоянии государства. Этот свод был ему представлен в феврале 1827 года, и с тех пор всегда находился в кабинете государя. Николай имел таким образом перед собой картину хаотического состояния русской администрации, полиции, податной системы, тяжелого состояния крепостных крестьян.

Либеральные идеи декабристов («пустословие») были, конечно, неприемлемы для Николая, но он решил провести реформы в рамках бюрократического государства под своим личным наблюдением.

Средоточием его надзора за проведением реформ сделалась «Собственная Его Величества Канцелярия». Первое отделение ее выполняло функции собственно личной канцелярии императора.

Второму отделению поручено было привести в порядок законы. Под руководством Сперанского составлено было «Первое полное собрание законов» (1649–1825) и на основании его «Свод законов» (первое издание 1832 г.). После этого ежегодно составлялось полное собрание вышедших за этот год узаконений.

Третье отделение заведовало государственной полицией и корпусом жандармов. Во главе его поставлен был генерал-адъютант граф А. Х. Бенкендорф. Главной его задачей была борьба с нежелательными политическими идеями, в связи с чем был принят ряд мер в области вероисповедной политики, цензуры и народного просвещения.

Четвертым отделением было «Ведомство императрицы Марии» (женские гимназии, институты, больницы, заведения для призревания слепых и пр.).

Большое внимание Николай обратил на положение крепостных крестьян. Помощником государя в этом предприятии был генерал П. Д. Киселев, которого Николай I в шутку называл главным начальником штаба по этой части. В ряде секретных комитетов и совещаний были приняты частичные меры в пользу крестьянства.

Как ни робки были эти попытки, Полиевктов считает, что привлечение Киселева к решению крестьянского вопроса составляет в этом отношении эпоху. И действительно, важно было уже то, что крестьянский вопрос поставлен на очередь.

Кроме того, материалы, собранные Киселевым, оказались чрезвычайно полезны в работах комиссий по освобождению крестьян в 1861 году.

В первую половину своего царствования Николай сумел привлечь в свое окружение целый ряд талантливых сотрудников – Киселев, Сперанский, адмирал Мордвинов, Канкрин, граф (с 1831 года князь) В. П. Кочубей.

Главным авторитетом в военном деле для Николая с 1821 года был генерал Иван Федорович Паскевич («Отец-командир», как его называл Николай).

Как стратег Паскевич тщательно продумывал и подготовлял весь план каждой из своих кампаний и только после этого наносил удар противнику. Но во время Крымской войны 1854–1855 гг. его осторожность, перешедшая в нерешительность, подорвала его военный авторитет.

Во вторую половину своего царствования Николай стал окружать себя малопригодными советниками, вроде адмирала, светлейшего князя А. С. Меншикова и генерал-адъютанта Александра Ивановича Чернышева.

Роковым обстоятельством было то, что под влиянием длительных успехов своего царствования Николай пришел к убеждению, что он всесилен в международной политике и все может себе позволить. Новые советники только поддерживали его в этом убеждении. Всё это и привело к катастрофе.

В Тифлисе Полиевктов занялся преимущественно кавказскими темами.

В 1935 году в «Известиях» Академии наук (Отделение общественных наук) было напечатано его исследование «Русское академическое кавказоведение XVIII века».

В том же году Полиевктов составил библиографию европейских путешественников по Кавказу XIII–XVIII веков. Через два года после этого он издал в Тифлисе «Материалы по истории грузино-русских отношений 1615–1640 гг.».

П. Г. Васенко (1874–1934)

Из всех учеников Платонова Васенко был наиболее близким ему. Со своей стороны, и Васенко глубоко читл его.

В предисловии к своему главному труду «Книга степенная царского родословия» Васенко пишет: «Горячо благодарен автор своему дорогому учителю С. Ф. Платонову, беседы с которым помогли зародиться мысли о предполагаемом исследовании и который в течении самой работы поддерживал его своими ценными советами и сердечным участием».

В 1908 г. Васенко издал статью из эпохи Смутного времени «Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника» («Журнал Министерства народного просвещения» № 3 за 1908 год). Дьяк Тимофеев был одним из самых ярких публицистов Смуты. В 1923 году Васенко вернулся к этой эпохе и рассказал о другом выдающемся писателе — Авраамии Палицыне. («Общественное разложение в Смутное время в изображении Авраамия Палицына» («Русское прошлое», 1923, кн. 5).

В 1920 году Васенко напечатал в журнале «Дела и дни», книга 1, небольшое исследование «Заметки к истории служилого класса в Московском государстве. Атаманы служилые — помещ-

ные». Платонов в своих «Очерках Смуты» определил поместных атаманов как особый чин. Васенко выяснил, что эти атаманы, приходившие с Дона в Москву, стремились к слиянию с московским чином «детей боярских», подавая о том челобитные московскому правительству. Последнее охотно удовлетворяло эти просьбы.

Центром исторических изысканий Васенко является «Степенная книга».

Книга эта была известна еще В. Н. Татищеву в XVIII веке. В 1775 году она была напечатана Г. Ф. Миллером. Книга эта — своего рода религиозно-философская история русских царей, расположенная в последовательности «степеней» (поколений), начиная с Рюрика. Параллельно с этим даются сведения о русских митрополитах.

Таким образом, «Степенная» была задумана как сборник статей, главным образом автобиографического содержания, расположенных по генеалогической схеме. По своим целям «Степенная» является «торжественной книгой», прославлявшей «в благочестии просиявших Богоутвержденных скипетродержателей» и вообще «святое семя блаженного Владимира», наряду с которым прославлены и знаменитейшие из святейших московских митрополитов.

В ходе своей работы Васенко изучил не только печатное издание Миллера, но и все списки, которые ему удалось разыскать. При этом он отмечал все разночтения и неоднородность содержания всех этих источников.

В первой главе своего труда Васенко дает обзор обсуждения «Степенной книги» в предшествовавшей ему русской исторической литературе.

Во второй главе он рассматривает миллеровское печатное издание и типы списков «Степенной».

Вопрос о том, кто был составителем «Степенной», рассматривается в четвертой главе.

Некоторые историки считают составителем «Степенной» митрополита Киприана (1370–1406). Васенко доказал неосновательность этого мнения.

Сам Васенко пришел к выводу, что мысль о составлении «Степенной» принадлежит митрополиту Макарию (умер 31 декабря 1563 года) и что Макарий благословил на этот труд старца Афанасия (избранного митрополитом после смерти Макария).

Васенко предполагает, что книга составлена между 1560 и 1563 годами и что окончательная ее обработка относится к марту–декабрю 1563 года.

Вывод этот мне представляется твердо установленным.

Ко всему этому можно добавить, что «Степенная книга» сыграла значительную роль не только в истории московских религиозно-политических идей, но и в истории внешней политики Московского государства.

Согласно «Степенной книге», московские цари являются преемниками Владимира Святославича и Владимира Мономаха и не нуждаются в утверждении их власти ни римским папой, ни германским императором. Они самодовлеющи.

На этом основании Иван Грозный повел международную кампанию за признание своего царского титула.

Дольше всех противилась этому Польша. Зато Англия сразу без всяких разговоров признала за Иваном царский титул. После открытия англичанами Северного морского пути в 1553 году на Русь через Белое море англичане получили торговые привилегии в России. Рост английско-русской торговли был чрезвычайно выгоден и Англии и Москве*.

Васенко издал свое исследование о «Степенной» в 1904 году. Когда он приступал к нему, он уже имел в виду, что этот его труд должен завершиться новым критическим изданием «Степенной».

Это издание было им напечатано в 21-м томе Полного собрания русских летописей, в двух частях (1908 и 1913).

После 1923 года никаких трудов Васенко в печати не появлялось. По всей вероятности, он был замучен большевиками в тюрьме и ссылке в 1934 году одновременно с Рождественским. Учитель их Платонов умер в ссылке в 1933 году.

А. И. Заозерский (1874 – около 1933)

Александр Иванович Заозерский окончил в 1910 году историко-филологический факультет Петербургского университета. Был Платоновым оставлен при кафедре русской истории и по выдержанию магистерских экзаменов получил звание приват-доцента.

* См. Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских (Москва–Ленинград, 1955), стр. 130–135.

В 1912 году он поместил статью о земских соборах в сборнике «Три века», том 1 (Москва, 1912).

Заозерский работал главным образом у себя дома.

Не думаю, чтобы у него были большие средства (кажется, он давал уроки в женских гимназиях). Но он покупал очень много книг и рукописей у букинистов и на толкучке.

В большой комнате его квартиры стояли два письменных стола и полки с книгами. Кроме того, вдоль одной из стен грудami лежали тома «Полного собрания законов» за вторую половину XVIII века (Пишу это по личным воспоминаниям.)

Диссертацию Заозерский написал на тему «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве» (1917; второе издание 1937 под заглавием «Царская вотчина XVII века»).

В кругах ученых и друзей Платонова ходили слухи, что Платонов собирается дать Заозерскому сразу степень доктора (минуя магистерскую). Но Платонов дал ему магистерскую степень. Повидимому, Заозерский собирался в дальнейшем продолжить свои исследования хронологически и расширить тематически. В 1922 году он поместил в восьмой книге «Русского исторического журнала» обширную статью «Боярский двор. Страница из истории одного боярского двора» (конец XVII века).

Обратимся теперь к содержанию труда Заозерского о царской вотчине.

Для управления этой вотчиной создан был особый приказ (как назывались в Московском государстве центральные административные учреждения). Учреждение это называлось Приказом тайных дел, или Тайным приказом. Основан он был около 1658 года.

Приказ состоял под личным управлением царя Алексея и был как бы его собственной канцелярией.

Царь создал это учреждение отчасти, чтобы ускорить производство дел в старых приказах (которые все продолжали функционировать), а отчасти и для того, чтобы не зависеть от Боярской думы и Земского собора.

Среди советников царя в тайном приказе были самые доверенные его бояре — князья Н. И. Одоевский и А. Н. Трубецкой и некоторые другие.

В ведении Приказа сосредоточены были без всякого плана вопросы самого разнообразного характера — и государственные и вотчинные. В Приказе производились следствия по важнейшим

государственным делам — как, например, по делу патриарха Никона и по выпуску фальшивой монеты.

В Приказе же ведались гранатное дело и заводы. Наряду с этим в ведомстве Приказа состояла и любимая царская потеха — соколиная охота. Хозяйственной основой Приказа была царская вотчина. Только эту сторону деятельности Приказа — царское хозяйство — и рассматривает Заозерский в своем труде.

Главным его источником был архив Тайного приказа. В первой главе Заозерский описывает историю образования ведомства Тайного Приказа.

Во второй главе рассматривается история и методы роста и расширения земельного фонда царской вотчины. Владения Приказа не покрывали сплошную территорию, а были разбросаны в пределах 20 уездов центральной области вокруг Московского уезда.

При подборе земель, взятых в ведомство Тайного приказа, руководители Приказа считались с выгодами хозяйственной эксплуатации земель, фамильными отношениями царя, а отчасти и политическими соображениями.

Все земли в ведении Тайного приказа назывались государственными. Одни из них и раньше принадлежали государю, другие — отобраны от частных лиц.

В количественном отношении из бывших частновладельческих владений на первом месте стоят вотчины двоюродного дяди царя Н. И. Романова (он умер бездетным в 1682 году). Царь Алексей имел право на эти вотчины как выморочные. Он взял их в свою вотчину в Тайный приказ.

В 1665 царь велел местному воеводе переписать вотчины боярина Н. А. Зюзина в Нижегородском уезде. Вотчины были конфискованы безвозмездно и поступили в ведомство Тайного приказа. Это был акт мести со стороны царя Алексея — за неудавшуюся попытку Зюзина примирить царя с патриархом Никоном и убедить царя вернуть Никона на патриаршество в декабре 1664 года.

В третьей главе Заозерский описывает формы и степень участия царя в хозяйственной деятельности Приказа. У царя был в Приказе особый стол с особым письменным прибором. Царь слушал дела и давал по ним свои распоряжения.

Алексей был постоянно и хорошо осведомлен о положении дел в своем хозяйстве и следил за проведением в жизнь своих постановлений.

В четвертой главе Заозерский обобщает промышленные начинания в царской вотчине — производство поташа, солеварение, стеклянное производство, устройство сафьянового и кирпичных заводов, а также организацию десятинной пашни. За этим следует животноводство (лошади, рогатый скот, свиньи, овцы), птицеводство (гуси, утки, куры), садоводство и огородничество.

В пятой главе говорится о положении вотчинных крестьян и других категорий работников.

В отношении крестьян Тайный приказ в общем следовал Соборному уложению 1649 года. Тем не менее в противоречии с принципами уложения, Алексей не стеснялся насильственно переселять крестьян из одной волости в другую, когда это ему представлялось выгодным по хозяйственным соображениям.

В шестой главе идет речь о винокурении и о размерах жалованья советникам и служащим Приказа, а также о торговле с Персией.

В седьмой (последней) главе Заозерский говорит о соотношении и согласовании деятельности Тайного приказа с работой других приказов.

Помимо того, в этой же главе Заозерский набрасывает очерк политической идеологии царя Алексея. Политическое воспитание Алексей получил под руководством боярина Б. И. Морозова и патриарха Никона.

Образцом самодержавного государя был для него Иван Грозный.

Один из шведских агентов, бывший в Москве в начале 1650-х годов, писал: «Царь так увлекается чтением сочинений по истории Грозного и его войн, что, наверное, захочет идти по его стопам... Царь, по натуре самолюбивый и по-варварски жестокий, следовательно, на все способный, должен находить наслаждение в повествованиях о Иване Васильевиче и его тирании».

До жестокостей Грозного царь Алексей, конечно, не доходит, но жестокость была в его характере (наряду с внешним благодушием).

После 1922 года работ Заозерского в печати не появлялось.

Второе издание его магистерской диссертации (с измененным заглавием «Царская вотчина XVII века») выпущено Государственным социально-экономическим издательством под редакцией Н. Л. Рубинштейна. Автор, очевидно, не принимал в нем никакого участия.

Можно думать, что последние годы жизни Заозерский провел в тюрьме и ссылке, как Васенко и Рождественский.

П. Г. Любомиров (1885–1935)

Павел Григорьевич Любомиров окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Занимаясь в семинаре Платонова, он написал работу на тему «Очерк истории Нижегородского ополчения» (была напечатана в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1913 и 1914 годы).

Для своей магистерской диссертации (на ту же тему) Любомиров расширил и переработал свой очерк. Он был напечатан в 1917 году.

Защита диссертации (Платонов был главным оппонентом) прошла успешно.

В 1918 году Платонов поместил в пятой книге «Русского исторического журнала» подробный отзыв о труде Любомирова. «Только длительный и пристальный труд, — говорит Платонов, — мог привести автора к столь счастливому и богатому результату его исследований».

«Треть века тому назад, — продолжает Платонов, — во время писания им его магистерской диссертации о древнерусских сказаниях и повестях о Смутном времени, он (Платонов) имел в виду изучить ту же тему, но был остановлен недостатком материала».

Положение с источниками изменилось к лучшему в начале XX века.

«Задача г. Любомирова заключалась в том, чтобы собрать во едино накопленный в печати запас входящих в его тему фактических сведений и дополнить его, насколько возможно, архивными справками, пересмотреть и проверить результаты научных изысканий предшествующих исследователей, и, наконец, внести в изложение темы объединяющий ученый синтез или же цельность научно-художественного изображения».

«Первая и вторая часть задачи г. Любомировым исполнена очень хорошо. Третью же часть наш автор считает как будто излишней».

В заключение Платонов говорит: «П. Г. Любомиров сделал большую и полезную работу... На его труде будут основаны все последующие».

Любомиров последовал части советов Платонова и на основании этого переработал свой труд для нового издания. Оно появилось в 1939 году, уже после смерти автора.

В 1922 году Любомиров был назначен профессором Саратовского университета. Там он написал ценное исследование «Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII–XI веках» (Ученые записки Саратовского университета, 1, выпуск III, 1923), а также очерк по истории старообрядчества «Выговское общежительство» (1924).

Следующим капитальным трудом Любомирова были его «Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и XIX веков) (географическое размещение металлопромышленности)».

Труд был закончен Любомировым в 1934 году, но книга вышла в свет только в 1937 году, уже после смерти автора.

В своей вводной заметке к изданию этой книги коммунистический редактор нашел нужным отметить, что «П. Г. Любомиров не использует ценнейших указаний Ленина и Сталина по вопросу о допетровской и петровской промышленности и печатаемый очерк в целом не является марксистским исследованием по истории промышленности».

Сам Любомиров в своем предисловии говорит, что в основу его работы «положены довольно богатые по части металлургии изданные материалы, привлечены и различные данные из архивных и рукописных собраний. По части металлообработки приходилось собирать разрозненные показания самых разнообразных источников... Давать законченную всестороннюю характеристику промышленных районов и пунктов в этой работе было бы преждевременным».

Исследование Любомирова насыщено фактическим материалом. Оно чрезвычайно ценно для экономической и социальной истории России вообще и для истории металлургии в России в частности. Но оно не легко читается. Его надо пристально изучать.

А. И. Андреев (1887–1959)

Александр Игнатьевич Андреев родился в Петербурге, где его отец, крестьянин Псковского уезда, работал сторожем в купеческой управе. Отец устроил сына в один из приютов купеческого общества. По окончании обучения в этом приюте Александр по-

лучил стипендию в Петровском коммерческом училище в Петербурге. По окончании этого училища Александр Игнатьевич поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института.

В 1909 году Андреев сдал экзамен за гимназический курс по латинскому и греческому языкам и перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета.

В университете Андреев занимался у Лаппо-Данилевского, Преснякова и Платонова.

В 1913 году он принял участие в производившемся учениками Лаппо-Данилевского составлении каталога частных актов Московского государства. Под его редакцией и с его предисловием «Терминологический словарь частных актов Московского государства» был издан в 1922 году.

С 1918 до 1925 год Андреев был управляющим Архивом Министерства путей сообщения и много сделал для приведения его в порядок.

Время с осени 1931 года по весну 1935 года Андреев провел в Енисейске. Работал там в краеведческом музее и в городской библиотеке, где было довольно большое собрание книг по географии, этнографии и истории Сибири.

Сибирь увлекла Андреева и расширила его кругозор.

Вернувшись в Ленинград, Андреев широко развернул работу по изучению истории и исторической этнографии Сибири.

Работа началась с подготовки и издания трудов Г. Ф. Миллера. Первый том «История Сибири» Миллера вышел в 1937 году, второй — в 1941 году, под редакцией Андреева и С. В. Бахрушина. Третий и четвертый том остаются в рукописи. В приложении к первому тому Андреев написал вводную статью «Труды Г. Ф. Миллера о Сибири» и «Обзор рукописей Г. Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири».

В 1940 году Андреев защитил свою докторскую диссертацию «Очерки по источниковедению Сибири XVII–XVIII веков» (три выпуска, 1940–1965). Оппонентами его были С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье и Б. Д. Греков. Все они дали высокую оценку труда Андреева.

Во время второй мировой войны Андреев в июне 1942 года был эвакуирован в Ташкент. В конце года он переехал в Москву. В 1949 году вернулся в Ленинград.

В Москве он интересовался главным образом историей русских географических открытий.

Им были изданы два сборника — «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.», и «Русский флот и географические открытия».

Последние десять лет своей жизни Андреев работал преимущественно над историей Академии наук в XVIII веке. Главное внимание он посвятил деятельности М. В. Ломоносова. Деятельно участвовал в подготовке полного собрания сочинений Ломоносова. Был редактором V, VI и IX томов этого издания.

Помимо того он выпустил в 1950 году «Избранные труды по географии России» В. Н. Татищева.

Андреев занимался и Петром Великим. Академия наук поручила ему редактировать второй выпуск VIII тома «Писем и бумаг Петра Великого» (изданы были в 1946 и 1948 годах). С 1943 года Андреев руководил в Институте истории группой по изучению эпохи Петра. Результатом было издание сборника статей «Петр Великий» под редакцией Андреева. В этом сборнике были напечатаны две статьи самого Андреева — «Основание Академии наук в Петербурге» и «Петр Великий и Англия в 1698 г.».

Был Андреев и одним из редакторов при подготовке нового издания «Истории Российской» Татищева. Это чрезвычайно ценное издание вышло в свет в семи томах в 1962–1968 годах (уже после смерти Андреева).

Андреев скончался 12 июня 1959 года.

Научная работа была основным и любимым делом его жизни. Он всецело был ей предан. Но он не замыкался в себе. К нему постоянно обращались и научные учреждения и отдельные лица, прося его советов и указаний. Он всегда готов был помочь им, не жалея своего времени.

С. Н. Валк (1889–1975)

Сигизмунд Натанович Валк поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета в 1907 году. Кончил его в 1913 году. В университете занимался главным образом у Лаппо-Данилевского, Преснякова и Платонова, но также и у Н. И. Кареева и И. М. Гревса. Главным предметом, можно сказать, страстью Валка в университете и в течение всей его жизни была

русская археография, но он хорошо ознакомился и с общими достижениями русской и всеобщей исторической науки.

Вместе с Андреевым Валк был деятельным участником семинара Лаппо-Данилевского по исследованию и составлению «Терминологического словаря частных актов Московского государства» (напечатан под редакцией и с примечанием Андреева в 1922 г.).

Об одном из видов этих актов «Грамота полная» Валк поместил статью в «Сборнике статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову» (1922).

В 1949 году Валк издал «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» — очень ценный исторический источник. Вместе с Андреевым Валк был одним из главных редакторов при подготовке монументального нового издания «Истории Российской» В. Н. Татищева (семь томов, 1962–1968).

Ни Валк, ни Андреев не дожили до выхода в свет этого издания.

Главный труд Валка — «Советская археография» (Москва–Ленинград, 1948). В предисловии Валк пишет: «До сих пор мы не имели в нашей литературе хотя бы общего обзора обильнейшего итога трудов наших историков в деле издания документов. Нечего говорить, как задерживает такое положение дел возможность использования плодов этих трудов для нужд исторической науки. Оно и вызвало мысль о составлении обзора изданий документов, появившихся в советской печати... В наш обзор включены по преимуществу книжные издания документов».

В первой главе своей книги Валк дает обзор организации археографической работы в Советском Союзе.

Ранее всего была создана, по постановлению Совета Народных Комиссаров РСФСР от 25 сентября 1920 года, комиссия по изучению истории РКП (б) и октябрьской революции («Ист-парт»). Она развернула обширную работу в центре и провинции, где были образованы местные истпарты. В 1927 году их было уже около ста.

До октябрьской революции центральным учреждением по изданию исторических документов и летописей была знаменитая Археографическая комиссия (основанная в 1834 году). В 1922 году она перешла в состав учреждений Академии наук. Главным органом ее была «Летопись занятий».

В 1922 году был создан «Центральный архив РСФСР», при котором издано было несколько серий документов, в том числе «материалы по истории крестьянского движения в России».

В том же году началось издание «Красного архива», который выходил вплоть до начала второй мировой войны. Первоначально там печатались главным образом документы по внешней политике России (в том числе были опубликованы секретные договоры России с ее союзниками по первой мировой войне).

Позже стали помещаться также материалы по истории революционного движения в России (начиная с декабристов) и внутренней политике.

Для истории русской науки и литературы большую ценность имеют «Труды Архива Академии наук и Института литературы (Пушкинского Дома)».

Во второй главе рассматривается литература советской археографии, в третьей — вопросы советской археографической практики.

В трех последних главах дается обзор изданий документов по истории России до XIX века, потом по истории XIX — начала XX века, и наконец — по истории СССР.

А. А. Введенский (родился в 1889 году)

В своей научной работе Андрей Александрович Введенский посвятил себя одной теме, которой он и занимался всю жизнь.

Тема эта — происхождение «именитых людей Строгановых» и создание ими в XVI и XVII веках мощного торгово-промышленного хозяйства.

Строгановы играли большую роль в завоевании Сибири в конце XVI века и помогли Московскому государству оправиться от разорения Смутного времени. Строгановыми Введенский, по-видимому, заинтересовался еще будучи студентом историко-филологического факультета Петербургского университета (1907–1911).

По окончании университета он начал готовиться к изучению генеалогии и хозяйства Строгановых.

Летом 1920 года Введенский получил научную командировку в Пермь для собирания архивного материала по истории экономического быта и организации крестьянского хозяйства в Строгановских вотчинах XVI–XVII вв. Введенский ознакомился

с архивами как города Перми, так и с заводскими и промышленными архивами Приуралья и Прикамья в Пермской губернии. Он нашел, что пермские архивы в хаотическом состоянии, но что эти архивы, в частности строгановские, представляют собою большую научную ценность.

Надо иметь в виду, что это было время гражданской войны. Незадолго перед тем войска адмирала Колчака, базировавшиеся в Сибири, взяли Пермь, но не могли ее удержать и вскоре принуждены были отступить.

В дальнейшей своей работе Введенский основывался главным образом на архивах Сольвычегодской вотчины Строгановых.

В 1922 году он поместил в «Сборнике статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову» статью «Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве».

Кроме того, в этом и следующем году он опубликовал в разных изданиях еще несколько статей и заметок о деятельности Строгановых.

А в 1924 году вышел его ценный сборник материалов под заглавием «Торговый дом XVI–XVII вв. Документы».

После этого наступает длительный перерыв в его публикациях. Можно думать, что перерыв этот был вынужденный.

В 1938 году Введенский был назначен профессором Тифлисского университета. В 10-м томе «Трудов» этого университета появилась его статья «Крестьяне Строгановы в XVI–XIX веках» (1939).

Из Тифлиса Введенский переведен был в Киев и получил профессуру в Киевском университете. Там он читал лекции по документальному источниковедению (дипломатике). Лекции эти были изданы в 1963 году.

В 3-м томе «Трудов исторического факультета Киевского университета» была напечатана его статья «Строгановы в Казани в XVI–XVII веках» (1939).

В 1955 году Введенский поместил в «Вопросах истории» статью «Классовая борьба и “одинокчество” в Поморье в XVI–XVII веках».

Наконец в 1962 году опубликован был главный труд его жизни «Дом Строгановых в XVI–XVII веках».

В предисловии Введенский дает обзор исторической литературы о Строгановых в Сибири, начиная с замечательного труда голландского ученого Витзена «О странах северной и восточной

Азии и Европы» (Амстердам, 1692; второе издание 1705; третье, самое ценное, 1785). Вслед затем Введенский отмечает значение трудов Г. Ф. Миллера о Сибири («Описание Сибирского царства», 1750).

«Только Г. Ф. Миллер ввел впервые в научный оборот значительное количество документальных материалов».

«В исторической литературе, — говорит Введенский, — относительно хорошо и полно изучены проблемы, связанные со строгановским завоеванием и присоединением Сибири, со строгановской школой иконописи, с политической деятельностью Строгановых как агентов правительства Русского государства». По этим уже обсуждавшимся в науке вопросам Введенский приводит в своем труде новые материалы и обосновывает выводы.

«Многообразная жизнь дома Строгановых, — пишет Введенский в заключении своего предисловия, — представляет собою значительный научный интерес. Следует подчеркнуть, что разносторонняя хозяйственная и политическая их деятельность далеко выходит за рамки дома Строгановых. В XVI–XVII веках они влияли на всю экономическую жизнь страны. Поэтому раскрытие истории торгово-промышленного дома Строгановых может помочь в изучении проблем складывания всероссийского рынка и возникновения процесса так называемого первоначального накопления капитала».

В восьми главах своего труда, насыщенных фактическими данными, собранными им в архивах дома Строгановых, Введенский изучает хозяйство сольвычегодских и отчасти пермских Строгановых.

В первой главе Введенский рассматривает образование торгово-промышленного дома Строгановых в XVI веке.

Во второй главе он говорит о поручении им царя Ивана Грозного охранять восточные границы Московского царства, о посылке Строгановыми Ермака для завоевания Сибири. Тема третьей главы — роль Строгановых в истории Смутного времени в начале XVII века.

После этих глав исторического характера идет основная часть труда Введенского — организация сельского хозяйства у Строгановых (глава IV); организация производств и промыслов в Строгановских вотчинах (гл. V); торговля Строгановых в Сольвычегодске (гл. VI); торговля Строгановых в Вологде (гл. VII) и наконец — торговля Строгановых в Казани и других городах (гл.

VIII). В заключение к своей книге Введенский говорит, что «в деятельности Строгановых мы видим типичный пример превращения ростовщического и торгового капитала в промышленный путем организации крупных ремесленных предприятий с ручным специализированным трудом как вольнонаемной технической интеллигенции, так и крепостного крестьянства и работных людей».

«Значителен вклад строгановских мастеров в развитие русской культуры XVI–XVII вв. Работа их иконных горниц положила начало новому направлению в русской живописи, создав нарядно-торжественную строгановскую школу иконописания. Строгановы распространили по всей стране полифонию в церковно-певческих хорах через своего служилого человека, композитора и дирижера Липецкого. Они пустили на книжный рынок рукописные, каллиграфически оформленные книги, писанные в их мастерских».

Б. А. Романов (1889–1957)

Борис Александрович Романов окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1912 году. Был оставлен Платоновым при кафедре русской истории. Из более старых учеников Платонова Романов особенно подружился с Пресняковым, который тоже помогал Романову в подготовке его к научному поприщу.

В «Сборнике в честь Платонова» (1911) Романов поместил список трудов Платонова.

Еще будучи студентом и учеником семинара Преснякова, Романов прочел там реферат «Смердий конь и смерд в летописи и «Русской Правде». Пресняков нашел, что Романов вносит новую мысль в понятие о смердах (государственных крестьянах в Киевской Руси). Доклад Романова был напечатан в «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук», том XIII (1908).

Выдержав магистерские экзамены, Романов получил звание приват-доцента. Вел педагогическую работу в Петербургском (Ленинградском) университете с 1919-го по 1927 год и с 1944-го по 1951-й.

В 1923–1926 написал ряд статей об основных моментах русской политики на Дальнем Востоке. Из этого у Романова вырос план монографического изучения внешней политики русского са-

модержавия в эпоху империализма. Плодом его занятий в этой области явился его выдающийся труд «Россия в Маньчжурии 1892–1906 гг.» (1928).

После того наступает длительный перерыв в его публикациях, очевидно, «по независящим обстоятельствам» советского быта.

В 1941 году Романов получил степень доктора исторических наук.

В 1947 году вышел очерк Романова «Земля и люди Древней Руси» и в том же году его второй капитальный труд — «Очерки дипломатической истории русско-японской войны» (второе, «исправленное и дополненное», издание появилось в 1955 году). В том же, напечатанном в 1947 году, втором томе академического издания «Правда Русская» под редакцией Б. Д. Грекова, Романов состоял в коллективе сотрудников Ленинградского отделения Института истории Академии наук, на которых возложено было составление комментариев к тексту.

В 1952 году Романов находился в коллективе сотрудников академического издания «Судебники XV–XVI веков». Ему принадлежит комментарий к Судебнику 1550 года.

В том же году появилась статья Романова «О полном холопе и сельском попе в Судебнике Ивана Грозного» (Сборник «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия»).

Романов был талантливый ученый широкого кругозора с разнообразными интересами. Он занимался вопросами и древней русской истории и новой, писал и крупные труды и детальные исследования отдельных проблем социальной и экономической жизни прошлого России. Труды его основаны на тщательном изучении архивных и печатных источников и литературы предмета. Список трудов Романова составлен С. Н. Валком (Исторические записки, том 62, 1958).

XXVIII

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

В. И. Семевский (1848–1916)

Василий Иванович Семевский кончил первую петербургскую гимназию, после чего поступил на два года в Медико-хирургичес-

кую академию, а затем перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Еще будучи студентом, Семевский решил посвятить себя изучению истории крестьян. В 1876 году напечатал в «Русской старине» статьи «Крепостные крестьяне при Екатерине II». Это было началом его работы над обширным исследованием на эту тему. Его монументальный труд был напечатан в 1881 году в «Записках» историко-филологического факультета Петербургского университета.

Семевский представил книгу как магистерскую диссертацию на историко-филологический факультет Московского университета и успешно защитил ее.

В декабре 1882 года Семевский начал читать лекции по русской истории в Петербургском университете в качестве приват-доцента. Лекции имели успех у молодежи, но в 1886 году были прекращены распоряжением администрации.

В 1889 году Семевский представил в Московский университет на соискание степени доктора свою книгу «Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века». Факультет, на основании отзыва Ключевского, допустил Семевского к защите диссертации и присудил ему докторскую степень.

В 1891 году сибирский золотопромышленник И. М. Сибиряков, оказывавший финансовую поддержку изданиям научных трудов о Сибири, предложил Семевскому заняться изучением истории и современного положения рабочих на сибирских золотых приисках. Семевский поехал в Сибирь и собрал массу материалов. Его исследование «Рабочие на сибирских золотых приисках» вышло в свет в 1898 году.

Помимо этих научных трудов Семевский выступал со статьями популярного и публицистического характера в журналах «Русская мысль», «Русская старина» и «Вестник Европы». Упомяну здесь его статьи о княгине Е. Р. Дашковой, В. И. Водовозове (одном из основателей новой русской педагогики) и Н. И. Костомарове.

Помимо истории крестьян и крестьянского вопроса Семевский интересовался также историей и идеологией общественных движений, но до 1905 года об этом по цензурным условиям ничего нельзя было печатать.

В 1905 году Семевский, В. Я. Богучарский и П. Е. Щеголев издали книгу «Общественные движения в России в первую

половину XIX века», том 1 (Декабристы М. А. Фонвизин, князь Е. П. Оболенский и барон В. И. Штейнгель). В 1909 году вышел в свет труд Семевского «Политические и общественные идеи декабристов».

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

А. А. Корнилов (1862–1925) и

П. Б. Струве (1870–1944)

Корнилов и Струве были людьми разного калибра и разного душевного и умственного склада.

Оба занимают видное место в истории русской общественности и русского либерализма.

Оба принадлежали к оппозиции самодержавию, какое-то время к одной и той же политической партии (кадетской — Партии народной свободы).

Александр Александрович Корнилов родился в Варшаве, где отец его был управляющим канцелярией варшавского генерал-губернатора. Мать была душевным человеком широкого ума и редкой доброты. (Из воспоминаний И. М. Гревса).

Корнилов окончил русскую Варшавскую гимназию и потом поступил на юридический факультет Петербургского университета. Вскоре после того умер его отец.

В свои студенческие годы Корнилов примкнул к дружескому кружку, позже получившему название Братство Приютино*.

Целью братства было нравственное совершенствование и взаимопомощь. Большинство членов братства находилось под влиянием «религии человечества», проповедовавшей Вильямом Фреем, и толстовства. Но в противоположность Толстому братчики признавали ценность науки и умственного труда. Из среды братства вышел целый ряд крупных ученых.

Главными членами братства кроме Корнилова были Д. И. Шаховской (будущий общественный и политический деятель), В. И. Вернадский (будущий геолог и основатель биогеохимии),

* См. Г. В. Вернадский. «Братство Приютино». «Новый журнал», 93 (1968).

братья Ольденбурги — Сергей Федорович (будущий востоковед), Федор Федорович (будущий педагог), И. М. Гревс (будущий историк средневековья).

Окончив юридический факультет Петербургского университета, Корнилов служил комиссаром по крестьянским делам в Царстве Польском, а потом получил должность заведующего крестьянскими и переселенческими делами при иркутском генерал-губернаторе. На этой должности он оставался до 1900 года.

Служба в Варшаве и в Иркутске дала Корнилову превосходное знакомство с крестьянским вопросом и послужила прочной основой его последующей научной и общественной деятельности.

На зиму 1892/93 года Корнилов взял отпуск, чтобы по просьбе друзей заведовать помощью голодающим крестьянам Моршанского уезда Тамбовской губернии. Деньги на расходы по этой его деятельности были собраны его московскими и петербургскими друзьями.

Многие из них приезжали ему в помощь на несколько месяцев в разные сроки.

Корнилов дал подробный отчет о своей напряженной работе в книге «Семь месяцев среди голодающих крестьян» (1893).

В заключение книги он пишет: «Все мы (он и его друзья) чувствовали, что между нами и населением, которому мы помогали, в душе у каждого из нас образовалась некоторая душевная связь... За эти месяцы, проведенные в непосредственной близости к народу, в самой среде его, для многих из нас, городских жителей, весь быт его стал неизмеримо понятнее и яснее, нежели мог бы быть при кабинетном изучении его по книгам, хотя бы в течении гораздо более долгого времени».

Голод 1892/93 года оказался своего рода переломом в общественной жизни России. Правительство было не в силах справиться с этим бедствием бюрократическими средствами и вынуждено было допустить общественную инициативу земских учреждений и частных организаций.

Это был момент, когда можно было думать о сотрудничестве бюрократии и земств.

Но надежды на это были вскоре разбиты.

17 января 1895 года на приеме депутатов от разных сословий в Зимнем дворце Николай II назвал стремления земств к участию их представителей в делах государственного управления «бесмысленными мечтаниями».

С этих пор приютинцы и другие земцы-конституционалисты встали в открытую оппозицию правительству. В 1903 году в Германии образовался «Союз освобождения».

На съездах земцев-конституционалистов в Москве в октябре 1905 года и в Петербурге в начале января 1906 года была создана конституционно-демократическая партия (кадетская или Партия народной свободы).

Корнилов был избран членом и секретарем ее центрального комитета.

На нем лежало главное бремя организационных вопросов и сношения центрального комитета с думской фракцией и местными ячейками партии. К нему постоянно приходили члены партии за всевозможными справками и за разрешением всяких недоразумений.

При всем том Корнилов находил время для научных занятий. В 1909 году вышла его книга «Общественное движение при Александре II», а в 1914 году его труд «Семейство Бакуниных», основанный на документах Прямухинского архива Бакуниных («Молодые годы Михаила Бакунина»).

В 1909 году Корнилов был избран лектором Петербургского политехнического института для чтения курса по истории России XIX века. Курс этот был в 1912 году напечатан в трех томах.

Подобный курс до этого времени не входил в программу высших русских учебных заведений.

Работа Корнилова в качестве секретаря центрального комитета Партии народной свободы становилась все более напряженной в связи с конфликтами между Николаем II и Государственной думой и общественными организациями в (1915–1916 гг.). Особенно нервная обстановка создавалась после Февральской революции 1917 года.

В июле 1917 года на заседании центрального комитета кадетской партии с Корниловым случился удар. Его перевезли домой в полупарализованном состоянии. Когда ему стало немного лучше, я отвез его в Кисловодск и поместил в санаторий. Там он постепенно оправился и впоследствии, вернувшись в Петербург, смог опять заняться научной работой. Плодом ее была его последняя книга «Годы странствий Михаила Бакунина» (изданная после его смерти).

Главными темами исторических трудов Корнилова были:

(1) Крестьянский вопрос и освобождение крестьян. Сюда относится его книга «Крестьянская реформа» (Петербург, 1905, в

серии «Великие реформы»); статья «Основные течения правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы» (в сборнике «Освобождение крестьян», 1911); «Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России» (1905).

(2) Земельная реформа и земский вопрос. Подробный отзыв о книге Б. Б. Веселовского «История земства за сорок лет» («Известия Петербургского политехнического института», отдел наук экономических и юридических, 14 (1910).

(3) «Общественное движение при Александре II» (Париж, 1905. Второе дополненное издание, Москва, 1909).

Все эти труды послужили Корнилову основанием и для его курса «История России в XIX веке».

П. Б. Струве (1870–1944)

Петр Бернгардович Струве был внуком выходца из Германии Вильгельма Струве, профессора математики и астрономии в Дерптском университете с 1819 года. В Дерпте и родился старший сын Вильгельма, Бернгард, отец Петра (1827)*.

Предки П. Б. Струве жили в Шлезвиг-Гольштейне с XVI века. От Вильгельма Струве произошло несколько поколений выдающихся астрономов в России, Германии и Америке.

Мать Бернгарда Струве была немка. Бернгард окончил Царскосельский лицей в 1847 году и поступил на службу в одну из петербургских канцелярий, затем был командирован к губернатору Восточной Сибири, под начальством которого прослужил пять лет. Изъездил Сибирь вдоль и поперек. В 1853 году Бернгард женился на балтийской немке Анне Федоровне Розен, по всем отзывам взбалмошной женщине раздражительного характера.

По возвращении из Сибири Бернгард был назначен астраханским вице-губернатором, а в 1865 году — пермским губернатором. Там 5 марта 1870 года и родился его младший сын Петр (всего у него было семь детей — все мальчики).

* Обстоятельная биография П. Б. Струве написана Гарвардским профессором Ричардом Пайпсом (Pipes). (Harvard University Press). Первый том (до 1905 г.) вышел в 1970 году. Второй подготавливается к печати.

На административную деятельность Бернгарда в Перми было много нареканий и доносов, и вскоре после рождения Петра он был уволен со службы, получив, однако, чин действительного тайного советника.

Между Петром Струве и его родителями не было близости.

Петр был помещен в третью петербургскую классическую гимназию. Окончил ее весной 1889 года.

В феврале того же года умер его отец. После его похорон Струве переселился к своему товарищу по гимназии Андрею Дмитриевичу Калмыкову.

В своих воспоминаниях Калмыков пишет, что Струве был лидером в их товарищеском кружке самообразования*.

Мать Андрея Калмыкова, Александра Михайловна Калмыкова (1850–1920) была выдающейся деятельницей народного образования. В сотрудничестве с Х. Д. Алчевской она издала книгу «Что читать народу». В Петербурге она учила в воскресных и народных школах и была деятельным членом комиссии грамотности в Вольном экономическом обществе.

По окончании университета Андрей поступил на службу в Министерство иностранных дел и вскоре получил назначение на должность в Персии. Струве остался у Калмыковой.

Весной 1897 года он женился на Нине Александровне Герд, дочери известного петербургского педагога. Молодые нашли себе небольшую квартиру.

1890-е годы в России были временем ожесточенной полемики между народниками и марксистами.

В 1894 году вышла на шумевшая книга Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России».

В этой книге Струве рассматривает проблему капитализма в международном масштабе и настаивает на необходимости развития капитализма в России для роста ее производительных сил. Книга кончается призывом: «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму».

Некультурной считал Струве и русскую буржуазию в ее тогдашнем состоянии. В манифесте первого русского социал-демократического съезда в Минске в 1898 году Струве написал, что чем далее к востоку Европы, тем слабее, трусливее и подлее становится буржуазия.

* A. D. Kalmykow. Memoirs of a Russian Diplomat (Yale University Press, 1971), p. 9.

Струве послал текст манифеста в бюро съезда, но на съезде не присутствовал. Авторство его было известно лишь несколькими посвященным. Поэтому, хотя участники съезда были арестованы, Струве не пострадал.

Хотя Струве и был автором революционного манифеста первого съезда социал-демократической партии, он (в это время) был противником революционных методов. В своей книге «Критические заметки» он сказал: «Не сознание людей определяет их бытие, но, наоборот, бытие определяет сознание».

«На известной степени развития общества производительные силы вступают в конфликт с существующими способами производства. Только тогда наступает эпоха социальной революции... История — неуклонный процесс».

При таких взглядах понятно, что Струве, как и историк русской фабрики М. И. Туган-Барановский, получили кличку «легальных марксистов».

Струве внимательно следил за полемикой среди немецких марксистов и проникся сочувствием к умеренному течению немецкого бернштейнианства.

В свои студенческие годы Струве дружил с Лениным. Но теперь Ленин яростно на него набросился в ряде своих статей.

После 1898 года Струве отошел от социализма и примкнул к конституционно-демократическому направлению. Сблизился с кругами земцев-конституционалистов. В этих кругах как раз стали готовиться к активной оппозиции правительству.

В 1900-1902 годах в Москве начали обсуждать необходимые для этого предварительные шаги.

Было намечено: создание свободной прессы и организация тайного общества для пропаганды конституционных идей.

4 марта 1901 года произошла довольно внушительная демонстрация на площади у Казанского собора на Невском проспекте в Петербурге. На эту демонстрацию отправился и Струве. Демонстрация была разогнана конной полицией. Большинство участников было арестовано, в том числе и Струве.

После этого Струве был выслан из Петербурга. Ему предложили на выбор несколько городов. Он выбрал Тверь, чтобы сговориться с Петрункевичами и другими тверскими земцами-конституционалистами.

Струве решил эмигрировать в Германию. Ему и поручили редактирование печатного органа конституционалистов «Освобождение». Первый номер вышел в Штутгарте в июне 1902 года.

В этом же году в Петербурге вышел сборник статей Струве «На разные темы» (статьи за 1893–1901 года).

После опубликования конституционного манифеста 17 октября 1905 года и провозглашения амнистии Струве вернулся в Петербург. С 1907 по 1918 год он был редактором журнала «Русская мысль» (издававшегося в Москве).

Много писал (также на разные темы). Статьи свои за 1905–1910 он издал во втором своем сборнике «Patriotica — Политика, культура, религия, социализм» (Петербург, 1911).

В 1906 году Струве был избран от Партии народной свободы в члены второй Государственной думы. Дума эта в противоположность первой серьезно занялась законодательной работой. Тем не менее она была распущена правительством.

В последнюю минуту перед роспуском четверо кадетов — членов Думы, в том числе Струве, сделали попытку убедить правительство не распускать Думы. Но Столыпин уже принял решение и не имел намерения отменить его.

В 1913 году Струве был избран профессором экономического отделения Петербургского политехнического института. В числе его курсов было «Историческое введение в политическую экономию» (напечатано в 1916 г.). Во время своей профессоры в Политехникуме Струве написал один из самых замечательных своих трудов «Хозяйство и цена» (2 тома, 1913–1916).

В 1916 году он получил почетную докторскую степень в Кембриджском университете в Англии, а в следующем году был избран членом русской Академии наук.

После большевистского переворота и разгона Учредительного собрания, в России началась гражданская война. Базировавшаяся на юге России Добровольческая армия повела наступление на Москву, но после успешного начала была отброшена назад Красной армией. Удержался только Крым.

Правителем Юга России и начальником ее вооруженных сил был избран генерал П. Н. Врангель.

Весной 1920 года Врангель назначил П. Б. Струве управляющим внешними сношениями (т. е. Министерством иностранных дел) и поручил ему поехать в Париж, чтобы вести переговоры о признании Францией его (Врангеля) правительства. Переговоры

увенчались успехом, и этот факт сыграл огромную роль в судьбе множества русских, эвакуированных из Крыма*.

Струве пробыл в Париже до начала 1922 года, а затем переехал в Прагу, где получил от Чехословацкого правительства профессорскую стипендию и вступил в состав Русской учебной коллегии.

Прага была в это время крупным культурным центром русской эмиграции, и у Струве там оказалось много русских друзей, в том числе П. И. Новгородцев и ученик Струве по Политехническому институту К. И. Зайцев. Из чехов Струве общался с русофилом К. П. Крамаржем и историком сравнительного права славян К. Кадлецом.

В Праге Струве принял участие в Русском историческом обществе. В 1923 году он прочел там доклад «Иностранные печатные произведения как источник русской истории и руссоведения».

В следующем году в «Записках русской Учебной коллегии в Праге» появилась его статья «Некоторые основные понятия экономической науки».

В 1925 году Струве получил от нефтепромышленника А. О. Гукасова предложение редактировать задуманную им консервативную газету (в противовес радикально-демократическим «Последним новостям» Милюкова).

Гукасов обещал Струве полную самостоятельность в редактировании.

Струве согласился и переехал в Париж. Газета была названа «Возрождение».

Струве редактировал «Возрождение» талантливо и с увлечением. Он сам печатал в газете статьи и отклики на текущие события и пригласил к участию в газете несколько видных эмигрантских писателей — И. А. Бунина, И. С. Шмелева, И. С. Сургучева, А. В. Амфитатрова.

Через некоторое время, однако, начались трения между Струве и Гукасовым. Гукасов абсолютно не ценил литературы и искусства и недоволен был многими статьями Струве на эти или другие темы, находя их слишком глубокомысленными и недостаточно боевыми.

* Ценным источником для дальнейшего мне послужила публикация Глеба Петровича Струве «Переписка И. А. Бунина и П. Б. Струве» (Записки Русской академической группы в США, II, 1968, стр. 61–111).

Гукасову хотелось, чтобы «Возрождение» носило чисто политический и националистический характер.

Около 18 августа 1937 года Гукасов отстранил Струве от редакторства. Новым редактором был назначен Ю. Ф. Семенов, в прошлом — учитель физики. Он был давним знакомым Струве, но теперь отношения между ними были порваны.

Струве открыл свою газету «Россия». Она выходила раз в неделю (позже была переименована в «Россию и славянство»).

Осенью 1938 года Струве переселился в Белград, где ему обещана была лектура по русской истории. В русской эмигрантской среде там преобладали крайне правые. Они отнеслись к Струве враждебно, как к бывшему марксисту и либералу.

Создалось тяжелое для Струве положение.

Тем не менее он начал читать лекции в Субботице (где был филиал Белградского университета).

В апреле 1941 года в Югославию вторглись немецкие войска. Струве был арестован и сидел сначала в помещении гестапо в Белграде, а потом в тюрьме в Граце. В 1942 году Струве и его жена Нина Александровна получили разрешение на выезд в Париж, где проживали их два сына. Нина Александровна скончалась там в конце мая 1942 года, Петр Бернгардович — в феврале 1944 года.

Научно-литературное наследие Струве обильно и многообразно. Главные его научные труды — «Хозяйство и цена» (1913–1916 гг.) и «Социальная и экономическая история России» (издана посмертно его сыновьями в Париже в 1952 году). В приложении к последнему труду — перепечатано несколько блестящих статей Струве 1930-х годов о Соловьеве, Чичерине, Ключевском, Платонове и Кизеветтере. В этих статьях много ценного и для понимания идей самого Петра Бернгардовича.

Перехожу теперь к характеристике главных течений его мысли и научного творчества. Буду по возможности придерживаться его собственных слов и оборотов речи. В основе мироощущения Струве было чувство и сознание исторического процесса — истории культуры в ее целом, личности и общества.

«Общество, как социологическое понятие, — пишет Струве в первой главе своей «Социальной и экономической истории России», — означает между человеческие отношения всех родов и видов. Общество не есть какое-нибудь «существо». Общество есть система отношений или некая среда. Первичными и естественными «существами» или единицами в этой системе

отношений являются человеческие личности, живые люди — и только они. Общество складывается из общения, или соприкосновения, физического, душевного и духовного, этих живых людей. Поэтому правильнее было бы говорить не об обществе, а об общении». В этом роде мыслей Борис Сергеевич Ижболдин видит основу созданной Струве экономической теории. Ижболдин называет ее «атомистически-номиналистической»*.

«Все между человеческие отношения, — продолжает Струве, — суть отношения общения, отношения социальные. Но в тесном смысле отношения социальные мы назовем отношения властвования или господства, с каковыми соотносительны отношения подчиненности или зависимости... Социальным укладом, или строем, мы называем строй между человеческих отношений господства и подчинения, слагающихся по поводу вышеозначенных культурных содержаний человеческой жизни».

Другим аспектом людского общежития является хозяйственный строй.

«Хозяйствование есть деятельность, направленная на получение или добывание средств, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей, и притом всех потребностей. Хозяйствование не есть удовлетворение потребностей, не есть потребление. Хозяйствование всегда направлено на приобретение средств и таковым исчерпывается».

«Человеческое общество может быть построено или организовано в хозяйственном отношении трояким образом. Оно может представлять либо 1) совокупность рядом стоящих хозяйств, либо 2) систему взаимодействующих хозяйств, либо 3) единое общество-хозяйство».

В своем труде Струве изучает между человеческие социальные отношения в аспекте исторического процесса.

«Историческое отличается от неисторического тем, что в первом всегда возникает “новое”, которое мы стараемся причинно возвести к прежде бывшему, тогда как в не историческом все повторяется и ничто не возникает».

Во второй главе Струве дает периодизацию русской социальной и экономической истории. Он намечает семь периодов: (1) Раннее средневековье (850–1240); (2) Среднее средневековье

* Boris Ischboldin. History of Russian Non-Manian Social-Economic Thought (New Delhi, India), p. 242.

(1240–1500); (3) Позднее средневековье (1500–1648); (4) Московский период (1648–1700); (5) Петербургский период (1700–1800); (6) Всероссийский период (1800–1917); (7) Большеви́стский период. «Большеви́стский пере́ворот и большеви́стское вла́дычество, — размышляет Струве, — есть социальная и политическая реакция эгалитарных низов против многовековой социальной и экономической европеизации России. Наступает в рамках партийно-коммунистической диктатуры и в образе социалистического «отечества» почти полная экономическая, социальная, политическая и культурная изоляция российского пространства и его населения. Россия своим внутренним строем оказывается отрезанной от европейско-американской культуры, в то время как владычаствующие коммунистически безбожные верхи всячески стараются форсированно импортировать в страну европейско-американскую технику, насаждая ее в порядке партийного и государственного приказа. Так как идеологически советский строй есть эгалитарный социализм, а эмоционально и исторически большеви́стская революция явилась эгалитарной реакцией некультурных и ослепленных низов против более дифференцированных форм общественного и политического бытия, носителями которого были верховная власть и культурные верхи общества, то русский социальный и политический кризис развертывается в мировой кризис социализма».

XXIX

Русская историческая наука в конце XIX и начале XX столетия

Начало XX века — знаменательный момент в развитии русской исторической мысли. Это период творческого ее брожения и пересматривания основ исторического мирозерцания.

Появляются новые течения и в теории исторической науки и в разработке ее материалов. С одной стороны, появляется тяготение к исследованию вопросов интеллектуального развития человечества. С другой — углубления методов разработки истории хозяйства и вообще материальной культуры.

Выступает на сцену новый историко-философский фактор — марксизм.

В этом общем сдвиге принимают участие и молодые и среднего возраста ученые.

С половины XIX века связи русских историков с их западноевропейскими коллегами становятся все более тесными. В начале XX века налаживается международная организация исторической науки, в которой видную роль играл А. С. Лаппо-Данилевский.

Расширение кругозора русских историков являлось следствием сдвигов и революционного движения в России, с другой стороны — мировых потрясений, злосчастной русско-японской войны 1904–1905, германской войны 1914–1918 и последовавшей за ней гражданской войны. Историки (порядок конца XIX и начала XX века по датам рождения):

Шмурло Е. Ф.

Багалец Д. И.

Шахматов А. А.

Павлов-Сильванский Н. П.

Веселовский С. Б.

Приселков М. Д.

Греков Б. Д.

Флоровский А. В.

Вернадский Г. В.

Пушкарев С. Г.

Карпович М. М.

Историки-марксисты:

Плеханов Г. В.

Покровский М. Н.

Е. Ф. Шмурло (1853–1934)

Старейший по возрасту из рассматриваемых нами в этой главе группы историков был Евгений Францевич Шмурло. Он был сыном ссыльного поляка или ополяченного литовца и родился на Алтае.

Шмурло окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Был учеником Бестужева-Рюмина. После смерти последнего (1897) Шмурло посвятил ему особую книгу «Очерк жизни и деятельности К. Н. Бестужева-Рюмина» (1899).

По выдержании магистерских экзаменов Шмурло получил звание приват-доцента и начал читать лекции в Петербургском университете. В 1889 году он защитил магистерскую диссертацию на тему «О записках Сильвестра Медведева».

Сильвестр Медведев, ученый монах, ученик Симеона Полоцкого, принимал деятельное участие в дебатах между латинствующими воспитанниками Киевской духовной академии и православными москвичами и греками, жившими в Москве (вторая половина 1680-х годов, в правление царевны Софьи). Одним из спорных вопросов было точное время пресуществления св. Даров в конце литургии. Страсти разгорелись, Медведев (обвиненный в «латинской ереси») был казнен.

После защиты диссертации Шмурло получил кафедру русской истории в Дерптском (Юрьевском) университете.

На XI археологическом съезде в Киеве в 1899 году Шмурло сделал доклад о необходимости учреждения в Риме постоянной исторической комиссии для разысканий в итальянских архивах и библиотеках материалов по русской истории. Идея Шмурло оказалась плодотворной, и в 1903 году при историко-филологическом отделении Академии наук была учреждена должность ученого корреспондента в Риме. Шмурло, естественно, и был назначен на эту должность. Отчеты о его деятельности там печатались в книге «Россия и Италия, Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией».

Из состава профессоров Дерптского университета Шмурло тогда вышел. В течение нескольких лет подряд, между 1887 и 1900 годами, Шмурло предпринимал поездки этнографически-географического характера за Урал для изучения распространения русской колонизации на восток — в Тургайскую степь, Семипалатинскую и Акмолинскую области и на южный Алтай. Яркие описания своих поездок он печатал в «Записках» Западно-Сибирского отделения Русского географического общества.

Шмурло живо отзывался вообще на окружающую его жизнь, в частности на голод в России в 1890-х годах. Корреспонденции его печатались в «Спб. ведомостях», а затем вышли отдельной книгой под заглавием «Голодный год».

Через некоторое время после большевистского переворота советское правительство послало в Италию, в Рим нового ученого корреспондента. Шмурло переехал в Прагу. Там он был выбран членом Русской учебной коллегии и продолжал свою научную и

общественную деятельность. В Праге он и провел последние пятнадцать лет своей жизни.

Шмурло был одним из инициаторов учреждения Русского исторического общества в Праге и его первым председателем. Общество устраивало доклады, открытые для всех интересующихся, и издавало свои «Записки». Вышло два тома (1927–1929) — на дальнейшее не хватило средств. Содержание «Записок» отличалось высоким научным уровнем.

В первом томе этих «Записок» Шмурло поместил вдумчивую статью «Когда и где крестился Владимир Святой?» Этот его этюд — одно из лучших исследований об обстоятельствах крещения Владимира.

Шмурло играл видную роль в умственной жизни русской колонии в Праге. Был одним из популярных ораторов на ежегодных празднованиях «Дня русской культуры» 6 июня (день рождения Пушкина по новому стилю).

Научно-литературная продукция Шмурло весьма объемиста. Его литературные отклики, и написанные еще в России, и те, что он напечатал в Праге, яркие и живого стиля.

Его научные труды основаны на точных данных, почерпнутых им из источников и предыдущей исторической литературы.

Тематически их можно разделить на несколько групп.

Главным образом, Шмурло интересовался умственными течениями и религиозными вопросами — соотношением католицизма, православия и лютеранства. Сюда относятся его труды «Римская курия на православном Востоке в 1609–1654 годах» (Прага, 1918); «Юрий Крижанич» (по-итальянски, Рим, 1926), и доклад в сентябре 1928 года на IV съезде Русских академических организаций в Белграде (напечатан в «Трудах» этого съезда часть 1, стр. 65–111). Этот труд Шмурло озаглавлен «Сношения России с папским престолом в царствование Петра Великого» (1697–1707).

Сношения России с папским престолом Шмурло изучал в рамках Великой северной войны (России со Швецией) — постепенной смены старых приемов Посольского приказа приемами более гибкими и более приспособленными к условиям и обстановке международной жизни того времени. Великое Посольство в Европу (1697–1700) официально не возглавлялось Петром (он ездил инкогнито под именем Петра Алексеевича Михайлова, урядника Преображенского полка). Приезд царя произвел силь-

ное впечатление на европейских дипломатов. В частности, благоприятные сведения о царе, доходившие до Римской курии, давали ей самые радужные надежды на проекты проникновения католической пропаганды в Россию. Петр не опровергал этих слухов. Его главной целью в это время было создание международной коалиции против Турции, а в такой коалиции Римская курия должна была играть ключевую роль.

В дальнейшем изложении этой статьи Шмурло прослеживает извилистый путь переговоров, продолжавшихся и после заключения мира с Турцией.

В заключение Шмурло говорит: «Если русский царь в минуты наиболее трудные умел уберечь себя от формальных обязательств перед Римской курией, то теперь, став господином положения на Востоке Европы, тем свободней и независимей будет он держать себя по отношению к Римскому престолу, тем менее станет он считаться с его требованиями и пожеланиями».

О Петре Великом Шмурло вообще много написал. Первый его труд на эту тему: «Петр Великий в русской литературе. Опыт историко-библиографического обзора» (1889). Во время своих заграничных командировок в Европу 1890-х годов Шмурло собрал в тамошних архивах много ценных материалов, часть которых он издал в «Сборнике документов, относящихся к царствованию Петра Великого», том 1, 1693–1700 (1903).

В Праге он издал книгу: «Петр Великий и его наследие» (1925). В 1931 г. вышла биография Петра (по-немецки) в серии «Menschen die Geschichte machten».

В связи со своим интересом к Петру Шмурло поставил на очередь и более широкую проблему — «Восток и Запад в русской истории» (1926); «Россия в Азии и Европе» (по-чешски, Прага, 1926).

Шмурло — автор двух полезных обзоров хода русской истории: «История России. 862–1917» (Мюнхен, 1922) и «Курс русской истории», два тома, каждый в двух выпусках (гектографированное издание, Прага, 1931–1934) (тираж всего сто экземпляров). «Курс» этот мог появиться в свет благодаря содействию Славянского института в Праге, взявшего на себя часть расходов по изданию.

В мюнхенской книге Шмурло поставил себе целью дать в руки русской эмигрантской молодежи надежный учебник русской истории.

«Но учебник, — пишет Шмурло в предисловии, — никогда не заменит живого слова преподавателя... (между тем) необходимо вызвать ученика на размышление, помочь ему сделать соответствующий вывод, от самого его еще ускользающий... Дать такое истолкование в области русской истории и является целью настоящей книги... Книга предназначена меньше всего для чтения, но больше для размышления и анализа».

Каждый отдел книги заканчивается особой рубрикой — «Памятники русской культуры». Тут отмечается кроме произведений литературных также и вещественная старина: церкви, иконы, фрески, живописное шитье и другие предметы изобразительного искусства.

Пражский «Курс русской истории» — труд иного характера. Он предназначен для более подготовленного читателя.

В процессе писания «Курса» Шмурло все время не переставал его пересматривать, перерабатывать, дополнять. Он сам руководил изданием до последних минут своей жизни. Ближайшим его помощником по изданию «Курса» был В. В. Саханев. На него же Славянский институт возложил дальнейшее осуществление издания.

Взглянем на второй том «Курса». В его первом выпуске сначала идет последовательное изложение хода русской истории, умственных и общественных течений в Московском государстве (1462–1613), а затем обзревается история и культура Руси в Польше и Литве (1613–1654).

Второй выпуск — приложения «Спорные и невыясненные вопросы русской истории». Многие комментарии Шмурло представляют собою обстоятельные исследования. Таковы, например, «Стоглав и его происхождение», «Опричнина, ее цели и достижения», «Как сложилось представление о Москве, как третьем Риме?», «Как умер царевич Димитрий?», «Когда, в царствование Ивана Грозного, созван был первый Земский собор?», «Как состоялось избрание М. Ф. Романова на царство?»

За время его жизни у Шмурло образовался чрезвычайно ценный архив и богатая библиотека. После окончания второй мировой войны и то и другое было перевезено в Москву.

Д. И. Багaley (1857–1932)

Дмитрий Иванович Багaley получил высшее образование в Киевском и Харьковском университетах.

По выдержании магистерских экзаменов стал приват-доцентом Харьковского университета. В 1887 году защитил диссертацию на тему «Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства» и получил профессиуру.

В Харькове Багалея жил до 1918 года. Принимал живое участие в умственной и общественной жизни города. Отзывался и на все общерусские интересы и события.

Летом 1918 года возник вопрос об учреждении в Киеве Украинской академии наук. Инициаторами этого плана были В. И. Вернадский и Н. П. Василенко. Оба знали о научных трудах Багалея и оба были с ним лично знакомы.

Поэтому, когда в их предварительных совещаниях об организации и личном составе Украинской академии зашла речь о приглашении будущих членов академии, то было решено вызвать в Киев и Багалея.

Багалея немедленно приехал.

В октябре 1918 года в особой комиссии были выработаны принципы организации и устав Украинской академии*.

После этого намечены были новые члены академии.

27 октября 1918 года состоялось первое заседание академии. Закрытой баллотировкой В. И. Вернадский (член русской Академии наук) был единогласно избран президентом Академии наук, а Багалея — вице-президентом.

Перехожу к разбору научных трудов Багалея. До 1918 года он печатал все свои произведения по-русски, а после этого — по-украински.

Первый его большой труд — диссертация «Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства» (1887).

Дополнением к этому служит его издание документов «Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Воронежской губерний (1886–90)».

«Очерки» его дают широкую картину не только стихийного движения русской колонизации на юг, но и социологию этого стихийного русского потока, значение его и для самих переселенцев и для общего экономического развития России и для историчес-

* См. V. Vernadsky. «The First Year of the Ukrainian Academy of Science 1918–1919». Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the Us. Volume XI (1964–1968), pp. 18–22.

кой географии и демографии. «Очерки» до сих пор не потеряли своей ценности.

Вслед за тем Багалея написал «Опыт истории Харьковского университета» (Харьков, 1893–1894). За этим последовала статья об украинском философе XVIII века Григории Сковороде (Киевская Старина, 1895, 1–11).

В 1914 году появился большой труд Багалея «Русская история», том 1 (Москва, 1914 г.).

Труд этот интересно задуман и построен. В начале его Багалея уделяет много времени археологии, отчасти под влиянием М. И. Ростовцева. На Ростовцева же Багалея опирается и в вопросе о роли эллинизма и иранства в начальной истории, вернее предыстории Киевской Руси. Главные работы Багалея на киевском этапе его жизни — «Нарис украинской историографии», том 1 (в двух выпусках, Киев, 1923–26)*.

За этим последовали работы «Декабристы на Украине» (Харьков, 1926) и «Нарис истории Украины на социально-экономическом грунті» (Харьков, 1928).

А. А. Шахматов (1864–1920)

Алексей Александрович Шахматов был одним из крупнейших филологов своего времени.

Вместе с тем все его творческое мышление было проникнуто живым чувством истории и исторического развития русского языка и русского бытописания.

Алексей Александрович Шахматов родился в Нарве**.

Раннее детство Алексей провел в Одессе, где отец его служил по судебному ведомству. В Одессе Алексей лишился матери в 1870 году. В январе 1871 года умер его отец. Вместе с обеими своими сестрами Алексей взят был на воспитание братом его отца. Дядя и тетка заменили ему родителей. До 1876 года семья жила в деревне близ Саратова.

* Транскрипция моя не совсем точная, так как в новой русской орфографии нет «десятеричного и».

** Автобиография А. А. Шахматова и список его ученых трудов напечатаны в книжке «А. А. Шахматов — 1864–1920». (Ленинград, 1930). См. также А. Е. Пресняков. «А. А. Шахматов» (некролог). «Дела и дни», 1920. Книга первая, стр. 611–614.

Здесь началось учение. Книга А. Ф. Петрушевского «Откуда пошла Русская Земля», а затем «История государства Российского» Карамзина вызвали в Алексее интерес к истории. Помимо того, из книги А. С. Хомякова о родстве славянских языков с санскритом он познакомился с некоторыми санскритскими словами.

В январе 1879 года Шахматов поступил в IV класс гимназии. В это время он уже был страстно увлечен филологией. Собирал санскритские, древнегерманские, готские, персидские, арабские и кельтские слова для сравнительного изучения их корней. Познакомился с профессорами-филологами Всеволодом Миллером, Ф. Е. Коршем и Ф. Ф. Фортунатовым. В 1881 году Фортунатов разрешил Шахматову посещать его лингвистический семинар.

Весной 1883 года Шахматов окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

В следующем году он получил от историко-филологического факультета командировку на время летних каникул в Олонецкую губернию для изучения местных говоров и фольклора. Поездка была очень плодотворна.

В декабре 1884 года Шахматов подготовил к печати свое «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века».

По предложению академика И. В. Ягича, с которым Шахматов познакомился в 1881 году, труд этот был напечатан в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии наук».

В 1887 году Шахматов окончил университет со степенью кандидата.

В 1890 году, выдержав магистерские экзамены, он получил звание приват-доцента и начал было читать лекции. Но «в связи с некоторыми душевными переживаниями (как он пишет в своей автобиографии) решил оставить Москву и взял место земского начальника в Саратовской губернии летом 1891 года.

1891 год ознаменовался в России страшным бедствием — голодом, а потом и холерой, продолжавшимися до нового урожая 1892 года. Шахматов принял деятельное участие в помощи населению.

В 1892–1893 годах Шахматов написал диссертацию на степень магистра «Исследования в области русской фонетики». Защитил он ее 12 марта 1894 года. Факультет присудил ему степень доктора русского языка и словесности (минуя магистерскую степень).

В следующем году Шахматов был избран адъюнктом Академии наук и переехал в Петербург. Через три года он был избран экстраординарным академиком, а в 1898 году — ординарным.

Что касается его личной жизни — в 1896 году он женился на Наталии Александровне Градовской (дочери профессора Градовского).

В жизни Академии наук Шахматов принял деятельное участие. Работал он и в различных комиссиях при академии, в том числе в комиссии об отмене стеснений для печатания книг и журналов на малорусском (украинском) языке (1911) и в комиссии по вопросу об упрощении русской орфографии — 1917 г.

В 1910 году Шахматов был избран сверхштатным ординарным профессором Петербургского университета. При всем том он все время усиленно продолжал свою собственную научную работу, писал и крупные труды и детальные исследования по специальным вопросам.

Научное наследие Шахматова богато и многообразно. Здесь я могу только кратко указать его важнейшие труды.

Их можно разделить на два отдела — лингвистические труды (историческая фонетика) и исследования о составе древнерусских летописей и истории летописания.

В связи с этим стоит его интерес к исторической этнографии. Он первый стал читать курс исторической этнографии Восточной Европы и истории русской географии (расселение и племенные передвижения русских славян, колонизацию и диалектологию).

Шахматов подвел итоги этим своим исследованиям в небольшой, но глубоко содержательной работе «Древнейшие судьбы русского племени» (1919).

«В общем строе своей ученой работы Шахматов может быть назван историком русской народности. Выдающийся лингвист, он в центре своих лингвистических изучений поставил историю русского языка» (Пресняков).

Капитальный труд Шахматова в этом аспекте — его диссертация «Исследования в области русской фонетики». Кроме того, он написал еще несколько выдающихся лингвистических работ.

Его перу принадлежит также ценная статья «Русский язык» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. (том XXVIII, стр. 564–581, 1899 г.).

Основной труд Шахматова по изучению летописей — «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908).

«До Шахматова, — пишет Пресняков, — наши летописные своды рассматривались почти исключительно как исторические источники, как сборники разнородного исторического материала... В трудах Шахматова ожили летописные своды как целый существенный отдел древнерусской письменности, как памятники старинного литературного творчества и упорной работы общественной мысли правящих кругов над основными течениями современной им политической действительности».

«Шахматов, — продолжает Пресняков, — был поистине призванным служителем науки. Именно “служителем”, как лиц духовных называют “служителями алтаря”. ... Глубже кого-либо сознавая многосложность научных заданий и неисчерпаемость изучений, Шахматов мерил свои достижения далеким идеалом полного разрешения сложнейших проблем истории культуры. Он бывал часто очень смелым в своих построениях, но судил о них строже кого-либо иного, постоянно их проверял, выправлял и перестраивал, как неустанный искатель».

Н. П. Павлов-Сильванский (1869–1908)

Николай Павлович Павлов-Сильванский окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Был участником семинара С. Ф. Платонова.

По окончании университета поступил на службу в Министерство иностранных дел.

Его научное творчество шло по двум направлениям. В начале он занимался преимущественно Петровской эпохой. Позже углубился в область политической и социальной истории Древней Руси и посвятил свое внимание вопросу о феодализации России в сравнительно-историческом освещении.

К первому периоду деятельности Павлова-Сильванского относится его капитальный труд «Проекты реформ в записках современников Петра Великого». В этом исследовании Павлов-Сильванский показал, что во вторую половину своего царствования (после Полтавской победы 1709 года) Петр приступил к осуществлению плана реформ в России, тогда как раньше все его внимание было поглощено текущим развертыванием Северной войны для предотвращения катастрофы. Этим были опровергнуты взгляды Милюкова, который в своем труде «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и

реформа Петра Великого» (1892) пришел к заключению, что во все время царствования Петра реформа шла стихийно, и что пожелания его советников тоже хаотичны и сбивчивы. Тут дело в том, что материал пожеланий советников Петра попал в два различных архивных фонда, а Милюкову был известен только один, другой был обнаружен Павловым-Сильванским. В своей биографии Петра в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (полумтом 46 [1898], стр. 487–495) Милюков признал значение исследования Павлова-Сильванского.

Обратимся теперь ко второму периоду развития научной мысли Павлова-Сильванского — к его работам о феодализме в России*.

Главных его труда в этой области два: «Феодализм в Древней Руси» (1907) и «Феодализм в удельной Руси» (1910). С точки зрения Павлова-Сильванского, феодализм в России произошел от смешения государственного и частного начала. В Древней Руси существовали и иммунитет, и закладничество, и патронат, и бенефиции.

Мы встречаем в удельной Руси те же учреждения, те же отношения и воззрения, что и на Западе, но иногда в менее определенных чертах. В русских грамотах этого времени встречаются фразы, представляющие собою как бы буквальный перевод соответствующих латинских текстов**.

Умер Павлов-Сильванский от холеры. Преждевременная смерть прервала дальнейшее развитие его исследований.

С. Б. Веселовский (1876–1952)

Степан Борисович Веселовский родился в Москве в семье агронома***.

* Чтобы ознакомиться с тогдашним уровнем понятий исторической науки о феодализме вообще и о феодализме в Европе см. И. М. Гревс. «Феодализм» (Энциклопедический словарь — Брокгауз и Ефрон. «Феодализм». Полумтом 70 (1902), стр. 491–535. О феодализме в России — Милюков, Любавский, Кареев — там же, стр. 548–558. См. также G. Vernadsky. «Feudalism in Russia», Speculum, XIV (1939), страницы 300–323.

** Сравни: М. Любавский. «Древняя русская история» (1918), стр. 179–180.

*** Биографические сведения о Веселовском и перечень его главных трудов содержатся в предисловии редакции к посмертно изданной книге Веселовского «Очерки по истории опричнины» (Москва, 1963).

Учился сначала в московской, потом в тамбовской гимназии. Окончил ее в 1896 году и поступил на юридический факультет Московского университета. В 1903 году, по окончании университета, Веселовский начал систематическую работу в московских архивах. Изучал главным образом историю народного хозяйства и финансов Московского государства XVI–XVII веков.

В мае 1917 года Веселовский был избран экстраординарным профессором Московского Университета по кафедре истории права, а в следующем году — ординарным. В 1929 году он был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1946 году — академиком. В Московском университете Веселовский преподавал до ликвидации факультета общественных наук в 1925 году.

В 1928–1930 годах он руководил аспирантурой в научно-исследовательском Институте народов советского востока.

С 1938 по 1941 год был профессором Московского государственного историко-архивного института.

Перехожу к обзору научных трудов Веселовского.

В 1913–1915 годах, после десятилетней подготовительной работы вышел в свет его монументальный труд «Сошное письмо». «Исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства» (два тома).

Работа эта основана на громадном и глубоко изученном материале, впервые введенном в научный оборот. Академия наук присудила Веселовскому за этот труд Уваровскую премию, а Московский университет — степень доктора истории русского права.

Помимо этого, между 1911 и 1917 годами Веселовский опубликовал ряд исследований по истории центральных учреждений Московского государства XVII века.

В те же годы он написал несколько трудов в области изучения церковного, монастырского и светского землевладения, в том числе «Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI веков», «Феодальное землевладение в Московской Руси», «Монастырское землевладение в Московской Руси» и «К вопросу о происхождении вотчинного режима».

После 1940 года внимание Веселовского обратилось на изучение опричнины Ивана Грозного. Он написал ряд статей на темы общего смысла опричнины и отдельных ее учреждений и собрал их для издания в виде особого сборника. Сборник этот был готов в 1945 году, но не мог тогда быть издан.

Это было еще время Сталинского «культа личности» и прославления царя Ивана и опричнины*. Труд Веселовского «Исследования по истории опричнины» появился только в 1963 году. Веселовский отверг подход предыдущих историков к пониманию опричнины, видевших в ней целесообразную политику Грозного — раздавить боярство и возвысить средние классы — дворянство и горожан.

Согласно мнению предыдущих историков, к низшему слою — черни (крестьяне и батраки) — Грозный относился милостиво. Последним высказал это мнение Платонов. Ему, главным образом, и возражает Веселовский.

Веселовский установил, что в опричном дворе царя Ивана преобладали такие же знатные княжеские и боярские роды, как и в земщине, и что вспышки террора направлены были царем одинаково против тех и других. «Возвышения» средних классов дворянства и горожан не было. По наиболее полным спискам синодика Ивана Грозного упоминается казненных 3300 человек. Поименно в синодике записано 1240 человек. Из них 400 человек принадлежат к служилому классу привилегированных землевладельцев. Около 2060 человек показаны числом, безымянно, большинство их принадлежало к низшим слоям населения. Все эти цифры относятся к людям, казненным по приказу Ивана. Гораздо больше было число убитых при разгроме опричниками Новгорода и других городов.

Большое значение имела деятельность Веселовского по изданию ценных документальных материалов. Отмечу здесь «Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 годов» (1911); «Акты писцового дела, Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском Государстве» (два тома, 1913–1917); «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII веков» (1929); «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.» (1952).

М. Д. Приселков (1881–1941)

Михаил Дмитриевич Приселков был учеником Шахматова и успешно продолжал дело своего учителя по исследованию русского летописания.

* A. G. Mazour. The Writing of History in Soviet Union (Stanford, California, 1971, p. 70).

Приселков родился в Петербурге. Отец его (который умер в 1909 г.) был человек со средствами. Михаил Дмитриевич окончил историко-филологический факультет Петербургского университета.

Выдержав магистерские экзамены, Приселков получил звание приват-доцента и начал читать лекции в университете.

Магистерскую диссертацию написал на тему «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси» (1913). Главным оппонентом на диспуте был его учитель Шахматов. Диалог между ними носил характер оживленной научной беседы.

Первой печатной работой Михаила Дмитриевича была статья «Летописание XIV века» (в сборнике статей по русской истории, посвященном Платонову, 1911 г.). Первым его крупным трудом была магистерская диссертация: «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII веков» (1913). Это — вдохновенная, увлекательная книга.

Основная ее идея — борьба молодой русской церкви за независимость от Византии, тем более что византийские императоры считали, что когда «варварские» народы обращаются в христианство, то это влечет за собой признание господства над ними не только «вселенской» (византийской) церкви, но и Византийской империи.

Единственным исключением из этого порядка было временное признание автокефалии болгарской (в то время) архиепископии в Охриде.

В противовес византийским притязаниям киевские князья стремились добиться от Византии автокефального митрополита. История этой борьбы и составляет канву всей книги.

Опорными точками для Приселкова являются русские летописи (в толковании Шахматова и его самого), сербский историк Б. Прокич и арабский летописец Яхъя (родившийся в конце X века, умерший в 1066 году).

Исходя из них, Приселков плетет изящное кружево своих предположений и гипотез. Читатель невольно подпадает под обаяние домислов Приселкова, но если глубже вдуматься, то появляются и некоторые сомнения.

Дело в том, что Приселков не дает ни полной картины политических и церковных событий, ни многообразных мотивов и оттенков в международных отношениях, а все сводит исключительно к борьбе русских князей и духовенства с византийскими требованиями.

Нередко при этом получается упрощение действительности.

Но зато в конце диссертации Приселков приводит читателя к своей главной догадке — тождеству знаменитого митрополита Иллариона (автора «Слова о законах и благодати») с создателем Киево-Печерского монастыря — Никона Великого.

Это, конечно, тоже гипотеза и формально не доказана. Но внутренне и психологически она убедительна.

Это конец всей книги Приселкова.

В 1938 году вышла в свет статья Приселкова «Слово о полку Игореве как исторический источник» («Историк-Марксист», № 6).

В следующем году появилось очень тщательно выполненное Приселковым исследование Лаврентьевской летописи — «Лаврентьевская летопись, история текста» (Ученые записки Ленинградского университета, выпуск 2). В этой работе Приселков во многом разошелся с выводами Шахматова.

Приселков также изучал летописание в Западной Украине и Белоруссии («Ученые записки Ленинградского университета», № 7, серия исторических наук, выпуск 7, 1941).

Вершиной изумительного проникновения Приселкова в дух и букву русского летописания является его реконструкция Троицкой летописи.

Троицкая летопись сгорела в московском пожаре 1812 года, но до этого ею пользовался Карамзин и сделал много выписок в своих примечаниях к «Истории Государства Российского». Кроме того, в нескольких летописях XV века сохранились отрывки Троицкой летописи.

Приселков успел закончить свою кропотливую работу. Изда-на она была отдельным томом посмертно.

Б. Д. Греков (1882–1953)

Борис Дмитриевич Греков родился в Миргороде Полтавской губернии *. В 1901 году Греков окончил гимназию и поступил на

* Биография Грекова напечатана в первом томе его «Избранных трудов» (1957). См. также В. И. Шунков. «Борис Дмитриевич Греков (творческий путь)». Сборник «Академику Грекову ко дню семидесятилетия» (1952), стр. 5–12. Список научных работ Грекова там же, стр. 20–36. Кроме того, я пользуюсь и своими личными воспоминаниями. «Избранные труды» Грекова вышли в четырех томах в 1957–1960.

историко-филологический факультет Варшавского университета, откуда в 1905 году перевелся в Московский университет. Среди его учителей главным был Д. М. Петрушевский. В 1914 году Греков защитил магистерскую диссертацию «Новгородский дом св. Софии. Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной вотчины», часть 1.

В 1917/18 учебном году Греков был профессором Пермского университета. Читал там курс древней русской истории и вел семинар.

Из Перми он перебрался на юг, в Симферополь, и был там приглашен на кафедру древней русской истории в только что тогда открытом Таврическом университете.

После занятия Крыма Красной Армией (осень 1920 года) Греков вернулся на север. Преподавал в Ленинградском университете. С 1937 года до конца жизни был руководителем Института истории Академии наук.

В 1934 году был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1935 году — ее действительным членом.

Вместе с тем он занимался и общественной деятельностью. Был избираем последовательно членом Ленинградского городского совета, депутатом Верховного Совета РСФСР и наконец — депутатом Верховного Совета СССР.

Греков был выдающимся и плодотворным историком — исследователем и издателем документальных материалов.

Под его редакцией вышло монументальное издание «Русской Правды» — «Правда Русская» (издательство Академии наук). Том I — тексты; том II — комментарии; том III — факсимильное воспроизведение текстов (1963).

Второе капитальное издание, вышедшее под редакцией Грекова, — «Судебники XVI–XVII веков», изданные также Академией наук. Первый по времени составления — «Судебник 1497 года» (выработанный при Иване III). До его издания на Руси действовали нормы «Русской Правды» и уставных наместничьих грамот. Правительство Ивана III сознавало необходимость кодификации прежних законов. Судебник и отвечает этой нужде.

«Судебник 1550 года» составлен при Иване IV (после принятия им царского титула в 1547 году — отсюда его название «Судебник царский»). Значительнее по содержанию, чем предыдущий. Он был утвержден церковно-земским собором (так называемым «Стоглавым»).

В ряде своих работ Греков касался вопроса о феодализме и феодальных отношениях в Древней Руси, особенно в связи с историей русского крестьянства и феодальной вотчины. Греков подошел к вопросу о феодализме не с юридической точки зрения, а с социально-экономической. Становление феодальных отношений в Древней Руси, по его мнению, совпадает с процессом закрепощения крестьян.

Московское государство XVII века и Российская Империя до освобождения крестьян суть этапы в развитии феодального строя.

Капитальный труд Грекова по истории русского крестьянства — «Крестьяне на Руси с древнейших времен до середины XVII века» (1946; второе расширенное издание 1954).

Особую группу составляют работы Грекова по истории южных и западных славян. Сюда относятся: хорватские Винодольский статут (1288) и Полицкий статут (1662) и Польская Правда — «Книга Правда» XIII века («Избранные труды», том 1).

Греков написал несколько ценных работ по истории Киевской Руси. Отмечу здесь две следующие: «Киевская Русь» (4-е издание, 1944) и «Культура Киевской Руси» (1944).

К истории татарско-русских отношений относится его труд (совместно с ориенталистом А. И. Якубовским) «Золотая Орда и ее падение» (1950).

Греков интересовался и русской историографией. Сюда относятся его очерки «Ленин и историческая наука», «Ломоносов — историк» и «Исторические воззрения Пушкина» (все три напечатаны в «Избранных трудах» Грекова, том III).

«Пушкин, — говорит Греков, — жил в границах времени, весьма широко очерченных; далекое прошлое, настоящее и будущее представлялись ему как нечто единое, непрерывное, одно из другого вытекающее».

«Пушкин не представлял себе просвещенного человека, незнающего истории. В одной из своих заметок он ставит знак равенства между знанием истории и просвещением. В другой жестоко высмеивает тех, кто не интересуется историей».

Пушкин изучил французского историка Гизо очень внимательно и делал для себя выписки. Одна из характерных выписок — такая: «Общество, его состав, образ жизни, отношения различных классов, лиц — словом гражданский быт людей — таков, без сомнения, первый вопрос, привлекающий к себе

внимание историка, который желает знать, как жили народы, и публициста, который желает знать, как они управлялись».

Взгляды Пушкина отразились в его «Истории Пугачевского бунта», а равно и в некоторых его художественных произведениях, как, например, в «Борисе Годунове» и «Капитанской дочке».

«Ломоносов, — пишет Греков, — историком-профессионалом в узком смысле слова не был. Он не отдал всей своей жизни этой отрасли знания и не мог отдать, потому что жизнь предъявляла к нему слишком широкие требования, чтобы он мог сосредоточиться на чем-нибудь одном».

«Главной его побудительной причиной, — продолжает Греков, — была деятельная любовь к родине. Ломоносов стремился познать Россию, чтобы ее возвеличить, защитить ее от всевозможных на нее покушений, не только реальных, но даже и мнимых».

По отчетам Ломоносова о ходе его подготовительной работы к писанию русской истории видно, как серьезно он отнесся к своей задаче.

В отчетах за 1751 год значится: «Читал книги для собрания материй к сочинению российской истории: Нестора, законы Ярославли, большой летописец, Татищева первый том» (и так далее).

В отчете за 1752 год: «Для собрания материалов о российской истории читал Кранца, Претория, Муратория, Иордана, Прокопия» (и так далее).

В отчете за 1753 год писал: «1. Записки из упомянутых прежде авторов приводил под статьи числами. 2. Читал Российские академические летописцы, без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских».

В 1756 году «Русская история» была готова. Академия напечатала ее в количестве двух тысяч экземпляров. Вышла она в свет уже после смерти Ломоносова».

В заключение перехожу к статье Грекова «Ленин и историческая наука»*.

«Много сложных и глубоких ассоциаций связано в наших представлениях с именем Ленина» — начинает свою статью Греков. «Я хочу говорить о Ленине лишь как об ученом, исследователе-историке, при чем считаю необходимым и здесь оговориться, что речь будет идти только о самом важном, только о контурах его облика как ученого, без всяких претензий на сколь-

* Доклад на общем собрании Академии наук 14 февраля 1944 года.

ко-нибудь исчерпывающую характеристику всего, сделанного им в области истории».

На рубеже XIX и XX веков «важнейшее из стоявших перед исторической наукой вопросов», по мнению Грекова, можно свести к следующим:

«(1) род и община как начальные фазы в развитии общества, обуславливающие и дальнейшую его эволюцию;

(2) русский феодализм как показатель закономерного и аналогичного с другими европейскими странами развития России;

(3) зарождение в недрах феодального общества капиталистических отношений и дальнейший их рост».

«По глубочайшему убеждению Ленина, — говорит Греков, — тот, кто хочет не только изучить историческую жизнь людей, но и участвовать в ее перестройке, должен быть историком-марксистом. Марксизм — единственное научное понимание общественной жизни».

А. В. Флоровский (1884–1968)

Антоний Васильевич Флоровский окончил Одесский университет по историко-филологическому факультету*. Еще студентом он написал первый свой ученый труд — о составе законодательной комиссии при Екатерине II. Этот очерк послужил остоном его магистерской диссертации — «Состав законодательной комиссии 1767–74» (1915). После защиты ее он был избран профессором.

В 1920 году в конце гражданской войны Флоровский эвакуировался в Болгарию, а через год переехал в Прагу. В Праге он был избран членом Русской учебной коллегии и профессором Русского юридического факультета.

Флоровский был одним из основателей и товарищем председателя Русского исторического общества в Праге (председателем был Е. Ф. Шмурло).

После создания в Праге Кондаковского семинария, посвященного археологии и византиноведению, Флоровский вошел в число его членов.

* Г. В. Вернадский. «Памяти А. В. Флоровского». «Новое русское слово», Нью-Йорк, 18 апреля 1968 года.

Впоследствии он был назначен профессором чешского Карлова университета.

Летом 1967 года Белорусская академия наук пригласила Флоровского принять участие в чествовании 450-летия со дня выхода в свет в Праге первой белорусской книги в издании уроженца Полоцка Франциска Скорины. Скорина — русский (как он сам себя считал) ученый начала XVI века. Был типографщиком в Праге, потом в Вильне.

Чествования происходили в Минске и Полоцке.

Оттуда Флоровский съездил в Ленинград повидаться с учеными. Ему доставило большое удовлетворение признание ценности и значения его научных работ ленинградскими коллегами.

В начале 1968 года у Флоровского обнаружилась астма. В промежутках между припадками Антоний Васильевич бывал бодр и продолжал страстно интересоваться проблемами русской истории. Роковой припадок небывалой остроты и боли прекратил его жизнь (27 марта).

Талантливый человек широкого кругозора Антоний Васильевич всю жизнь посвятил неустанному научному творчеству. Избегая в своих трудах крупных обобщений, он основал свою работу на тщательном анализе исторических материалов и критическом их исследовании.

Диапазон его сочинений чрезвычайно разнообразен — история русской и славянской культуры и между славянских связей, библейские и византийские влияния, восточные известия о Древней Руси, история торговли, иезуиты в России в конце XVII и начале XVIII века, Петр Великий и Эфиопия, новые известия о Пушкине — все это Флоровский изучал по первоисточникам.

Каждая его работа, хотя бы небольшая, по своему уровню не уступает большим трудам.

Главный монументальный труд Флоровского — «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений X–XVIII вв.».

Первый том этого труда вышел в свет в Праге в 1935 году. Второй том был подготовлен к печати в 1941 году, но в обстановке войны и немецкой оккупации не мог тогда быть издан и появился на свет лишь в 1947 году.

По своему строению книга состоит из ряда отдельных очерков, каждый из которых содержит законченное изложение конкретных вопросов из прошлого чешско-русских отношений.

«По своей внутренней связи, — пишет Флоровский в предисловии к первому тому, — эти очерки составляют три группы... Первые четыре очерка основным своим содержанием касаются киевского периода истории Руси IX–XII вв.». Пятый очерк имеет своим содержанием отношения между Чехией и Галицким княжеством в XII, отчасти в XIV веках.

«Вторую часть нашей работы, — продолжает Флоровский, — образуют очерки, основным содержанием касающиеся отношений между Чехией и чехами с одной стороны, и с другой, Русью и русскими, охваченными пределами польской, и в особенности литовской государственности; хронологическими пределами этих очерков являются столетия XIV и XVII. Последняя, третья часть книги содержит обзор данных о сношениях между чехами и Московской Русью и заключается сведениями о чешско-русских взаимоотношениях в эпоху Петра Великого и его ближайших преемников».

Второй большой труд Флоровского посвящен теме о чешских иезуитах в России в конце XVII и в XVIII веках. Написан и издан он по-чешски*.

Книга состоит из двух частей. В первой говорится об организации иезуитских школ в Чехии в XVII и XVIII столетиях и о стипендиях, выдаваемых восточнославянским юношам для учения. В числе их привлекались и москвиты. Во второй части речь идет о поездках чешских иезуитов в Московию, начиная со времени царевны Софии, а потом Петра Великого. Иезуиты не вели открытой пропаганды католицизма, а предлагали свои услуги для распространения просвещения в России.

Тем не менее патриарх Иоаким и жившие в Москве греки братья Лихуды протестовали против их деятельности и в 1689 году они были изгнаны из Москвы. Но понемногу некоторым из них удалось опять проникнуть в Москву инкогнито. В 1719 году они были опять изгнаны.

Книга богато иллюстрирована. Большинство иллюстраций извлечено из пражских архивов и библиотек. Среди этих иллюстраций находятся портреты иезуитов, царевны Софии, князя В. В. Голицына, молодого Петра, виды Кремля, Немецкой слободы, зарисовки калмыков. Этот труд Флоровского (как и все

* A. V. Florovsky. Cesti Jesuite na Rusi (Praha, 1941).

другие его работы) построен на твердом основании архивных источников и литературе предмета.

Полной библиографии трудов Флоровского нет. Два главных его труда и большое количество оттисков мелких работ имеются в моей библиотеке (были мне в свое время присланы автором). Кроме того, см. Antoine Florovsky «La Litterature historique russe. Emigration. Comptereendu, 1921–1926 гг., Bulletin d'information des sciences historiques en Europe Orientale. Том 1 (Варшава, 1927); Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930 гг.), выпуск 1 (Белград, 1931), стр. 340–343; выпуск II (1941), стр. 372–374.

Г. В. Вернадский (1887–1973) *

Георгий Владимирович Вернадский родился в Петербурге. Сын Владимира Ивановича и Наталии Егоровны Вернадских.

Окончил московскую пятую классическую гимназию с золотой медалью весной 1906 года. Поступил в число студентов историко-филологического факультета Московского университета.

Слушал лекции Ключевского (семинаром Ключевский уже не руководил). Учителями Вернадского были: М. М. Богословский (русская история), Д. М. Петрушевский (средневековье) и А. Н. Савин (новая история).

В 1907 году Вернадский женился на Нине Владимировне Ильинской, верной спутнице его жизни (умерла в 1971 году).

По окончании университета в 1910 году начал самостоятельную научную работу и занялся историей Сибири. Изучал мало тогда разработанный материал в Московском архиве Министерства юстиции. Плодом этих занятий были три статьи, одна из которых — «Государевы служилые и промышленные люди в восточной Сибири XVII века» («Журнал Министерства народного просвещения», новая серия, IV, 1915) была уже серьезным научным трудом.

Удостоверившись благодаря архивным изысканиям в своей способности к научному творчеству, Вернадский в 1911 году обратился к С. Ф. Платонову с просьбой руководить его подготовкой к магистерским экзаменам, а затем и писанием магистерской диссертации.

*Глава эта была включена по настоятельной просьбе К. Г. Белоусова. — Ред.

Платонов согласился.

В 1913 году Вернадский переехал в Петербург (где жили его родители). В 1914 году Вернадский получил звание приват-доцента и начал читать лекции в Петербургском университете.

В 1915 году Вернадский написал статью «Венгерский поход 1849 года» («Русская мысль», 1915, № 2).

В 1971 году, будучи уже в Америке, Вернадский вернулся к теме своей работы — заново ее переработал и значительно расширил для «*Ferdinandy Festschrift*» (Сборник статей в честь венгерского историка Михаила Фердинанди — профессора европейской истории в Пуэрто-Риканском университете по случаю его шестидесятилетия)*.

Темой своей магистерской диссертации Вернадский наметил «Русское масонство в царствование Екатерины II»**.

Вернадский не масон и никогда масоном не был. Тема о масонстве в XVIII веке привлекла его внимание возможностью изучить одно из значительных умственных течений этой эпохи на фоне европейских интеллектуальных исканий (и рационалистических, и мистических).

Помимо Платонова Вернадский советовался о выборе темы, а затем и ходе работы над ней с А. С. Лаппо-Данилевским. Неоценимую помощь Вернадскому оказал также Я. Л. Барсков. Барсков был в это время старшим научным сотрудником Государственного архива и досконально знал также, в каких других петербургских архивах и библиотеках имеются материалы, относящиеся к теме о масонстве.

Рукопись диссертации была готова к началу 1917 года. Платонов одобрил ее и назначил диспут на 22 октября. Защита диссертации прошла успешно, и факультет единогласно присудил Вернадскому степень магистра русской истории.

Попутно в это время Вернадский, по предложению дочери А. Н. Пыпина, Веры Александровны Пыпиной-Ляцкой, переработал, исправил и дополнил собрание статей Пыпина о русском масонстве XVIII и первой четверти XIX века (написаны были в 1870–1873 годах)***.

* G. Vernadsky. *Ruslands Ungarn, Feizug von 1849. Ferdinandy Festschrift* (West. Berlin, 1972).

** Книга была издана в серии «Записки историко-филологического факультета Петербургского университета» (Петроград, 1917).

*** А. Н. Пыпин. *Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в.* Редакция и примечания Г. В. Вернадского (Петроград, 1916).

Далее, по предложению редакции очередного тома «Русского биографического словаря», Вернадский написал большой очерк о Н. И. Новикове. Новикову Вернадский уделил много внимания в своей диссертации о русском масонстве, но у него осталось большое количество неиспользованного материала о Новикове.

Издание «Русского биографического словаря» было прекращено после Октябрьской революции. Книга Вернадского о Новикове была издана отдельным томом в 1918 году.

На 1918/1919 учебный год Вернадский был приглашен профессором новой русской истории в Пермский университет. (Профессором по кафедре древней русской истории был Б. Д. Греков).

Вернадский был одним из основателей и деятельным членом «Общества исторических, философских и социальных наук» при Пермском университете. В первом сборнике этого общества Вернадский поместил статью «Императрица Екатерина II и Законодательная комиссия 1767–1768 годов».

Осенью 1918 года Пермь была фактически автономна и не подчинялась центральному советскому правительству. Положение изменилось к весне 1919 года. Большевики получили большинство в Пермском совете рабочих депутатов. Из Москвы были присланы в Пермь агенты ЧК, начались аресты. Доброжелатели посоветовали Вернадскому уехать на лето, рассчитывая, что к осени положение может измениться.

Вернадский с женой уехали на юг, в Симферополь. Там Вернадский был приглашен на должность профессора новой русской истории в только что открытом Таврическом университете. Туда же перебрался из Перми и Греков, получив профессиру по древней русской истории.

Как и в Перми, поражала тяга молодежи к высшему образованию. Состав студенчества в Симферополе был разнороден. Здесь были и студенты более старшего возраста и совсем молодые, только что окончившие гимназии, в частности в Симферополе. Помимо чтения лекций и руководства семинаром в университете Вернадский принял деятельное участие в работах Таврической ученой архивной комиссии. Во главе ее стоял выдающийся ученый, большой знаток крымской старины Арсений Иванович Маркоевич. Несмотря на разницу лет (Маркевич был много старше Вернадского), между ними установились близкие дружественные отношения.

В Крыму находилось в частных руках много ценных семейных архивов. Ввиду смутного времени гражданской войны многие из владельцев еще до основания Таврического университета передали их в Архивную комиссию.

От Маркевича Вернадский узнал, что в имении Тавель хранится большой ценнейший архив В. С. Попова, правителя канцелярии Потемкина. Владельцы охотно согласились на передачу этого архива в библиотеку Таврического университета. Наблюдение за перевозкой взял на себя библиотекарь университета Н. Л. Эрнст. Так архив был спасен, и Вернадский начал его понемногу разбирать.

В конце гражданской войны осенью 1920 года Вернадский с женой эвакуировались в Константинополь, а оттуда в марте 1921 года переехали в Афины, где провели одиннадцать месяцев.

В Афинах Вернадский получил место инспектора русской прогимназии.

Во время пребывания в Греции Вернадский ознакомился с классическими древностями, а также заинтересовался памятниками византийской старины. Это послужило началом его последующих трудов по византиноведению.

В начале февраля 1922 года Вернадский получил извещение, что он выбран членом Русской учебной коллегии в Праге.

В конце февраля Вернадский с женой переехали в Прагу. Там уже собралось много русских профессоров и студентов и продолжали еще приезжать. Прага в это время на несколько лет сделалась как бы уголком России — крупным центром русской культуры.

Вернадский был избран профессором истории русского права в только что основанном Русском юридическом факультете. Читал курс русского государственного права императорского периода.

На основе этих лекций он написал «Очерк истории права Русского государства XVIII–XIX веков» (Прага, 1924).

Кроме того, Вернадский был избран членом Славянского института (чешского научного учреждения) и вошел в дружеские отношения с выдающимися чешскими учеными — Карлом Кадлцом (историком славянского права) и Любором Нидерле (археологом).

Осенью 1922 года приехал из Болгарии в Прагу академик Н. П. Кондаков, знаменитый археолог, историк искусства и визан-

тиновед, и начал читать (по-русски) курс лекций в чешском Карловом университете. Среди слушателей были и русские и чехи, знавшие русский язык. Посещал эти лекции и Вернадский. Среди русских слушателей образовался кружок почитателей Кондакова, которые начали собираться раз в неделю по вечерам у него на дому. Приходил туда и Вернадский.

В 1924 году в ноябре Кондакову исполнилось 80 лет. Вернадский произнес речь о значении его научной деятельности на III съезде русских зарубежных историков в Праге 25 сентября, а 17 февраля 1925 года Кондаков умер.

Кружок учеников, друзей и почитателей Кондакова решил не расходиться, а образовать в память учителя дружеско-научное объединение — Семинарий имени Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*). Для начала решено было издать сборник статей международного характера, посвященных памяти Кондакова (*Recueil Kondakov*) (Прага, 1926).

В этом сборнике приняли участие и русские и иностранные ученые. Вернадский написал для этого сборника вводный очерк о жизни и деятельности Кондакова (напечатан по-французски).

Помимо того, Вернадский поместил в сборнике статью «Византийские учения о власти царя и патриарха».

В число членов семинария имени Кондакова вошли: археолог Н. П. Толль, историк искусства Н. М. Беляев, художница княгиня Н. Г. Яшвилъ. Руководителями семинара были Вернадский и археолог А. П. Калитинский.

Первый том *Seminarium Kondakovianum* вышел в 1927 году. После этого каждый год выходило по тому.

Для первого тома Вернадский написал статью «Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога». Ряд статей и заметок Вернадского появился и в следующих томах. Из них отметим здесь: «М. И. Ростовцев. К шестидесятилетию его» (*Seminarium Kondakovianum*, IV, 1931); «А. А. Васильев. К семидесятилетию его» (*Annales de l'Institut Kondakov*, X, 1938). (Это продолжение серии *Seminarium Kondakovianum*).

В 1925 г. Вернадский опубликовал исследование о «Государственной уставной грамоте Российской Империи 1820 года». Это проект переустройства России на принципах умеренно-конституционного характера. Проект был составлен Н. Н. Новосильцевым по поручению Александра I. Александр долго держал у себя проект, но так и не утвердил его.

В начале 1930-х годов Вернадский расширил и совершенно переработал этот труд. Книга была издана во французском переводе С. С. Ольденбургом (Париж, 1933).

В мае 1926 года Вернадский принял участие в Международном византийском конгрессе в Белграде.

Через год произошел перелом в его жизни. В августе 1927 года он получил приглашение от Йельского университета (Yale University, Нью Хейвен, Коннектикут, США) на должность ученого сотрудника (research associate) этого университета. В 1946 году был избран профессором. С 1956 года состоял в отставке за выслугой лет.

Библиография трудов Вернадского.

Материалы для Библиографии русских научных трудов за рубежом, 1920–1930, Выпуск 1 (Белград, 1931, стр. 65–67); выпуск II (1941), стр. 83–85.

A. D. Ferguson and Alfred Levin, Editors, Essays in Russian History. A Collection dedicated to George Vernadsky (Hamden, Conn., 1964, pp. XIII–XXV).

Н. Е. Андреев, Библиография трудов Г. В. Вернадского (Париж, 1973).

См. также Who's is Who in America, 37th edition 1972–1973, Volume 2, page 3262.

С. Г. Пушкарев (родился в 1888 году)

Автобиография*

Сергей Германович Пушкарев родился в Старооскольском уезде Курской губернии.

Родители Пушкарева — Герман Иосифович (нотариус в Курске и землевладелец) и Александра Ивановна, урожденная Шатилова.

Пушкарев окончил курскую гимназию с золотой медалью и поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета, где учился с 1907 по 1910 год.

* См. Contemporary authors, vol. 7–8, 1965. Gale Research Company. Detroit, Michigan.

В 1911–1914 годах был студентом Гейдельбергского и Лейпцигского университетов.

Вернулся в Харьков в 1915 году и в 1917 был оставлен при кафедре русской истории, по предложению проф. М. В. Ключкова, для подготовки к профессоруре. С 1917 по 1919 год готовился к магистерским экзаменам.

В июне 1919 года Пушкарёв поступил в Добровольческую армию в пехоту. Был тяжело ранен, потом служил на бронепоезде и в ноябре 1920 года был эвакуирован с армией генерала Врангеля в Турцию.

Оттуда он в конце 1921 года переехал в Прагу, где получил от Русской учебной коллегии стипендию для научной работы. Готовился к магистерским экзаменам под руководством проф. И. И. Лаппо. Выдержал их в 1924 году и получил звание приват-доцента.

Был избран членом Русской учебной коллегии. Преподавал в Русском свободном университете в качестве доцента.

Кроме того, был приглашен в члены Чешского славянского института (основанного при Чешской академии наук).

Был членом ученого совета Русского заграничного исторического архива в Праге, находившегося в ведении чешского Министерства иностранных дел.

Пушкарёв входил также в состав Научно-исследовательского объединения, издававшего свои «Записки».

Принимал участие и в Русском историческом обществе в Праге. На заседаниях этого общества он прочел два доклада — «Принципы торговой и промышленной политики Петра Великого» и «Посошков и его значение в истории русской культуры».

За эти и последующие годы Пушкарёв напечатал целый ряд ученых работ*.

2 сентября 1927 года Пушкарёв женился на Юлии Тихоновне Поповой (скончалась в Америке 19 августа 1961 года). В 1929 году у них родился сын Борис.

Весною 1939 года Прага была оккупирована немецкой армией. Чешский университет был закрыт. Русский свободный университет попал под немецкий контроль.

* См. «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. 1920–1930», выпуск 1 (Белград, 1931), стр. 253–254; выпуск II (1941), стр. 270–271.

Но вот произошел перелом войны. Весной 1945 года советская армия подошла к Праге с востока, а американская приближалась с запада. Пушкареву с семьей удалось уйти в американскую зону.

Во время пребывания в лагерях перемещенных лиц Пушкарев был директором и преподавателем средней школы для русских детей.

В 1949 году УНРРА начала перевозку беженцев из немецких лагерей в Америку. Пушкаревы приехали в Нью-Хейвен 21 июля 1949 года. В 1950 году Сергей Германович был назначен преподавателем русского языка в Йельском Университете (Yale University).

Борис в 1950 году поступил студентом в школу архитектуры, которую окончил в 1954 году, а в 1954–1956 прошел еще отделение «планирования городов».

Обзор научных трудов С. Г. Пушкарева (составлен Г. В. Вернадским).

Все труды С. Г. Пушкарева основаны на тщательной подготовке к их писанию и на глубоком знании источников и литературы предмета.

Тематически диапазон его работ очень широк. Вот главные темы, разработанные им в течение его неустанной плодотворной деятельности:

- (1) История русского крестьянства; происхождение поземельной общины; крестьянское самоуправление.
- (2) Государство-город в северной Руси (Псков).
- (3) Народная основа Московского царства.
- (4) Донское казачество и его взаимоотношения с Москвой.
- (5) Значение церкви в истории России.
- (6) Петр Великий.
- (7) Ленин.
- (8) Россия и Запад.

К первой группе относятся брошюры Пушкарева «Очерк истории крестьянского самоуправления в России» (Прага, 1924) и большое, очень ценное исследование «Происхождение крестьянской поземельно-пердельной общины» (две части, Прага, 1939–1941).

Нужно упомянуть также статьи Пушкарева «The political movement and political organization of the Russian peasantry in 20-th century» (в сборнике: A Systematic Source Book in Rural Sociology, P. A. Sorokin, ed., vol. II, Mineapolis, Minnesota, 1931) и «The

Russian Peasants' Reaction to the Emancipation of 1861» (Russian Review, Vol. 27, No. 2, April 1968).

Ко второй группе («Государство-город») принадлежит превосходная работа «внутреннее устройство и внешнее положение Псковского государства в XIV–XV веках» (по-чешски) (Прага, Sbornik ved pravnich a statnich, 1925).

К теме о Донском казачестве относится работа Пушкарева «Донское казачество и Московское государство в XVII веке»*.

Пушкарев начинает свою статью с возникновения казачества и образования своеобразной военно-демократической республики («Великое Войско донское») и отмечает роль казаков в Смутное время. Военный союз Дона и Москвы продолжался, с краткими перерывами, в течение всего XVII века.

Переломному моменту в истории Московского царства — Смутное время и всенародные выборы нового царя — посвящена статья Пушкарева «Русская земля в безгосударное время (1606–1613)**».

Пушкарев ярко описывает разруху Смуты, польскую интервенцию, объединение русских городов для восстановления порядка и выборы на царство Михаила Федоровича Романова.

Внутреннему строю Московского государства посвящены статьи: «Целовальники в суде и управлении Московской Руси» и «Целовальники в государственном хозяйстве Московской Руси» (Записки Русского научного института в Белграде, вып. 9, 1933 и вып. 13, 1936).

О значении церкви в русской истории Пушкарев написал две небольшие книжки «Свято-Троицкая Сергиева лавра» (Прага, 1928) и «Роль православной церкви в истории русской культуры и государственности» (Ладомирово, Чехословакия, 1938).

Много говорит он о роли церкви и в статье о Смутном времени.

В 1926-году Пушкарев поместил статью о принципах торговой и промышленной политики Петра Великого (по-чешски) в серии Sbornik ved pravnich a statnich, XXI.

В начале 1970-х годов Пушкарев вернулся к Петру и написал для «Записок» Русской академической группы в США (том VII, 1973) две статьи: «Личность и деятельность Петра Великого» и

* Записки Русской академической группы в США, том II, 1968.

** Записки Русской академической группы в США, том I, 1967.

«Обзор царствования» (соединены под общим заглавием: «Петр Великий»).

Обратимся теперь к статьям Пушкарёва о Ленине.

В 89-й книге «Нового Журнала» (1967) появилась статья Пушкарёва «Октябрьский переворот 1917 года без легенд».

В 100-й книге того же журнала (1970) напечатан очерк Пушкарёва «Ленин и США».

В IV томе «Записок Русской академической группы в США» Пушкарёв поместил статью «Внешняя политика Ленина 1914–1922» (1970).

Работы эти основаны, главным образом, на советских источниках и материалах.

Наиболее обстоятельное и правильное описание октябрьского переворота, находится, по мнению Пушкарёва, в книге С. П. Мельгунова «Как большевики захватили власть» (Париж, 1953)*.

В своей статье «Октябрьский переворот 1917 г. без легенд» Пушкарёв описывает хаотическое состояние, создавшееся в Петрограде в конце существования Временного правительства, потерю последним инициативы, нейтралитет огромного большинства солдатской массы, растерянность «революционной демократии» — эсеров и меньшевиков.

Но и у большевиков не было достаточно надежных сил.

25 октября большевики не встретили в Петрограде серьезного сопротивления, и Зимний дворец был занят ночью без всякого «штурма» после того, как немногочисленные защитники или разошлись, или прекратили сопротивление.

В своей статье «Внешняя политика Ленина (1914–1923)» («Записки Русской академической группы», том IV, 1970) Пушкарёв подчеркивает значение основного лозунга Ленина «превращение империалистической войны в гражданскую». Фактически поразительная пропаганда Ленина в России означала прямую помощь Германии, от которой ленинцы получили миллионные субсидии.

После поражения Германии и Версальского мира 1919 года политика Ленина носила двоякий характер. С одной стороны, он основал III (коммунистический) Интернационал и возглавлял

* По инициативе Пушкарёва книга Мельгунова появилась с английским переводом: S. P. Melgunov. «The Bolshevik Seizure of Power». Edited and abridged by S. G. Pushkarev in collaboration with Boris S. Pushkarev. Translated by James S. Beaver. (Clio Press, Santa Barbara, California, 1972).

коммунистические движения во всем мире. С другой стороны, он стремился внести разнь между западными странами и привлечь европейских капиталистов к финансовой помощи России путем займов и «концессий».

В 100-й книге «Нового журнала» Пушкирев напечатал статью «Ленин и США» (1970). В этом очерке Пушкирев рассматривает попытки Ленина добиться признания со стороны Соединенных Штатов и восстановления дипломатических отношений между Советским Союзом и США.

Попытки эти окончились неудачей.

Перехожу теперь к обзору работ Пушкирева на тему «Россия и Запад».

В статье «Russia and the West: Ideological and Personal Contact before 1917» (Russian Review, Vol. 24, No. 2, 1965) приведен обширный материал о многосторонних отношениях и связях дореволюционной России с западным миром, особенно в области духовной культуры.

Исторический очерк взаимоотношений России и Америки дан Пушкиревым в его статье «Россия и США» («Новый журнал», 88, 1967).

Пушкирев начинает с Екатерининской эпохи — Екатерина не признала американских колоний воюющей стороной, но фактически оказала им существенную помощь своим отказом послать в Америку русский корпус на помощь Англии и своей декларацией вооруженного нейтралитета, имевшей целью парализовать английскую блокаду североамериканских штатов.

Апогеем русско-американской дружбы была эпоха Александра II.

С 1880-х годов дружба пошла на убыль. Охлаждение Америки к России было вызвано главным образом дискриминацией евреев русским правительством и его агрессивной политикой на Дальнем Востоке.

В 1950-х годах Пушкирев написал два тома русской истории для широких кругов читателей: «Обзор русской истории» (Нью-Йорк, 1953) и «Россия в XIX веке» (Нью-Йорк, 1953).

В своем изложении Пушкирев приводит много цитат из источников, чтобы читатель «воочию видел нашу древность и слышал ее голос».

Каждый из этих трудов заключает в себе очерк политической и социальной истории русского народа. Истории русской духов-

ной культуры Пушкарёв касается вкратце. Истории русской церкви он касается постольку, поскольку церковь, особенно в допетровской Руси, была тесно связана со всей общественной и государственной жизнью русского народа.

В конце каждого из томов приводится длинный список использованных автором источников и литературы предмета. Книга была переведена на английский язык профессором Робертом Макнилом и издана под заглавием «Возникновение современной России»*.

В 50-х годах среди русско-американских историков в США возникла мысль о необходимости издания солидной «книги источников» по русской истории. Такая хрестоматия необходима для студентов и вообще для всех интересующихся русской историей, но не знающих русского языка. Но и для людей, владеющих русским языком, хрестоматия такого рода может быть полезна, так как в ней указано из каких русских источников сделан перевод.

Для осуществления этого плана образован был редакционный комитет в таком составе: Г. В. Вернадский (старший редактор), Ральф Фишер (редактор-распорядитель), Алан Фергюсон, Андрей Лосский (член комитета) и С. Г. Пушкарёв (составитель).

Хрестоматия была озаглавлена: *A Source Book for Russian History from Early Time to 1917* (1972). Издана она была в трех томах:

I — от древних времен до конца семнадцатого века.

II — от Петра Великого до Николая I.

III — от Александра II до февральской революции 1917 года.

Пушкарёв взял на себя подготовку выдержек из источников. Большею частью это были выдержки из русских источников, но часть из английских. Выдержки из русских источников были переведены на английский язык компетентными сотрудниками.

По мере продвижения работы Пушкарёв составил словарь исторических терминов, встречающихся в источниках**. Этот словарь необходим для читателей хрестоматии, но, помимо этого, он чрезвычайно ценен и сам по себе. В Советском Союзе не было до сих пор издано такого подробного справочника.

* Sergei Pushkarev. *The Emergence of Modern Russia, 1801-1917*. Translated by Robert H. McNeal and Tiva Yedlin (New York, 1963).

** *Dictionary of Russian Historical Terms from the Eleventh Century to 1917* (Yale University Press, 1970).

М. М. Карпович (1888–1959)

Михаил Михайлович Карпович родился в Тифлисе. Отец его был железнодорожный инженер, поляк по происхождению, мать русская, сестра историка, профессора А. Е. Преснякова.

Карпович учился во второй классической гимназии в Тифлисе, которая отличалась высоким уровнем преподавания*.

В последний год учения в гимназии Карпович был захвачен подымавшимися тогда в России революционными настроениями и примкнул к партии социалистов-революционеров. Был дважды арестован, но гимназию окончил. После этого он, однако, был выслан с Кавказа.

Как справедливо замечает профессор Мозли, по темпераменту Карповичу была ближе либерально-демократическая программа Партии народной свободы (кадетской), чем революционный терриоризм.

Осенью 1906 года Михаил Михайлович поступил на историко-филологический факультет Московского университета, но в 1907 г. уехал в Париж и слушал лекции Диля и Люшера в Сорбонне.

В 1908 году Карпович вернулся в Москву. Учителями его в Московском университете были М. М. Богословский (по русской истории) и Д. М. Петрушевский (по средневековью).

Зиму 1913/1914 гг. Карпович провел в Петербурге, где написал работу об Александре I и Священном союзе. Весной 1914 года он выдержал государственные экзамены и начал готовиться, под руководством Богословского, к магистерским экзаменам. Получил должность помощника ученого секретаря Московского исследовательского музея. Это, собственно говоря, была синекура, и Карповичу оставалось много свободного времени, чтобы продолжать готовиться к ученому поприщу.

Мирные занятия были прерваны первой мировой войной. Карпович был прикомандирован к военному министерству. Февральская революция 1917 года освободила его от этой службы.

Случайная встреча с Б. А. Бахметевым на Невском проспекте повернула весь ход жизни Карповича. Бахметев только что был назначен русским послом в Соединенные Штаты и искал личного

* См. Philip E. Mosely. «Professor Michael Karpovich,» Harvard Slavic Studies, IV (Harvard University Press, 1957, pp. 1–13).

секретаря, на которого мог бы вполне положиться. Бахметев раньше жил на Кавказе и хорошо знал отца Михаила Михайловича. Бахметев и предложил эту должность Карповичу. Решать надо было сразу. Карпович согласился. В середине мая Бахметев с своей свитой выехал в Америку.

После октябрьского переворота правительство Соединенных Штатов не признавало большевистской власти и считало Бахметева законным представителем России. Вместе с тем деятельность русского посольства была сильно сокращена, личный состав посольства уменьшен сравнительно с прежним.

В течение пяти лет, с середины 1917 года до середины 1922 года Карпович был не только личным секретарем Бахметева, но фактически первым секретарем посольства.

В это время Карпович познакомился с профессором Гарвардского университета Арчибальдом Кулиджем (Archibald C. Coolidge), который задумал ввести русскую историю в круг преподавания в Гарварде.

В декабре 1918 года Бахметев поехал в Париж, чтобы принять участие в русском комитете, образовавшимся для того, чтобы представлять интересы России на мирной конференции в Париже. Но представители русского комитета не были допущены на конференцию.

После заключения мира (на котором Россия, как таковая, не была представлена) русское посольство в Вашингтоне было закрыто. Бахметев и Карпович переехали в Нью-Йорк. Карпович помог Бахметеву ликвидировать дела посольства.

Оставшиеся неизрасходованными денежные суммы решено было обратить на создание особого фонда, целью которого была бы поддержка научных предприятий. (Humanities Fund of New York City).

В январе 1927 года по предложению профессора Арчибальда Кулиджа Карпович был приглашен на должность лектора русской истории Гарвардского университета. «Начать преподавание надо было сразу же, в весеннем семестре». В своем курсе русской истории Карпович вел речь не только о политической истории России, но и об истории русского общества и русской культуры. В дальнейшем, следуя традициям Московского университета, он начал руководить семинаром по русской истории.

Из этого семинара вышла целая плеяда талантливых учеников, впоследствии ставших профессорами русской истории в Америке.

Первым по времени поступления под руководство Карповича был Филипп Мозли.

В 1949 году, оставаясь членом исторического отделения университета, Карпович был назначен главой отделения славянских языков и литературы.

За годы своего пребывания в Гарварде Карпович опубликовал много статей и свою первую книгу «Императорская Россия» (*Imperial Russia, New York, 1932*). О ученых трудах Карповича будет сказано после его биографии).

Помимо своей основной ученой деятельности американского профессора русской истории у Карповича была в Америке другая сфера культурной работы — русская эмиграция. Ей он отдавал много сил и внимания. Его часто приглашали в Нью-Йорк тамошние русские организации для лекций, бесед и совещаний всякого рода. Он никогда не отказывался от этих приглашений.

Большая заслуга Карповича — руководство русским общественным мнением в Америке в качестве редактора «Нового журнала».

«Новый журнал» был основан друзьями Карповича: М. Алдановым и М. Цетлиным в 1942 году. В 1946 году Карпович стал его бессменным редактором, вплоть до своей смерти.

Карпович и сам писал в «Новом журнале» на разные темы: «Милоков как историк»; «Америка, Россия и Европа» (о доктрине Трумана и плане Маршала); «М. И. Ростовцев и А. А. Васильев». На текущие вопросы и события Карпович откликался в своих вдумчивых «Комментариях».

В 1923 году к Михаилу Михайловичу приехала из Москвы его невеста Татьяна Николаевна Потапова и они повенчались.

Перехожу теперь к обзору ученых трудов Карповича.

Упомянутая уже книга об императорской России дает читателю блестящий сжатый очерк основных линий развития России от Петра Великого до Николая II.

Экономическому развитию России этого периода Карпович посвятил две главы в сборном труде Borodin-Karpovich Usher «Economic History of Europe» (1937).

В 1946 году в журнале *Review of Politics* Карпович поместил вдумчивую статью «Владимир Соловьев о национализме».

В этой работе Карпович указал на непримиримый конфликт между узкопонимаемым национализмом и христианской этикой.

По случаю столетней годовщины смерти Пушкина Карпович произнес речь в Нью-Хейвене на собрании Коннектикутской академии искусств и наук (Connecticut Academy of Arts and Sciences, напечатана в «Записках» этой академии, 1937). В том же году Карпович написал статью «Пушкин как историк» (Centennial Essays for Pushkin edited by S. H. Cross and E. J. Simmons (1937).

В 1943 году появилась ценная статья Карповича, посвященная очередным проблемам русской историографии*.

Карпович считает, что в XIX веке и начале XX века в русской исторической науке было сделано три попытки обобщающего исторического синтеза. Попытки Карамзина и Соловьева оказались быстро забытыми, влияние же Ключевского было длительным.

По мнению Карповича, синтез Ключевского близок к русскому народничеству и в сущности отрицает государство как внешнюю надстройку.

Карпович приветствует новые тенденции в русской историографии. К этим новым тенденциям он причисляет взгляды М. И. Ростовцева (необходимость археологии для исследования древнейшего периода русской истории) и восстание Грушевского против традиционной схемы русской истории.

Одним из недостатков синтеза Ключевского Карпович считает отсутствие в нем умственных и культурных течений.

В конце 1930-х годов Вернадский и Карпович задумали написать (по-английски) «Историю России» в десяти томах. Вернадский взял на себя обзор древней русской истории (до конца XVII века), а Карпович — новой.

Йельское университетское издательство (Yale University Press) взяло на себя издание всей серии томов при условии, что Гуманитарный фонд (Humanities Fund) будет давать издательству субсидию на каждый том.

Вернадский выполнил свое обещание. Первый том его серии (Ancient Russia) вышел в 1941 году, последний, пятый — The Tsardom of Moscow в 1969 году.

Карпович, ввиду своей занятости и в Гарвардском университете и в редактировании «Нового журнала» и в русских делах в Нью-Йорке вообще, вынужден был все время откладывать писание своих томов. Он приступил к этому лишь в последнюю зиму

* «Klyuchevsky and Recent Trends in Russian Historiography», Slavonic and East European Review (American Series, II, part one, pp. 31–39).

своей жизни, но не смог осуществить своей мечты из-за роковой болезни, сведшей его в могилу.

Историки-марксисты

Г. В. Плеханов (1857–1918)

М. Н. Покровский (1868–1932)

Н. А. Рожков (1868–1927) *

Основной чертой марксизма является его исторический характер, тяготение к историзму **.

Маркс заимствовал у Гегеля схему универсальной истории. Только на место абсолютного Духа как главного двигателя истории Маркс поставил развитие производительных сил и экономических отношений.

В то же время Марксу была близка мысль Гегеля, что человеческая история есть движение в направлении свободы. Но пришел он к идее тоталитарного общества, в котором все личные силы сольются с общественными и человек станет вполне родовым существом (Алексеев, стр. 29).

Георгий Валентинович Плеханов, основоположник русской социал-демократии, в юности был народником. Участвовал в организациях «Земля и воля» и «Черный передел» ***.

В 1881 году Плеханов эмигрировал в Европу. Там он ознакомился с учением Маркса и Энгельса, воспринял его и вместе с Львом Дейчем и Верой Засулич в 1883 году основал в Швейцарии первую русскую социал-демократическую группу под названием «Освобождение труда». Целью группы была пропаганда идей марксизма в России.

В течение ближайшего десятилетия Плеханов написал целый ряд работ в разъяснение и защиту марксизма: «Социализм и по-

* О Рожкове см. главу XXVI (Ученики Ключевского), (Русский марксизм).

** См. Н. Н. Алексеев. «Пути и судьбы марксизма» (Берлин, 1936).

*** О Плеханове см. В. А. Рязановский. «Обзор русской культуры», часть II, выпуск второй (Нью-Йорк, 1948), стр. 90–97. Сведения о Плеханове и его отношениях с Лениным можно найти также в книге Г. В. Вернадского. George Vernadsky, Lenin (Yale University Press, 1917) и Ричарда Пайпса — Richard Pipes, Struve (Harvard University Press, 1970).

литическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) и «Очерки по истории материализма» (1896).

Плеханов считал, что Россия ввиду недостаточного развития промышленности и сравнительной малочисленности рабочего класса не созрела для социального переворота.

По его мнению, сначала надо поставить себе целью политическую революцию, чтобы добиться свободных политических учреждений. Поэтому он считал нужным вступить в контакт с либеральным движением.

Приблизительно до 1900 года между Плехановым и Лениным существовало полное согласие.

Весной 1895 года Ленин приехал в Швейцарию, чтобы познакомиться с Плехановым. Плеханов произвел на него глубокое впечатление. В воспоминании об этой встрече Ленин записал: «Никогда за всю мою жизнь я не чувствовал к кому бы то ни было такого искреннего благоговения».

Через пять лет, в августе 1900 года Ленин опять приехал в Швейцарию для переговоров с группой «Освобождение труда» о создании печатного социал-демократического журнала или газеты. Плеханов считал себя естественным вождем русской социал-демократии. Ленин хотел сам руководить печатным органом партии. Произошел резкий конфликт между Плехановым и Лениным.

Решение было отложено.

Благоговение Ленина перед Плехановым исчезло разом и навсегда.

Летом 1903 года состоялся в Лондоне второй съезд РСДРП.

Принята была резолюция о необходимости свержения царского самодержавия и замены его демократической республикой.

Между 1905 годом и началом первой мировой войны Плеханов посвятил главное внимание научной работе.

Он занялся историей русской общественной мысли. Довел свое изложение до конца XVIII века.

Это выдающийся труд*.

Когда началась война, Плеханов переехал в Петербург.

Ленин провозгласил лозунг «превратить империалистическую войну в войну гражданскую» и руководил пораженческой пропагандой в армии.

* Напечатан в полном собрании трудов Плеханова, тома XX-XXII (Москва, 1925-1927).

Фактически это была помощь Германии.

Плеханов занял противоположную позицию. Считая Германию агрессором, французские социалисты и Плеханов стояли за сопротивление немцам. И по отношению к России Плеханов был оборонцем.

Им образована была умеренно-социалистическая группа «Единство». В нее входили Кропоткин, Н. А. Морозов, Потресов.

Группа была маленькая, но у нее тем не менее был большой моральный авторитет.

Умер Плеханов уже при владычестве большевиков в 1918 году.

В теорию ортодоксального марксизма Плеханов не внес ничего существенно нового.

Что касается Плеханова как историка — его капитальный труд «История русской общественной мысли» был встречен советскими учеными неодобительно.

«В основе концепции Плеханова, — пишет И. И. Смирнов, — лежит теория о внеклассовом характере русского абсолютизма, стоящего над классами и угнетающего все классы» (И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х XVI века, Москва–Ленинград, 1958, стр. 144, примечание 12).

М.Н. Покровский (1868–1932)

Михаил Николаевич Покровский окончил историко-филологический факультет Московского университета. По окончании университетского курса Покровский выдержал магистерские экзамены (основной — у Ключевского) и получил звание приват-доцента, но им не воспользовался и в состав приват-доцентуры не вступил.

Читал лекции на педагогических курсах, преподавал историю в женском институте, написал восемь статей для хрестоматии по средневековой истории под редакцией Виноградова, работал в комитете по организации домашнего чтения, но от университета отстранился.

Яркую характеристику Покровского дал Кизеветтер в своих «Воспоминаниях».

«Маленького роста, с пискливым голоском, он выдавался большой начитанностью, бойкостью литературной речи и умением прошпиговывать ее саркастическими шпильками по адресу противников. По виду тихенький и смиренный, он таил в себе болезненно острое самолюбие».

«Позднее, уже в 1905 году, Покровский участвовал в совещаниях, посвященных образованию конституционно-демократической партии и в прениях по намечаемой для этой партии программе принимал сторону более правого течения — буквально накануне того как стал большевиком».

Осенью 1902 года попечитель Московского учебного округа запретил Покровскому преподавать в учебных заведениях. Он мог посвятить все свое время писанию.

Между 1907 и 1910 годами Покровский написал тридцать глав в коллективной «Истории России», издательство братьев Гранат. Вслед затем Покровский сам написал четырехтомную «Историю России с древнейших времен» (1910–1914).

За этим последовал «Очерк истории русской культуры» в двух частях (пятое издание, Петроград, 1923). Это как бы отповедь на «Очерки» Милюкова.

В своих работах о России XIX века Покровский уделял много внимания русской внешней политике. Он считал, что русская внешняя политика была отражением внутренней и была продиктована интересами правящих классов русского общества.

Борьба классов лежит, по мнению Покровского, в основе научной истории. История самая политическая из всех наук. «История, — говорит Покровский, — это прошлая политика, без знания которой нельзя вести политику настоящего».

После октябрьской революции Покровский выпустил книгу «Русская история в самом сжатом очерке» (1920). Книга была одобрена Лениным.

В правительстве Ленина Покровский играл видную роль.

Он был назначен помощником комиссара народного просвещения и председателем государственного Совета народного просвещения. В качестве такового ему были подчинены центральные архивы. Ему же была поручена реформа университетов. Преподавание истории было отменено и заменено марксистской социологией.

Помимо этого Покровский был сделан членом комиссии по истории Октябрьской революции и коммунистической партии (сокращенно эта комиссия называлась «истпарт»).

Он был также председателем президиума Коммунистической академии. Ему же было поручено издание «Красного архива» и журнала, называвшегося «Историк-марксист».

Таким образом, Покровский захватил в свои руки командные высоты надзора за направлением русской исторической науки.

Но оставалась одна область, ему не подчинившаяся. Большинство русских историков, в том числе самые крупные, продолжали свою научную работу, не считаясь с распоряжениями Покровского.

Этого Покровский перенести не мог. У него оставалось одно только средство борьбы: физическое истребление противника.

По его приказу ряд выдающихся русских историков был замучен в тюрьме и ссылке (Платонов, Любавский, Рождественский, Васенко, Заозерский).

Около 1930 года звезда Покровского начала закатываться. Многие были раздражены его диктаторскими замашками. Другие критиковали его реформу университетов, и в частности исключение истории из университетского (и вообще школьного) преподавания. Теоретики коммунизма обвиняли его в извращении коммунистической доктрины.

Покровский энергично защищался до самой своей смерти (умер в 1932 году). В 1933 году преподавание истории было восстановлено.

XXX

*История церкви**

В этой главе будет идти речь об историках русской православной церкви и старообрядчества.

Об истории русских сект я буду говорить только вскользь, когда и если это будет нужно в связи с мнениями того или другого историка церкви. Русское сектантство — особая область.

Специально богословских вопросов я буду касаться только тогда, когда это необходимо для характеристики исторической мысли в рамках церковной истории**.

* Только два очерка написаны проф. Вернадским о митрополите Макарии и проф. Голубинском. Закончил главу проф. Пушкарев, так как проф. Вернадский скоропостижно скончался в 1973 году. — *Ред.*

** О Хомякове и Юрии Самарине см. главу IX (Славянофилы и западники). Первым крупным историком русской церкви, проложившим пути для дальнейших исследований, был митрополит Макарий Булгаков (1816–1882). См. М. Д. Приселков. «Митрополит Макарий Булгаков». «Русский исторический журнал», 5 (1918), стр. 177–196. Список сочинений Макария.

Михаил Петрович Булгаков (будущий митрополит Макарий) родился в селе Сурково Новооскольского уезда Курской губернии. Отец его, священник села Суркова, скончался в молодых годах, оставив после себя вдову и шесть сирот без всяких средств.

Учился Михаил в приходском духовном училище в городе Короче, а потом в окружном уездном духовном училище в Белгороде и Белгородской семинарии. В семинарии он хорошо усвоил языки, в частности французский. Будучи в семинарии, Михаил Петрович прочел «Историю» Карамзина и увлекся поэзией Жуковского, произведениям которого не без некоторого успеха подражал.

В 1837 году Михаил Булгаков поступил в Киевскую духовную академию. Получил степень магистра за сочинение «История Киевской духовной академии». Напечатано оно было в 1843 году.

В годы своего пребывания в академии почувствовал призвание к монашеству и в феврале 1841 года был пострижен, получив имя Макария. По окончании академии Макарий был оставлен бакалавром при кафедре русской и церковной истории.

В следующем году он был переведен в Петербургскую духовную академию. В 1843 году он был назначен экстраординарным профессором, а через год ординарным профессором богословия. Кроме того, состоял членом различных комитетов и комиссий по духовному ведомству.

В 1847 году издал свои лекции по основному богословию под заглавием «Введение в православное богословие». За этот труд он получил степень доктора богословия. За этим последовало его «Догматическое богословие» (1851–1853). Это попытка научной классификации накопившегося догматического материала, который Макарий подвергает строжайшему объединению, принимая все пригодное и устраняя обветшалое. Так был подведен итог всему предшествовавшему развитию догматического богословия в России.

В 1854 году Макарий был избран ординарным Членом Академии наук.

Три года спустя он был назначен епархиальным епископом в Тамбов. В 1859 году перемещен на харьковскую кафедру, в 1868 году на литовскую, а в 1879 году назначен митрополитом Московским.

В 1854 году вышла «История русского раскола старообрядчества» — плод занятий его по должности наставника миссионерского противораскольнического класса в Петербургской духовной академии.

Это чисто полемическое, обличительное сочинение.

В своей критике реформ церковного обряда, введенных патриархом Никоном в XVII веке, старообрядцы опирались на

решения Стоглавого собора 1551 года и одобренный им сборник церковных постановлений, известный под заголовком «Стоглав». Макарий выносит суровый приговор этому памятнику русской церковной старины.

Но Макарий был писателем необыкновенной научной добросовестности. Когда позже он глубже вник в дело, он, не колеблясь, переменил свое мнение. В VI томе своей «Истории русской церкви» он дал совершенно иную оценку «Стоглава».

«Подлинность ее (книги «Стоглава»), как книги соборной и заключающей в себе действительные постановления (каноны) Стоглавого собора, или «Соборное уложение»... «представляется нам ныне несомненной».

Уже в 1840-х годах Макарий задумал написать историю русской церкви, но преподавание и другие обязанности в Петербургской духовной академии, а затем обязанности епархиального архиерея в различных городах сильно задерживали его работу.

В основу построения своей истории Макарий положил единый принцип: русская церковь не есть самодовлеющее целое; она — часть единой вселенской апостольской соборной церкви, почему история русской церкви состоит в ее отношениях к церкви вселенской.

Свою историю Макарий разделил на три периода: (1) русская церковь в зависимости от Константинопольского патриарха (992–1448), (2) русская церковь (1448–1588), (3) время патриаршества. За этим должно было следовать время синодального управления. Довести до конца свой монументальный труд Макарий не успел. В XII и незаконченном XIII томе он начал историю времени от Никона до синода.

В первых шести томах его истории, а отчасти и дальше, Макарию пришлось быть и исследователем и разыскателем рукописных материалов. Приложения к этим томам, где напечатаны обнаруженные Макарием памятники, были рядом сенсационных открытий и до сих пор привлекают к себе историков.

Е. Е. Голубинский (1834–1912)

Евгений Евстигнеевич Голубинский родился в Костромской губернии в семье священника*.

* Биография Е. Е. Голубинского напечатана в «Материалах для библиографического словаря действительных членов Академии наук», часть 1 (Петроград, 1915). См. также Н. Н. Глубоковский «Русская богословская наука в ее историческом развитии» (Варшава, 1928).

Воспитывался в Солигаличском духовном училище, потом в Костромской духовной семинарии, а затем в Московской духовной академии (кончил ее в 1858 году). Получил там степень магистра, был определен бакалавром русской церковной истории и немецкого языка.

В 1870 году возведен был в звание экстраординарного профессора. В 1880 году, после защиты диссертации «История русской церкви», том 1, первая половина (домонгольский период) получил степень доктора богословия и избран в члены-корреспонденты Академии наук, а в 1903-м — ординарным академиком.

Главный ученый труд Голубинского — «История русской церкви», том 1 в двух половинах (1880); том II, в двух половинах. Первая издана в 1900 году; вторая, выпуск первый, вышла в свет под редакцией С. А. Белокурова. Изложение доведено до митрополита Макария (1542–1562) включительно.

Другой крупный труд Голубинского — «История канонизации святых в русской церкви» (1903).

Кроме того, Голубинский написал «Краткий очерк истории православной церкви Болгарской, Сербской и Румынской» (1871).

В 1905 году он поместил в «Чтениях в обществе истории и древности» (Москва) статью «К нашей полемике со старообрядцами» (была издана и отдельно). В этой статье он высказал мнение, что наложивший клятвы на старообрядцев собор 1667 года (с участием восточных патриархов) просто не разобрался, что расхождения между русскими и новогреческими уставами середины XVII века произошли не из-за ошибок русских, а благодаря изменениям устава самими греками.

Голубинский в резких выражениях настаивал на том, что истории должны писать без прикрас и без всякой идеализации прошлого.

«История бывает трех родов: тупая, принимающая все, что оставило нам прошлое время с именем исторического материала, за чистую монету и поэтому рассказывающая бабьи сказки; лгущая, которая не обманывается сама, но обманывает других, которая из разных практических побуждений представляет белое черным и черное белым, хулит достойное похвалы и хвалит достойное порицания и т. п.; и настоящая, которая стремится к тому, чтобы по возможности верно и по возможности обстоятельно узнавать прошлое и потом стараться также верно и обстоятельно воспроизводить его». (Цитата

из «Русской богословской науки в ее историческом развитии» Н. Н. Глубоковский).

XXXI

Археология и история искусства***Предисловие******Организация главы***

Начинаю с творчества трех светил русской науки — М. И. Ростовцева, Н. П. Кондакова и его ученика Я. И. Смирнова. Видным археологом был также С. А. Жебелев. Затем говорю об авторе монументальной «Истории русского искусства» — И. Э. Грабаре, а затем об историке византийского искусства А. Н. Грабаре. После этого перехожу к В. В. Стасову, затем к исследователям первобытной археологии (А. А. Спицын, В. А. Городцов*), классических древностей (Б. В. Фармаковский) и истории византийского искусства (Д. В. Айналов, В. Н. Лазарев).

Отдельно стоит богатырская фигура В. В. Стасова, человека кипучей энергии, ненасытной любознательности и широкого размаха интересов. Он много занимался и археологией и историей искусства.

Список упоминаемых мною в этой главе ученых по старшинству рождения:

1824–1906 В. В. Стасов
1824–1884 А. С. Уваров, граф
1844–1925 Н. П. Кондаков
1858–1931 А. А. Спицын
1860–1945 В. А. Городцов
1862–1939 А. В. Айналов
1867–1941 С. А. Жебелев
1869–1918 Я. И. Смирнов
1870–1952 М. И. Ростовцев
1870–1928 Б. В. Фармаковский

* О графе А. С. Уварове было сказано в главе XVII (Пособия исторической науки) в связи с археологическими съездами.

1871–1960 И. Э. Грабарь
 1896–1990 А. Н. Грабар
 1897–1978 В. Н. Лазарев

О восточной археологии смотри следующую главу (XXXII. Востоковедение).

Общий очерк судеб русской археологической науки дан М. А. Миллером: «Археология в СССР» (Мюнхен, 1954).

М. И. Ростовцев (1870–1952)

Михаил Иванович Ростовцев занимает видное место в первых рядах историков античного мира. В этом качестве о нем следовало бы говорить в главе о разработке всеобщей истории в России (глава XXIV). Но вместе с тем он был и выдающимся археологом и историком искусства.

Чтобы не разбивать очерк о нем на две половины, я буду рассматривать научное творчество Ростовцева как единое целое.

Начну с его биографии.

Михаил Иванович родился в Житомире 28 октября 1870 года. Отец его был там директором гимназии. Мать Михаила Ивановича, урожденная Монахова, происходила из военной семьи *.

Михаил Иванович окончил киевскую гимназию в 1888 году и поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, где учился в течение двух лет. Слушал лекции Антоновича по русской истории и Кулаковского по классической филологии.

После этого Ростовцев переехал в Петербург и перевелся в Петербургский университет. Там он прослушал третий и четвертый курсы.

Занимался в это время главным образом классической филологией. На университетской скамье Ростовцев сблизился с С. А. Жебелевым и Я. С. Смирновым.

Университет Ростовцев окончил в 1892 году с решением посвятить себя всецело научной деятельности. В 1895 году он получил научную командировку за границу, в которой пробыл три года (Константинополь, Афины, Италия, Вена, Испания).

*См. Г. В. Вернадский «М. И. Ростовцев. К шестидесятилетию его», *Seminarium Kondakovianum*, т. IV (1931), стр. 239–252. Сравни также ЭС, том 53 (1899), стр. 132.

В 1898 году Ростовцев защитил магистерскую диссертацию «История государственного откупа в Римской империи», а в 1903 году — докторскую на тему «Римские свинцовые тессеры», после чего получил кафедру в Петербургском университете и на Высших женских курсах. Из слушателей и слушательниц его вышло много ученых, в том числе граф И. И. Толстой, Вольдемар Боровка (директор Эрмитажа), С. И. Протасов, М. И. Максимова, Эльза Малер.

На одной из своих слушательниц, Софье Михайловне Кульчицкой, Ростовцев женился в 1901 году. Софья Михайловна была в курсе ученой деятельности мужа и постоянно сопровождала его в ученых поездках за границу. В Петербурге квартира Ростовцевых стала одним из центров ученого и литературного мира. На «вторниках» у них бывали ученые, артисты, писатели.

После октябрьской революции 1917 года Ростовцевы уехали в Англию, в Оксфорд. Там Михаил Иванович продолжал свою научную работу, а также принял деятельное участие в русских делах. Был «одним из основателей русского Комитета освобождения. Написал много статей и брошюр против захвата власти большевиками. В 1922 году вышла в Оксфорде увлекательно написанная книга Ростовцева на одну из излюбленных тем «Iranians and Greeks in South Russia» — (Иранцы и греки в южной России). В 1920 году Ростовцев получил приглашение от Висконсинского университета в Америке на кафедру древней истории. Там Ростовцевы прожили до 1925 года, когда ему предложили профессию Йельского университета (Yale University) в городе Нью-Хейвен (New Haven, Conn.).

В Нью-Хейвене он и окончил свой жизненный путь. Софья Михайловна умерла через три года после него. В Нью-Хейвене Ростовцев продолжал свою научную работу. В Йельском университете он читал лекции по древней истории (и общие курсы и специальные для более подготовленных слушателей). Ему отвели в здании университета большой кабинет, где находилась часть его библиотеки и где он вел собеседования и семинары для студентов.

У Ростовцева было много учеников по Йельскому университету.

Братфорд Уэллс (Welles) был его преемником по кафедре. Кларк Хопкинс (Hopkins) был полевым директором раскопок в Дуре до 1936 года. Франк Браун (Brown) был директором дурских раскопок в 1934–1936 годах. Состоит директором Американской академии (Археологического института) в Риме. Хауард Портер (Howard Porter) — глава классического департа-

мента Колумбийского университета. Франк Гильям* (Gilliam) — член научного института (Institute for Advanced Studies) в Принстоне. Готовит книгу по эпиграфике Дуры.

Лоренс Ричардсон (Richardson) — профессор Duke University. Генри Иммервар (Immerwahr) — профессор в университете штата Северная Каролина. Елизавета Хольцворт Гилльям — Принстон. Кристофер Доусон (Dawson) был профессором в Йельском университете.

Самый молодой из учеников Ростовцева — Ларри Ричардсон, профессор в университете штата Северная Каролина (North Carolina). Ростовцев был дважды избран президентом Американской исторической ассоциации (президент этой ассоциации избирается на один год), был членом Американской академии искусств и наук (Бостон), Американского археологического института, Коннектикутской академии искусств и наук (Нью-Хейвен) и многих европейских академий.

Перехожу теперь к обзору ученых трудов Ростовцева, после чего скажу о его деятельности как археолога**.

Научное наследие Ростовцева богато и многообразно. Он писал и большие труды, и статьи по специальным вопросам, и рецензии. Если бы собрать и издать все его статьи, получилось бы несколько томов, весьма ценных по содержанию. В уме и сознании Михаила Ивановича все было собрано и объединено. По древней истории его капитальные труды — «Социальная и экономическая история Римской империи» (два тома, 1926) и «Социальная и экономическая история эллинистического мира» (три тома, 1941). Кроме того, он написал превосходную сжатую историю античного мира в двух томах (I — Восток и Греция, 1926; II — Рим, 1927).

Все эти книги напечатаны по-английски.

Ростовцева особенно привлекала история и археология юга России в связи с вопросом о влиянии иранской культуры на эллиниско-римскую. Параллели к этому он искал и в Индии и в Китае. Документацией ему служили, главным образом, памятники искусства. В 1914 году Ростовцев напечатал большой альбом

* Выражаю благодарность Н. П. Толлю и Франку Гильяму за помощь в составлении этого списка.

** Список трудов Ростовцева до 1931 года приложен к моей статье о нем в *Seminarium Kondakovianum*, т. IV (стр. 245–252). См. также «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом», выпуск 1 (Белград, 1931), стр. 264–265 и *Who Was Who in America*, Vol. 3, (1951–1960), page 744.

«Античная декоративная живопись на юге России», том 1 и атлас 112 таблиц (издание Археологической комиссии). Издание оставилось на первом томе из-за первой мировой войны.

Пятнадцать лет спустя, уже в Америке Ростовцев написал небольшую по объему, но весьма важную по значению книгу. «Средняя Азия, Россия, Китай и звериный стиль». Издана она была Кондаковским семинарием в Праге в 1929 году. Это художественное издание с иллюстрациями. О своих методологических приемах и подходе к почти каждой теме, которую он трактовал, Ростовцев рассказал в предисловии к книге «Иранцы и греки в южной России»*.

«В моем кратком изложении я старался дать историю южно-русских земель в претاريخический, прототарихический и тарихический периоды до эпохи переселения народов. Под "историей" я разумею не повторение скудных сведений тарихических писателей, иллюстрированных археологическим материалом, но попытку установить роль юга России в мировой истории и определить вклад южной России в культуру человечества».

«Для этого я должен был привлечь всевозможные материалы, в особенности богатые свидетельства раскопок в южной России. Но несмотря на преобладание археологического материала, эта моя книга не справочник по южнорусской археологии... Я старался написать историю (юга России), используя археологический материал в такой же мере, как я использовал письменные документы и литературные источники».

Главным достижением Ростовцева как археолога было возглавление им раскопок в Сирии.

Раскопки эти были начаты французской Академией надписей (Academie des Inscriptions) в 1925 году, но у французов не хватило средств на их продолжение. В 1927 году было заключено соглашение между французами и Йельским университетом о совместном производстве раскопок на средства Йельского университета. Главное наблюдение за ходом раскопок взял на себя Ростовцев.

Помощником себе он пригласил Н. П. Толля, ученика Кондакова, главы Кондаковского института в Праге.

Центром раскопок намечено было местонахождение древнего города Дура на реке Евфрате, засыпанное песками соседней пустыни.

Город этот находился на стыке нескольких караванных путей, туда стекались люди и товары из разных стран. Происходили

* *Iranians and Greeks in South Russia* (Oxford, 1922), pages VI & VIII.

встречи и отчасти смешение разных культур — иранской, эллинистической, римской, иудейской. В городе стояли, в разные периоды, римские и парфянские гарнизоны.

Результаты раскопок были богаты и разнообразны. Самой сенсационной находкой была еврейская синагога с фресками на стенах. Это чуть ли не единственный известный случай нахождения стенописей в синагоге. Фрески Дуры были написаны в 250 году нашей эры. Есть превосходное издание их, сделанное профессором Крэлингом (Kraeling). В 1936 году весь комплекс фресок был снят со стен Генри Пирсоном (Heriry Pearson). Герберт Гут (Herbert Gute), профессор живописи Йельского университета, точно скопировал фрески. Копии были выставлены в музее (Art Galery) Йельского университета. В 1937 году Пирсон восстановил синагогу в специально поставленном здании Дамасского музея в Сирии. Раскопки в Дуре велись до 1938 года. Предварительные отчеты о ходе работ в Дуре печатались ежегодно в Йельском издательстве (Yale University Press), а по мере изучения найденных вещей Ростовцевым, Толлем и другими учеными печатались подробные описания и исследования. Среди них большое значение имел труд Ростовцева «Ihira and the Problem of Parthian Art» (1935). Это существенный вклад в научную литературу о парфянах и их искусстве.

В 1922 году Ростовцев во введении к своей книге *Iranians and Greeks* сетовал, что мы плохо осведомлены об иранском мире. С тех пор положение изменилось благодаря трудам и самого Ростовцева и других ученых. Раскопки в Дуре были огромным шагом вперед для изучения и понимания иранской культуры.

Н. П. Кондаков (1844–1925)

Никодим Павлович Кондаков родился в Новооскольском уезде Курской губернии*.

Отец его был управляющим имениями князей Трубецких. Никодим Павлович учился в Москве в приходской школе, потом в московской второй классической гимназии. По окончании ее в

* Автобиография Кондакова напечатана в «Материалах для библиографического словаря действительных членов Академии наук», 1 (1915), стр. 338–340. Биографический очерк Кондакова дан мной в Сборнике статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова (*Recueil Kondakov*) (Прага, 1926), стр. XX–XXX (по-французски). См. также ЭС, полутом 30, стр. 927.

1861 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Учителями его были К. К. Герц (история искусства) и Ф. И. Буслаев (русская словесность и археология). По окончании университета Кондаков был преподавателем русской словесности в Александровском военном училище и учителем русской истории и археологии в Школе живописи, ваяния и зодчества. Вошел в только тогда образованное Общество любителей древнерусского искусства.

В 1867 году Кондаков занимался классической археологией и итальянской живописью в музеях Берлина, Мюнхена и Дрездена. В 1870 году Никодим Павлович был избран доцентом истории искусства в Одесском университете. Через три года он защитил магистерскую диссертацию на тему «Памятник Гарпий из Ксанфа в Ликийи», а в 1876 г. защитил докторскую диссертацию «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей». Между 1879 и 1889 годами Кондаков предпринял ряд путешествий по Востоку для обозрения христианских древностей. Был в Константинополе, Греции, Египте, на Синайском полуострове, на Афоне, в Иерусалиме.

В 1889 году объехал монастыри и древние церкви Грузии для описи важнейших памятников древности, в том числе грузинских икон, украшенных византийскими перегородчатыми эмалями. В 1888 году Никодим Павлович был избран профессором искусств в Петербургском университете и назначен старшим хранителем средневекового отделения Эрмитажа.

Через два года он был назначен, кроме того, управляющим комитетом попечительства о русской иконописи. Устраивал иконописные школы с мастерскими при них в иконописных слободах Владимирской губернии. В 1892 году Кондаков был избран членом-корреспондентом Академии наук, а на следующий год — ординарным академиком. После октябрьской революции 1917 года Кондаков уехал в Одессу, а оттуда в начале 1920 года в Болгарию.

Осенью 1921 года чешский Карлов университет предложил Никодиму Павловичу прочесть двухлетний курс по истории искусства Восточной Европы. Кондаков согласился. В конце марта 1922 года он уехал из Софии в Прагу и в мае начал читать свой курс. Это было уже после начала так называемой русской акции, когда на средства, ассигнованные чешским правительством, в Праге собралось много профессоров и студентов и учреждена была Русская учебная коллегия. Кондаков читал свой курс в

большой аудитории Карлова университета. Читал он по-русски. Его слушало и довольно много чехов, знающих русский язык. Кроме лекций Кондаков руководил студенческим семинаром в университете. Помимо того, на дому у Кондакова образовался как бы особый семинар — *privatissima*. После смерти Кондакова участники этого тесного научного кружка почувствовали свою обязанность не расходиться и не прекращать своего научного и дружеского общения. То была последняя группа учеников Кондакова. Перечисляю имена в алфавитном порядке:

М. А. Андреева, Н. М. Беляев, Г. В. Вернадский, А. П. Калининский, К. М. Катков, П. Д. Кондарацкая, В. Н. Лосский, Т. Н. Родзянко, Д. А. Расовский, Н. П. Толль, княгиня Н. Г. Яшвиль.

Главным учеником Кондакова и продолжателем его работы является Н. П. Толль.

Обратимся теперь к обзору научных трудов Кондакова.

I. Библиография

I. Словарь членов Академии наук, 1 (1915). Автобиография Кондакова на стр. 340 – 342.

II. *Recueil Kondakov*, стр. XXXIV–XL. Дополнения — *Seminarium Kondakovianum*, 1, стр. 315.

III. Белградские «Материалы», выпуск 1 (1931), стр. 158–159.

IV. Пражский сборник 1924 года, стр. 75–85.

II. Посмертные издания трудов Кондакова

(Не включены в вышеуказанные библиографии) Воспоминания и думы (Прага, 1929). Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры (Прага, 1929). Русская икона.

1. Альбом 65 цветных таблиц (*Seminarium Kondakovianum*, 1928).

Альбом 136 таблиц (*Seminarium Kondakovianum*, 1929).

Текст, часть первая (*Seminarium Kondakovianum*, 1931).

Текст, часть вторая (*Kondakov Institute*, 1933).

Сокращенный английский перевод «Русской иконы».

The Russian Ikon, by N. P. Kondakov. Translated by E. E. Minns. (Oxford, 1927).

Плоды научного творчества Кондакова можно разделить на четыре отдела:

(1) Археология.

(2) Византийское искусство.

(3) Кочевниковедение.

(4) Икона и иконостас.

Между 1889 и 1899 годами появились на свет «Русские древности» в памятниках искусства, издаваемые графом И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым» — шесть томов. В 1896 году, вне этой серии, Кондаков издал «Русские клады великокняжеского периода» с 20 таблицами рисунков и 122 полит пажами. Эти публикации Кондакова ввели в научное сознание новый подход к древнерусской истории на основе археологии.

Первый большой труд Кондакова по византиноведению — его докторская диссертация «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (Одесса, 1876).

Кондаков противопоставляет миниатюру монументальной византийской живописи и мозаике. «Это — два полюса». Искусство миниатюры развивалось преимущественно в монастырях. Иллюстрировались и библейские и евангельские сюжеты. В византийской миниатюре Кондаков находит больше духовности и живого чувства, чем в мозаике. Кондаков обратил внимание и на византийские эмали. В 1892 году он издал альбом их с текстом: «Византийские эмали. Собрания А. В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали» (Издано было одновременно и по-французски).

В 1880 году Кондаков осматривал в Константинополе мозаики мечети Кахрие-Джамиси (упраздненного христианского монастыря Хора). Как все что он делал, он вдумчиво изучал их. В то время считалось, что эти мозаики — подражание итальянскому искусству стиля треченто и были произведениями итальянского мастера. Кондаков решительно восстал против этого взгляда. «Мозаики мечети Кахрие-Джамиси, — утверждает он, — по своему стилю и техническому исполнению, равно как и по самим задачам внутреннего содержания, составляют произведение собственно византийского искусства, без участия в каком бы то ни было виде западных мастеров живописи и принадлежат периоду вторичного процветания византийского искусства в течение XI и XIII столетий» (Кондаков, «Мозаики мечети Кахрие-Джамиси», Одесса, 1881).

В 1888 году Кондаков напечатал в «Записках археологического общества» статью «О фресках лестниц Киево-Софийского собора». В 1906 году Академия наук издала работу Кондакова

«Изображение русской княжеской семьи в византийских миниатюрах XI века».

Обратимся теперь к работам Кондакова, относящимся к иконе и иконописи. Эти труды занимают более всего места в его ученом наследии и представляют главную часть его творчества. «Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Исторический и иконографический очерк». Текст и атлас таблиц.

В 1911 году появилась «Иконография Богоматери: связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения». В 1914 и 1915 годах вышла: «Иконография Богоматери» в двух томах. 142 На основании глубокого изучения русской иконописи и ее истории Кондаков в начале 1900-х годов принялся за писание книги о русской иконе. В Прагу он привез законченную рукопись и продолжал ее дополнять и переделывать до последнего дня сдачи рукописи в печать. Текст «Русской иконы» занимает два тома, в общей сложности 382 страницы большого формата. В первом томе помещены предисловия и восемь глав. Первая глава вводного характера: «Иконопочитание в России. Икона в религиозном быту и обряде». Глава II. «Современное состояние иконопочитания, иконописи и изученные иконы».

Глава III. «Переводы» и рисунок в русской иконописи.

Глава IV. Краски.

Глава V. Памятники византийской иконописи.

Глава VI. Древнейшая иконопись Киевской Руси и Суздальской области.

Глава VII. Древнейшая иконопись Новгорода.

Глава VIII. Черты иконописи греко-итальянской, итало-критской и русской корсунского стиля.

Во втором томе шесть глав.

Глава IX. Четырнадцатый и пятнадцатый века. Андрей Рублев.

Глава X. Новгородская иконопись XI века.

Глава XI. Мистико-дидактические иконы.

Глава XII. Новгородская иконопись XVI века.

Глава XIII. Московская иконопись начального периода.

Глава XIV. Московская иконопись XVI века.

В предисловии Кондаков дает краткую, но яркую характеристику древнерусской иконописи и ее изучения. «Русская икона была наиболее художественным явлением русской старины, истонным и преимущественным орудием и вместе даром ее

религиозной жизни. По своему историческому происхождению и образованию икона явилась переживанием высшей художественной традиции, а по своему развитию представила замечательное явление художественного мастерства. По своим декоративным достоинствам и необычайной характерности композиций, строгости типов, идеальности и духовной глубине религиозных замыслов икона стоит наравне с ранним средневековым искусством европейского запада».

Иного характера и строя мысли — «Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры». Это последний большой труд Кондакова. Он не успел его обработать и закончить, но и в таком виде это книга большого научного значения. «Очерки» эти представляют собой запись лекций Кондакова, читанных им в 1922/23 учебном году. Один из учеников Кондакова Н. М. Беляев, который слушал этот курс Кондакова, взял на себя проверку рукописи и корректуру. Книга обильно иллюстрирована.

Книга разделена на шесть глав:

I. Древности восточных кочевников в Южной России.

II. Искусство средневековых варваров в Европе.

III. Древности Болгарии.

IV. О зверином стиле в средневековом искусстве.

V. Византийские одежды.

VI. Византийские и восточные средневековые ткани.

Во введении к первой главе Кондаков высказывает свои взгляды на научный подход к истории искусства. «В современной литературе история искусства определяется обычно как история художественной формы, принимая эту последнюю в широком смысле исторического развития форм архитектуры, скульптуры, живописи в всех прикладных искусства... Историк искусства обязан при этом кратко обозначить содержание данного памятника, но не имеет обязанности и нужды входить в исторический анализ этого содержания».

Кондакову такое разделение формы и содержания представляется не только бессмысленным, но и явно вредным для самого предмета.

«Древности средневековья Восточной Европы, — говорит Кондаков, — тесно связаны с древностями скифо-сарматскими. ...Литература скифо-сарматской археологии представляет на-

столько высокий уровень в изучении ее материалов, что дает уже достаточный базис, дабы строить на нем исследование средневекового искусства восточных территорий Европы».

«Кочевники Средней Азии, Алтая и Западной Сибири издревле жили рядом с высоко культурными странами: Согдианой, Бактрией, Парфией, Персией, Индией и Китаем, и находились с ними в постоянном общении и равно непрерывной войне. Кочевники развили у себя коневодство в колоссальных размерах... культура приходила к кочевникам ранее, чем к земледельцам».

«Древности восточных кочевников в южной России совместили в своих формах всю силу векового уклада жизни и незыблемость исконного мировоззрения, не затронутого, а лишь укрепленного культурными, но родственными влияниями. Образ мирно улегшегося на пастбище оленя представляет в среде этих древностей тотем первобытного кочевья и реальную обстановку быта и магическую формулу, сопровождающую дух умершего в будущую жизнь».

В искусстве кочевников многое связано с коневодством и уходом коня. «Замечательный нашечник Краснокутского кургана представляет две конские головы, шеи которых извиваются узлами и образуют развод пальметки, напоминающий собою позднейшие ветви этой орнаментики в народных изделиях скандинавского и русского севера».

Выработалась у кочевников и форма одежды, приспособленная для верховой езды. Это так называемый скараманчий — ездовой кафтан. Форма эта отразилась в византийских одеждах, а потом распространилась почти во всей Европе.

В этих наблюдениях Кондаков полностью развертывает мысли, высказанные им в его «Русских Древностях», особенно в третьем их томе («Древности времени переселения народов», 1890).

К сожалению, Кондаков не успел написать главы IV «О зверином стиле в средневековом искусстве» — в рукописи его остались только предварительные черновые заметки*.

«Русской иконой» Кондаков завершил свои долголетние занятия по иконописи. В «Очерках и заметках по истории средневекового искусства и культуры» он подвел итог сво-

* О зверином стиле см. М. И. Ростовцев «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль» (Seminarium Kondakovianum, Praha, 1929).

им исследованиям по кочевниковедению и по археологии юга России.

Я. И. Смирнов (1869–1918)

Яков Иванович Смирнов родился в Иркутске, где его отец был директором гимназии*.

Мать Якова Ивановича, Анна Яковлевна, была родной племянницей Д. И. Менделеева.

Выслужив пенсию, отец Якова Ивановича переехал в Петербург. Яков поступил во второй класс гимназии при Историко-филологическом институте. По окончании гимназии поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

Главным его учителем был Н. П. Кондаков. Занимался Смирнов также в семинарах В. Г. Васильевского и Ф. Ф. Соколова (у последнего греческими надписями). Прошел таким образом превосходную школу и получил прекрасное знание древних языков.

Вскоре после окончания университета Смирнов принял участие в археологической экспедиции Кондакова в Сирию и Палестину.

В 1894 году Смирнов отправился в заграничную командировку. Много месяцев провел в Афинах. Изъездил и исходил большую часть Греции.

Отлично освоил новогреческий язык.

Осенью 1895 года совершил большую археологическую поездку по Малой Азии. Две недели провел на Кипре.

Когда Кондаков оставил Смирнова при кафедре для подготовки к профессуре, он да и весь факультет смотрел на Смирнова как на преемника Кондакова. Случилось, однако, так, что вскоре после отъезда Смирнова в заграничную командировку Кондаков по болезни вынужден был уехать из Петербурга на долгий срок. В 1897 году Кондаков выслужил 30 лет, и кафедра в Петербургском университете стала вакантна, но ее занял А. В. Прахов. В 1899 году Смирнов был назначен хранителем отделения средних веков и эпохи Возрождения в Эрмитаже, а через 10 лет — старшим храни-

* С. А. Жебелев, «Я. И. Смирнов» (Seminarium Kondakovianum, 1928, стр. 1–18).

телем. В 1917 году Яков Иванович был избран членом Академии наук по разряду русского языка и словесности. К этому времени здоровье его пошатнулось. 10 октября он умер от свирепствовавшей тогда «испанки».

Перехожу к рассмотрению научных трудов Смирнова. Их не так много по количеству, но все они ценны по качеству*.

Монументальный труд Смирнова — «Восточное серебро».

Это «Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи» (издание Археологической комиссии, С. Петербург, 1909) 130 таблиц. Пояснительное предисловие Смирнова — восемь страниц.

Собираание и изучение материалов заняло у Смирнова много лет. Подготовительными этюдами могут считаться его статьи «О сассанидских блюдах» («Изыскания общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете», XII (1894) и «Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае» (Материалы по археологии России, Но. 22, 1899). В 1902 году вышла в Харькове работа Смирнова «О бронзовом водолее западноевропейской работы, и о других подобных находках в пределах России».

Водолеями назывались фигурные рукомойники, употреблявшиеся в светском и церковном быту**.

В статье Лапковской есть несколько ссылок на работу Смирнова.

В заключение библиографического обзора работ Смирнова укажу еще его отзыв об исследовании Ф. И. Шмита «Кахиэ-Джами» (Протоколы общих собраний Русского археологического общества за 1899–1908 годы, Петербург, 1915).

Как говорит Жебелев, Смирнов «отличался полным отсутствием того, что можно назвать ученым эгоизмом. Коль скоро дело касалось научного вопроса, хотя бы и не соприкасающегося с ближайшими научными интересами самого Якова Ивановича, он как-то забывал, что этим вопросом интересуется не он сам, а кто-то другой. Яков Иванович забывал о своей работе и с жаром

* Смотри перечень в приложении к статье Жебелева, стр. 16–18.

** См. статью Э. А. Лапковской «Водолей, найденный в Крыму, и круг родственных ему произведений», сборник «История и археология средневекового Крыма», стр. 176–189.

отдавался работе другого, обратившегося к нему за содействием или справкою. Сообщением только нужной справки Яков Иванович никогда не ограничивался; он выкладывал перед своим собеседником все, что ему было известно по данному вопросу, более того, склонен был расширять и углублять его».

С. А. Жебелев (1867–1941)

Сергей Александрович Жебелев родился в 1867 году в Петербурге.

Отец его, уроженец города Вереи (Московская губерния) был купец второй гильдии. Умер в 1876 году. Сергей поступил в приготовительный класс петербургской второй классической гимназии. Кончил ее в 1886 году с серебряной медалью*.

Поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где прошел и историческое и классическое отделения. По окончании университета оставлен при кафедре классической филологии для подготовки к профессуре.

Еще в студенческие годы Жебелев сблизился с М. И. Ростовцевым и Я. И. Смирновым. Познакомился и с Н. П. Кондаковым. В 1898 году Жебелев сдал магистерские экзамены и защитил магистерскую диссертацию, а в 1904 году — докторскую. После этого он был назначен экстраординарным профессором Петербургского университета. Ординарным профессором был избран в 1913 году.

В 1894 году Жебелев был избран членом Археологического общества, а в 1901 году членом Археологической комиссии.

В 1914 году избран был членом-корреспондентом Академии наук, а в 1927 году — ее действительным членом. Жебелев был неутомимый исследователь сложных исторических проблем и плодovitый писатель**.

В нем сочетался филолог-классик, эпиграфист, археолог и историк. Из ранних работ Жебелева нужно отметить «Религиозное врачевание в древней Греции» (1893). Магистерская диссертация

* Смотри Н. Беляев. «Сергей Александрович Жебелев» *Seminarium Kondakovianum*, 1 (Прага, 1927), стр. 308–312.

** О трудах Жебелева до 1922 года включительно смотри В. Бузескул. «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века, II (1931), стр. 143–147 и 192.

Жебелева «Из истории Афин, 229–31 до Р. Х.» посвящена периоду, тогда почти еще не исследованному. В этом труде Жебелев дал тщательно обоснованный очерк истории «падения Афин» (1898).

Докторская диссертация Жебелева «Achaïca» (1903) представляет собою ряд этюдов из области древней греческой провинции Ахайи.

Очень ценно «Введение в археологию» Жебелева в двух частях. «1. История археологического знания, часть II. Теория и практика археологического знания» (1923–1924). Это лучший из обзоров археологии, сохранивший свое значение на многие годы. В области методологии Жебелев является последователем Кондакова. Кондаков считал наиболее совершенною, в смысле методологии, отраслью археологического знания науку классической археологии, а это как раз была специальность Жебелева.

В 1926 году в сборнике статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова (*Recueil Kondakov*) напечатана была большая статья Жебелева «Иконографические схемы Вознесения Христа и источники их возникновения». Жебелев различает две такие схемы. Одна из них «носит, по справедливости, название восточной схемы. Вторую схему можно назвать западной».

В первом томе Кондаковского семинария (Прага, 1927) Жебелев поместил статью «Оранта (к вопросу о возникновении типа)». Жебелев дает исторический обзор образа Богоматери Оранты («молящейся») в древнехристианском искусстве.

Кондаков считал, что тип Божьей Матери Оранты возник из апокрифического представления Девы Марии как служительницы иерусалимского храма. Жебелев соглашается с этим мнением.

В начале 1920-х годов Жебелев частью сам переводил, частью вместе с Э. Л. Радловым редактировал «творения Платона».

В связи с этой работой находится книжка Жебелева о Сократе (Берлин, 1923).

В это же время в научно-популярной серии «Введение в науку» вышли две прекрасные книжки — «Эллинизм» (1920) и «Эллинизм» (1922).

В 1919 году Археологическая комиссия была закрыта, а вместо нее учреждена Российская академия истории материальной культуры (РАИМК). В 1924 она была переименована в Государственную академию материальной культуры (ГАИМК). Первым директором ее назначен филолог Н. Марр. В состав членов ГАИМК попал и Жебелев. В конце 1930-х годов он назначен был

главой Института античной археологии. Жебелев умер в Ленинграде во время осады его немцами в 1941 году.

И. Э. Грабарь (1871–1960)

Игорь Эммануилович Грабарь был талантливый художник и историк искусства, археолог (реставратор старинных икон), портретист, человек широкого размаха творческой мысли.

Главный памятник, который он сам себе воздвиг, — это монументальная история русского искусства.

Грабарь разработал главный план издания, написал некоторые главы или части глав, а к обработке других частей привлек ряд выдающихся русских искусствоведов, в том числе Александра Бенуа, барона Н. Н. Врангеля и Н. К. Рериха.

В предисловии Грабарь говорит, что историк западноевропейского искусства имеет в своем распоряжении огромный материал, дающий ему твердую почву для уверенных построений и точных выводов (документы, письма, дневники, миллионы фотографий и рисунков, которые сделаны со всех имеющих значение памятников). Частью этот материал уже превосходно обработан. Весь этот гигантский по своему объему материал значительно упрощает работу историка.

В несравненно худшие условия поставлен историк русского искусства. И в России немало уже было издано ценных документов и обнародовано памятников искусства, но материал этот не исчерпывает всех отраслей и эпох искусства. Помимо того приемы исследования памятников искусства стали только недавно применяться. При этих условиях историку русского искусства приходится думать не столько о выводах из добытого ранее материала, сколько о добытии материала.

Между 1905 и 1909 годами изданы были тома I, II, III (архитектура, написаны самим Грабарем), V — скульптура (написана бароном Н. Н. Врангелем) и VI — живопись (общий очерк до середины XVII века написан П. П. Муратовым; добавочные очерки о живописи и стенописи второй половины XVII века написаны самим Грабарем).

В начале 1950-х годов Грабарь решил, что пришло время для второго, досконально переработанного и значительно расширенного издания «Истории русского искусства».

Издание взяла на себя Академия наук.

Издание вышло под общей редакцией Грабаря при участии действительного члена Академии художеств В. С. Кеменова и члена корреспондента Академии наук В. Н. Лазарева.

Первый том (древнейшая эпоха) появился в 1953 году. В числе авторов отдельных глав был и сам Грабарь, и его помощники по редакции, и другие русские историки и искусствоведы, многие из них младших поколений. Для примера раскроем том III нового издания (1955).

В нем три главы.

I. Искусство среднерусских княжеств XIII–XV веков. Авторы — Н. Н. Воронин и В. Н. Лазарев.

II. Искусство великокняжеской Москвы. В составлении этой главы приняли участие Н. Н. Воронин, П. Н. Максимов, В. Н. Лазарев и Б. П. Рыбаков.

III. Искусство Русского централизованного государства. Авторы — Н. Е. Мнева, П. Н. Максимов, В. В. Косточкин, В. Н. Лазарев. В этом томе, как и в других, много иллюстраций, но не в красках. В конце тома обширная библиография.

Четвертый том посвящен XVII веку и его культуре.

Начинается том общим обзором этой эпохи. Авторы Ю. Н. Дмитриев и И. Е. Данилова. Следуют семь глав на тему «Архитектура и декоративное убранство XVII века. Авторы — М. А. Ильин и П. Н. Максимов.

Восьмая глава — «Резьба и скульптура XVII века». Авторы — Н. Е. Мнева, Н. Н. Померанцев, М. М. Постникова-Лосева.

В следующих трех главах обсуждается живопись, миниатюра и гравюра XVII века. Авторы — И. Е. Данилова, Н. Е. Мнева, М. М. Постникова-Лосева, А. А. Сидоров.

Тема главы XII (автор М. М. Постникова-Лосева) — прикладное искусство XVI–XVII веков.

В последней заключительной главе — Н. Н. Воронин обсуждает «итоги развития древнерусского искусства».

«Древнерусским в строгом смысле этого слова, — пишет Воронин, — мы называем искусство средневековой Руси, начало которого связано с эпохой Киевского раннефеодального государства X–XI веков и формированием в лоне этого государства древнерусской народности. Его конец падает на XVII столетие, когда начинается новый период русской истории, отмеченный формированием великорусской нации в условиях развития ремесла, роста торговых связей и создания всероссийского рынка».

В конце III и IV тома помещена обширная и компетентная библиография.

По установленному в Советском Союзе образцу общей библиографии предпослана библиография основоположников марксизма-ленинизма — Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина. В числе произведений Ленина указываются его статьи «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов» и «К деревенской бедноте». Из произведений Сталина указаны «Марксизм и национальный вопрос» и «Экономические проблемы социализма в СССР».

Непредубежденный читатель в праве усомниться, могут ли эти творения корифеев русского большевизма помочь ему разобраться в вопросах истории искусства.

В заключение необходимо хотя бы вкратце сказать о деятельности Грабаря по расчистке древних икон*.

В первом томе «Вопросов реставрации» помещено краткое предисловие Грабаря «восемь лет реставрационной работы» и большое исследование «Андрей Рублев». Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918–1925 (стр. 7–112).

Во втором томе напечатан отчет Грабаря о поездке на Урал в Нижний Тагил для проверки сенсационного известия, что там найден подлинник картины Рафаэля (стр. 5–101).

Из предисловия Грабаря к первому тому «Вопросов реставрации» видно, что Реставрационная комиссия, возникшая в недрах отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, открыла свою деятельность 10 июня 1918 года.

Это было грозное время. Начинался хаос гражданской войны. Нужно было сосредоточить все помыслы на деле сохранения памятников искусства, находящихся под ударом. Значительная часть этой работы выпала на долю Реставрационной комиссии.

Основной задачей этого органа была забота о сохранении памятников искусства. В 1924 году она получила название «Центральные государственные реставрационные мастерские».

Работа шла по двум линиям: по линии регистрации и обследования памятников искусства с целью выяснения наличия художественных ценностей России и по линии консервации, то

* «Вопросы реставрации, сборник центральных государственных реставрационных мастерских», 1–11. Под редакцией Игоря Грабаря. (Москва, 1926–1928). Грабарь был директором этих мастерских.

есть ремонта, реставрации и предохранения памятников от порчи и разрушения. Восьмилетняя работа была большой школой для выработки методов работы.

За восемь лет накопился гигантский материал, о котором прежде нельзя было и мечтать.

Обратимся теперь к исследованиям Грабара о творчестве Андрея Рублева.

Рублев родился в третьей четверти XIV века (вероятнее всего, между 1360 и 1370 годами). Умер между 1427 и 1430 годами.

Имя его было известно по летописям, ряд икон конца XIV века и начала XV века ему предположительно приписывался, но иконы эти не могли дать представления о его мастерстве, так как первоначальная живопись была закрыта слоем, иногда несколькими слоями, позднейшей, часто шаблонной иконописи.

Только после расчистки рублевских (и приписываемых Рублеву) икон они засияли первоначальными красками. Только тогда по-настоящему было открыто и оценено мастерство Рублева и других иконописцев его эпохи.

А. Н. Грабар (1896–1990)

Андрей Николаевич Грабар родился в Киеве *.

Поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета в 1914 году. Уже тогда определился его интерес к истории искусства. Кончил университет в 1918 году.

В 1920 году уехал в Болгарию. Был назначен куратором Археологического музея в Софии. Изучал болгарские древности. В 1922 году получил должность лектора по истории византийского искусства в Страсбургском университете во Франции. В 1928 году получил там докторскую степень.

В 1937 году был назначен директором отдела Византийской археологии в Школе высших изысканий (Ecole des Hautes Etudes) в Париже. Работал там в течение девяти лет. В 1966 году выбран профессором Французского университета (College de France). Обзор научных трудов А. Н. Грабара**.

* Смотри N. Zernov. The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century (London, 1963), pgs. 370–371; кроме того, International Who's Who, 1970–71, стр. 602.

** Repertoire International des Medievistes, 1965, pp. 246–247; 1971, page 308. Я сосредоточиваюсь на более ранних трудах Грабара, не указанных в Repertoire.

Главная, но не единственная тема Грабара, — византийское искусство в различных его аспектах и проявлениях. Начиная с труда Грабара «Нерукотворный Спас Ланского собора» (*Zographica*, 3, *Seminarium Kondakovianum* (Praha, 1930) (Художественное издание, много иллюстраций).

Нерукотворный образ Христа, по преданию, связан с именем благочестивой женщины Вероники. Она, по легенде, подала Христу, изнемогавшему под тяжестью креста, который он нес на свое распятие, свой платок (убрус), чтобы обтереть пот и кровь. Христос принял убрус, обтерся им и на платке отпечатлелся Его образ. Есть и другое сказание. Грабар находит, что история нерукотворного образа Христа и преданий, связанных с ними, недостаточно изучены*.

Как бы то ни было, Ланская икона, по мнению Грабара, прекрасное художественное произведение.

Особый интерес Ланской иконе придает то обстоятельство, что на ней находится старинная славянская надпись: «Образ Господень на убрусе». Икона была перенесена в Лан из окрестного селения в 1249 году.

Грабар поместил несколько ценных статей в серии «*Seminarium Kondakovianum*». Во II томе (1928) напечатана его работа «Иконографическая схема Пятидесятницы». Пятидесятница (сошествие святого Духа на апостолов) описана во второй главе «Деяния Апостолов». В византийской иконографии Двенадцать Апостолов сидят на высокой дуге, внутри которой показываются представители всех народов. Голубь Святого Духа парит над апостолами.

Это одно из отвлеченных построений, характерных для византийского искусства.

Грабар думает, однако, что на историческое развитие этой схемы могли повлиять и эстетические мотивы.

В IV и V томах *Seminarium Kondakovianum* вышли две статьи Грабара о «Памятниках греко-восточной миниатюры» (1931–1932).

Во введении к первой статье Грабар ведет речь о мало известных миниатюрах греческих рукописаний начала нашей эры. Миниатюры этого типа резко отличаются от огромного большинства византийских миниатюр и носят отпечаток ближнего Востока: — Сирии, Месопотамии, Малой Азии и Персии.

В этой статье Грабар напечатал ряд миниатюр из Ватиканского четвероевангелия 949 года.

* Я предпочитаю форму «нерукотворный» (так и в словаре Даля).

Во второй статье Грабар рассматривает миниатюры в сборнике проповедей Иоанна Златоуста (тоже X века). В своей статье о фресках лестниц Киевского Софийского собора и имперской византийской иконографии (по-французски, Кондаковский институт, VII, Прага, 1935) Грабар идет по стопам Кондакова.

Он считает необходимым изучение этих фресок на фоне именно византийского имперского искусства. Изображения торжественных игр и празднований в присутствии императора в Константинопольском ипподроме входили в программу имперского цикла торжеств.

Фрески Киевского собора могут быть рассматриваемы как выражения благоволения византийских императоров киевскому князю, которого они считали своим вассалом.

В 1936 году появился один из основных трудов Грабара *L'Empereur dans l'Art Byzantin* («Император в византийском искусстве») (Париж, 1936). Книга разделена на три части: 1) Обзор важнейших памятников искусства и их тем; 2) Обзор развития византийского императорского искусства, начиная с IV века; 3) Взаимоотношение имперского и христианского искусства. В книге много иллюстраций.

В предисловии Грабар говорит, что византийское искусство было пропитано влиянием церкви, но что наряду с этим в византийской цивилизации играла существенную роль идея монархии, основанной на божественном праве. Император был представителем Бога на земле.

Хотя Грабар в этой своей книге рассматривает иконографию целого ряда византийских императоров, он утверждает, что не в этом было главное его задание.

Для него не существенны физические черты императоров (хотя он их описывает). Для него основное — Император (с большой буквы) и символика его власти. В этом было его главное задание, и это задание он блестяще выполнил.

В. В. Стасов (1824–1906)

Владимир Васильевич Стасов родился в Петербурге*. Отец его был талантливым архитектором (умер в 1848 году). Мать его,

* Влад. Каренин. «Владимир Стасов» (две части, Ленинград, год издания не указан). «Владимир Каренин — псевдоним Варвары Дмитриевны Стасовой, по мужу Комаровой (1862–1942). См. также С. Булич. «Стасов, Владимир Васильевич». ЭС, полумом 61 (1900), стр. 466–468.

Мария Абрамовна Сучкова, умерла в 1831 году от свирепствовавшей тогда холеры.

Весною 1836 года отец отдал Владимира в только что открытое училище правоведения, о котором у него сохранились лучшие воспоминания. Окончил его в 1843 году. По окончании училища правоведения Стасов поступил на государственную службу в Сенат, потом в Министерство юстиции. В 1851 году он вышел в отставку и уехал за границу.

Случилось так, что в это время приехал в Петербург Анатолий Николаевич Демидов, сын бывшего русского посла во Флоренции. Унаследовав от отца громадное состояние и любовь к искусству и коллекционерству, Анатолий Николаевич приобрел себе близ Флоренции великолепное имение и дворец Сан-Дonato вместе с княжеским титулом. После этого он стал именоваться князем Сан-Дonato, но только за границей — в России этот титул его не был признан. Приехал он этот раз в Петербург подыскать себе русского личного секретаря, который бы знал языки и был сведущ в искусстве. Ему указали на Стасова. Демидов сделал Стасову как бы экзамен и предложил поехать с ним на несколько лет в Сан-Дonato.

Стасов с радостью согласился. Почти все время Стасов жил во дворце Демидова, но часто предпринимал поездки по всей Италии. Везде он изучал произведения искусства, памятники старины, осматривал музеи и библиотеки.

В мае 1854 года Стасов вернулся в Россию. Одно время он состоял при бароне (с 1872-го — графе) М. А. Корфе, директоре Публичной библиотеки.

Осенью 1872 года Стасов был назначен библиотекарем художественного отдела, и с этого времени Публичная библиотека сделалась средоточием его жизни и научно-литературного творчества. В последние годы жизни Стасова его богатырское здоровье надорвалось. Смерть пришла как избавление.

Научно-литературные труды Стасова

Творчество Стасова было разносторонне и многообразно. Очень большое место в его жизни занимала музыка. Стасов был вдохновителем нового течения в русской музыке — так называемой «Могучей кучки» (Балакирев, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков, Кюи). Этой стороны его деятельности я касаться не буду.

Научное творчество Стасова охватывало целый ряд областей — археологию, историю искусства, этнографию, народную словесность, русскую живопись, скульптуру и архитектуру.

Ко всему этому Стасов относился со страстью, вживался во все, над чем он работал.

Основной его подход ко всем его трудам, можно сказать, его научное мировоззрение, состояло в том, что нельзя искать в Западной Европе ответа на все вопросы истории культуры, а надо смотреть на Восток. Большим удовлетворением было для Стасова, что его точку зрения принял Н. П. Кондаков в письме от 30 марта 1887 года.

«Бывший прежде поборником западничества в археологии, я ныне слагаю оружие и перехожу к восточникам, почитая из них Вас, как всегда стоявшего за идею восточного происхождения варварской средневековой культуры».

В 1873 году по поручению Археологического общества, Стасов ездил в Керчь для исследования и описания катакомбы в горе Митридата, только что тогда найденной. Стасов подробно исследовал и описал замечательные, выдающиеся по своему историческому и археологическому значению фрески и обнародовал свое исследование с подробными рисунками и планами.

Ввиду того что грунт, в котором была устроена катакомба, был очень непрочен, Стасов обратился к председателю Археологического общества графу Строганову с докладом, в котором указал на необходимость, укрепив фрески особым составом, перевезти их в Петербург. Но Строганов по непонятному равнодушию и инертности ничего не сделал, катакомбу залило водой и фрески пропали.

В 1886 году Стасов издал обширный сборник рисунков под заглавием «Славянский и восточный орнамент по рукописям от IV до XIX века» — результат тридцатилетних исследований в главных библиотеках и музеях Европы. Средства на это были ассигнованы, по высочайшему повелению, государственным казначейством.

В истории русской словесности особенно крупную роль сыграла обширная работа Стасова о происхождении русских былин (1886).

В то время в изучении древнего русского эпоса царил народнический сентиментальность или мистические и аллегорические толкования. Считалось, что былины представляют собою само-

бытное национальное произведение, хранилище древних народных преданий.

Стасов восстал против господствующих взглядов и выступил с новой теорией, стремясь доказать, что русские былины представляют собою пересказ восточных (главным образом монгольских и тюркских) эпических произведений и что время заимствования их довольно позднее, скорее всего, эпоха татарского господства над Русью.

Выступление Стасова произвело большой шум в ученом мире. На Стасова со всех сторон посыпались возражения и нападки.

Когда страсти улеглись, стали выясняться положительные стороны труда Стасова. Взгляды его способствовали устранению мифологических, сентиментальных и аллегорических теорий и взглядов и вызвали пересмотр всех прежних толкований русского эпоса.

Некоторые утверждения Стасова были подтверждены последующими исследованиями.

Мысль о восточном происхождении некоторых русских былин была вновь высказана Г. Н. Потаниным (1835–1920) и разработана В. Ф. Миллером (1848–1913).

А. А. Спицын (1858–1931)

Александр Андреевич Спицын окончил Петербургский университет *.

Интерес к археологии обнаружился у Спицына еще в университете, отчасти под влиянием Бестужева-Рюмина. Спицын был родом из Вятки, куда он по семейным обстоятельствам вернулся по окончании университета. Там он напечатал свою кандидатскую работу — диссертацию «Каталог древностей Вятского края». Работа была сочувственно отмечена графом А. С. Уваровым.

Поездки и раскопки были тогда для Спицына невозможны по материальным обстоятельствам, и он ушел в местную историю и преподавательскую деятельность.

* См. А. А. Спицын. «Мои научные работы». *Seminarium Kondakovianum*, II (1928), стр. 331–332; В. Саханев, «А. А. Спицын. К 70-летию со дня рождения А. А. Спицына», там же, стр. 343–346; М. А. Миллер. «Археология в СССР» (Мюнхен, 1954,) стр. 29, 43.

Тем не менее он сумел подготовиться к VII археологическому съезду и издал в 1886 году «Программу для собирания сведений по древностям Вятской губернии». На Спицына обратила внимание графиня П. С. Уварова (вдова графа А. С. Уварова) и немедленно назначила ему сумму на поездки по Вятскому краю. Таким образом, VII археологический съезд (собранный в Ярославле в 1887 году) вывел Спицына на научную дорогу.

В 1892 году он был выбран членом Археологической комиссии.

Спицын отличался исключительной работоспособностью. Его школа может быть названа эмпирической. «Он не писал крупных монографий, разрешавших коренные вопросы русской археологии, — говорит его ученик В. В. Саханев, — но он делал больше: обрабатывая, систематизируя и публикуя материал, датируя его и связывая с определенными народностями, он подготовлял возможность научного построения русской археологии».

Крупной заслугой Спицына является разработка методов археологического исследования. Он придавал большое значение технике производства раскопок и старался всем внушить, что при раскопках памятник уничтожается навсегда, так что ошибочные заключения, сделанные на основании раскопок, проверены новой раскопкой быть не могут. Поэтому он требовал тщательное ведение дневника, постоянных обмеров, чертежей, рисунков и фотографий.

С 1909 года Спицын начал чтение лекций в Петербургском университете. Это был первый университетский курс в России по русской археологии. В первый же год по инициативе Спицына возник археологический кабинет Петербургского университета с хорошей библиотекой и небольшим музеем.

В 1917 году Спицын издал как учебное пособие книгу «Русская историческая география».

В заключение считаю необходимым сказать особо о труде Спицына «Тмутараканский камень» («Записки Русского отделения археологического общества», том XI, 1915).

Тмутараканский камень был найден на Таманском полуострове в конце XVIII века. Надпись на нем гласит, что в 1068 году князь Глеб Святославович (внук Ярослава Мудрого) измерял ширину Керченского пролива. Впоследствии камень был перевезен в Петербург в Эрмитаж.

Находка Тмутараканского камня произвела сенсацию. Надпись была опубликована графом Мусиным-Пушкиным в 1794 году.

В дальнейшем мнения разделились, многие заподозрили подлинность надписи. Самого Мусина-Пушкина обвиняли в подлоге*.

Скептически отнесся к тмутараканской надписи и Спицын. Подобно многим своим предшественникам, он не соглашался с локализацией Тмутаракани на Таманском полуострове.

В конце концов, однако, перебрав все возможные сомнения, он пришел к выводу, что никаких видимых следов подделки нет и что с надписью можно примириться всецело.

В. А. Городцов (1860–1945)

Василий Алексеевич Городцов был в молодости пехотным офицером и во время своей службы заинтересовался археологией. Вышел в отставку и посвятил археологии всю свою дальнейшую жизнь.

Он начал раскопки в начале 1890-х годов и продолжал заниматься раскопками в течение почти сорока лет**.

В начале 1900-х годов он был назначен директором Московского исторического музея, был также в числе основателей Московского археологического института и его директором. Преподавал там полевую (бытовую) археологию. В 1914 году издал «Руководство для производства археологических раскопок».

Спицын был главой петербургской археологической школы, Городцов — московской.

Городцов написал громадное количество археологических заметок и исследований, в том числе и много крупного размера научных работ. Трудился он почти исключительно в области первобытной археологии.

Его ученики — А. В. Арциховский, Б. Д. Греков, С. В. Юшков, А. Л. Брюсов — все были выдающимися археологами.

Городцов первый, на основании своих знаменитых раскопок на Донце, доказал наличие на территории России бронзового века и установил основные этапы его развития.

* См. А. Г. Кузьмин, «Существует ли проблема Тмутараканского камня?», Советская археология, 1969, выпуск 3, страницы 278–283.

** М. А. Миллер. «Археология в СССР». Мюнхен, 1954, стр. 28, 33, 40, 41, 52, 59, 81, 82, 96. О Миллере смотри П. Е. Ковалевский. «Зарубежная Россия». Париж, 1971, стр. 170.

Вслед за тем он приступил к писанию большой монографии о бронзовом веке. Схема этого труда — «Бронзовый период в СССР» — была напечатана в VII томе Большой советской энциклопедии (1927). Полная монография не была напечатана.

Выработанная Городцовым схема периодизации и хронологии бронзовых культур в России долгое время господствовала в русской археологической науке.

В 1920-х годах Городцов стал во главе Археологической секции образованной в то время Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Он же заведовал археологическим отделением Московского университета.

Эпоха сталинского «великого перелома» — первая половина 1930-х годов — была катастрофической для русской археологической науки. Большинство самых крупных русских археологов подверглось репрессиям.

Городцов был снят со всех должностей и отстранен от работы. Умер он в 1945 году забытый и почти всеми покинутый.

Б. В. Фармаковский (1870–1928)

Борис Владимирович Фармаковский родился в Вятке. Учился в Одессе в ришельевской гимназии и в Одесском университете*.

По окончании университетского курса он провел несколько лет в Греции, где в то время велись раскопки в Дельфах французами, а в Афинах — немецким археологом Дернфельдом. У последнего Фармаковский мог многому научиться. В течение трех лет (1899–1902) он состоял ученым секретарем Русского археологического института в Константинополе.

В это время он исследовал византийский свиток с миниатюрами, находившийся в библиотеке института (напечатано в томе VI

* В. Бузескул «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века», часть II (Ленинград, 1931), стр. 166–170; М. А. Миллер «Археология в СССР» (Мюнхен, 1954), стр. 30; Ростовцев, *Iranians and Greeks in South Russia* (Oxford, 1922), индекс имен (указаны страницы 3, 20, 28, 65, 95); E. H. Minns, *Scythians and Greeks* (Cambridge, 1913, глава XV — Olbia, см. также в индексе — *Pharmacovskij*, B. V.

«Известий» института). Эта работа обратила на себя внимание Кондакова.

Магистерскую диссертацию Фармаковский написал на тему «Аттическая вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после персидских войн» (Петербург, 1902).

Это огромный том, содержащий в себе очерк истории аттической вазовой живописи от старого стиля до конца производства расписных ваз.

Главным достижением Фармаковского как археолога были его раскопки в Ольвии. Ольвия была древнегреческая колония на Черном море у устья Буга.

Он вел эти раскопки ежегодно с 1901 по 1915 год, возобновил их в 1924 году и продолжал до 1926 года включительно.

В результате этих раскопок Фармаковский собрал много новых данных для понимания отношений греческого искусства к восточному и так называемого «звериного стиля». В связи с этим находится и его замечательное исследование «Архаический период в России» (1914).

Д. В. Айналов (1862–1939)

Дмитрий Власевич Айналов был выдающимся исследователем византийского искусства, главным образом, живописи и мозаик. В качестве магистерской диссертации он представил свою книгу «Мозаики IV и V веков» (Москва, 1875), для докторской — «Эллинистические основы византийского искусства» (Петербург, 1900).

В 1917 году в Петербурге вышел в свет его капитальный труд «Византийская живопись XIV века». В этой книге Айналова три главы:

Глава первая. Константинопольская и венецианская школы.

1. Мозаики Кахрие-Джамиси.

2. Мозаики собора св. Марка в Венеции.

3. Венецианская и константинопольская манера.

Глава вторая. Некоторые памятники константинопольской школы конца XIII и XIV столетий.

Глава третья. Черты новой византийской манеры в русских церковных росписях XIV столетия.

Мозаики Кахрие-Джамиси были изучены и изданы Н. П. Кондаковым в 1880 году. В то время считалось, что мозаики эти являются произведением итальянских мастеров XIII века. Кондаков пришел к заключению, что эти мозаики принадлежат к византийскому искусству времени вторичного расцвета византийской живописи в течение XI–XIII столетий.

Айналов признал значение мыслей Кондакова, но расширил рамки исследования, дав анализ и обзор и константинопольской и венецианской школы и их взаимодействия.

В 1927 году Айналов поместил в XXV томе «Византийского временника» (1927) примечательную статью «Искусство Палестины в средние века».

Начиная с IV века нашей эры — со времени обращения в христианство Римско-Византийской империи, началось паломничество в Палестину из Европы. Паломники стремились своими глазами увидеть места, упоминаемые в Библии и Евангелии.

В связи с этим стоит новый поворот мышления человека, новая символика средневековой цивилизации.

«Здесь, именно в Палестине, — говорит Айналов, — пала гордая античная мысль о средоточии земли в Греции, в Афинах или Дельфах. Средневековое человечество перенесло средоточие земли на места, где распят был Христос.

«В Палестине создано новое искусство, прославлявшее деяния Библии и Евангелия на самых местах, где происходили эти деяния...

В Палестине образовалось новое смешанное искусство, источники которого лежат в народных стилях христианских стран Востока и Запада».

В 1928 году Айналов поместил две статьи во II томе *Seminarium Kondakovianum* — «Новый иконографический образ Христа» и «Академик Н. П. Кондаков как историк искусства и методолог». Необычный образ Христа, о котором говорит Айналов в этой статье, находится в церкви Спаса в Нередицах, близ Новгорода, в росписи алтарной абсиды.

Христос представлен в рост, молодым, с коротко остриженными волосами. Айналов объясняет это изображение апокрифом, согласно которому Христос был священником-проповедником Иерусалимского храма. По Евангелию Христос учил в синагогах в дни субботные (Евангелие от Луки, 4, 16–18). Редакция Конда-

ковского семинария в послесловии охарактеризовала эту работу Айналова «исключительно важной и интересной».

В. Н. Лазарев (1897–1978)

Виктор Николаевич Лазарев родился в Москве. Учился в Московском университете*.

С 1924 года по 1936 год Лазарев работал в Пушкинском государственном музее изящных искусств.

В 1935 году был избран профессором Московского университета. С 1945 и по 1966 год состоял научным работником в Институте истории искусств. В 1943 году был избран членом-корреспондентом Академии наук.

Научное творчество Лазарева можно разделить на две фазы. В 1930-х годах он занимался преимущественно историей западноевропейского искусства, а с конца 1940-х годов почти исключительно историей византийской и древнерусской живописи.

К этому второму периоду относится и одна ранняя работа Лазарева — «Н. П. Кондаков» (издание автора, Москва, 1925).

В 1933 году вышла книжка Лазарева о голландском художнике XVII века Яне Вермере Делфтском (Johannes Vermeer of Delft). Вермер принадлежал к той группе голландских художников, которые описывали быт людей среднего сословия.

От голландцев Лазарев перешел к французам. Его книга о братьях Ле Нен появилась в 1936 году. Братья Лenen (Le Nain) работали в половине XVII столетия. Писали преимущественно сцены простонародного быта, по-видимому, помогая друг другу.

Хронологически его книга о Жане Баптисте Шардене (Chardin — 1699–1799) принадлежит уже ко второму периоду лазаревского творчества (напечатана в 1947 году).

Шарден начал с изображения неодушевленных предметов всякого рода — писал плоды, овощи, цветы, убитых животных — с таким мастерством, что любители искусства принимали его картины за работы знаменитых фламандских и голландских мастеров. Впоследствии Шарден перешел на изображение сцен домашнего

* См. краткую биобиблиографию Лазарева в International Who's Who, 1970–71, pg. 919.

быта небогатых людей. Картины этой второй категории отличаются гармоничностью красок, мягкостью и сочностью кисти.

В 1937 году вышло в свет исследование Лазарева «Портрет в европейском искусстве восемнадцатого века».

В 1947 году появился монументальный труд Лазарева «История византийской живописи» (два тома). В том же году напечатана его книга «Искусство Новгорода».

Не буду перечислять дальнейших работ Лазарева по истории византийской и итальянской живописи. Отмечу здесь только главные его работы по древнерусскому искусству.

В 1960 году Лазаревым изданы были «Мозаики святой Софии Киевской», «Андрей Рублев» и «Фрески Старой Ладogi». В следующем году — «Феофан Грек и его школа».

Феофан Грек (родился в 1330-х годах) приехал в Россию около 1378 года и остался там до конца своей жизни (умер между 1405 и 1415). Феофан был выдающийся мастер, яркая личность, проложивший новые пути к стенописи, иконописи и миниатюре.

У него было много русских сотрудников и учеников. В 1963 и 1964 годах под редакцией Лазарева вышло два сборника трудов Лазарева — «Древнерусское искусство XV и начала XVI века» и «Древнерусское искусство XVII века». По богатству своего научного творчества Лазарев занимает видное место в рядах искусствоведов и византиноведов нашего времени в мировой литературе.

Г. В. Вернадский

БИБЛИОГРАФИЯ

Исторические науки 1861–1920

Алексеев Н. Н. Идея государства ((Нью-Йорк, 1955).

Алексеев С. «Шеллинг», Э. С., стр. 443–454.

Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и XX вв. 2 тома, Ленинград, 1929–1931).

Вернадский В. И. О значении трудов Ломоносова в минералогии и геологии. Ломоносовский сборник (Москва, 1901).

Вернадский Г. В. «Милюков и месторазвитие русского народа». Новый журнал, 77 (1964, стр. 254–287).

Герцен А. И. Былое и думы (есть несколько изданий).

Голубцов С. А. «Теоретические взгляды Ключевского». Русский исторический журнал, 8 (1922), стр. 178–202.

Дорошенко Д. Огляд української історіографії (Прага, 1923).

Дьяконов М. «К. Д. Кавелин». Э. С., XII, стр. 803–807.

Зеньковский В. В. История русской философии (два тома, Париж, 1948–1950).

Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX века. Исторические записки, 69 (1961).

Иллерицкий В. Е. и И. А. Кудряшев. Историография СССР с древнейших времен (Москва, 1961).

История СССР. Аннотированный перечень русских библиографий, изданных до 1965 года (2-е издание, Москва, 1966).

Кавелин К. Д. Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену (Женева, 1892).

Кизеветтер А. А. Московский университет, исторический очерк. «Московский университет 1755–1930» (Париж, 1930), стр. 9–140.

Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий (Прага, 1929).

Ключевский В. О. Характеристики и воспоминания (Москва, 1912).

Ключевский В. О. С. М. Соловьев. Сочинения (Ключевского), VII (Москва, 1959), стр. 126–144.

Ключевский В. О. «С. М. Соловьев как преподаватель». Сочинения, VIII, стр. 253–262.

Ключевский В. О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории (Москва, 1968).

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века, три тома (Москва, 1914) (перепечатано без изменений в 1918 году).

Корсаков Д. «К. Д. Кавелин». РБС том «Ибак-Ключарев», стр. 358–373. Советская историческая энциклопедия.

Лаппо-Данилевский А. С. «Очерк развития русской историографии. Введение». Русский исторический журнал (1920), стр. 5–29.

Лучинский Г. «Щапов», Э. С., т. 79, стр. 45–47.

Материалы для биографического словаря действительных членов Академии Наук, 2 тома (Петроград, 1916–1917).

Милюков П. Н. Воспоминания, 2 тома (Нью-Йорк, 1955).

Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли (Москва, 1898).

Милюков П. Н. «Источники русской истории и русская историография», Э. С. XXVIII, стр. 430–446.

Нечкина М. В., отв. редактор. История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография (Москва, 1965).

Платонов С. Ф. «К. Н. Бестужев-Рюмин», Русский исторический журнал, 8 (1922), стр. 225–228.

Платонов С. Ф. Лекции по русской истории (Издание 6-е, Петербург, 1909).

Платонов С. Ф. «Несколько воспоминаний о студенческих годах». Дела и дни, 2 (Петербург, 1921).

Пресняков А. Е. «В. О. Ключевский». Русский исторический журнал, 8 (1921), стр. 203–224.

Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов (Москва–Ленинград, 1960).

Пыпин А. Н. История русской этнографии, 4 тома (Петербург, 1890–1892).

Рубинштейн Н. Л. Русская историография (Москва, 1941).

Русский биографический словарь. (Издание Русского исторического общества).

Рязановский В. А. Обзор русской культуры, часть II, выпуски 1 и 2 (Нью-Йорк, 1949).

Рязановский В. А. Развитие русской научной мысли в XVIII и XIX столетиях (науки о природе) (Нью-Йорк, 1949).

Соловьев Вл. «Гегель», Э. С., VIII, стр. 217–227.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен, 29 томов в 15 книгах (Москва, 1959–1966).

Сухотин Л. М. Краткий очерк русской историографии. Сборник Русского археологического общества (Белград, 1927), стр. 61–76.

Тхоржевский С. И. «В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель». Дела и дни, 2 (1921), стр. 152–179.

Чижевский Д. И. Гегель в России (Париж, 1939).

Чумаченко Э. Г. В. Ключевский — источниковед (Москва, 1970).

Шмурло Е. Ф. «Соловьев», Э. С., XXX, стр. 798–802.

Э. С. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон.

Christoff P. K. The Third Heart: Some Intellectual — Ideological Currents and Crosscurrents in Russia 1800–1830 (The Hague, 1970).

Christoff P. K. An Introduction to Nineteen-Century Russian Slavophilism. A Study in Ideas, Volume 1: A. S. Homjakov (The Hague, 1961).

Doroshenko D. «A Survey of Ukrainian Historiography.» Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S., 1957, No. 4, 1–2 (New York).

Hoetzsch O. «S. F. Platonov,» Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte, VIII (1933), pp. 465–491.

Kimball A. «The Russian Past and the Socialist Future in the Thought of Peter Lavrov,» Slavic Review, 30 (1971), pp. 28–44.

Lossky N. O. History of Russian Philosophy (New York, 1951).

Mazour A. G. An Outline of Modern Russian Historiography (Berkeley, Calif., 1929).

Mazour A. G. Modern Russian Historiography (Princeton, 1959).

Pipes R. Karamyn's Memoir on Ancient and Modern Russia (Cambridge, Mass., 1959).

Pipes. R. Struve. Liberal on the Left, 1880–1905 (Cambridge, Mass., 1970).

Riasanovsky N. V. Russia and the West in Teaching of the Slavophiles (Cambridge, Mass., 1952).

Riasanovsky N. V. The Teaching of Charles Fourier (Berkeley, Calif., 1969).

Struve G. «Alexander Turgenev, Ambassador of Russian Culture in Partibus Infidelium,» Slavic Review, 29 (1970), pp. 444–459.

Vucinich A. Science in Russian Culture: A History to 1860 (Stanford, 1963).

Vucinich A. Science in Russian Culture 1861–1917 (Stanford, 1970).





ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ ДОКУМЕНТОВ Г.В. ВЕРНАДСКОГО В БАХМЕТЕВСКОМ АРХИВЕ БИБЛИОТЕКИ КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В НЬЮ-ЙОРКЕ

Коллекция документов Георгия Владимировича Вернадского (1887-1973) хранится в Бахметевском архиве в составе библиотеки редких книг и рукописей Колумбийского университета в Нью-Йорке. Документы передавались в архив Г.В.Вернадским и его женой Ниной Владимировной (урожденной Ильинской) постепенно, с предварительным разбором, начиная с 1954 года. После смерти Г.В.Вернадского еще одна часть коллекции поступила в Бахметевский архив от его сестры Н.В.Толль, некоторые материалы были переданы П.К.Христовым. В настоящее время фонд Г.В.Вернадского — это около 80 000 разных документов, хранящихся в 234 ящиках. Документы, сохранившиеся в фонде Г.В.Вернадского, в основном, имеют отношение к его профессиональной деятельности (рукописи трудов и лекций Г.В.Вернадского). Немалую часть собрания составляет семейная, дружеская и деловая переписка, фотографии. В коллекции Г.В.Вернадского сохранилось немало документов и рукописей его родителей — Н.Е. и В.И.Вернадских, передавших сыну часть своего семейного архива во время встреч с ним за границей. Одна из особенностей собрания Вернадского состоит в том, что ее составитель был профессиональным историком и прекрасно понимал ценность сохраняемых документов. Поэтому документальная коллекция Г.В.Вернадского очень полно и разнообразно представляет разные стороны его профессиональной карьеры, историю семьи Вернадских, содержит материалы о жизни в эмиграции близкого круга их родственников и друзей.

Существует описание этой коллекции, составленной сотрудниками Бахметевского архива. Американская система описания архивных документов, в отличие от российской, не имеет полистного учета единиц хранения. Материалы коллекции (фонда) сформированы по ящикам (boxes), а внутри них разложены по папкам (близкий аналог наших дел). Принцип формирования ящиков — тематический, папок — алфавитный. Внутри папок документы могут быть разобраны и каталогизированы, или сохраняются в россыпи. Поэтому в настоящем обзоре коллекции Г.В.Вернадского даются отсылки на ящики (цифра в скобках). Самая ценная, по мнению работников Бахметевского архива, часть коллекции

Г.В.Вернадского собрана в первых пятнадцати ящиках, документы которых включены в карточный каталог этого собрания в библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета. В ящиках 1-13 хранится переписка Г.В.Вернадского и его родителей с более чем 150 корреспондентами и письма В.И.Вернадского своим детям. Ящики 14-15 составляют рукописи и фотографии.

Среди авторов писем, адресованных В.И.Вернадскому, ученые и политики: Н.А.Бердяев, А.Бергсон (1), Мария Склодовска-Кюри (2), А.А.Кизеветтер, Н.О.Лосский (5), В.А.Оболенский, И.И.Петрункевич (6), Ф.И.Родичев (7), Д.И.Шаховской (10) и другие корреспонденты.

Из переписки Г.В.Вернадского выделим в настоящем обзоре только те документы, которые имеют наибольший интерес для истории и культуры или помогают лучше понять жизненный путь и дружеские связи Георгия Владимировича: письма *Г.А.Алексинского*, *Н.Е.Андреева*, *Б.А.Бахметева*, *С.Н.Булгакова* (1), *М.М.Карповича* (3-5), *В.В.Набокова*, *С.В.Паниной*, *С.Ф.Платонова* (6), *Н.К.Рериха*, *М.И.Ростовцева* (7), *П.Н.Савицкого* (7-10), *Н.С.Трубецкого*, *А.В.Тырковой-Вильямс* (10), *Г.П.Федотова*, *Г.В.Флоровского*, *К.А.Чхеидзе* (2), *Р.Якобсона* (3).

В письмах Г.А.Алексинского, обратившегося в 1936 г. за содействием к Г.В.Вернадскому в деле продажи архивов российской социал-демократической партии, содержится интересная опись предложенных на продажу документов, имевших тогда, да и сейчас, сенсационный характер. Впоследствии Г.А.Алексинскому удалось заключить сделку с Бахметевским архивом, но уже без посредничества Г.В.Вернадского. В 1936 г. Г.А.Алексинский выставлял на продажу около полутора тысяч дел: 1) Архив социал-демократической фракции 2-й Государственной думы 2) Архив группы «Вперед» 3) Архив социал-демократической партийной школы на о.Капри 4) Архив «комиссии по расследованию провокаций в центральном комитете социал-демократической партии» («дело В.Таратуты» и др.) 5) Документы о тифлисских экспроприациях (в том числе автограф ее организатора большевика Камо) 6) Документы о связях Ленина и др. с германским штабом (1914-1917) 7) Автографы Горького, Троцкого, Чичерина, Ленина, Муссолини и др. Дополнительно Г.А.Алексинский предлагал Г.В.Вернадскому участие в публикации копий «70 неизданных писем Ленина (1906-1912), написанных им одному лицу... (М-те «Х»)». Г.В.Вернадский ответил бывшему социал-демократу и депутату Государственной думы, ставшему в эмиграции историком-коммерсантом, сдержанно, но жестко: «быть Вашим press agent никак не могу».

Переписка Г.В.Вернадского с *Николаем Ефремовичем Андреевым* началась еще в 1930-х гг., когда Андреев занимал должность библиотекаря в Кондаковском институте в Праге. Правда, тогда она носила скорее официальный характер, Н.Е.Андреев отвечал благодарственными письмами на присылку новых книг, сообщал институтские новости. Переписка с

Г.В.Вернадским возобновилась в 1954 г., после выхода в свет одного из томов многотомной истории России «Монголы и Русь». В это время Н.Е.Андреев преподавал русскую историю в Кембридже, и его письма стали для Г.В.Вернадского своеобразным окном в мир изучения русской истории в Европе. Со временем Н.Е.Андреев, неизменно относившийся с пиететом к трудам Г.В.Вернадского, стал одним из первых биографов Г.В.Вернадского, составителем списка его трудов.

Из большой по объему переписки выделим письма 25 апреля 1954 г. с рассказом об оккупации Праги, о жизни общих пражских знакомых в то время, в частности П.Н.Савицкого. Н.Е.Андреев активно участвовал в истории с освобождением П.Н.Савицкого после ареста в 1962 г. Потом, уже после смерти их общего друга, он написал, что П.Н.Савицкий «подвергался особенному гонению со стороны одного из вождей эмигрантских нацистов А.В.Меллер-Закомельского и было чудом, что он избежал гестапо». Из того же письма узнаем, что Н.Е.Андреев и П.Н.Савицкий «сидели вместе первую неделю ареста СМЕРШем». И совсем горькие строки написаны 26 августа 1968 года, после советского вторжения в Чехословакию: «Смерть освободила А.В.Флоровского и Петра Николаевича от еще одного трудного испытания. Неисповедимы пути Божьи».

Н.Е.Андреев часто встречался со своими советскими коллегами, приезжавшими в Кембридж, описывал свои впечатления от встреч с ними на симпозиумах и конференциях. В письме 30 декабря 1956 г. он описал встречу с историком византийской и древнерусской живописи Виктором Никитичем Лазаревым (Г.В.Вернадский позднее включит биографический очерк о нем в «Очерки русской историографии»). В.Н.Лазарев «жаловался, что мало молодых талантов в общей истории русского и византийского искусства. Он — в Президиуме Академии наук, а «*Slavonic and East European Review*» у них «под замком»! Он не знал, что еще в 1950 г. я там рецензировал его «Искусство Новгорода», прочитал рецензию здесь с видимым интересом, но экземпляр с рецензией взять с собой не решился». Интересные характеристики советских ученых-историков А.В.Арциховского, Б.А.Рыбакова, В.М.Хвостова и др., участвовавших в работе конференции в Лондоне, содержатся в письме от 28 сентября 1958 г. Очень заинтересованно следя за развитием советской исторической науки, 24 января 1960 г. Н.Е.Андреев писал Г.В.Вернадскому: «Что касается советских историков, то, по-моему, у них определенной генеральной линии после либерализации 1953-1956 годов так и нет». Там же, характеризуя сборник «Против фальсификации истории» (М., 1959), Н.Е.Андреев с юмором пишет: «заушают там направо и налево». Вообще в переписке не оставались без внимания выпады советских историков «против буржуазных фальсификаторов». Так 24 мая 1962 г. Н.Е.Андреев пишет о статье «некоего Скрынникова» в Трудах Отдела древнерусской литературы: «как большинство советских историков, он старается гру-

бить и объявлять «буржуазного историка» мало что понимающим». 3 октября 1963 г. передал разговор на ту же тему с Л.В.Черепнинным: «Между прочим, назвал Вас «крупным ученым», — пишет Н.Е.Андреев Г.В.Вернадскому, — и сказал, что «нападки на Вернадского» в советской прессе «надо понимать в их отношении к общей политике». В переписке 1963 г. обсуждался и сюжет с выступлением А.А.Зимины с гипотезой о написании «Слова о полку Игореве» в XVIII веке.

В письмах Н.Е.Андреева встречается немало отзывов о трудах Г.В.Вернадского, которые он высоко ценил. 2 июля 1959 г., поздравляя Г.В.Вернадского с получением почетной докторской степени в Колумбийском университете, Н.Е.Андреев писал: «Нет сомнения, что и в Америке (шире того, во всем мире, читающем по-английски) и среди историков всех стран Ваше имя связано с представлением о неустанной исследовательской мысли, об огромной эрудиции и необычайном размахе научных интересов». В другом поздравительном письме Г.В.Вернадскому 14 августа 1967 г., по поводу его 80-летия, Н.Е.Андреев подчеркнул близкие ему черты в творчестве Вернадского: «...И я убежден, что будущий русский историограф, воздавая Вам должное, отметит, кроме иных качеств, две замечательные черты в Ваших работах, — Вашу необычайную и драгоценную для историка борьбу за историческую истину и то, что Вы — на каком бы языке не печатались — всегда оставались русским в отношении к истории России».

В письмах *Николая Николаевича Алексеева*, написанных, в основном, в 1957-1961 гг., содержатся интересные описания жизни в Белграде в годы войны и поведения русской колонии: «А как она [эмиграция] себя вела во время оккупации, об этом я имею данные более красочные, чем люди, жившие во Франции. В этом направлении русские белградцы заслужили золотую медаль. Можете представить, из нескольких сотен русских, живших в Белграде, всего было человек 10-12, не аплодировавших плакату, вывешенному на Князь-Михайловой улице на здании бывшего русского посольства: «Победа Германии есть победа национальной России». 4 ноября 1957 г., говоря о своей работе над книгой «Идея государства», вышедшей в Чеховском изд-ве в Нью-Йорке, Н.Н.Алексеев написал: «Пусть потомки видят, что мы в труднейших жизненных условиях не сидели сложа руки, а работали, и, как мне кажется, по моей специальности не хуже, а лучше, чем советские наши коллеги».

Письма *Бориса Александровича Бахметева* иллюстрируют важную роль, сыгранную им в научной биографии Г.В.Вернадского в Америке. Уже 14 сентября 1927 г., в первый месяц по приезде Г.В.Вернадского в Йельский университет, он выразил желание познакомиться с ним («М.М.Карпович так часто и тепло говорил о Вас. Мне доставит большое удовольствие знать Вас лично»). В дальнейшем это знакомство очень помогло Г.В.Вернадскому, так как гуманитарный фонд (Humanities Fund Inc.), в правление которого входил Б.А.Бахметев, был спонсором много-

томной истории России. Из переписки Г.В.Вернадского с Б.А.Бахметевым выясняется, что эту работу фонд финансировал, начиная с 1937 г. Сначала предполагалось издать расширенный вариант «Дипломатической и политической истории России», и 4 января 1938 г. Г.В.Вернадский получил субсидию в 500 долларов на издание книги. Замысел работы разрастался, и 17 января 1938 г. Г.В.Вернадский сообщил Б.А.Бахметеву план «History of Russia from the Origins to 1801» («История России от ее начала до 1801 г.») в пяти томах. 1 том должен был оканчиваться 1054 годом, 2 — 1237 г., 3 — 1456 г., 4 — 1654 г., 5 — 1801 г. Более подробный, но сходный в деталях план был составлен в 1942 г., когда Г.В.Вернадский и М.М.Карпович начали издание многотомной истории России в издательстве Йельского университета. 1 том, посвященный Древней Руси, предполагалось подготовить к изданию в 1943 г. Далее изложение должно было строиться по следующим периодам: 2 том — Киевская Русь (878-1240); 3 — Монгольский период (1240-1453); 4 — Московия, Польша и казаки (1453-1654); 5 — Царствующий Дом всея Руси (1654-1721); 6 — Империя в 18 веке (1721-1801). Б.А.Бахметев был не просто человеком, дающим деньги на этот проект, но и заинтересованным советчиком. Получив от Г.В.Вернадского первую главу его работы, он писал: «За эти недели я внимательно перечел первую главу и много думал о форме и внутреннем облике того *opus magnum*, который теперь создается Вашими трудами». Пожелания Б.А.Бахметева сводились к двум основным моментам: во-первых, он говорил о желательности критического обзора источников, а во-вторых, о необходимости «подчеркнуть перспективу» в главах, чтобы подготовить к восприятию «будущего изложения того, что Вы так хорошо называете «освоение Евразии русскими племенами». Именно Б.А.Бахметеву принадлежала идея подключения к проекту для написания томов истории по XIX веку М.М.Карповича. Он же с опытом дипломата подчеркивал важность того, чтобы предпринятое издание получило название *Йельская история России*. Поэтому, получив первый том, Б.А.Бахметев с полным основанием мог написать (письмо от 9 июня 1943 г. на английском языке), что он «горд и действительно удовлетворен, что планы, которые мы обсуждали много лет назад, наконец реализованы».

Деловое общение Г.В.Вернадского и Б.А.Бахметева не ограничивалось издательскими делами. Г.В.Вернадский несколько раз приглашал Б.А.Бахметева выступить перед студентами в Йельском университете. 7 марта 1935 г., отвечая на одно из таких приглашений, Б.А.Бахметев очень интересно отзывался о Временном правительстве, представителем которого в Америке он был: «Вообще я очень люблю разговаривать со студентами, боюсь однако, что трудно будет без подготовки говорить, даже *informal* [без соблюдения формальностей] о внешней политике Вр. Прав. Во-первых, я был здесь в Америке, и непосредственно не знаю в деталях, что и как они там делали. Главное же, что по необходимости их

внешние сношения состояли в невыверенных увиливаниях, осложнявшихся давлением со стороны Советов и пр. Защищать политику Вр.Пр. не могу, т.к. даже не было на самом деле одной политики, а каждый говорил по-своему. Ругать тоже не могу, да и нечего ругать. При надвигающейся катастрофе внешние формальные сношения были делом второстепенным».

Встреча Г.В.Вернадского с *Сергеем Николаевичем Булгаковым* произошла еще в годы гражданской войны в Симферополе, и их отношения возобновились в 1923 г., когда о. Сергей (Булгаков) вынужден был покинуть родину. Г.В.Вернадский был одним из инициаторов приглашения о. Сергия в Прагу, и их переписка этого времени сохранила свидетельства духовного состояния, в котором находился о. Сергей сразу же после выезда из Советской России сначала в Константинополь, а потом в другие европейские страны. 30 января/12 февраля 1923 г. он писал Г.В.Вернадскому: «...Вообще хотелось бы иметь свой собственный церковный угол для молитвы. Я надеюсь, что во второй половине вел. поста я уже буду среди Вас. Сколь о многом надо нам беседовать при встрече, делясь итогами пережитого за эти роковые годы! Перед Прагой я буду иметь остановку в Вене у кн. Г.Н.Трубецкого. О нас Вам расскажет Н.А.Цур[иков] — пока, до нашего приезда.

Впиваю в себя впечатления константинопольской жизни и постигаю трагедию эмигрантства. В России мы о ней ничего не знали и не предполагали того, что есть, ни того, в какой мере потрясена жизнь европейских народов. Однако мною, что если эти годы испытаний будут пережиты с творческим покаянием (петавория), они дадут новую Россию, ея же чаем. Больше всего меня заботят дела церковные, которые здесь не в утешительном состоянии, а между тем, говорят, что в Константинополе они лучше, чем где-либо.

Свою жизнь в России при большевиках я в общем определял как состояние анабиоза, — сначала в течение первого года, когда я не выходил за пределы <одно слово нрзб.>, работая там на огороде, — полного и затем, по переходе в Ялту на место второго священника в Н.Собор, частичного, который однако снова становился полным. И вдруг анабиоз прерван — и надо определять на опыте, сколько же сохранилось *bios*, сначала щурятся глаза от света и кружится голова от воздуха. Но послушный воле Божией становлюсь к своему ралу. Господь с Вами. Привет всем и от всех. Любящий Вас пр. С.Б.».

В следующих письмах, включаясь понемногу в церковную жизнь эмиграции, о. Сергей пишет о «вселенской» мегаломании константинопольского патриархата, господстве в Фанаре «чешской ориентации» (23 февраля/8 марта 1923 г.). Продолжая из-за проволочек с получением визы и денег оставаться в Константинополе, он 22 марта 1923 г. пишет: «Мне здесь сидеть без дела становится невтерпеж. Стараюсь запастись здесь всеми богослужебными принадлежностями, чтоб не зависеть хоть в

этом. Очень грущу, что не могу молитвенно [быть] со всеми Вами в дни Стр. [недели] и Пасхи. Всем привет и благословение. Любящий Вас пр. С.Булгаков». Затянувшееся пребывание в Константинополе хотя и раздражало о. Сергия, но в конце концов помогло ему отойти от ужасного советского опыта: «...Я в этом затянувшемся отъезде более или менее разучиваюсь грамоте, так что явлюсь к Вам в виде, совершенно негодном к унив-ому употреблению, Вы сами знаете, что в К-ле научной библиотеки нет. Зато я очень доволен пребыванием здесь в смысле впечатлений и опыта. Правда я утратил уже всякую советскую свежесть и букет новизны, так что не буду для Вас представлять собой живого эксперимента Советской России. За эти месяцы я пережил здесь немало трудного и тяжелого, а вместе и поучительного, разумеется, в церковной области, но уже зарубежной. Однако в общем своем самоопределении я нередко оказываюсь в большом разночувствии. Господь да благословит и управит стези наши... К-лем я, в конце концов, очарован и покидаю его не без сожаления, хотя и стремлюсь его покинуть. Подумайте, начиная с первого обыска и ареста, т.е. еще с сентября, я еду, на эту поездку ушел целый, и притом уже 52-й год моего земного странствия».

Но и выехав из Константинополя, о. Сергей не сразу попадает в Прагу, и поэтому 10/23 апреля 1923 г. он писал Г.В.Вернадскому: «Дорогой Георгий Владимирович! Можно подумать, что я набираю себе цену, заставляя ожидать себя всех своих друзей, откладывая с недели на неделю, со дня на день выезд. Однако истинная причина не склонность моя к Годуновским эффектам, но горькая беженская доля». Используя свой проезд через Софию и Вену, он заботился об устройстве походной университетской церкви: «Сегодня мне посчастливилось получить сосуды для своего служения. Поэтому теперь я имею полное оборудование для того, чтобы начать богослужение». Вследствие этого просил Г.В.Вернадского «подыскать подходящее помещение и обратиться за разрешением на служение к митрополиту Евлогию». Судя по приписке «все это пишу не только Вам, но и «всему стаду», именно через Г.В.Вернадского о. Сергей сообщал новости о себе своей будущей пражской пастве. В дальнейшем их хорошие отношения сохранялись. В 1928 г. о. Сергей писал из Парижа Г.В.Вернадскому: «С благодарностью вспоминаю о наших Симферопольских годах и не помню о позднейших недоразумениях, которые, конечно, призрачны. Сейчас в Париже Ваши родители, они у нас были. Так было приятно повидать их, ощутить научное горение Влад. Ив. и услышать рассказы о родине, хотя и далеко не легкие». О.Сергий относился к молодым Вернадским, как к своим духовным детям, и 31 сентября 1931 г. направил письмо Нине Владимировне в связи со смертью ее матери, попутно извещая об аресте сына Федора в России: «Наш сын Федор, ради которого (отчасти) я оставался в России в надежде его увидеть, теперь находится в Московской тюрьме уже седьмой месяц, и нам даже не удается узнать о причине... Он страдает там так, как надо было бы мне. Да

будет воля Господня». Последняя записка о. Сергия в архиве Г.В.Вернадского, которой он сообщал о своем приезде в Нью-Хэвен, датируется 18 ноября 1934 г..

Подробная дружеская переписка Г.В.Вернадского с *Михаилом Михайловичем Карповичем* охватывает сорок лет, с 1919 г., когда один из друзей находился еще в России, будучи профессором Таврического университета, а другой — в Париже, помогая послу в Вашингтоне Б.А.Бахметеву во время проведения Русского политического совещания. С тех пор в письмах, возобновивших давнее близкое общение, обсуждались практически все серьезные биографические повороты и научные дела, как Вернадского, так и Карповича. Наибольшей интенсивностью и духовной наполненностью отличаются письма 1920-х годов, когда оба друга не знали о своей будущей роли «столпов» американской историографии (часть этих писем опубликована М.Раевым в «Новом журнале» (1992, № 188)). Письма М.М.Карповича дают представление о сложной эволюции, произошедшей с ним в эмиграции. Истоки ее, как и у Г.В.Вернадского, были в необходимости поиска своего места вне пределов России. Поэтому отношение к российским делам в 1920-е годы было преобладающим в переписке друзей. Неоднократно М.Карпович писал о своем желании возвратиться в Россию («Тянет меня туда страшно», 23 марта 1919 г.; «Я не мог бы примириться сейчас с мыслью, что еще четыре года или пять лет, как ты пишешь, придется жить вне России», 3 сентября 1923 г.; «Ведь придется может еще ждать... несколько (много?) лет», 24 июня 1925 г.). М.М.Карпович значительно быстрее других осмыслил катастрофу антибольшевистского движения, увидел из писем родных и близких знакомых, что «не взирая ни на что и в Советской России можно радоваться музыке, красивому платью, колокольному звону, можно острить и смеяться, можно читать немецких романтиков, можно быть молодым и бодрым». Поэтому он писал в июне 1921 г., что «Нам надо убить в себе психологию гражданской войны и признать Россию. Только в этом духе сможем мы оказаться полезными в деле ее возрождения». По его мнению, «большевизм в России кончится только тогда, когда он будет изжит русским народом; это единственный путь, хотя бы для него нужны были десятилетия». Главный изъян непримиримой эмиграции состоял, по его мнению, в том, что «за большевизмом перестали видеть Россию». 28 мая 1922 г., развивая эти мысли, М.М.Карпович пишет о необходимости «не варягов-спасителей из себя готовить, а служителей той новой России, которая там рождена». Отвечая на полемический упрек Г.В.Вернадского, М.М.Карпович говорил, что не едет в Россию не потому, что там «плохо живется», а потому, что там «стеснены свободы». Из дружеских писем М.М.Карповича действительно видно, что они написаны внутренне очень свободным и независимым человеком, не поддаживавшимся под вкусы других. Так, например, об евразийстве он писал Г.В.Вернадскому в 1925 г.: «Пафос этого направления меня не заражает».

В 1927 г. в переписке М.М.Карповича и Г.В.Вернадского подробно обсуждались вопросы устройства в университет. М.М.Карповича пригласили в Гарвард, и он переживал, что тем самым как бы «перебил» это место у своего друга. Описывая свой разговор с влиятельным гарвардским профессором А.Кулиджем, он написал 9 января 1927 г.: «Я увидел, что имею дело с какой-то высшей университетской политикой... Возможности поднять разговор о тебе он меня лишил... Для меня это была совершенно исключительная возможность войти в здешнюю академическую жизнь. До сих пор при всех моих попытках препятствием было отсутствие у меня степени, печатных трудов и академического стажа. Приглашение в Harvard (первый здесь университет по гуманитарным наукам) сразу устраняет эти препятствия». Еще когда Г.В.Вернадский находился в Европе, 22 января 1927 г. М.М.Карпович писал ему о таком «идеальном» решении, как приглашение Вернадского профессором, а Карповича «ассистентом или инструктором» при нем.

Как известно, в 1927 году друзьям удалось встретиться в Америке, и письма последующих лет освещают разные этапы их преподавательской карьеры, содержат отзывы о научных трудах друг друга. Из писем М.М.Карповича видно, как интенсивно он был занят в Гарвардском университете, причем, часто рутинной преподавательской работой. Особенно ему досаждала необходимость руководства первыми самостоятельными шагами студентов-историков, на которое уходило очень много времени. В одном из писем М.М.Карпович писал: «Совсем меня заело мое «тьюторство» (студенты, с которыми я должен возиться называются смешным английским словом «tutees» — Таня [жена] называет их «тютюки»»). Не случайно 17 мая 1929 г. М.М.Карпович пишет другу полушутя-полусерьезно: «По-моему, американцы нас с тобой явно притесняют. Платят мало денег (особенно в твоём случае), угнетают тютюками (в моем случае) и еще требуют, чтобы мы им писали книги в ту же цену. Форменная эксплуатация». В письмах начала 1933 г. М.М.Карпович отговаривал Г.В.Вернадского от идеи получать докторскую степень (Ph.D.) в Гарвардском университете («у тебя уже есть русская степень, равная по значению своему здешнему докторату»). М.М.Карпович оказался прав и Г.В.Вернадскому удалось преодолеть этот кризис, появилась надежда на продолжение его академической карьеры в Йеле. В это же время М.М.Карпович получил назначение на должность assistant professor, и писал Г.В.Вернадскому 22 мая 1933 г.: «Признаться я этого сейчас не ожидал. Лишний раз убедился, какое приятное учреждение Harvard и, в частности, какая у нас хорошая атмосфера на историческом отделении».

М.М.Карпович, пройдя дипломатическую службу, хорошо знал определенный этикет отношений, существовавший в профессиональной академической среде. С этой точки зрения он был незаменимым советчиком для Г.В.Вернадского, помогая ему избегать сложных ситуаций,

корректировать некоторые положения его трудов так, чтобы они были точнее восприняты американским читателем. Так например, 28 января 1928 г., обсуждая одготомник Г.В.Вернадского по истории России, М.М.Карпович говорил Г.В.Вернадскому: «думаю, что я могу быть тебе полезен указанием относительно того, что нужно американцам». М.М.Карпович учил своего друга и способам поиска денег на ведение исследований (обращению в фонды). Именно М.М.Карпович познакомил Г.В.Вернадского с Б.А.Бахметевым, в итоге так много сделавшим для издания многотомной «Истории России». М.М.Карпович с большим уважением относился к Б.А.Бахметеву и, в известном смысле, почитал его своим учителем. «Во многом вы не сойдетесь, — писал М.М.Карпович своему другу, говоря о необходимости знакомства с Б.А.Бахметевым, — так как он закоренелый западник (впрочем, новой формации, не континентальной, а англо-саксонской). Но это вообще один из самых умных людей, каких я встречал и целый кладезь премудрости в вопросах внешней политики и дипломатии, а также американской политической и общественной жизни. Я очень многому у него научился». Позднее М.М.Карпович и Г.В.Вернадский обсуждали в своей переписке «предложение Б.А. насчет издания русского (расширенного) текста» книги Г.В.Вернадского (письмо 11 сентября 1936 г.), план издания «Yale History of Russia», о котором Б.А.Бахметев написал М.М.Карповичу (письмо 5 ноября 1942 г.). Обсуждались даже такие детали, как порядок упоминания имен на титульных страницах разных томов. «Я очень настаиваю, — писал М.М.Карпович, — чтобы твое имя было первым».

Часто в письмах М.М.Карповича встречались упоминания об его яде историке А.Е.Преснякове, оставшемся преподавать в Ленинградском университете. Получив в 1928 г. письмо по поводу ругательной статьи о А.Е.Преснякове в «Известиях», М.М.Карпович цитирует слова Преснякова в письме Г.В.Вернадскому: «Вот если бы меня теперь отвалили от преподавания и дали возможность заниматься исследовательской работой, то было бы очень приятно». Как-то после этого письма, — замечает М.М.Карпович, — А.Е. опять стал для меня прежним и близким». Впоследствии, после смерти А.Е.Преснякова, М.М.Карпович выступил посредником в приобретении библиотеки историка для Колумбийского университета (книги из библиотеки А.Е.Преснякова, многие с дарственными надписями, сохраняются в ней и сейчас). Как опытный историк, М.М.Карпович в 1930 г. верно прочитал в словах вдовы А.Е.Преснякова — Юлии Петровны, писавшей о том, что не удастся устроить вечер памяти Александра Евгеньевича, намек на судьбу академической науки. «Получается картина какого-то полного разгрома. А)Вероятно, арестованы и сосланы очень многие, о которых мы ничего даже не слышим». В 1938 г., узнав об издании лекций А.Е.Преснякова в Советской России, М.М.Карпович проника-

тельно заметил: «В России вообще происходит, по-видимому, частичная реабилитация «буржуазной» исторической науки».

В переписке М.М.Карповича и Г.В.Вернадского есть упоминания о приглашении в американский университет В.В.Набокова. 1 июня 1939 г. М.М.Карпович писал, что усиленно рекомендовал Набокова-Сирина в Корнелльский университет (в письме к Филиппу Мозли) и просил сделать то же М.И.Ростовцева и Г.В.Вернадского («я уже давно обещал Сирину, что о таком месте для него буду хлопотать»). Когда приезд В.В.Набокова состоялся, в первые месяцы своего пребывания в Америке он останавливался на даче у М.М.Карповича. О его приезде 12 июня 1940 г. М.М.Карпович написал Г.В.Вернадскому: «Вчера в проливной дождь приехал Набоков... Владимир Владимирович очень мил и интересен. Сегодня с утра, несмотря на погоду, он пошел на охоту за бабочками». На даче М.М.Карповича он прожил до 9 сентября 1940 г.

В предвоенные годы М.М.Карпович и Г.В.Вернадский занимали уже прочные позиции в американской академической среде, да и состояние славистики в США менялось. Внешним отражением процесса расширения исследований истории и культуры России и славянских стран стало создание славяноведческой ассоциации. Так случилось, что Г.В.Вернадский вынужден был немного раньше уехать со съезда американской исторической ассоциации в Чикаго, и М.М.Карпович 14 января 1939 г. написал ему о произошедшем после его отъезда объединении «в неформальную славянскую группу». «Решили быть в контакте друг с другом, — писал М.М.Карпович, — устраивать славянские сессии на съезде ассоциации ежегодно, и выяснить вопрос об издании журнала. Тут же выбрали (закрытым голосованием) комитет, в который попали Кернер, Мозли, Робинзон, ты и я. Робинзона потом выбрали председателем. ...Я должен сказать, что на этот раз я не жалел, что поехал в Чикаго. И заседания были интересными, и какое-то действительное оживление было в нашей славянской группе. И, наконец, впервые я почувствовал полное признание нас эмигрантов «своими». Спустя еще десять лет, в 1949 г., М.М.Карпович станет главой нового славянского отделения в Гарвардском университете. Но к этому времени, после начала «холодной войны», многое изменилось, в том числе в деле изучения России. 27 апреля 1948 г. М.М.Карпович, переживая неудачу с провалом избрания поддержанного им Р.Якобсона в Гарвард, написал Г.В.Вернадскому: «Russian Research уже приняли странное направление. Но об этом уже при встрече. Кроме того, сейчас не хочу расстраиваться на ночь. Впервые за 20 с лишком лет я чувствую себя в Harvard'e уютно».

В 1950-е годы М.М.Карпович по-прежнему был много занят и в университете и редактируя «Новый журнал». Их переписка с Г.В.Вернадским стала иссякать, за 9 последних лет его жизни с 1950 по 1959 гг. сохранилось только 35 писем. Видимо, в письмах не было большой необходимости, так как были еще частые личные встречи. Последним письмом

уже смертельно больного М.М.Карповича стало письмо с сожалением, что он не был на торжественной церемонии вручения Г.В.Вернадскому диплома почетного доктора Колумбийского университета.

Обращение *Владимира Владимировича Набокова* к Г.В.Вернадскому было вызвано поисками места в одном из университетов в Америке. С этой целью 9 декабря 1936 г. В.В.Набоков написал М.И.Ростовцеву (это письмо также хранится в архиве), но тот в это время уехал в Париж, и Сирин оказался перепорученным заботам Г.В.Вернадского. В.В.Набоков, обращаясь к М.И.Ростовцеву, писал о желании получить место преподавателя английской литературы:

«Обстоятельства мои сложились так, что мне приходится искать работу во что бы то ни стало. Литературные мои заработки ничтожны, на них невозможно прожить и одному, а у меня жена и ребенок, не говоря об ужасном положении моей матери, да и всей семьи. Ни на какие побочные заработки, которые случались раньше, я сейчас рассчитывать не могу. Словом, не буду распространяться: положение мое отчаянное. Поверьте, что только действительная необходимость заставляет меня Вас беспокоить.

Я давно мечтаю получить место лектора по русской литературе и языку в каком-либо английском или американском университете. Я по этой специальности окончил Кэмбридж (Trinity College) в 1922 г. с отличием и с тех пор много этим занимался, не только практически (писанием книг), но и теоретически. Думаю, что лектором был бы неплохим. Английским владею в совершенстве. Не боюсь захолустья, готов работать в любом провинциальном университете. Кроме того, если бы это могло повысить мои шансы, я бы согласился читать побочный курс по французской литературе (мой второй кембриджский предмет).

Надеюсь, что Вы поймете мое положение и не откажетесь помочь мне устроиться».

7 января 1937 г. В.В.Набоков пишет уже прямо Г.В.Вернадскому: «Благодарю вас за милое письмо. Я очень тронут вашей готовностью мне пособить и с величайшим интересом буду ждать ваших впечатлений относительно возможности осуществления моего желания». Однако в тот раз из обращения В.В.Набокова ничего не вышло. Через год, 1 февраля 1938 г. В.В.Набоков еще раз обратился к Г.В.Вернадскому: «Прошло довольно много времени с нашей переписки. Я успел переселиться во Францию, — но продолжаю по-прежнему интересоваться возможностью переезда в Америку. Я был бы вам очень признателен, если бы вы сообщили мне, есть ли у меня теперь какая-нибудь надежда получить место лектора. Помнится, что вы писали о проекте в Yale'e основать постоянный курс русской литературы. Простите, что вновь беспокою вас, но решаюсь на это, памятуя милое внимание, с которым вы отнеслись к моим планам». Однако все, что тогда мог сделать для В.В.Набокова Г.В.Вернадский, это выхлопотать небольшую сумму денег в Фонде помо-

щи российским писателям. В.В.Набоков же, благодаря за хлопоты, не оставлял надежды получить «постоянную job [работу]» в Америке: «Мечта эта усилилась после рождения сына, которому теперь уже 4 года, — и обучении которого приходится уже задумываться... Как я вам уже писал как-то давно, мне кажется, что я хорошо бы справился с должностью лектора по русской литературе, — я много занимался ее историей, и у меня есть недавно законченный ученый труд, освещающий по-новому 60-е годы и зарождение русского марксизма. На мою беду я не имею никаких связей и совершенно не умею делать нужные шаги. Напишите мне откровенно, считаете ли, что при отсутствии нужных связей у меня есть какие-нибудь шансы устроиться в Америке?».

Г.В.Вернадский был одним из первых, кому В.В.Набоков написал по приезду в Америку в 1940 году, желая с ним увидеться и опять обсудить возможности приискания университетской работы. «Здесь деятельно перебегаю от одного человека к другому, — рассказывал В.В.Набоков, — безуспешно стараюсь наладить что-нибудь по литературной части — пока что туман перед мной все так же густ. Буду вам страшно благодарен за всякий совет и содействие. Я чувствую, что знания мои применимы, что применить могу их успешно, — но вот как наладить практическую связь между местом и воплощением — не знаю. Тут [в Нью-Йорке] я остаюсь до начала июля; затем, вероятно, поедem к М.М.Карповичу на дачу. Я написал некоторым лицам, которых вы мне когда-то указали, к Harper'у, к Mosely, в Калифорнийский унив. и т.д.». Обращение к профессору Корнелльского университета Филиппу Мозли, имевшему рекомендации М.М.Карповича и Г.В.Вернадского, сыграло свою роль, но уже позднее. Ни в 1939, ни в 1940 г. кандидатура В.В.Набокова не прошла. Ф.Мозли писал 15 июня 1940 г. Г.В.Вернадскому о приезде Сирина: «Как хорошо, что Сирин приехал! Я уверен, то он устроится, может быть, кое-как на первое время, а потом уже прочнее. Только при теперешних катастрофах исчезает его уже не очень многочисленная публика... Дело у нас обстоит так. Осенью и зимой я надеялся, что удастся устроить два места здесь по русской литературе... [на английском и русском языке. В итоге из-за позиции английского отделения на русский язык и литературу пригласили другого претендента Э.Симмонса] ...и в ближайшие два-три года вряд ли удастся устроить второе место... Конечно все эти внутренние подробности останутся между нами... Мы устроим публичную лекцию осенью для Сирина, но больше ничего конкретного не могу выдумать в данный момент» (6). Осенью 1940 г. В.В.Набоков опять обратился к Г.В.Вернадскому и одновременно к М.И.Ростовцеву, прося поддержать его в переговорах о получении места в случае открытия русского отделения в Йельском университете. Однако, коллегами по университету они так и не стали, хотя в мае 1942 г. В.В.Набоков все-таки приезжал в Йель, встречался с Вернадскими. Рассказывая Г.В.Вернадскому в письме о состоявшихся переговорах, он написал 28 мая 1942 г.: «Как я сказал

Де Вэйну, место мне не подошло, уж очень я привык красить их (места) собственным пигментом, но не теряю надежду, что впоследствии меня пригласят лектором по русской литературе».

В письмах *Софьи Владимировны Паниной* можно проследить весь эмигрантский путь, пройденный Вернадским, и и на каждом из этапов почувствовать ее постоянное стремление и готовность помочь им. С.В.Панина разыскала их, как только они приехали в Константинополь, задавая вопросы и о своих родных и знакомых, все еще оставшихся в России. 4 января 1921 г. она задавала вопрос: «И почему отец Ваш [В.И.Вернадский] решил остаться? Ведь он еще в Ростове очень мечтал о работе в славянских землях». 28 марта 1921 г., зная о намерении Вернадских ехать в Америку, С.В.Панина сообщала адрес А.И.Петрункевича («у него гостят теперь и моя мать с Иваном Ильичем»). В дальнейшем, оказавшись вместе с Вернадскими в Праге, С.В.Панина и Н.И.Астров организовали своеобразный русский клуб «Очаг», завсегдатаями которого были Н.В. и Г.В.Вернадские. Воспоминания об «Очаге» поддерживали их дружеские чувства и в дальнейшем, когда Г.В.Вернадский был приглашен в Йель. Еще не оправившись от горя, связанного с кончиной Н.И.Астрова, С.В.Панина писала 16 ноября 1934 г. Г.В.Вернадскому, поддерживая идею составления биографии Ф.И.Родичева, предлагая поделиться с ним копией переписки И.И.Петрункевича и Ф.И.Родичева. С.В.Панина считала, что рамки этой работы могли бы расширяться, «если Федор Измаилович явится для Вас только центральной фигурой в «истории русского либерализма». «Считаю эту задачу, — говорила она, — необыкновенно интересной. Мое поколение, с каждым днем тающее, — является последним островком уже ушедшей эпохи. Ушедшей не только физически, но еще гораздо более психологически. И, конечно, эту страницу истории нужно записать. Для меня лично, это просто единственная оставшаяся передо мной дорогая мне задача и осмысливающая мое существование цель». Сообщая Вернадским неутешительные известия о делах в предвоенной Праге, С.В.Панина 5 августа 1938 г. интересуется судьбой тех, кому в это время Вернадские пытались помочь: «Выходит ли что-нибудь из хлопот о приглашении Лосского, Струве, Савицкого на серии лекций. И Сирина или Остроухова на кафедры русского языка и литературы». Оказавшись после войны в Америке, С.В.Панина сообщала им о своей жизни на ферме Толстовского фонда, о помощи А.Л.Толстой в написании книги об отце. Есть в этой переписке и отголосок истории с размышлением Г.В.Вернадского о переезде в Европу в связи с предложением ему профессорского места в Лондонской школе славянских и восточно-европейских исследований (в отличие от Йельского университета, долгое время не дававшего Г.В.Вернадскому звания профессора). 17 июня 1949 г. осведомленная обо всей этой истории С.В.Панина писала Вернадским: «Проекты Лондонские меня потрясают — никак не могу себе представить Апельсиновую улицу без Вашего

присутствия». Свое участие, вместе с Вернадскими, С.В.Панина приняла и в судьбе «ДиПи» — displayed persons, дословно, перемещенных людей, эмигрировавших из Европы в Америку (в том числе семьи историка С.Г.Пушкарева). Констатируя увеличение потока «ДиПи» в октябре 1951 г., она вместе с тем скептически отзывалась о состоянии русской эмиграции в Америке: «Жизнь русской эмиграции, как она складывается в Америке, весьма безотраднa в общественном отношении. О церкви я уж и не говорю — это сплошная пошлость. Всюду грызня и высочайшая бездарность. Это меня удручает». В письмах С.В.Паниной содержатся рассказы о ее путешествии в Европу в середине 1950-х годов. Несмотря на предложения старых подруг остаться в Европе, она предпочла возвратиться в Америку. Причина, как она писала Вернадским: «Слишком много лет и слишком мало денег. Все остальное — против моего такого скорого отъезда отсюда».

Дополнением к опубликованным «Воспоминаниям» Г.В.Вернадского об одном из своих учителей *Сергее Федоровиче Платонове* служит открытка, отправленная им из России в ответ на присылку Вернадским книги «Начертание русской истории» (1927 г.). 5 октября 1928 г. С.Ф.Платонов писал: «Многоуважаемый Георгий Владимирович! Очень благодарю Вас за книгу, полученную мною на этих днях. Я с большим интересом ознакомился с ней, и она лишний раз доказала мне, как внимательно мои сверстники должны следить за новыми направлениями в науке. Всего лучшего. Ваш [С.Ф.] Платонов». Вспоминая спустя сорок лет о С.Ф.Платонове, Г.В.Вернадский упомянул в тексте своих мемуаров и о получении этой открытки.

Небольшая переписка с *Николаем Константиновичем Рерихом* началась после того, как Г.В.Вернадский получил от него отзыв о книге «Звенья русской культуры», написанный 2 июня 1938 г. Н.К.Рерих откликнулся на этот «истинно русский труд», увидев в Г.В.Вернадском единомышленника в суждениях о большом значении культуры Древней Руси. «Ваша книга, — писал он Вернадскому, — глубоко ответила моим воззрениям на древнюю Россию... Всюду, где подойдем к древней Руси без предубеждения, можно найти замечательные памятники, свидетельствующие о культуре. В будущих русских построениях Ваша или скажу наша точка зрения ляжет в основу дальнейших изысканий». Получив ответ Г.В.Вернадского, в новом письме 3 сентября 1938 г. Н.К.Рерих более подробно пишет о «русскости» своего творчества, видимо, видя в Г.В.Вернадском единомышленника в любви к «азиатской родине»: «За эту русскость мне неоднократно приходилось выдерживать темные натиски. В конце концов мы, русские, имеем немного друзей. Да и те, когда вспоминают, что мы русские и не отказываемся от нашей поистине прекрасной азиатской родины, — начинают смотреть на нас особенно ко-со. Претерпел я это не только в Америке, но и в разных других странах, где всякую Россию боятся за потенциал ее мощи. Тем ценнее мне читать

Ваши прекрасные исследования о русской культуре... Русские люди поймут, что их задачи не на Западе, но именно в бескрайних пределах азиатских». В дальнейшем эта переписка не получила особого развития, хотя с семьей Рерихов Г.В.Вернадский сохранял самые добрые отношения.

Письма *Михаила Ивановича Ростовцева* позволяют в деталях узнать, как и на каких условиях происходило приглашение Г.В.Вернадского в Йельский университет, инициатором которого был именно М.И.Ростовцев. Еще 2 марта 1927 г. М.И.Ростовцев жалел, что ничего не выходит из приглашения Г.В.Вернадского: «Я неоднократно рекомендовал Вас разным университетам, но пока ничего не вышло, но может быть и выйдет». Когда рекомендация М.И.Ростовцева «сработала» в Йельском университете, он же объяснял Георгию Владимировичу задачи его приглашения: «Желание исторического отделения и Graduate School вообще постепенно построить отделение русского языка, литературы и истории. На Ваше приглашение они смотрят как на пробу. Приглашение делается на один год, без обязательства продолжить его». В дальнейшем М.И.Ростовцев, имея возможность общаться с Г.В.Вернадским в университете и дома, посылал ему письма и открытки во время своих путешествий в Европу и археологических экспедиций. Г.В.Вернадский был для него верным помощником в самых разных делах, ведал, в отсутствие Ростовцевых, их перепиской и счетами. Особенно интересно большое письмо М.И.Ростовцева от 25 января 1937 г. с описанием его впечатлений от Индии («глубоко интересная страна, во многом напоминает Россию»).

Переписка Г.В.Вернадского с *Петром Николаевичем Савицким* занимает наибольший объем во всей эпистолярной части этого собрания, она продолжалась, с перерывами, с 1923 по 1968 г. Начало их взаимоотношений в Праге было связано с развитием евразийского движения и издательскими проектами. В письмах 1927 г. обсуждается рукопись «Начертания русской истории». Сохранилось письмо Г.В.Вернадского 27 января 1927 г., в котором он, отвергая критические замечания «П.Сувчинского и К^о», напоминал о том, что условием создания этой книги была его авторская свобода: «Когда Вы мне заказывали «Начертание», я поставил условием и на это Вы согласились, что я буду свободен в своем изложении». П.Н.Савицкий всегда стремился держать Г.В.Вернадского в курсе дел евразийского движения, провожая его в Америку, он написал Г.В.Вернадскому: «Имейте евразийское дело в своем сердце». Однако проповеднический пафос друга был не совсем уместен в условиях американской действительности. Г.В.Вернадский существовал в академическом мире и на пропаганду политики евразийства у него не было ни сил ни желания. Поэтому Г.В.Вернадский содействовал, как мог, публикации трудов евразийцев в Америке, предпринимал попытки устроить приглашение П.Н.Савицкого для чтения курса лекций в какой-нибудь

американский университет, но не более того. П.Н.Савицкий, напротив, живя в политизированной эмигрантской среде, был полностью погружен в идейную борьбу, даже научную полемику, рассматривая всё под углом «побед и поражений» дорогого ему евразийства, хотя у него хватало дружеского такта, чтобы не вовлекать Г.В.Вернадского в политику. Он признавал в письме 2/15 декабря 1927 г., что «это было бы, конечно, грехом». Письма П.Н.Савицкого — это целый архив евразийства, со множеством выдержек из писем ему и другим видным евразийцам от разных лиц, в том числе историков В.В.Бартольда, Н.И.Кареева, работавших в Советской России. История с изданием газеты «Евразия» в 1928-1929 гг. (см. об этом также в обзоре писем К.А.Чхеидзе), естественно, нашла свое отражение в переписке Г.В.Вернадского и П.Н.Савицкого. До начала издания этой газеты П.Н.Савицкий был убежден, что «сменовеховства в евразийской среде нет» (письмо 21 сентября 1928 г.). Очень скоро ему пришлось убедиться, что в евразийском движении оказалось нечто более разрушительное для этой идеи. П.Н.Савицкий был уверен, что раскол в евразийском движении был инспирирован ГПУ, целью которого был развал евразийства (письмо 12/25 января 1929 г.). Г.В.Вернадский сохранил копию своего письма П.Н.Савицкому 2 марта 1930 г., где он очень определенно заявил о своем понимании евразийства и роли самого П.Н.Савицкого: «Евразийство, как историко-философское направление, как продолжение славянофильства, мне представляется делом значительным... Но евразийство, как политическая партия...». Объясняя свою позицию, Г.В.Вернадский пишет об одном из номеров газеты «Евразия»: «И опять все строится на Революции с большой буквы». Еще резче он выразился о листовке «Будь евразийцем»: «это какой-то бред душевнобольного». Г.В.Вернадский заявил о своем решительном расхождении с позицией издателей газеты «Евразия»: «Не хочу ни сам идти в колхоз, ни кого-нибудь туда звать. Хочу свободы». После этой истории его продолжала интересовать в первую очередь судьба самого П.Н.Савицкого с растратой талантов которого на политические дела он не хотел мириться: «Кончаю письмо, — писал Г.В.Вернадский, — повторением своей просьбы позапрошлого года, ради подлинного евразийства бросьте организацию евразийской партии. Вам так много дано, с Вас много спросится. Не разменивайте Ваших сил понапрасну. Давайте двигать евразийство как историко-философское движение, порвите с евразийской политикой». Однако этот призыв не был услышан П.Н.Савицким, и он продолжал свою деятельность.

Представляют интерес письма, в которых обсуждаются проекты по публикации книг Г.В.Вернадского в евразийском книгоиздательстве, план которых был набросан во время личной встречи друзей в Праге в 1932 г. Например, в письме 23 июня 1937 г. содержится подробный разбор книги «Звенья русской культуры». Эта переписка служит также

надежным источником как для датировки работы Г.В.Вернадского над этим трудом, так и для времени его выхода в свет (5/18 января 1938 г.).

П.Н.Савицкий присылал Г.В.Вернадскому отзывы о научных дискуссиях об евразийстве на Международном историческом конгрессе в августе 1933 г., а также о дискуссии, возникшей во время доклада П.Н.Милюкова об евразийстве и марксизме в исторической мысли, состоявшегося в Праге 29 ноября 1935 г. В письме 30 января 1936 г. П.Н.Савицкий передал свой обмен репликами с П.Н.Милюковым: «Милюков: После выхода в свет «Начертания» Вернадский перестал писать на евразийские темы. Его книги, вышедшие по-английски, почти не имеют к ним отношения. Я [П.Н.Савицкий]: А «Опыт истории Евразии» 1934 года. Милюков: Да, «Опыт». Я считаю его полезной книгой, но он не касается вопросов собственно русской истории, о которых я говорю».

Годы войны прервали переписку Г.В.Вернадского и П.Н.Савицкого, в 1945 г. П.Н.Савицкий попал на десять лет в советские лагеря. Когда 9 декабря 1956 г. переписка возобновилась, об евразийстве могли остаться только воспоминания. Годы заключения не могли не наложить своей печати на П.Н.Савицкого, хотя сам он пишет Г.В.Вернадскому о них не только как о потерянных годах жизни. «Годы эти были отнюдь не самыми легкими, но безусловно самыми богатыми по части впечатлений годами моей жизни. Мой патриотизм стал еще более крепким и я сказал бы — сознательным. Ибо я видел все».

В письмах конца 1950-1960-х годов П.Н.Савицкий старался сообщать Г.В.Вернадскому как можно больше сведений о жизни в России, изменениях там. Делал он это откровенно, не думая о цензуре, вызывая справедливые опасения своего друга, как бы эти письма не стали причиной еще одного ареста. В переписке последних лет П.Н.Савицкий уже не вспоминал об евразийстве, но любовь к русской истории и ее культуре продолжала их объединять с Г.В.Вернадским. П.Н.Савицкий обсуждал с ним полемику вокруг концепции А.А.Зиминова о создании «Слова о полку Игореве» в XVIII веке, присылал другу вырезки из советских и чешских журналов и газет (прежде всего «Огонька») со статьями о древнерусской культуре и изображениями церквей и монастырей, отзывался на присылку Г.В.Вернадским своих трудов.

Несколько писем еще одного идеолога евразийского движения *Николая Сергеевича Трубецкого* связаны, в основном, с различными печатными проектами евразийцев. В 1930 г. Н.С.Трубецкой приглашал Г.В.Вернадского заняться темой «Социальная деятельность церкви в Византии» для сборника «Церковь и социальный строй». Когда возник кризис с преподаванием Г.В.Вернадского в Йельском университете в 1932 г., он запросил Н.С.Трубецкого о возможности получения места на кафедре в Вене, где работал Трубецкой.

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс обращалась к Георгию Владимировичу в связи с ее намерением написать биографию

Д.И.Шаховского. В письме 25 апреля 1946 г. она писала: «Сначала благодаря Пушкину [книге о нем — В.К.], потом писанье мемуаров заставило передумать исторический отрезок, с которым мы все оказались связанными. Многие горько вспоминать, но по существу я либералка нераскаянная и только жалею, что мы, кадеты, программы составлять умели, а осуществлять их оказались совершенно неспособны». В связи с этими размышлениями она вспомнила о Д.И.Шаховском, спрашивая об обстоятельствах его кончины, о которой до нее дошел слух. Еще раз с вопросами о Д.И.Шаховском она обратилась к Г.В.Вернадскому 5 сентября 1950 г.: «Д.И. был так крепко связан с Вашим отцом, что, думается, Вам даже приятно будет повернуть колесо времени. Собственно говоря, следовало бы написать книгу обо всем этом кружке, но я сейчас вынуждена суживать задачу и собираю материалы только о Д.И.». Впоследствии, уже после смерти А.В.Тырковой-Вильямс, так и не осуществившей своего замысла, Г.В.Вернадский написал большую работу о братстве «Приютино», опубликованную в 1969 г. в нескольких номерах «Нового журнала».

Пять писем *Геorgia Петровича Федотова* (1943-1946 гг.) представляют интерес для изучения его биографии в первые годы по приезде в Америку. К Г.В.Вернадскому он обратился с просьбой об отзыве для получения стипендии. Началось и научное общение: Г.П.Федотов сообщал о своей теме, над которой он собирался работать, — «история русской религиозности», отозвался о первом томе «Истории России» Г.В.Вернадского. В письме 22 сентября 1943 г. он писал об этом труде Г.В.Вернадского: «...я считаю Вашу книгу большим событием. Впервые проблема русской истории поставлена в подобающую историческую перспективу. Ее широта захватывает... Во многом, конечно, не соглашаешься с Вами. В виду отрывочности источников, свобода в истолковании их неизбежна. Еще больше вопросов, в которых я не могу иметь своего места: археология и лингвистика (к тому же восточная) надолго останутся слишком специальными областями для историка. Здесь, конечно, всего больше и подводных камней для построения. Но Ваша эрудиция поразительна. Предложенный Вами синтез, думаю, останется надолго — в существенных чертах».

В шести письмах *Геorgia Васильевича Флоровского*, относящихся в основном к пражскому периоду жизни Г.В.Вернадского, обсуждаются в основном вопросы церковной жизни. 21 ноября 1927 г. Г.В.Флоровский писал о «трудном и тревожном положении», которое складывалось из-за «церковной невоспитанности и безответственности зарубежных мирян». В своем письме Г.В.Флоровский объяснял обращение к пастве в Советской России митрополита Сергия. Он подчеркивал, что речь шла о «призыве», а не «запрете» митрополита Сергия на активную борьбу с Советской властью. В обращении митрополита Сергия к русской пастве, писал Г.В.Флоровский, «ясно проведена грань между политической

борьбою и религиозным противлением безбожию и богоборчеству». В этом же письме сформулирована принципиальная мысль о «необходимости канонической связи с Москвою», как «предпосылке здравого церковного бытия в зарубежье».

Переписка с *Константином Александровичем Чхеидзе* интересна описанием событий 1927-1929 гг., имевших отношение к евразийскому движению, изданию газеты «Евразия». 28 ноября 1928 г. он описывал полемику (во время выступления в Праге Н.Н.Алексеева с докладом «Идеократия и евразийский отбор»), в которой заочно упоминали и Г.В.Вернадского: «Бой был серьезный и закончился в нашу пользу. Противники признавали за нами и ученые достоинства (Милоков воспринял термин «месторазвитие», а по вашему поводу сказал, что Вы рисковали карьерой)... Важно то, что, как сказал Милоков, евразийцы добились того, что против них образован единый фронт... Между прочим в Праге часто повторяют кем-то пущенную шутку «у евразийцев теперь имеются история с географией». — Это по поводу Вашей и Савицкого книг».

К.А.Чхеидзе, будучи членом редколлегии газеты «Евразия», подробно информировал Г.В.Вернадского о ее делах, приглашая Вернадского в авторы. Однако очень скоро эта газета, которая начала издаваться в Париже в конце 1928 г., скомпрометировала себя просоветским характером своих материалов. По этому поводу Г.В.Вернадский писал К.А.Чхеидзе 12 января 1929 г. (сохранился черновик его письма): «Я сейчас внимательно слежу за советской печатью: уверяю Вас, что тон газеты «Евразия», — подлаживающийся к советским властям, отстал уже от настроений, пробивающихся там... Тон газеты «Евразия» был бы, может быть, у места в 1926 г., но в 1929 г. он безнадежно устарел, отстал от роста народной психологии. Сколько я понимаю, идея евразийской организации была — делая все, чтобы приспособиться к внешним формам жизни в Советской России, — привнести свой дух. Теперь я вижу стремление и дух приспособить — это уж значит все пошло насмарку. Я совершенно не согласен за группой газеты «Евразия» признать какую-либо монополию на «евразийство». Наоборот, я считаю, что «Евразия» нанесла страшный удар идейному «евразийству» и именно в качестве евразийца я решительно не могу сочувствовать газете «Евразия». История с провалом издания этой газеты к этому времени была очевидна уже для всех, кто не принял линии С.Я.Эфрона и других членов редколлегии «Евразии». К.А.Чхеидзе написал в ответном письме Г.В.Вернадскому 9 февраля 1929 г.: «Конечно же, газета «Евразия» не только НЕ-евразийская, но анти-евразийская и даже провокационная в отношении к евразийству. Думаю, что Вы получили брошюру Савицкого-Алексеева-Ильина, не оставляющую места сомнению, КАК относится подлинное движение к предприятию гг. Сувчинского, Мирского и Карсавина».

Переписка с *Романом Якобсоном* — свидетельство долгих дружеских отношений Г.В.Вернадского с ним, истоки которых в евразийстве. В ар-

хиве Г.В.Вернадского хранятся письма Р.Якобсона с того времени, как он перебрался из Европы в Америку. Правда, встреча с Новым Светом оказалась для Р.Якобсона неприятной, о чем он написал Г.В.Вернадскому 2 февраля 1942 г. «Я полагаю, что двери американской славистики закрыты для меня мистером Cr[oss'om] на все замки. Никогда нигде в Европе я не думал, что самая возможность продолжения научной работы окажется для меня под вопросом». Отзываясь об исследованиях Г.В.Вернадского, Р.Якобсон критиковал его лингвистические построения: «Сомневаюсь я, откровенно говоря, в прамадьярских заимствованиях из прарусского, и в прарусских заимствованиях из готского языка». Хотя в другом письме говорил, что учитывает в своих построениях открытия Г.В.Вернадского «о венграх в Киеве». Р.Якобсон вовлекал Г.В.Вернадского в различные научные предприятия, так их надолго объединило участие в дискуссиях и работа по изданию сборника о «Слове о полку Игореве», опубликованного в 1948 г. Оба они придерживались традиционного взгляда на «Слово», как на ранний литературный памятник, и противостояли точке зрения А.Мазона о позднем происхождении этого источника.

Р.Якобсон откровенно описал Г.В.Вернадскому реакцию Колумбийского университета («вой и гвалт») на его планировавшийся, но не состоявшийся переход в Гарвард в 1947 г. (см. об этом также в письмах М.М.Карповича). Зная о том, что Г.В.Вернадскому безразличны новости из Чехословакии, Р.Якобсон писал ему 29 июля 1947 г.: «Последние письма из ЧСР грустны до крайности и заставляют все больше сердчать на наше общее любезное отечество». Однако этим чувствам нельзя было дать волю, когда приходилось сталкиваться с отрицательным отношением к России в профессиональном мире. 22 ноября 1948 г. Р.Якобсон писал Г.В.Вернадскому (письмо цитируется в переводе с английского): «Анти-русский образ мыслей скоро сделает русские и, в целом, славянские исследования чрезвычайно затруднительными. Я уже имею немало доказательств».

Как только появилась возможность, Р.Якобсон стал ездить в Россию. В письме Г.В.Вернадскому 21 июня 1956 г. он описал свои впечатления от встреч в Москве во время заседаний Международного комитета славистов. Общая характеристика: «Медовый месяц безопасности и относительной свободы после невероятного террора послевоенных лет». Встречаясь с людьми, которых Р.Якобсон знал в России, он не нашел в них тех изменений, которых боялся найти («остались теми же людьми»). Внимание Якобсона привлекло возвращение реабилитированных ученых, переиздание их трудов. С удовольствием он передавал Г.В.Вернадскому о том, что о нем спрашивал «блестящий молодой историк» Д.С.Лихачев и профессор Илья Николаевич Бороздин из Воронежского университета. В 1967 г., посетив Тартуский университет, Р.Якобсон рассказывал Г.В.Вернадскому о своих встречах там со студентами, в частности А.Рогинским и Г.Суперфином. Именно Р.Якобсон

немало способствовал изданию материалов по истории старообрядчества, подготовленных Г.В.Вернадским совместно с ученицей Якобсона В.Тюминой (письмо 7 апреля 1965 г.).

В первом отделе коллекции Г.В.Вернадского, где хранится разобранная переписка, содержатся и письма *Владимира Ивановича Вернадского* к своим детям Н.В.Толль и Г.В.Вернадскому, начиная с того времени, когда они попали в эмиграцию, за 1920-1944 гг. (11-13). Письма содержат важную информацию о научных исследованиях В.И.Вернадского, но еще интереснее те мысли и впечатления, которыми В.И.Вернадский делился со своими родными о жизни в Советской России. Эти материалы заслуживают отдельного изучения и обзора, они передают внутреннюю эволюцию, пережитую В.И.Вернадским в последние годы его жизни. Здесь же ограничимся несколькими цитатами, иллюстрирующими значение этих документов и сложность размышлений В.И.Вернадского. 20 августа 1920 г. В.И.Вернадский пророчески писал дочери Нине о том, что еще мало кто мог тогда видеть: «Мне представляется, что сейчас человечество переживает очень критический период во всех областях своей жизни: общественно-политической, религиозной и научной. Идейная роль социализма кончилась, но и кончилась роль идейная того народо-властия, которое связано с концом XVIII века. Надо новое, а не старое... Новое в общественно-политической области связано с реальным значением единства жизни всего человечества, чего раньше не было». Другой пример, из письма сыну 18 сентября 1936 г., посланному из Праги во время научной командировки В.И.Вернадского: «Мне кажется неверным представление (которое повсеместно встречается) о большевиках, как шайке людей беспринципных, борющихся только за власть. Не учитывающееся очень важное и впервые в истории встречающееся явление, что люди, захватившие власть, не обогащаются лично или семейно. Это новое и важное явление. Конечно это не шайка разбойников, и интересы государства, блага народных масс, м.б. и наверное отчасти неправильно понимаемого, являются основным мотивом действий... Я лично думаю, что Сталин настоящий государственный человек... После 1934 г. огромный положительный сдвиг, и я не думаю, чтобы сейчас население хотело войны (чтобы воротить) и что оно не будет защищаться, если нападут немцы или японцы. Наоборот. Между 1933-1934, когда люди умирали с голода и было людоедство, и 1936 огромная разница». Так логическим выводом из разочарования в интеллигенции, приближавшей большевизм (см.подробнее переписку с И.И.Петрункевичем), у В.И.Вернадского появились ноты оправдания большевистских руководителей. Именно в этих письмах был источник объективистского рассказа Г.В.Вернадского о советской истории в однотомнике по истории России, да и в целом, отец оставался главным критиком всех работ Г.В.Вернадского.

Каталогизированные рукописи других лиц в архиве Г.В.Вернадского представляют собою материалы друзей и знакомых Г.В.Вернадского, присланные ему для прочтения и отзыва.

В их числе: заметки русского философа Н.Н.Алексеева *«Несколько мыслей о нравственности, праве и государстве»* (1960). Целый архив одного из идеологов евразийства — географа П.Н.Савицкого, состоящий из его работ 1930-х годов: *«Евразийская библиография»*, *«Евразийская концепция русской истории»*, *«Евразийство как исторический замысел»*, *«Из прошлого русской географии (культурно-исторический очерк)»*, *«Литература факта»* в *«Слове о полку Игореве»*, *«Манчжурская проблема и СССР»*, *«Национальный и вселенский смысл евразийства»*, *«Научные задачи евразийства»*, *«Новая социальная революция в русской деревне»*, *«Очерк географии России»*, *«Памятники искусства и старины в СССР»*, *«Проблемы русской истории (по поводу первого тома «Histoire de Russie...», под ред. П.Милокова [и др.])»*, *«Программа работы: Северная Америка и Россия-Евразия»*, *«Россия»*, *«Судьбы русской исторической науки»*, *«За творческое понимание природы России-Евразии»*, *«Заметки о втором пятилетнем плане и XVII-й конференции ВКП (б)»*. Письмо Д.И.Шаховского с воспоминаниями о Ф.И.Родичеве, для планировавшегося Г.В.Вернадским биографического очерка. Два небольших документа, написанных П.Б.Струве в период его преподавания в Праге в начале 1920-х годов: отзыв о сочинении К.И.Зайцева *«Русский земельный крепостной строй до реформы 19 февраля 1861 г. Очерки и исследования»* и заключение-рекомендация к допуску на сдачу магистерского экзамена инженера-металлурга И.И.Гинзбурга (14).

В архиве Г.В.Вернадского хранятся также некоторые научные работы его отца академика В.И.Вернадского *«Несколько слов о ноосфере»*, *«Заметки по истории науки»* (на англ. языке), *«О геологических оболочках земли как планеты»*, *«По поводу критических замечаний акад. Деборина, текст лекции «О химическом составе живого вещества и связи с химией земной коры»*, его короткие воспоминания и материалы о научной деятельности зарубежом, в том числе относящиеся к нереализованным планам создания своей лаборатории в Америке (14-15).

Остальная, большая часть коллекции Г.В.Вернадского, распределена в Бахметевском архиве по следующим разделам:

Ящики 16-83. Письма Г.В. и Н.В.Вернадским от разных лиц, университетов, издательств, журналов, научных обществ (разобраны по алфавиту — свыше 380 корреспондентов, часть не атрибутирована).

Ящики 84-88. Письма В.И. и Н.Е.Вернадским от разных лиц (разобраны по годам, за 1888-1936).

Ящики 89-90. Письма Г.А.Старицкому от разных лиц.

Ящик 91. Письма В.А.Старицкому от разных лиц.

Ящики 92-102. Статьи, книги, очерки, лекции и радиопередачи Г.В.Вернадского.

Ящики 103-106. Дневники и записные книжки Г.В.Вернадского.

Ящики 107-128. Заметки и подготовительные материалы к исследованиям Г.В.Вернадского.

Ящики 129-144. Рукописи других лиц (разобраны по алфавиту имен их создателей, в том числе мемуары и дневники: Н.В.Вернадской (142-143), Н.Е.Вернадской (137), Н.А.Жедринского (144), М.Критского («Русская армия в Галлиполи»), С.П.Левицкого (134), В.Ф.Свечиной-Кишенской (136), Г.Е.Старицкого (136), Ю.Е.Штуцер (135)).

Ящик 145. Семейные документы Погожевых, Старицких, Вернадских.

Ящик 146-147. Финансовые документы Г.В.Вернадского.

Ящики 148-153. Фотографии и альбомы.

Ящики 154-170. Дела о жизни в эмиграции, научной и преподавательской деятельности Г.В.Вернадского и материалы, связанные с его друзьями и родственниками.

Ящики 171-175. «Акты Тамбовско-Пензенского края» (коллекция столбцов XVI-XVII вв. и дела XIX в. из личных архивов помещиков Булаевых, кн. Енгальцевых, кн. Кугушевых, Слепцовых и др., в том числе документы о землевладении и разных делах, связанных с Кадомским, Шацким, Темниковским и др. уездами).

Ящики 176-223. Печатные материалы (книги, статьи, брошюры Г.В.Вернадского и о нем, а также материалы других авторов).

Ящик 224-225. Разное (иллюстрации, микрофильмы, визитные карточки и т.д.).

Ящик 226. Письма А.Ф.Родичевой.

Ящики 227-232. Материалы о родственниках и знакомых Г.В.Вернадского, письма разных лиц, в том числе В.И. и Н.Е.Вернадских, материалы большого формата, стеклянные негативы (частично закрыты до 12 июня 1998 г.).

Ящики 233-234. Заметки о содержании коллекции.

Значительное место в коллекции Г.В.Вернадского занимают биографические материалы. Георгий Владимирович успел написать мемуары, опубликованные в «Новом журнале». Его печатные воспоминания охватывают период его жизни в России (учеба в Петербургском университете, профессорство в Перми и Симферополе) и первый год эмиграции в Константинополе, примерно до 1921 года. Начало и продолжение этих мемуаров осталось неопубликованным в архиве историка: «Из воспоминаний детства и отрочества» (97) — (цифра в скобках — номер ящика в коллекции Г.В.Вернадского). «Афины, 1921-1922» (Воспоминания, ч.4). 85 лл. (97); «Прага» (Воспоминания) (97); «Мой переезд из Праги в Америку» и воспоминания о годах жизни в США (97,

98); Отрывочные записи 1972 г. с перечнем историков, писателей, художников, с которыми Г.В.Вернадский был знаком, мысли об истории и др. материалы (98).

Самый ранний вариант автобиографии Г.В.Вернадского относится к 1957 г., времени сразу после его отставки, и составлены по запросу Украинской Академии наук в Нью-Йорке. В них Вернадский рассказал о своих эмигрантских годах, уже тогда он написал о роли Н.П.Кондакова в его научных занятиях: «Кондаков ввел меня в скифо-сарматский мир и пробудил во мне интерес к истории аланов, которыми я впоследствии много занимался». Эти автобиографические заметки интересны еще и тем, что в них Г.В.Вернадский совершенно определенно сказал о своем отношении к евразийству: «Мне были близки историко-философские взгляды Трубецкого и Савицкого, в политической же деятельности евразийцев я не принимал участия». В тексте автобиографии Г.В.Вернадский перечислил свое участие в научных конгрессах и съездах, назвал американские университеты в которых он преподавал.

Очень важны для изучения биографии Г.В.Вернадского и понимания его творчества воспоминания, записанные им в конце жизни. В 1971 г. воспоминания о Праге, Г.В.Вернадский рассказал о Русской акции в Чехии, деятельности Русской учебной коллегии и Русского юридического факультета, основанного П.И.Новгородцевым. Именно на этом Г.В.Вернадский смог продолжить в эмиграции свою академическую карьеру, когда ему было предложено прочесть «общий курс по русскому государственному праву XVIII-XIX вв. и руководить семинаром об источниках русского права». Но главным обстоятельством, существенно изменившим направление мыслей Г.В.Вернадского и тематику его исследований, была встреча с Н.П.Кондаковым. Именно в пражские года Г.В.Вернадский перешел от изучения имперского периода истории России к исследованиям по истории Древней Руси, Византии и Востока. В воспоминаниях Г.В.Вернадского написано о приезде в Прагу братьев А.В. и Г.В.Флоровских, П.Н.Савицкого, организации Кондаковского института, встречах с чешскими учеными Кадлецем, Нидерле и с чешским президентом Масариком. «Как то вскоре после моего приезда, — писал Г.В.Вернадский, — Масарик вызвал меня к себе. Сказал, что он готовится новое издание своей известной книги о России и предложил мне помогать ему в этом деле. Я отказался, сказав, что я слишком занят ученой и преподавательской деятельностью. Кроме того, — чего я ему не сказал, но мне кажется он почувствовал, — я далеко не во всем созвучен был духу его книги». Встречался Г.В.Вернадский еще с одним чешским президентом Э.Бенешом (сохранилась запись их разговора, сделанная Г.В.Вернадским тогда же в 1936 г.), но эта встреча уже осталась за пределами того периода, который освещен в воспоминаниях о пражских годах.

Подробно рассказал Г.В.Вернадский о получении приглашения в Йельский университет в воспоминаниях «Мой переезд из Праги в Аме-

рику». Телеграмма из Йельского университета с предложением места Research Associate in History с жалованьем 1000 долларов в год и подъемных на дорогу и устройство застала Г.В.Вернадского буквально на следующий день после отъезда с родителями из Праги на горный курорт. Г.В.Вернадский вспоминал: «прежде всего показал телеграмму родителям. Те сказали, что конечно надо принять. Пошли вместе на телеграф и я телеграфировал «ассерт» [принимаю]». На следующий день пришлось возвращаться в Прагу, чтобы начать готовиться к отъезду. Как вспоминал Г.В.Вернадский: «Я читал по-английски довольно свободно, но в разговоре был еще беспомощен». В Америке Вернадских встречал М.М.Карпович («взасос разговаривал с Мишей»). Переночевав в Нью-Йорке, 19 августа 1927 г., накануне дня своего сорокалетия, Г.В.Вернадский приехал в Нью-Хэвен. К счастью для Вернадских в Йеле в это время преподавал М.И.Ростовцев, его инициативой и было приглашение Георгия Владимировича. М.И.Ростовцев объяснил, что ждали в первый год от Г.В.Вернадского в Йельском университете: руководство семинаром для двух graduate students, составление систематических списков книг для их приобретения в создававшийся русский отдел при университетской библиотеке, написание однотомника — учебника по русской истории для студентов и тех, кто интересовался Россией. В этих записках Г.В.Вернадский немного рассказал о русских профессорах в Йеле. О М.И.Ростовцеве он писал, что тот был «динамическим лектором, говорил отчетливо и громко и заражал слушателей своим энтузиазмом». У профессора-зоолога Александра Ивановича Петрункевича (сына И.И.Петрункевича), с которым Вернадские также дружили, Г.В.Вернадский подметил образовавшийся со временем сложного психологического чувства «отталкивания от всего русского, даже от русского языка».

Мысль о том, чтобы фиксировать события своей жизни посещала Г.В.Вернадского в эмиграции не однажды. Первыми появились дневниковые записи, начатые им в Афинах в день тридцатичетырехлетия, 20 августа 1921 г. Их ведение продолжалось, с перерывами, до 13 января 1922 г. Начиная свой дневник, Г.В.Вернадский имел в виду, что сможет поделиться этими записями с родителями, разлука с которыми переживалась им особенно остро: «Давно собирался записывать хоть отрывочно дневные впечатления. Бог даст, милые мои, драгоценные смогут когда-нибудь прочесть эту тетрадь, хоть немного представить себе нашу жизнь. И мы с Ниной будем перечитывать иногда — вспоминать. Только времени совсем нет записывать» (Дневник 1921-1922 гг. (103)). О характере записей дает представление упоминание о разговоре с американцем на службе в библиотеке: «Оказывается, кое-как могу поддерживать английский разговор», — записывает будущий Йельский профессор Джордж Вернадский. И дальше, 28 августа 1921 года: «Тоска о России и боль в душе невыносимая». Знаменательна запись 4 сентября о неожиданном

появлении знакомого добровольца-галлиполийца Б.Ромберга с друзьями, один из которых — будущий муж сестры, археолог Н.П.Толль.

Но, видимо, с тех пор, когда стало окончательно известно о переезде Вернадских из Афин в Прагу, времени на дневниковые записи оставалось мало. Не способствовали ведению дневника насыщенные трудами, занятиями и обязанностями пражские годы, а затем первые годы в Америке. Дальше продолжения не последовало. За пражские 1920-е годы в архиве Г.В.Вернадского нет никаких дневников, только одна книжка адресов. По приезду в Америку, Георгий Владимирович заводил на каждый год маленькие деловые дневнички (в 16-ю долю листа), где отмечал под каждым днем встречи, занятия, экзамены и т.д. Все это помогало ему планировать наиболее важные дела. Большинство дней в этих дневничках даже не заполнены записями.

Летом 1932 года, впервые после пятилетнего отсутствия вернувшись из Йеля в Европу, Г.В.Вернадский возобновил писание дневника (103). Этот дневник более подробен и заполнен яркими фактами. Главное содержание его составляли записи о встречах с родителями, а также многочисленными друзьями и знакомыми, семейные и другие воспоминания. Георгий Владимирович приводит цитаты из разговоров, которые он вел с разными людьми. В эту поездку Г.В.Вернадский встречался также в Париже с о. Сергием (Булгаковым), в Швейцарии с семьей Ф.И.Родичева, в Праге с Е.Д.Кусковой и С.Н.Прокоповичем, П.Н.Савицким. В начале августа 1932 г. принял участие в сессии Кондаковского института. Об этих встречах читаем в дневнике:

«23-25 июля в Лозанне у Родичевых. Расспрашивали Фед. Изм-ча о земском движении до 1905 г. В 1880-х никакого земского союза не было. Драгоманов попался на удочку — Богучарский был прав. Все же отдельные совещания земцев бывали и в 1880-х и в 1890-х годах. Федор Иванович не верит в миролюбие (пацифизм) Александра III. Рассказывает, что в 1885 (?) г. война была очень близка. Ф.И. как предводитель дворянства получил распоряжение быть готовым дать ход секретному приказу о мобилизации (по поводу Балканских событий)».

«27 июля были с Ниной у Савицких. У меня с П.Н. был отдельный разговор. Наметили «пятилетку» (в 4 года)» моих книг: к весне 1933 д.б. готова ркп. «Опыт истории Евразии». К весне 1934 — Начертание, ч.II (ист. кулб. до сред. XV в.: «Русь, Византия и Монголы»). К весне 1935 Начертание ч.III (до Петра: «Православное царство»). К весне 1936 г. Начертание, ч.IV «Империя и коммунизм». Каждая по 10 листов. Части разделены по принципу — преимущ. развития той или иной «организационной идеи», по просту говоря по хронол. периодам, а в каждом периоде — подотделы (экономич., юридич., наука и образование, искусство etc.). П.Н. затем много говорил о своих работах по географии. Блестящие мысли (напр. о геогр. положении и топографии русских городов)». «31 июля были с Ниной у Прокоповича-Кусковой. там же были Л.А.Новгор.,

П.Б.Струве, Флоровский и т.д. — Прокоп. в начале увел меня в свой кабинет, говорил отдельно об устройстве печатания своей новой книги в Америке, о желательности издания в Америке бюллетеней об экон. жизни в России. Моя давнишняя мысль (об кот. прошлой зимой говорил много с Мерилом Сполдингом). (На след. день написали Н.Н.Fisher'у о Прокоповиче). Потом общий разговор, ужин. К-ва отличная хозяйка (очевидная мелкобуржуазность), рассказчица. Вообще талантливая женщина. М.пр. рассказывала про Веру Фигнер. К. просила ее хлопотать за Мельгунова, когда того арестовали и он попал к Кедрову (чекисту), что означало — расстрел той же ночью. Фигнер ответила, что т.к. Мельг. был в сношениях с белыми генералами, то она не может хлопотать. — Но ведь мы же решили в политич. Красн. Кресте быть беспартийными. Тогда Вам надо выйти из Красного Креста. Фигнер молчит. — Так пойдёте? — Не могу, очень скользко на улице (глядит в окно).

Струве смешно пикировался с хозяевами...».

«11 августа... поехали к Струве (Флоровским). Струве м.пр. рассказывал следующий эпизод. Когда в Праге был русский академич. съезд, Аничков, на заседании правления (после ужина), шутил по поводу торжественных манер Новгородцева (это было еще при жизни Новгородцева и в его присутствии), уверяя, что на юрид. фак. во время магист. экзаменов Новг. говорит не «экзаменующийся, войдите», а «испытуемый, приблизьтесь». Через несколько времени рассказ Аничкова попал в советские газеты (хотя рассказано было в тесном кругу — только в присутствии членов правления)».

«16 авг. у Паниной-Астрова, кот. приглашал на чтение своих воспоминаний. Приглашали к 8 час., но у них оказались гости (Тарановский), ужин, началось чтение только в 10, Астров мало успел прочесть. Прочитал главу о своей бабушке — вдове сельского священника — цельный, чистый, верующий тип (я не знал, что А. отчасти из духовных — очевидно отсюда его сладость), потом две-три главы из гимназических воспоминаний. Мило, но не очень талантливо (еще хуже прочтено — очень уж сладко). То, что мне было особ. интересно, как историку — о Московской гор. Думе он почему-то не стал читать. Уверяет, что эти главы еще не отделаны. — Видно, что у них прямо культ Кизеветтера».

«Начало августа — сессия Кондаковского института. Из приезжих только Острогорский. Грабар не приехал, т.к. призван отбывать лагерный сбор (во франц. армии). Доклады — Толль о сасанидском драконе — (4 авг.), Острогорский о роли славян в вопросе разделения церквей (5 авг. — блестящий доклад, широкая концепция), Расовский о печенгах и берендеях в Венгрии (9 авг.). В числе присутств. Окунев, А.Флор., Карпова (Кернова (?)), Мысливец, Гессен, Савицкий. С Острогорским виделся особо и беседовал два раза во время его приезда. Он хочет теперь заняться русской историей — и оказывается как раз думал о моей теме — Иване III. Вышло точно я ему помешал — т.к. узнав, что я над этим рабо-

таю, он сказал, что не возьмет эту тему. Думает о Максиме Греке (кстати, Коновалов мне говорил, что Summer тоже работает над XV веком — все бросились! время подошло! — я должен торопиться). — Между прочим я спрашивал Острогорского, справедливы ли слухи о вине Hotzsch'a в аресте Платонова. Он говорит, что правда. Платонов (с Hoetsch'em) сделали визит какому-то немцу, на кот. Советское правит-во косо смотрит. В тот же вечер Крестинский знал об этом визите (от Hoetzsch'a). Вообще обо всем, что Платонов говорил, Крестинскому сейчас же делалось известно (Hoetzsch дружил с Крестинским). Острогорскому это между прочим подтвердил Auhagen....

5 сентября 1932 г. Георгий Владимирович записал воспоминания отца: «Папа... очень забавно рассказывал, как в бытность свою презид. Укр. Акад. он должен был мирить Багалея с Крымским. Каждый по очереди изливали свои сетования на другого. Багалея говорил про Кр-го: Разве ему можно верить? Це-ж правобережный (украинец). Они под ляхами и турками жили, изолгались. А Крымский говорил то же про Багалея. Разве ему можно верить? Це-ж лівобережный. Они под москалями жили, рабская психология.

Последние дни и папа и мама много рассказывали про жизнь их родителей и семей. Все это дорого и интересно очень, жаль, что раньше так мало знал и обращал внимания, а теперь хочется каждую подробность знать, а и они уже многое забыли, и я боюсь не успею записать (не успеваю кажд. вечер как хотел). Запишу хотя бы отрывки. В сущности каждый человек должен знать историю своего рода, а я — историк и по-давно. Я же так мало знал. Теперь буду собирать повсюду, где могу, хотя бы отрывочные воспоминания...».

Запись о деде экономисте профессоре И.В.Вернадском: «В 1870-х гг. он имел приличное состояние, «у деда была тогда мечта — уехать в Прагу и начать издавать независимую либеральную русскую газету».

После радости встреч с родителями и сестрой во время путешествия 1932 г. пришла особенная тяжесть разлуки, о которой Г.В.Вернадский написал: «С папочкой [именно такое обращение и отношение к отцу, даже в письменной речи было у Г.В.Вернадского — В.К.] так мучительно тяжело было расставаться... Духовное напряжение и любовь все побеждают, и все же бессильны кажутся перед временем и пространством».

Г.В.Вернадский продолжает вести дневник и в Америке, но он снова обрывается 29 марта 1937 г. Из записей о профессиональных делах видно, почему Г.В.Вернадский, как он говорил об этом в частных беседах с друзьями, чувствовал себя uncomfortable в Йельском университете. Его неудовлетворенность, помимо всего прочего, вызвана некоторыми коллегами по отделению, покровительствовавшими родственникам «сильных мира сего» и, противодействовавшими назначению университетских стипендий евреям и женщинам: «Про одного кандидата сказали: at least he is not a Hebrew. (And not a woman — женщин тоже не долюбивают)» (за-

пись 14 марта 1933 г.). В 1932-1933 гг. Г.В.Вернадский миновал «кризис в преподавании» и сумел завоевать уважение студентов и коллег. 17 мая 1933 он описал в дневнике обед со своими студентами: «Студенты undergraduates моего класса Hist.57 пригласили меня обедать с ними в Howe Restraunt — very informal. Было необыкновенно тепло и приятно. После обеда многие из них говорили речи очень остроумно, общий смысл был, что они очень ценят мой class чуть ли не больше всех других, и считают, что в таком маленьком классе и при тех informal methods, кот. у меня, они получают гораздо больше, чем от больших formal классов. Мне пришлось в конце отвечать, как всегда в таких случаях я мямлил, что было досадно. Постараюсь на будущий год уделить больше внимания этому курсу, и тогда правда м.б. удастся достичь хороших результатов. Этот вечер был для меня большой моральной поддержкой для моего положения в Yale'е».

За это время произошло и немало других событий, отмеченных в дневнике: 31 марта 1933 г. Г.В.Вернадский был принят в американское гражданство, два месяца спустя были сданы водительские экзамены и Вернадские купили машину, шутиливо окрещенную «Каштанкой». Не случайно, 16 сентября 1933 г., после посещения ежегодной неформальной сессии историков (Convivium Historicum) в Брэнфорде, Г.В.Вернадский запишет в дневнике: «Было немного народу, но я как-то хорошо походил — почувствовал, что уже могу с американцами вполне на равной ноге».

Эти труднопереходимые даже в общении профессионалов границы исчезали, когда Вернадские попадали в дома своих русских знакомых, из которых главным для них оставался дом С.М. и М.И.Ростовцевых, где было услышано немало интересных воспоминаний:

«12 марта 1933. Вечером у Ростовцевых. Я спрашивал М.И. про Луначарского (Дмитриевский утверждает в «Сов.Портр.», что Лунач. = еврей Хаимов). Мать Луначарского тетка М.Ив-ча (сестра его отца). Она была замужем за Луначарским (судебным деятелем), имела от него двух (кажется) сыновей. Потом бросила мужа, сошлась с каким-то господином, тоже из судебного ведомства — след. не евреем, м.б. выкрестом — они жили одно время в Нижнем Новгороде (их знала Софья Мих.), родила еще (кажется двух) сыновей, один из них А.В.Луначарский (т.к. мать не разошлась формально с первым мужем, то сыновья носили фамилию). Но дело в том, что скоро после того, как она вышла «гражд. браком» за второго мужа, она начала вести вообще беспутную жизнь, имела много любовников — возможно, что от одного из них — еврея — и родился А.В.Луначарский, в лице его безусловно есть еврейское. Затем она бросила и «гражданского» мужа и переехала (с детьми) в Киев, где пользовалась плохой репутацией...

Софья Мих. рассказывала много интересного. Про Врубеля — когда он сидел в лечебнице для нервнобольных. Доктор (кажется Конасевич?) рассказывал Софье Мих., что Врубель во время припадков болезни был

счастлив, стоял на одной ноге и думал, что он ангел. Писал все время картину — Видение Иезекииля — с точки зрения ангела. Когда припадок проходил, то Врубель был несчастен, сознавая свою болезнь (к тому же он начинал слепнуть) и просил врачей его отравить. (Картину Иезекииля от него прятали, когда он приходил в себя, чтобы он ее не уничтожил). ...С.М. рассказывала дов. много про Распутина. М.пр., что какая-то дама (фамилию забыл) его поклонница стыдилась на людях обнаруживать свое знакомство с ним. Раз ей пришлось ехать в Царское или из Царского, она хотела влезть в вагон — видит Распутин. Она хотела сесть в другой — нигде нет места, пришлось ей вернуться в тот, где он сидел, и занять место в другом конце его. А он ее заметил и кричит: — Ты, что же, прятаться... и показал ей кулак. В тот вечер, когда С.М. была в обществе, где Распутин был (у Головиных?), эта дама пришла, и подходя к нему чуть не плачет — Г.Е., за что ж вы так? — А так тебе и надо. С С.М. Распутин был очень корректен. Она вообще не поддается гипнозу. Он пробовал на ней силу своего взгляда, и когда увидел, что она не поддается, стал с ней прост и корректен».

Со временем, когда семья М.М.Карповича купила дом в штате Вермонт, Вернадские стали ездить летом к ним «на дачу». Воспоминания об этих поездках нашли отражение в дневнике Г.В.Вернадского, записавшего после одной из таких встреч в августе 1934 г.: «Гостили у Карповичей в W.Wardsboro. Чудесно. Из разговоров с Мих.Мих. — по поводу книги [Т.И.]Полнера о кн.[Г.Е.]Львове.

К стр. 270 сл. Приезд Львова в Америку в ноябре 1918 г.

Мих. рассказывает, что Львов и Полнер очень опасливо относились к посольству (Бахметев) — все видели в этом органы «правительств.» власти, противопоставляя себя как «земцев».

По настоянию Львова Бахметев должен был стараться устроить Львову у Вильсона прием без своего присутствия — чего американцы абсолютно не могли понять (к тому же Львов не говорил по англ.). Американцы потребовали, чб. Бахметев присутствовал».

Любопытны и записи Г.В.Вернадского, сделанные в июле 1933 г. после посещения митрополита одесского Платона (Рождественского), возглавлявшего православные приходы в США и жившего в русском монастыре около New Сапаап в Пенсильвании.

«Русский уголок — пахло родным, но много и тяжелого, как и было в старой России, всего не успею записать — занят отчетом о раскопках в Дуре для М.И.Ростовцева.

Из бесед с митроп. Платоном:

О Льве Толстом. Платон считает отлучение Толстого большой ошибкой. «Мало ли считается и считалось в церкви людей, которым до церкви дела нет. А это ж гигант». Платон говорит, что писал Антонию (Вадковскому), как только дело началось, убеждая не делать этого. Тот потом плакал.

Митроп. Флавиан интересовался доходами всех архиер. кафедр и считался знатоком этого вопроса. Когда Платон назначен был в Кишинев, Флавиан прислал ему телеграмму: «Поздравляю. Семнадцать» (т.е. 17 тыс. дохода). Платон, приехав на место, и все разузнав, ответил Флавиану такой телеграммой: «Благодарю за поздравление. Сорок». Флавиан телеграфировал Платону что-то вроде: «Сугубо поздравляю. Скоты и тут надули» (т.е. скрыли от него, что кишиневская кафедра такая доходная — чтобы меньше было конкурентов).

Приехав в Тифлис экзархом Грузии, Платон увидел, что жалованье всего 1000 руб. в месяц, а громадные расходы на представительство. «Виджу дали — дворец, а жить приходится нищим». Платон сетовал на свое положение В.К. Ник.Ник-чу. Через несколько дней пакет от супруги Ник.Ник.: 3,000 р. «на молитву». Потом от самого Н.Н. 25,000 р. «Еду благодарить. Говорю — я не думал Вас обкладывать податью.» — А почему бы и нет? Ну, да я скоро устрою.

Н.Н. устроил Платону аренду каких-то заливных лугов на 100,000 р.

«Но самая доходная в России кафедра была Одесская. 136,000 десятин земли при монастыре [забыл каком]. Впрочем, я всегда смотрел, что это деньги не лично мне, а церкви. В Одессе построил семинарию...».

С 7 апреля 1937 г. Г.В.Вернадский продолжает записи в новой тетради «Records» (103), но в ней, в основном, фиксируются имена людей, которым Г.В.Вернадский посылал свои работы (последние записи там сделаны в 1973 г.!). По ней очень хорошо прослеживается круг его научных и дружеских контактов.

Однако и это обращение к дневниковым записям в 1932-1937 гг. оказалось эпизодическим, в дальнейшем, с конца 1930-х — начало 1950-х гг. — Г.В.Вернадский заводил уже не дневники, а, скорее, дневнички — малоформатные записные книжки, куда изредка, под определенными датами заносил записи о планировавшихся лекциях, встречах, поездках, сделанных хозяйственных расходах и т.п. (103). В основном это малоинтересный источник, дело в том, что воспоминания разных людей заносились в другие тетради (см. 106).

Чуть более подробны записные книжки Г.В.Вернадского становятся с 1952-1953 гг. С этого времени у него входит в привычку заводить ежедневники на каждый год, в которые по определенным дням коротко фиксировать происшедшее. Если рассказ о каких-то событиях из жизни Г.В.Вернадского не укладывался в страницу ежедневника, тогда для этого заводилась отдельная тетрадь. Так, например, Г.В.Вернадский отдельно описал две поездки в Нью-Йорк в феврале и апреле 1955 года и впечатления от посещения художественных выставок и концертов (103). Однако это происходило редко, скорее в виде исключения. В основном же эти, ведшиеся двадцать лет подряд дневники (103-104), прерывавшиеся только на время болезней, являются моментальной летописью последних лет жизни и творчества Г.В.Вернадского. Опираясь на эти ис-

точники, можно по дням восстановить время работы Г.В.Вернадского над очередным томом «Истории России», статьей для «Нового журнала» или для «Нового русского слова», увидеть с какой тщательностью ученый относился к рутинной работе чтения корректур, узнать о встречах с друзьями и коллегами, их письмах и, даже, телефонных разговорах с ними. «Побывать» вместе с Вернадскими на столь любимых ими балетных спектаклях, концертах классической музыки, которые Георгий Владимирович и Нина Владимировна старались не пропускать в Нью-Хэвене и Нью-Йорке. Прочитать, например, впечатления о танце Галины Улановой («одно из действительно сильных впечатлений жизни», запись 18 апреля 1956 г.), игре М.Ростроповича, Д.Ойстраха, о выступлениях Московского симфонического оркестра, других артистов и музыкантов. Много в дневниках и записей о событиях, связанных с Россией, за которыми Г.В.Вернадский продолжал пристально следить (о запуске спутника, полете Ю.А.Гагарина, карибском кризисе, «отвратительном вторжении Советов в Чехословакию»).

Вот некоторые, выборочные, записи из этих интересных дневников за один 1953 год (в этом же году состоялось соглашение о передаче собрания Г.В.Вернадского в Колумбийский университет), дающие представление об их характере и стиле:

2 февраля: «Первая лекция по полугодовому курсу Hist. 131b (Medieval Russia [Средневековая Россия]). Пришло два студента, кажется, не очень хорошо».

26 февраля: «Звонили из Yale Press, что пришла первая пачка «page proofs» [корректуры очередного тома «Истории России» — В.К.]

29 марта: «Взволнованы известием об амнистии в России. В газетах здешних только краткое сообщение и нет еще текста декрета».

30 марта: «В N[ew] Y[ork] Times'e нет текста декрета и даже больше ничего нет об амнистии. Вот тебе и «лучшая в мире газета».

1 апреля: «Пришел royalty check от Yale Press [гонорар за проданные издания книг Г.В.Вернадского, опубликованных в издательстве Йельского университета] — гораздо меньше, чем в прошлом году и меньше, чем мы ожидали. Но мы не унываем, это даже хорошо, чтобы не слишком предавались мечтам о материальном благоустраивстве».

9 апреля: [Запись после доклада о. Александра Шмемана о разделении церквей]: «Вообще он, видимо, выдающийся человек».

13 апреля: «Занимался венгерским языком».

8 мая: [Запись об обеде с Софьей Владимировной Паниной и ее воспоминаниях о 1917 г.]: «1917, осень, когда она была товарищем министра общественного призрения — посетила Смольный институт — почти пустой — плачущая старая начальница и несколько девочек, которым некуда было деваться. После большевистского переворота она там навещала [В.Д.]Набокова (кажется), сидевшего там под арестом, а потом сама сидела под арестом там в подвале. Я убеждал ее писать ее воспоминания. Не

хочет. То, что она написала о своем Народном Доме и дала [М.М.]Карповичу, она просила его напечатать в Н[овом] Ж[урнале] после ее смерти вместо некролога».

24 мая: «Троица и день св. Кирилла и Мефодия. По просьбе Саши Родичевой Нина подала записку за упокой новопреставленной Ольги (Ольги А. Герцен-Monod). Когда батюшка поминал ее, было какое-то историческое чувство, точно мы Герцена примирили с церковью».

27 мая: «Пришло письмо... что formal publication Mongols & Russia назначено на 17 июня...»

28 мая: «Вернувшись домой получил посмертное письмо от А.А.Васильева [см. о нем в тексте «Русской историографии»] (от 28 мая — а скончался он в ночь с 29 на 30 мая) с кратким описанием его поездки в Грецию и Истанбул. Вообще письмо дружеское и трогательное».

3 июня: «Путаница вышла с японским изданием моего однотомника... Yale Press, не уведомив меня, заключила в сентябре 1952 г. контракт одной японской фирмой — переводчик неизвестен. По-видимому уже нельзя будет поручить перевод профессору Nakayama».

14 июня: «Днем Софья Владимировна [Панина] приехала. Жгла письма и бумаги. Очень было грустно смотреть».

17 июня: «В NYT [New York Times] упоминание о публикации».

26 июля: «10 ч. появились Фергюсоны, Алан [ученик Г.В.Вернадского] привез на прочтение Ch.IV своей диссертации. Сказал ему, что [С.А.] Коновалов хочет поместить список моих трудов в Oxford Slavonic Papers, V. Алан (который сам об этом раньше думал) говорит, что рад будет составить список».

6 августа: «Когда начал перечитывать [«Войну и мир»] не представлял себе, какое сильное впечатление произведет на меня не только как литературное произведение, но и как историко-философское, и как понимание России и русской истории, как материал для мысли».

12 августа: «Обсудил с [Аланом Фергюсоном] его главы IV и V. V представляет выдающийся интерес (Экономическая и культурная роль военных поселений)».

22 августа: «Опять [Софья Владимировна Панина] жгла у нас письма и бумаги. Мое сердце историка болело — но никак нельзя ее убедить было передать ее бумаги в какой-нибудь архив — например в Columbia U[niversity].

12 октября: [Запись о разговоре с Софьей Владимировной Паниной о книге Александры Львовны Толстой об ее отце]: «Пришлось сказать откровенно, что 2-й том было читать тяжело, что Толстой второй половины его жизни мне глубоко несимпатичен».

20 октября: «Прочел Углицкое дело [1591 г.] — окончательно убедился, что заключение следственной комиссии о том, что царевич Дмитрий сам зарезался в припадке падучей — верно».

23 октября: «Софья Владимировна советовалась о бумагах Паниных. Я посоветовал передать в Русский архив при Columbia University.

24 октября: «Письмо от [Филиппа] Мозли [Директора Русского института при Колумбийском университете и куратора Бахметевского архива, друга Г.В.Вернадского] насчет передачи моего архива в Русский архив Columbia University — благоприятное. Написал ему, прося выслать проспект архива».

30 октября: «От [Л.Ф.]Магеровского [заведующий Бахметевским архивом] письмо об архиве.

1 ноября: «Утром писал черновики писем Мозли и Магеровскому и соображения о наших пожеланиях для draft agreement [черновика договора] о передаче нашего архивного собрания в Архив».

3 ноября: [Запись о встрече с учеником, которого не оставили в Йельском университете]» Ральф Фишер, с грустными глазами... но такой же милый, как всегда».

11 ноября: «Написал заявление о передаче архивного собрания в Архив Русской и Восточно-Европейской истории и культуры при Columbia University».

11 декабря: «Утром — пришло письмо от Магеровского и копия условий передачи нашего архива в Архив Columbia University, утвержденная Филиппом Мозли. Значит это дело теперь в порядке».

Как показывает продолжение дневниковых записей, в начале 1954 года Г.В. и Н.В.Вернадские активно взялись за разбор своего собрания. 15 января 1954 года они специально поехали в Бахметевский архив, чтобы передать первую часть документов («три небольших чемодана», в том числе с актами XVI-XIX вв. Тамбовско-Пензенского края). Г.В.Вернадский записал после этого в дневнике: «Магеровский показал хранилище рукописей (все отлично устроено). Потом принял привезенные рукописи: 1 чемодан мы оставили целиком, а из 2 других переложили рукописи в 3 регулярные их синие коробки... Магеровский произвел наилучшее впечатление — идеальный куратор архива, но переутомляется — нет помощника» (103). 18 октября 1962 г. Г.В.Вернадский, оформив завещание, написал Л.Ф.Магеровскому, что «все рукописи и пр. принадлежат архиву при Columbia University» (104).

Дневники Г.В.Вернадского являются хорошим источником по истории науки, они позволяют проследить историю некоторых его работ от самого начала, от прочтения документа (как это было, например, выше с записью о чтении Углицкого дела), от обдумывания замысла, разговора с коллегами. Например, оказывается, что известная книга переводов источников по русской истории, вышедшая в 1972 году, имеет свое начало во встрече в доме Г.В.Вернадского утром, в четверг 28 января 1954 года с его учениками Аланом Фергюсоном и Ральфом Фишером, когда Георгий Владимирович обсуждал с ними «план перевода источников русской ис-

тории» и «согласился дать свое имя, как руководителя этого проекта. Примечания А.Лосского и [С.Г.]Пушкарева». Интересно, что в то время Г.В.Вернадский еще не отказывался от возможности завершить монументальный замысел общего многотомного труда по истории России совместно с М.М.Карповичем, хотя уже просил его о маленькой хронологической поблажке в письме 25 ноября 1954 года «чтоб он начинал свой I том=VII том с Павла, а не с Александра». На очереди же у Г.В.Вернадского стояло написание следующих, IV и V томов, посвященных Московскому царству. Обдумывая их построение, он записал 6 февраля 1955 года: «...намеченный мною ранее план хронологического разделения (IV: 15-16 вв., V — 17 в.) во многом неудобен, т.к. развитие событий прерывалось бы систематически аналитическими главами, не получилось бы цельности. Вчера и, особенно, сегодня утром, Нина мне говорила как важно было бы написать так, чтобы дать яркую картину развития. Тогда, наконец, меня осенило и я принял новый план: IV том — обзор событий 1462-1689 — связный рассказ; V том — state & society [государство и общество], литература и искусство. Этот план и беру в основу». Видимо в связи с началом этой работы читаем и редкое в дневниках Г.В.Вернадского историософское замечание после прочтения Псковской летописи о взятии Пскова Иваном III (26 февраля 1955 г.): «Трагедия русской истории — подавление свободы и местной автономии коварством и жестокостью — и необходимость этого для спасения России!» (103).

Дневники последних лет позволяют с точностью до дня датировать работу над «Русской историографией». Началом сотрудничества Г.В.Вернадского с «Записками Русской Академической группой в США», где были опубликованы историографические очерки можно считать вступление его в члены этого научного общества. 1 июня 1966 года, принимая в гостях Сергея Германовича Пушкарева, Г.В.Вернадский обсудил со своим другом вопрос о записи в Русскую академическую группу в Америке и оба они «решили записаться, хотя и мало надежды, что из нее толк выйдет». К счастью, эти предположения не оправдались и, во многом, благодаря, энергии и настойчивости тогдашнего редактора «Записок...» К.Г.Белоусова, Г.В.Вернадский составил и опубликовал «Очерки по русской историографии». Дело в том, что обстоятельства, в которых они создавались, были самые тяжелые, работа над «Очерками...» совпала с перенесенным Г.В.Вернадским в конце марта 1971 г. серьезным сердечным приступом, болезнью и смертью Н.В.Вернадской. Так, буквально на следующий день, после получения известия о смерти жены, проведеншей последние месяцы в специальной лечебнице, Г.В.Вернадский записывает в дневнике 17 октября 1971 г.: «Кончил проверять машинопись первых 16 глав (для Белоусова)» и далее, после переноса исправлений, на второй экземпляр, 28 октября отсылает эту машинопись

для печати. 14 ноября 1971 г. были подготовлены для отправки К.Г.Белому главе XVII-XIX историографии.

Из дневников Г.В.Вернадского за 1971 — начало 1973 гг. узнаем еще немало интересных деталей, связанных с созданием «Очерков...». 10 августа 1971 г. он попытался написать послесловие к первым главам своего труда, «но потом понял, что никакого послесловия не нужно. «Очерки по истории русской историографии XIX — начала XX в.» сами за себя достаточно говорят». 14 сентября 1971 г.: «Утром писал краткие характеристики русских историков по «формуле Ленина» (повторение им самоочевидной истины)». 16 сентября 1971 г.: «Начал писать личные воспоминания о Ростовцеве (после написания — сокращу и вставлю в главу о всеобщих историках, в отдел о Ростовцеве). Решил, что не надо писать личных воспоминаний о Ростовцеве, выходит, что больше приходится говорить о себе». 17 декабря 1972 г.: «Писал о себе». 15 января 1973 г.: «Пушкарь [С.Г.Пушкарёв] принес мне автобиографическую часть исправленной им моей рукописи о нем (для XXIX главы)» (104).

В своих дневниках Г.В.Вернадский оставлял записи о встречах с историками в Нью-Хэвене и Йельском университете, беседах с приезжавшими к нему в дом и на дачу гостями, записывал услышанные интересные воспоминания.

5 февраля 1955 г.: «Kermit McKenzie у меня в офисе. Показывал ему материалы о [Ф.И.]Родичеве. Он думает писать или о Родичеве и тверском земстве или просто биографию Родичева».

1 ноября 1955 г. записал о встрече с Ричардом Пайпсом: «Произвел сразу на меня очень хорошее впечатление... Говорили о плане его работы по истории русского консерватизма (с конца 18-го в.). Кроме того Р. рассказал мне немного об историческом конгрессе в Риме (где он был). Косминский произвел на него хорошее впечатление, а Рыбаков — нет. Pipes слышал от кого-то, что на одном из заседаний съезда Stender-Petersen заступился за меня, когда русские (советские), что-то обо мне сказали скверное».

31 января 1956 г.: «Пришел Николай Иванович Ульянов, посидел часок. Рассказывал о последних годах Платонова и др. Ульянов, кажется, хороший человек, но неприспособленный для Америки».

12 февраля 1957 г., запись о завтраке в Faculty Club с Джорджем Кеннаном: «...много рассказывал интересного. Вообще я рад был с ним познакомиться. По первому знакомству он очень умный, но холодный человек (что холодный, м.б. просто внешняя сдержанность, трудно судить по первому впечатлению)...».

29 декабря 1957 г.: [В гостях у Н.Н. и Н.И.Ульяновых] «Разговоры с ними понемногу разворачиваются. Рассказывали м.пр. о насилиях и депортации в Украинских лагерях в Германии. Особенно ужасны бендеровцы».

17 декабря 1958 г.: «Пришла С.М.Ростовцева... С[офья] М[ихайловна] рассказывала очень много интересного про Бунина, Куприна и т.д. Спорила с Мишей [Карповичем] о Набокове (которого она знала еще маленьким мальчиком, а потом много видела). С.М. говорила, что в его писаниях неприятное снобство и черствость к людям часто проскальзывает, а Миша говорил, что это не снобство, а оригинальничанье».

9 августа 1959 г.: «Вечером, после ужина сидели с Н.О-чем [Лосским] на балконе... Н[иколай] О[нуфриевич] рассказывал много интересного. В 1915 г. он еще не был в церкви, хотя начал тянуться к ней (писал «Интуитивизм»). На него произвела большое впечатление книга о Павла Флоренского (Столп и Утв[ерждение] Истины». В 1919 г. Андрей Белый пригласил Н.О-ча прочесть доклад в ВолФиле — Н.О. читал уже о Боге. Около этого времени Н.О. говорил слово в церкви после службы (безбожники, проникшие в церковь, его осмеивали; народ выгнал безбожников. Н.О-ча один из прихожан — старый рабочий — провел задворками домой). Болезнь Н.О-ча — камни в желчном пузыре — отчасти от огорчения, что его отставили из Ун-та (однако назначили членом исследовательского института). 1921 — Н.О-ч хлопотал о выезде лечиться в Карлсбад — тут как раз его и выслали».

2 февраля 1961 г.: [В гостях у С.М.Ростовцевой] «Очень хорошо было — она много интересного рассказывала (м.пр. как видела Распутина у Муньки Головиной в 1915 г. (с ней была Софья Глинка, жена Гриши Глинки)). Там было много его поклонниц. Р. пытался заипнотизировать ее взглядом, но С.М. смотрела на него в упор, и он понял, что ее не пронять. М.пр. сказал, что ему 46 лет. Сказал ей, что он понимает, почему аристократия за ним бежит — все им надоело, редьки захотелось. Кроме того С.М. рассказывала о неудачном браке Соф.Вл. Паниной с Половцовым. П. был педераст, а женился на С.Вл. в надежде получить титул графа — Панин (по примеру Юсупова Сумарокова-Эльстона), но Ал[ександр] III отказал ему. Тогда П. стал себя совсем безобразно вести и по просьбе бабушки Соф.Вл-ны (старой графини Паниной) аннулировали брак. С.В. состояла в замужестве с Половцевым 4 года».

14 марта 1963 г.: «Рipes интересно рассказывал о поездке в Россию год тому назад (читал курс в Лгр. [Ленинградском] унив-те). Говорит, что молодежь и, вообще, люди хорошие, но, что на отв[етственных] постах коммунисты, бедность и грязь... Но в Пушкинском Доме (исключая секретаря — коммуниста) — чудная атмосфера».

14 октября 1963 г.: «Пришел Георгий Катков — видел его когда-то в Праге тоненьким юношей, теперь грузный седеющий мужчина с большими усами. Преполагает в Оксфорде Soviet Institutions (а действит. его давний интерес к философии...). ...Получил grant на ознакомление с материалами американских архивов для изучения первых лет русской революции... Рассказывал о Пастернаке (был у него в Москве в 1956 г.) — какое сильное впечатление он на него произвел. Рассказал вообще очень

живо о своих тогдашних русских впечатлениях. Завел разговор о волнении по поводу выступления [А.А.]Зими́на о якобы неподлинном Слове о полку Игореве. Елиз. Вас. Hill в Cambridge это принимает. Катков видел и Мазона, который говорит, что после его смерти из оставленных им материалов все будет ясно... У самого Каткова, видимо, нет своего собственного взгляда на этот вопрос... Вообще он какое-то смутное впечатление производит, но очень живой и талантливый».

3 июня 1964 г.: «Miss Joan Afferica (Иоанна Степановна)... рассказывала о своей работе над изданием М.М.Щербатова и задавала ряд вопросов — я уже отстал от русск. ист. XVIII в., но кое-какие указания смог ей дать. Она свободно говорит и читает по-русски, будет учиться читать и рукописи XVIII в. (она едет в сентябре в Ленинград — будет заниматься у [В.В.]Мавродина (она преподает русскую историю в Smith College) и пишет диссертацию о Щербатове для Harvard'a, ее руководитель Pipes. Начала она учиться русской истории у М.М.Карповича. Много уже сделала. Замечательно вникла в работу».

30 ноября 1965 г.: «Иоанна Степановна Afferica... очень интересно рассказывала про Россию и свои поиски в архивах и библиотеках в Москве и Ленинграде о Щербатове... Она рассказывала о фонде Д.И.Шаховского в Пушкинском Доме. Последняя дата в его бумагах (набросок стихотворения, как бы в предчувствии конца) 1938 г. На вопрос: «Что ж он был арестован?» Ответ: «Он умер». (Мы знали, что Д.И. был сослан перед 2-й мир. войной и исчез — о судьбе его ни родители мне, ни Аня [А.Д.Шаховская] определенно не писали».

20 декабря 1965 г.: «Пришел Robert Crummeу (он канадец) — видимо способный молодой историк. Ph.D.... его в Чикаго (у [М.]Чернявского была о Выговай пустыни (еще не напечатана)). Он когда после ездил в Ленинград и познакомился с В.И.Малышевым. Теперь он с одним англичанином подготавливает новое издание главных известий англичан о Московии XVI в. — советовался со мной по этому поводу».

25 июля 1966 г.: [О приезде J. Billington'a] «Хорошо поговорили по-русски — Bill. свободно говорит по-русски, хотя делает ошибки... Bill. рассказывал о предыдущих своих поездках в Россию (Он с женой и четырьмя детьми едут в Россию через две недели на пароходе «Александр Пушкин»). Вернутся в феврале. Биллингтона по-русски зовут Яков Нельсонович, Нина решила, что лучше его звать Яков Николаевич... Bill. какой-то необычный человек, интересный и поглощенный своими мыслями».

27 ноября 1967 г.: [О встрече дома с Р.О.Якобсоном] «Роман... провел неделю в Тарту прошлым летом в августе. Рассказывал вообще о настроении академической молодежи в России удивительные вещи (искание нового и тяга к до-большевистской русской культуре)».

В последние годы, когда Г.В.Вернадский переступил рубеж 80-летия, в дневниках становится меньше записей о встречах с новыми людьми до-

ма или в университете, круг его общения составляли ближайшие друзья (С.Г.Пушкарёв, семья Ульяновых) и ученики. Правда, оставался еще телефон и переписка. Так, например, письмо от историка, публикатора трудов С.Ф.Платонова на английском языке Джона Александера, полученное Г.В.Вернадским 23 мая 1969 г., («пристает, чтоб я ему написал свои воспоминания и сведения о Платонове») послужило импульсом к записи мемуаров о годах, проведенных Г.В.Вернадским в Петербургском университете (104). Отмечены в дневниках письма от начинающих тогда американских историков Д.Рансела, У.Розенберга, Ч.Тимберлейка и др. Интересно, что в 1960-е годы у Г.В.Вернадского завязывается переписка и с молодыми историками из России — сотрудником Ростово-Ярославского музея В.Г.Пуцко и тартуским студентом А.Б.Рогинским, а также архивистами из Архива Академии наук — В.С.Неаполитанской и Б.В.Левшиным.

Для историографии представляют интерес встречающиеся в дневниках записи о чтении работ советских историков и критике ими трудов Г.В.Вернадского:

18 октября 1955 г.: [О прочтении сначала резюме на английском языке журнала «Вопросы истории», 1955, № 8, «включая резюме рецензии — пакостной — на мою книгу *Mongols & Russia*», а затем самой рецензии на русском языке] «...прочел полностью рецензию Мерперта и Пашуто на *Mong.* и *R.* Пристрастная, поверхностная и полна передержек. Целых семь страниц. Все же это какой-то сдвиг (Киевскую Русь мою совсем замолчали)».

29 октября 1955 г.: «Прочел доклад Рыбакова «Образ[ование] Рус[ского] гос[ударства]. Упоминается и обо мне весьма нелестно, но все же вижу, что они должны со мной считаться».

20 февраля 1957 г.: «Днем рассматривал книгу Казаковой и Лурье об «антифеодалных» (!) ересях, т.е. стригольниках и жидовствующих. Замечательная публикация документов — но с подбором! Общий подход к теме по-видимому вздор».

25 февраля 1960 г.: «Прочел Анину [А.Д.Шаховской] книжку о кабинете-музее моего отца. Трогательно и волнительно. Вся жизнь и родителей и наша представилась в очертаниях».

24 сентября 1960 г.: «Читал «Опись Царского архива XVI в.». Тщательно издано».

22 апреля 1961 г.: «Кончил читать главу о моем деле в книге Цаголова. Несмотря на обязательные марксистские графареты все же довольно серьезный разбор учений моего деда».

29 апреля 1961 г.: «Прочел I главу «Реформ Ивана Грозного» Зимина — обзор литературы и источников. Интересно, но что касается историографии местами неприемлемо (умаление Платонова, например)».

7 февраля 1962 г.: «Вечером с волнением кончил книгу Гумилевского «Вернадский». Замечательная книга (если исключить несколько не идущих к делу, видимо, обязательных цитат (из Ленина и пр.))».

17 апреля 1962 г.: «Начал читать «Ордина-Нащокина» [Е.В.Чистяковой] — популярная, но осведомленная и добросовестная книга».

11 октября 1966 г.: «Читал Будовница «Монастыри». До чего тенденциозно».

24 января 1969 г.: «Просматривал... книгу Каргалова «Феодальная Русь и кочевники». В последней главе (историографической) много места отведено евразийству. Ругает нещадно и меня, в частности».

Кроме дневниковых записей, важным биографическим материалом являются записи 1936 г. «О роде Вернадских по рассказам моего отца» (98), автобиографические заметки 1956 г., составленные по просьбе В.В.Мияковского для архива Украинской академии в Нью-Йорке, а также работа 1969 г., озаглавленная Г.В.Вернадским «Хронологическая канва моей жизни» (97), из которой впоследствии выросли его «Воспоминания», печатавшиеся в «Новом журнале». Теперь, вместе с другими автобиографическими материалами (curriculum vitae, списки трудов (94)) они составляют надежную основу для восстановления главных фактов его биографии.

В архиве Г.В.Вернадского также хранятся автобиографии и анкеты на русском и английском языке 1920, 1924, 1926, 1927, 1930, 1931, 1937, 1944, 1945, 1959, 1960, 1969 гг. (94, 97). В ранних автобиографиях, по сравнению с позднейшими мемуарами, когда многое сглаживается из памяти, больше деталей, точнее фиксируется современное событиям осмысление, а не новые трактовки, возникшие позднее. Примером такой автобиографии Г.В.Вернадского может служить документ, написанный в Константинополе 20-декабря 1920 г.:

Curriculum vitae

Магистр русской истории Георгий Владимирович Вернадский, русский православного исповедания, родился в С.-Петербурге в 1887 г. Среднее образование получил в Московской V гимназии, по окончании которой в 1905 году поступил студентом на историко-филологический факультет Московского университета по историческому отделению, занимался под руководством проф. Петрушевского, Любавского, Савина, Богословского, Кизеветтера. Окончил курс с дипломом I степени в 1910 г. Затем в течение двух лет занимался дома историческими науками, исследовал в Московском Архиве Министерства Юстиции дела Сибирского Приказа (результатом чего были статьи: «Против солнца. Распространение русского государства к востоку», журн. «Русская мысль» 1914, №1; «Государевы служилые и промышленные люди в восточной Сибири» —

«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1915, кажется №4; «о движении русских на восток» — «Научный исторический журнал» 1914, №2).

В течение 1912-1913 гг. держал экзамены на степень магистра русской истории при Историко-Фил. Фак. Петроградского Университета. С осени 1913 г. был принят в число приват-доцентов Петроградского университета по кафедре русской истории, причем с 1914 г. по поручению историко-филологического факультета вел один из просеминариев по русской истории. Кроме того, в 1914 г. преподавал историю в средних учебных заведениях (женские гимназии Михельсон и Могилянской), а с 1915 г. — в Психо-Неврологическом институте.

С 1914 г. работал преимущественно по истории русского общества XVIII — первой четверти XIX в., между прочим исследуя историю русского масонства. С этой целью производил изыскания в различных правительственных и частных архивах С.-Петербурга, Москвы, Ревеля, Твери. В 1915 г. редактировал издание статей акад. А.Н.Пыпина о русском масонстве; в 1917 г. напечатал книгу «Русское масонство в царствование Екатерины II». Это исследование основано преимущественно на первоисточниках — архивных документах и печатных изданиях XVIII века. Исследователь стремился выяснить психологию, интересы, культурные и политические стремления русского общества XVIII в., в частности Н.И.Новикова и его кружка, установить связь между этим кружком и консервативной оппозицией, группировавшейся вокруг цесаревича Павла Петровича. Исследование (напечатанное в Записках Ист. Фил. Фак. Петроградского Университета и отдельно) представлено было автором в качестве диссертации на соискание степени магистра русской истории и по защите диссертации в октябре 1917 г. автор удостоен был искомой степени.

Осенью 1917 г. Г.В.Вернадский перешел в Пермский Университет, где был избран на кафедру русской истории и.д. ординарного профессора. В Перми принимал близкое участие в устройстве «Общества Философских, Исторических и Социальных знаний» и редактировал первый выпуск трудов этого общества, где поместил свою работу «Имп. Екатерина II и законодательная комиссия 1767-1768 гг.».

Осенью 1918 г. поехал, отчасти по делам Пермского университета, отчасти по семейным делам в Москву и Киев и, по обстоятельствам, не мог вернуться в Пермь; историко-филологическим факультетом университета св.Владимира был избран на кафедру русской истории во вновь открывавшемся тогда Таврическом Университете в Симферополе, где и состоял профессором до последнего времени. В Симферополе был членом-учредителем, а затем председателем «Общества философских, исторических и социальных знаний»; принимал близкое участие в таврической Ученой Архивной Комиссии. Составлял описание переданного в Таврический университет Тавельского архива (бумаги В.С.Попова, правителя канцелярии кн. Г.А.Потемкина). Поместил ряд статей, осно-

ванных на данных этого архива в «Известиях Таврич. Уч. Архивной комиссии». Продолжал работы по истории русского общества (см. список печ. тр. №11 и 12, 15).

Помимо занятий русской историей, интересовался всегда и другими областями истории, в частности, историей Византии, по которой подготовил и курс лекций; кроме того подготовил и мог бы читать курс по истории международных отношений XVIII-XIX вв. и по истории хозяйственного быта Европы».

30 июля 1924 г., составляя черновик автобиографии, он дал краткую автохарактеристику своей научной деятельности, распределив ее по трем группам вопросов: 1) Русская история и история русского права XVIII-XIX вв.; 2) Вопросы об отношении России и русского народа к Востоку; 3) История Византии и византийского права. «Научная работа Вернадского, — писал он о себе, — прерывалась с осени 1920 г. (когда Вернадский уехал из Крыма, не желая оставаться в Крыму при коммунистическом строе) до весны 1922 г., когда В. получил возможность продолжать работу благодаря стипендии, великодушно предоставленной ему Правительством Чехо-Словацкой Республики. За время этого перерыва В. проживал сначала в Константинополе (где не мог найти себе никакой работы и существовал трудами своей жены, которая поступила на должность кухарки в русском общежитии Союза Городов), а затем в Афинах, где временно был приглашен для содействия по приведению в порядок библиотеки греческого Археологического Общества в Афинах».

Вспоминая в 1931 г. свою жизнь в России в годы гражданской войны, в частности в Перми, Г.В.Вернадский записал о том, что провел там один год и был свидетелем трансформации эсеровского Пермского совета в большевистский, также как первых месяцев большевистской администрации в Перми. «Я был среди группы профессоров, пытавшихся защищать автономию университета и свободу преподавания», — пишет Г.В.Вернадский. Здесь же он вспоминает о главных побудительных мотивах, заставлявших его тогда быть в России. Г.В.Вернадский чувствовал себя призванным помогать людям вокруг и «способствовать распространению знаний и образования несмотря на ужасы большевистской администрации и гражданскую войну».

Еще одна группа биографических документов — это разбросанные по разным частям собрания подлинные документы разных лет. Особенный интерес представляют сохранные Г.В.Вернадским документы периода его службы Начальником отдела печати в Добровольческой армии в 1920 г. Это письма добровольца Д.Курсанова, листовки, газеты, документы об эвакуации Отдела печати на пароходе «Рион» из Севастополя (166). 6/19 ноября 1920 г., когда корабль находился на константинопольском рейде, Г.В.Вернадский рапортовал главнокомандующему Добровольческой армии о «прибытии на рейд Отдела печати в количестве 40 чел. и 20 чел. представителей прессы», а также просил о докладе «о

наилучшем использовании вверенного мне Отдела для предстоящих громадных задач при вновь создавшемся положении». Однако, этот документ за номером 1, скорее всего, остался первым и последним, уже 21 ноября Г.В.Вернадский с женой и некоторыми сотрудниками (Арсеньевым, Северским, Цуриковым) сошли на берег. Началась эмиграция.

Незаменимым источником для реконструкции научной биографии Г.В.Вернадского являются его письма родителям 1920-1930-х годов, возвращенные ими потом для хранения сыну (84).

Так, по письмам точно датируется переломный в исследованиях Г.В.Вернадского 1924 год, когда он обратился к новой для себя проблематике. 31 мая 1924 г. он писал об этом отцу: «Колеблюсь в мыслях между Византией и Востоком — хотелось бы совместить то и другое в преломлении культуры Византии и Востока в русской культуре XI-XIV веков». 11 июня 1924 г. Г.В.Вернадский вообще выражал сомнения по поводу продолжения своей научной карьеры историка, мечтая, как о лучшей доле, быть подмастерьем отца: «Грустно и досадно на себя, что я пошел по другой дороге и не могу быть тебе помощником. Может быть, мне надо все бросить и идти тебе помогать — сперва механически, а через несколько лет я уже и начал бы более сознательно разбираться? Может быть это и надо мне сделать делом жизни? Ты мне пишешь то хорошо, что мне нужно вести большое научное дело. Если продолжаться будет моя научная работа в области истории — я очень хочу взять взаимоотношения Востока, Византии и Древней Руси». 9 августа 1924 г. Г.В.Вернадский говорил уже определенно о завершении тематики своих прежних работ: «Я заканчиваю свои работы по истории России XVIII-начала XIX вв. — К этому сводится все, что я сейчас делаю».

В письмах отцу Г.В.Вернадский рассказывал о начале работы в Йельском университете, о работе над однотомной историей России. 9 марта 1928 г., описывая свой план написания в рамках этой работы трех общих очерков о советской конституции, экономической и внешней политике советского правительства он писал: «Постараюсь написать как можно объективнее, но наверное, на меня будут потом собак вешать, одни обвинять в «белогвардействе», а другие в «сменовеховстве». Как все это надоело». Работа над очерками по советской истории была вынужденной и не доставляла никакого удовольствия Г.В.Вернадскому, буквально в следующем письме он напишет отцу: «Очень мне надоело писать мою книгу, так хочется уйти в русское средневековье, а тут возишься с этими противными pre-war & contemporary subjects [предвоенными и современными предметами], прямо надоело».

Описывая работу над другой книгой, «Опыт истории Евразии», 27 августа 1933 г. Г.В.Вернадский написал отцу о новых идеях, которые он хотел развить в этой работе, в том числе и по современной истории России, к которой он перестал относиться как к навязанной ему теме: «Немецкую книгу пишу с большим интересом — в главах о современной

России надеюсь использовать свой американский опыт последних лет, особенно в смысле лучшего понимания истории международных отношений. В общей концепции русской истории стараюсь уделить гораздо больше внимания Западной Руси и Украине, чем это делалось раньше. В общем эта немецкая книга для меня является переработкой, с исправлением ошибок, и доведением до современности нового «Начертания русской истории». Далее в этом письме Г.В.Вернадский дает полный «отчет» о «своем академическом и вообще внешнем положении». Не снимая с себя вины за то, что ему не удалось сделать свое положение прочным, Г.В.Вернадский писал также о том, что на историческом отделении Йельского университета отдавали предпочтение учебной, а не научной работе, а «учебные цели понимают очень узко... совершенно исключают из своей нормальной программы славянство и Россию». Другая проблема — недостаточное владение языком, которую, как считал сам Г.В.Вернадский, именно в это время он уже почти преодолел. Были и чисто психологические причины несовместимости с коллегами, вызванные разным предшествующим академическим опытом и традициями в России и Америке: «Совершенно не подхожу к ним по интересам, по психологии. У них, например, почти неприлично считается говорить о науке помимо специальных разговоров по специальным appointment'am [то есть, во время специально назначенных встреч]. Попытки создать тут историческое общество не увенчались успехом. При встречах на department'ских завтраках, например, — говорят большей частью или об университетских сплетнях или о футбольных матчах, на которые я не хожу и от безденежья и от того, что не интересуюсь. Все это привело к тому, что в прошлом декабре я получил от chairman'a исторического отделения (профессора Габриэля — профессора американской истории, ничем в науке не замечательного) письмо, что ввиду денежного кризиса и сокращения бюджета университета, мое назначение не будет возобновлено по истечению срока (срок истекает 1 июня 1935). Я на это письмо не ответил, но перестал ходить на department'ские lunch'и». При этом Г.В.Вернадский отнюдь не жаловался, а наоборот указывал на «почет и уважение», оказанный ему в академическом мире, приводя в качестве подтверждения ежегодные приглашения в Брэнфорд на Convivium Historicum («неофициальные исторические съезды самых важных американских историков»), выборы его в члены редакционного комитета журнала «Speculum» — органа Американской академии Средневековья, постоянные просьбы о рецензиях для «Американского исторического обозрения». Главная причина странного несоответствия между тем, что он успел сделать в науке и его положением в Йельском университете, как ее видел сам Г.В.Вернадский состояла в том, что его проведение на преподавательскую должность, равную профессорскому рангу, не было обставлено соответствующими формальностями (включение в план, согласование с department). «Вообще почет много, — писал Г.В.Вернадский отцу, а вот между тем в Yale'е мое

положение так непрочно, не говоря о том, что жалование мне платят по американским понятиям (и условиям жизни) нищенское». И все же, несмотря на откровенно описанные трудности, это письмо отличается тем, что Г.В.Вернадскому, в отличие от прошлых лет, когда он не исключал возможности возвращения в Европу, уже известна главная жизненная цель: «Я твердо верю, что через несколько лет я пробьюсь в Америке».

Следующей большой группой документов в архиве Г.В.Вернадского являются — *творческие рукописи* — труды историка и подготовительные материалы к ним. Всего в архиве ученого сохранилось более 70 черновых рукописей опубликованных и неопубликованных работ Г.В.Вернадского, докладов, рецензий, некрологов и специальных лекционных курсов, являющихся дополнением к списку публикаций Г.В.Вернадского, насчитывающему, по подсчетам Ч.Гальперина 22 книги, 145 статей, 65 рецензий и столько же энциклопедических статей.

Из рукописей *опубликованных* работ могут быть упомянуты: первый том «*Истории России*» под названием «*Древняя Русь*» (машинопись и, частично, рукопись на русском языке) (92-93), книга «*Ленин — красный диктатор*» (на русском языке) (97), «*Политическая и дипломатическая история России*» (на русском языке) (100), «*Происхождение Руси*» (99), предисловие к публикации «*Дела патриарха Никона*» (99-100), а также публикуемые в настоящем издании «*Очерки по истории науки в России*» (98).

Большой интерес представляют оставшиеся в архиве неопубликованные или незавершенные труды Г.В.Вернадского и материалы к ним.

Это, во-первых, история русской иконы (рукопись ее существует и по-русски и по-английски (96, 101)). Книгу предполагало опубликовать издательство Йельского университета и только недоразумение с уходом редактора издательства стало предлогом отзыва решения об издании этой рукописи Вернадского и возвращения ее автору. Книга Г.В.Вернадского состоит из 8 глав: I. Открытие русской иконы. II. История происхождения... русской иконы. III. Церковь и икона в быту средневековой Руси. IV. Почитание иконы и фольклор. V. Техника и общий принцип иконного письма... VI. История иконописи в России. VII. Кризис русской церкви и иконы. VIII. Революция и гонения на церковь.

Другой крупный, но уже незаконченный проект, — это взятое Георгием Владимировичем на себя обязательство написать биографию известного русского либерала, земского и кадетского деятеля Федора Измайловича Родичева, умершего в Швейцарии в 1933 году. Эту работу он планировал осуществить совместно со своим другом Михаилом Карповичем. За Г.В.Вернадским была закреплена первая часть биографического повествования о Родичеве («Жизнь и деятельность до 17 октября 1905 г.»), но он в итоге написал только первые главы: «Предки Ф.И.Родичева», «Родители Федора Измайловича. Детство»,

«Отрочество. Юность. Студенческие годы», «Барышни Свечиные» (113). Особенно интересен составленный Г.В.Вернадским набросок «Личный и политический образ и заветы Ф.И.Родичева».

Из этих материалов мы узнаем многие, существенные биографические подробности, наложившие отпечаток на деятельность Ф.И.Родичева в России, на осмысление им в эмиграции случившегося в России переворота. Так оказывается, что он так и не простил царю лишения его прав после известной истории с подачей тверского земского адреса в 1895 году в связи с коронацией Николая II на царство. «Этого я Николаю 2-му даже после Екатеринбурга не прощу, — писал Ф.И.Родичев. — Ведь он со мной поступил как с каким-нибудь уголовным преступником». Причина такой глубокой ненависти в последствиях для Ф.И.Родичева запрета служить в земстве — девятилетнее затворничество в деревне, когда друзья-земцы так и не заступились за опального предводителя Весьегонского дворянства. Лучшей из своих думских речей Ф.И.Родичев считал речь, посвященную памяти кн.С.Н.Трубецкого в заседании 8-9 июня 1908 г. в III Государственной думе. В отношении другой знаменитой речи с упоминанием «столыпинского галстука» (18 ноября 1907 г.) он все же покался в несправедливом отношении к П.А.Столыпину. Но для этого, видимо, надо было пережить ужасы гражданской войны, когда те же мужики, для которых Ф.И.Родичев строил школу в своем имении, первыми в 1917 году пришли грабить барский дом. Таким образом, мимо собранных Г.В.Вернадским отзывов и воспоминаний о Ф.И.Родичеве его друзей и знакомых, записей разговоров с ними, фотографий и других материалов, не должен пройти ни один из будущих биографов одного из самых знаменитых земцев-либералов в России.

Памятником византиноведческих занятий Г.В.Вернадского остается предпринятый им, совместно с И.М.Беляевым и Г.А.Острогорским, в рамках Кондаковского семинария в 1920-х гг. перевод сочинения Константина Багрянородного «*Об обрядах Византийского двора*» (машинопись на русском языке, 330 лл.) и перевод Св.Григорий Палама «*Феофан*» (1926 г.), совместно с Г.В.Флоровским (49 лл.) (102). Кроме того в архиве ученого остались подготовительные материалы к переводу «*Эклоги*» — памятника византийского права (около 1928 г.) (107).

Остальные неизвестные творческие рукописи Г.В.Вернадского меньше по объему и представляют собою или оставшиеся ненапечатанными тексты его выступлений на разных конференциях, лекционные курсы или статьи на русском языке, опубликованные только в переводах. Упомянем материалы, сохраняющие особый интерес для историографического наследия Г.В.Вернадского, в хронологическом порядке их создания.

«*Пещерный храм св.Николая на Педели [Аттика, Греция]*» — описание храма после его посещения в октябре 1921 г. (100).

Лекции по истории русского права, прочитанные в Праге в 1922 г. (96).

«*Цесаревич Павел и масоны*» — черновая рукопись статьи, напечатанной на французском языке в 1923 г. (100).

«*Разыскания по истории масонства и мистицизма в России*» — рукопись неопубликованной статьи, не ранее 1923 г. (101).

«*Военные поселения в России при Александре I*» — доклад, прочитанный на академическом съезде в Праге 26/IX/1924 (102).

«*Памяти А.А.Корнилова*» — доклад (и материалы к нему) в Русском историческом обществе в Праге в 1925 г. (110).

«*Государственная Уставная грамота Российской империи (Проект конституции во вторую половину царствования Александра I)*». Рукопись (131 лл.) Русский оригинал статьи, опубликованной по-чешски в 1925 г. (94).

«*Десница и шуйца императорского периода*» — Машинопись доклада в ресторане «Огонек» в Праге (1922-1926 гг.). Это популярное изложение тогдашних взглядов Г.В.Вернадского на историю России с 18 века, когда он считал, что «основные явления, которые вызвали к жизни... злые силы, приведшие в конце концов к революции и есть отмена патриаршества и вообще отношение государства к церкви» (102).

«*Славянский вопрос в политике Александра I*» — русский черновик статьи, напечатанной на французском языке в 1927 г. (102).

«*Tolstoy and the Orient*» («*Толстой и Восток*») — статья 1929 г., предназначавшаяся для печатания в журнале «*Russian Student*» (102).

«*Reminiscences on F.A.Golder*» («*Воспоминания о Ф.Голдере*») — машинопись воспоминаний об американском историке Ф.Голдере, отосланных куратору Гуверовского архива при Стэнфордском университете Х.Фишеру (101).

«*Русская промышленность Петровской эпохи*» — рукопись доклада на конференции Американской исторической ассоциации в Урбане в 1933 г. (101).

«*К вопросу о происхождении кабального холопства в русском праве*» — текст статьи, опубликованной в 1935 г. на французском языке (96).

«*Краткое изложение евразийской точки зрения на русскую историю*» — заметки, составленные по просьбе А.Г.Мазура в 1937 г. (96).

«*Кн. [Н.С.]Трубецкой и украинский вопрос*» — машинопись неопубликованной статьи 1938 г. (96). «*Paradoxes of Bolshevism*» («*Парадоксы большевизма*») — машинопись неопубликованной статьи конца 1930-х гг. (99).

«*The Kievan and Kozak period in Ukrainian History*» («*Киевский и казацкий период в украинской истории*») — машинопись лекции, прочитанной в конце 1930-начале 1940-х гг. (96).

Лекционный курс «*Аланы*» — 8 лекций на французском языке, прочитанных в Нью-Йорке в 1942-1943 гг. в Брюссельском институте восточной и славянской филологии и истории (92).

«*Old Russia*» («*Старая Россия*») — машинопись статьи или выступления, написано в ноябре 1943 г. (99)

Лекционный курс по истории русской революции и Советской России, прочитанный в 1944-1945 гг. в Колумбийском университете в Нью-Йорке (96).

«*Russia and the Problem of National Minorities*» («*Россия и проблема национальных меньшинств*»), «*Soviet Russia and Collective Security*» («*Советская Россия и коллективная безопасность*») — лекции в Western Reserve University в 1945 г. (101, 102).

Доклад «*The French Revolution and Russia*» («*Французская революция и Россия*»), прочитанный в Нью-Йорке на собрании Общества истории французской революции 1946 г. (94).

Доклад «*Decembrists*» («*Декабристы*»), прочитанный в 1947 г. в Teachers College при Колумбийском университете в Нью-Йорке (96).

«*Яков Абрамович Бромберг*» — статья-некролог о творчестве ученого, умершего в декабре 1948 г. (96)

«*Serfdom in Russia*» («*Крепостное право в России*») — доклад к Международному конгрессу исторических наук в 1955 г. в Риме. Напечатан в трудах МКИН (102).

«*Языческая гимнология и ее отражение в русской устной словесности*» — неоконченная статья 1958 г. (109)

«*Life of Vladimir The Ardent Sun*» («*Житие Владимира Красное Солнце*») — исторический комментарий 1958-1959 гг. к якобы языческой записи текста «Жития...», обнаруженной и расшифрованной Ю.И.Арбатским, предлагавшейся для издания в Clarendon Press и отвергнутой издательством из-за сомнительности текста (94).

Вступительное слово на конференции по истории внешней политики России, Нью-Хэвен, 6-8 апреля 1961 г. Опубликовано в трудах конференции (96).

«*С.Г.Пушкарёв. К его 80-летию*» — черновик статьи 1968 г. для «Нового русского слова» с поправками и дополнениями С.Г.Пушкарева (102).

«*Some of my Reminiscences about S.F. Platonov*» («*Несколько моих воспоминаний о С.Ф.Платонове*») — копия письма Джону Александеру от 26/VI/1969 г. (102).

«*Время и пространство как факторы (коэффициенты) исторического процесса*» — рукопись (6 лл.) заметок, написанных 18/IX/1971. Содержит обоснование мыслей о переменном действии времени (замедление, ускорение) и пространства в истории, а также «ритмов подъемов и прогибов (депрессий) в русской истории» (102).

Вошедшие в настоящий обзор документы, как и оставшиеся за его пределами другие интересные материалы, продолжают ждать своих исследователей. Цель составителя состояла в том, чтобы привлечь

внимание к этому богатейшему собранию, показать его возможности для изучения вклада Г.В.Вернадского в историографию России и, шире, в культуру русской эмиграции в Европе и США. Хочется верить, что настоящий обзор поможет стать этой коллекции одной из самых часто используемых в Бахметевском архиве.

¹ Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhtmeteff Archive (BAR), George Vernadsky Papers (Call Number — Ms Coll/Vernadsky).

Материалы дореволюционного архива Г.В.Вернадского хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, фонд 1137 (Г.В.Вернадский).

² Г.В.Вернадский. Из воспоминаний (Годы учения. С.Ф.Платонов) // Новый журнал, 1969. Кн. 100. С.196-221. Этот очерк был переиздан в журнале «Вопросы истории» (1995. №1); Пермь-Москва-Киев (Воспоминания) // Новый журнал, 1971. Кн. 104. С.177-188; Крым (Воспоминания) // Новый журнал, 1971. Кн. 105. С.203-224; Константинополь, 1920-1921 (Воспоминания, часть 3) // Новый журнал, 1972. Кн. 108. С.202-217.





СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Козляков. «Это только персонификация нашего понимания исторического процесса...»</i> (Георгий Владимирович Вернадский (1887 — 1973) и его «Очерки по русской историографии»)	5
--	---

Очерки по истории науки в России в 1725 — 1920 гг.

Часть I. Восемнадцатый век	27
Библиография	65

Очерки по русской историографии 1801 — 1920 гг.

Предисловие	67
Часть II. XIX и начало XX века (1801 — 1920)	68
Первый отдел. Историческая наука. Введение	68
<i>Н.М. Карамзин</i>	69
<i>А.С. Пушкин</i>	73
<i>Густав Эверс</i>	75
Пособия исторической науки	76
Преемники <i>Н.М. Карамзина</i>	79
Шеллингизм. Общество Любомудрия. <i>П.Я. Чаадаев</i>	86
Русское гегельянство 1820-х годов	91
Фурьеризм	94
Славянофилы и западники	96
<i>П.В. Киреевский</i>	101
Константин Аксаков и Юрий Самарин	101
Западники	103
<i>С.М. Соловьев</i>	106
<i>Н.И. Костомаров</i>	111
<i>А.П. Щапов</i>	116
<i>К.Н. Бестужев-Рюмин</i>	120
<i>К.Д. Кавелин</i>	122
<i>Б.Н. Чичерин</i> и <i>А.Д. Градовский</i>	126
<i>Н.Г. Чернышевский</i>	129
Пособия исторической науки	132

Очерки по истории науки в России

Часть III	138
<i>В.О. Ключевский</i>	138
<i>П.Н. Милюков</i>	148
Историки юго-западного края	166
<i>Ф.И. Леонтович</i>	166
<i>В.Б. Антонович</i>	167
<i>М.Ф. Владимирский-Буданов</i>	167
<i>М.К. Любавский</i>	169

<i>М.В. Довнар-Запольский</i>	172
<i>И.И. Лаппо</i>	173
<i>А.Я. Ефименко</i>	177
<i>М.П. Драгоманов</i>	178
<i>А.С. Лаппо-Данилевский</i>	184
Философия истории	188
<i>П.Л. Лавров</i>	190
<i>Н.К. Михайловский</i>	191
<i>Н.Н. Страхов</i>	193
<i>Ф.М. Достоевский</i>	195
<i>Л.Н. Толстой</i>	195
<i>Д.И. Менделеев</i>	199
Разработка всеобщей истории в конце XIX и начале XX веков	202
<i>В.И. Герье</i>	202
Древняя история	206
<i>М.С. Куторга</i>	206
Средневековье	207
<i>В.Г. Васильевский</i>	207
<i>Ф.И. Успенский</i>	208
<i>М.М. Ковалевский</i>	210
<i>П.Г. Виноградов</i>	213
<i>Ю.А. Кулаковский</i>	216
<i>И.М. Гревс</i>	218
<i>Д.М. Петрушевский</i>	222
<i>А.А. Васильев</i>	224
<i>О.А. Добиаш-Рождественская</i>	227
<i>А.М. Петрункевич</i>	228
<i>Л.П. Карсавин</i>	229
Историки нового времени	230
<i>И.В. Луцкий</i>	230
Всеобщая история нового времени	233
<i>Р.Ю. Виппер</i>	233
<i>А.Н. Савин</i>	234
<i>Е.В. Тарле</i>	236
<i>С.Ф. Платонов, М.А. Дьяконов, В.С. Иконников</i>	237
Ученики В.О. Ключевского	259
<i>А.А. Кизеветтер</i>	259
<i>М.М. Богословский</i>	268
<i>Н.А. Рожков</i>	270
<i>Ю.В. Гутье</i>	272
<i>С.В. Бахрушин</i>	273
<i>А.И. Яковлев</i>	273
<i>Я.Л. Барсков</i>	274
Ученики С.Ф. Платонова	277
<i>С.В. Рождественский</i>	277
<i>А.Е. Пресняков</i>	280
<i>М.А. Полиевктов</i>	283
<i>П.Г. Васенко</i>	287
<i>А.И. Заозерский</i>	289

<i>П.Г. Любимиров</i>	293
<i>А.И. Андреев</i>	294
<i>С.Н. Валк</i>	296
<i>А.А. Введенский</i>	298
<i>Б.А. Романов</i>	301
Отдел первый	302
<i>В.И. Семевский</i>	302
Отдел второй	304
<i>А.А. Корнилов и П.Б. Струве</i>	304
<i>П.Б. Струве</i>	307
Русская историческая наука в конце XIX и начале XX столетия	314
<i>Е.Ф. Шмурло</i>	315
<i>Д.И. Багалей</i>	319
<i>А.А. Шахматов</i>	321
<i>Н.П. Павлов-Сильванский</i>	324
<i>С.Б. Веселовский</i>	325
<i>М.Д. Приселков</i>	327
<i>Б.Д. Греков</i>	329
<i>А.В. Флоровский</i>	333
<i>Г.В. Вернадский</i>	336
<i>С.Г. Пушкарев</i>	341
<i>М.М. Карпович</i>	348
Историки-марксисты	352
<i>Г.В. Плеханов, М.Н. Покровский, Н.А. Рожков</i>	352
История церкви	356
<i>Е.Е. Голубинский</i>	358
Археология и история искусства	360
Предисловие	360
Организация главы	360
<i>М.И. Ростовцев</i>	361
<i>Н.П. Кондаков</i>	365
<i>Я.И. Смирнов</i>	372
<i>С.А. Жебелев</i>	374
<i>И.Э. Грабарь</i>	376
<i>А.Н. Грабар</i>	379
<i>В.В. Стасов</i>	381
Научно-литературные труды Стасова	382
<i>А.А. Спицын</i>	384
<i>В.А. Городцов</i>	386
<i>Б.В. Фармаковский</i>	387
<i>Д.В. Айналов</i>	388
<i>В.Н. Лазарев</i>	390
<i>Г.В. Вернадский. Библиография</i>	391
Обзор коллекции документов Г.В. Вернадского в Бахметьевском архиве библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке	395

Вернадский Георгий Владимирович
Русская историография

Составитель и научный консультант *В. Козляков*

Редакторы *И. Рудакова, О. Разуменко*
Оформление *З. Буттаев*
Компьютерная верстка и техническое редактирование *М. Сартаков*
Корректор *М. Сартакова*

ЛР № 064478 от 26.02.96 г.
Подписано в печать 26.01.98. Формат 84х108/32
Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл.-печ. л.28. Тираж 3500. Заказ № 400.

Издательство «Аграф»
127018, Москва, Шереметьевская ул., 47.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ГИПП «Вятка».
610044, г. Киров, Московская ул., 122.

Книги издательства **АГРАФ**
можно приобрести по адресу:

Шереметьевская ул., д. 47.

тел./факс: 219-99-06
218-19-60

E-mail: agraf.ltd@g23.relcom.ru
<http://www.infoline.ru/g23/5711>